

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 16

МИНИСТЕРСТВО ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 16

Ульяновск
Издательство «Корпорация технологий продвижения»
2018

УДК 947 (471.42)
ББК 63.3 (2Р354-4Ул)я431
К 78

Печатается по решению Ученого Совета Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова.

Редакционный совет:

Ю. К. Володина, О. Е. Бородина, В. И. Лосева, М. Р. Гисматулин.

К 78 КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ. Сборник научных трудов. Вып. 16. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2018. – 400 с.

ISBN 978-5-94655-338-4

Основу сборника составили выступления, прозвучавшие на межрегиональной научной конференции «Итоги краеведческого года. История и современность Среднего Поволжья» (Ульяновск, 30 марта 2017 г.). Конференция проводилась в рамках деятельности Совета музеев Приволжского федерального округа.

Публикуемые в сборнике статьи затрагивают актуальные вопросы истории и культуры Среднего Поволжья, различные аспекты музейной деятельности. Особое место в сборнике занимают статьи, посвященные 100-летию Великой российской революции. В сборник также включены отдельные доклады, представленные на конференциях «Итоги краеведческого года» в 2013–2016 гг.

Сборник предназначен для специалистов-историков, краеведов, учителей школ, студентов и всех, интересующихся историей и культурой родного края.

Фото на обложке:

Панин П. Г. Ульяновск, улица Советская. 1966 г. Бумага, акварель. Собрание УОКМ.

Дубровский А. М. На стройке Ленинской мемориальной зоны. 1969 г. Холст, масло. Собрание УОКМ.

ISBN 978-5-94655-338-4

УДК 947 (471.42)
ББК 63.3 (2Р354-4Ул)я431

© ОГБУК «Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова», 2018
© Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2018

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Д. Ю. БУРМАКИН

СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КАРСУНЕ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ КАРСУНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В 2017 г. исполняется 100 лет Великой российской революции. События 1917 г. имеют важное значение для судьбы России. В феврале 1917 г. в России произошла революция, результатом которой стало свержение царизма. Между февралем и октябрём 1917 г. прошло немного времени, однако этот период был наполнен острыми политическими спорами, быстро меняющейся обстановкой, изменением в соотношении политических сил.

Февраль 1917 г. открыл перед нашей страной демократическую альтернативу. Впервые за долгие годы Россия перестала быть монархией. Она получила возможность дальнейшего развития по пути буржуазной демократии. Однако ряд объективных и субъективных факторов не позволил осуществить полученные возможности.

Непоследовательность и нерешительность властей привели к тому, что общество избрало авторитарный тип политической системы, предложенный партией большевиков. Они же привели страну к социалистическому эксперименту, изменив выбранный ранее курс.

Данная тема актуальна и для современной общественности: попытка понять причины, ход, итоги революции глазами современников, раскрыть механизм раскручивания революционного кризиса в России, особенности ментальности и черт характера русского народа позволяют надеяться на возможность не допустить революционный кризис в новых условиях.

События Февральской революции в Карсуне

В Карсунском уезде 1917 г. начался с тревожных разговоров о событиях в Петрограде и Москве. В конце февраля среди населения стали ходить слухи о роспуске Государственной думы, о демонстрациях и забастовках в столице и других крупных городах.

Первые известия о свержении самодержавия дошли до уезда 2 марта. Получив из центра зашифрованную телеграмму, председатель уездной

земской управы, предводитель уездного дворянства С. А. Филимонович сохранял всё в строжайшей тайне. 3 марта он срочно собрал совещание, на которое прибыли уездный воинский начальник А. А. Костюгов, член окружного суда А. П. Писарев, управляющий Карсунским удельным имением Г. Р. Шидловский, городской голова П. Д. Пастухов, городской судья А. В. Бронников, судебный следователь I участка П. К. Нечаев, начальник тюрьмы А. И. Иеронов, протоиерей собора С. Ф. Зефирин, уездный исправник Г. В. Платов, директор карсунского реального училища А. С. Агринский и другие «начальствующие лица всех ведомств Государственного управления и Общественных учреждений г. Карсуна». Было решено создать из присутствующих комитет по предотвращению возможных революционных выступлений, погромов и грабежей со стороны радикально настроенных слоев населения и наметить мероприятия по созданию новых институтов власти в уезде.

Между тем политическая атмосфера в уезде накалялась с каждым днём. Вести о свершившейся в Петрограде революции, несмотря на предпринятую местными властями секретность, быстро расходились среди обывателей. Но они были крайне противоречивы и только усиливали революционное брожение. По уездному центру стали распространяться воззвания против предпринимаемых властью мер, листовки, призывающие население города к активным действиям в решении вопроса о власти. Внешнее спокойствие городских улиц и площадей стало обманчивым.

Ближе к полудню 6 марта 1917 г., в то время как в здании Земской управы проходило экстренное заседание объединенного собрания с членами ранее созданного комитета, на прилегающих к земству улицах собралась толпа из радикально настроенных горожан. Взбунтовавшийся людской поток, смяв по пути немногочисленный полицейский заслон, ворвался в зал заседания и разогнал собравшихся. Некоторые из них, включая самого предводителя уездного дворянства С. А. Филимоновича, были арестованы и отправлены под охраной в тюремный застенок.

Перед зданием земства начался митинг, при этом присутствующие разделились на три части. Одни направились к военному городку, чтобы поднять солдат на вооруженное выступление, другие бросились на штурм полицейского управления, где заперлись решившие обороняться члены городской полиции. Третья группа отправилась на Дворянскую улицу (ныне ул. Октябрьская) громить казарму стражников.

Под влиянием прибывших с митинга агитаторов заволновался и четырнадцатитысячный воинский гарнизон. Почти весь полк (за исключением батальона георгиевских кавалеров), вооружившись, вы-

шел на улицы города и по ротам двинулся на Соборную площадь. Здесь солдаты помогли восставшим разоружить и арестовать блюстителей порядка. Полковник Столяров, попытавшийся помешать штурму полицейского управления, был убит. Вскоре толпа восставших горожан поредела, а солдаты вернулись в казармы.

К тюремному замку стали вновь стекаться обыватели, возбуждённые происходящим. Когда собралась толпа человек в сто, самые решительные ворвались в здание и выволокли на улицу находившегося там под арестом С. А. Филимоновича. От скорого самосуда председателя уездной земской управы спасло нечаянное появление офицерского патруля. Изрядно побитый, но живой, Филимонович отправился под охраной военных домой.

Взяв по состоянию здоровья отпуск, 24 апреля С. А. Филимонович подал на имя губернского комиссара Временного правительства Ф. А. Головинского рапорт с просьбой об отставке. Приказом от 9 мая 1917 г. прошение будет удовлетворено, и Филимонович официально покинет свой пост. Исполняющим обязанности уездного предводителя дворянства назначили дворянского депутата по Карсунскому уезду Н. В. Поливанова.

К вечеру 6 марта в уездном центре наступило некоторое затишье. На состоявшемся многолюдном собрании был создан Временный революционный исполнительный комитет (ВРИК) в составе 43 человек, объявленный единственно законной властью как в городе, так и в уезде. Организуется народная милиция, а в полку – «гарнизонный военный совет». Комиссаром Временного правительства по Карсунскому уезду был назначен преподаватель Карсунского реального училища, эсер В. Ф. Дружицкий.

Первые шаги новой власти. Решение земельного вопроса

Новая уездная власть не отличалась поначалу большой активностью. ВРИК сразу же занял позицию беспрекословного подчинения Временному правительству, о чём немедленно телеграфировали в Петроград. В отличие от ВРИКа Совет не бездействовал, он сосредоточил внимание на второстепенных делах. Так, в Карсуне была организована газета «Народная воля», просуществовавшая, впрочем, всего около двух месяцев. Что же касается главнейшего вопроса о земле, то ВРИК высказался «о необходимости быть осторожным в аграрном вопросе в беседах с крестьянами во избежание ложного понимания и волнения на этой почве» и, более того, предложил властям на местах в будущем не поднимать этой темы до рассмотрения её Учредительным собранием.

Из Симбирска в Карсун пришла телеграмма от губернского комиссара Ф. А. Головинского, где было указано, что «[в] случае невозможности назначения [Уездного] Комиссара из состава Земской Управы спешно созвать всеобщее собрание представителей уезда из Земских гласных представителей [от] города, волостей [и] организаций при обязательном участии представителей гарнизона»¹.

Всесословный уездный съезд (собрание) из земских гласных, а также представителей от города, волостей, организаций и воинского гарнизона, в составе 185 представителей состоялся 31 марта 1917 г. Съездом был избран постоянный уездный комиссар – есер В. Ф. Дружицкий, а также Совет при нём в составе нового командира полка Решетникова, гласных М. М. Чернова, П. К. Нечаева, А. П. Рухлядева, И. А. Попова, Г. Ф. Одинокова и военврача Богданова.

Политика новой власти не находила, однако, особой поддержки у основной массы населения. Позиция Временного правительства в аграрном вопросе вызвала у крестьян, особенно его беднейших слоёв, только недовольство. Простой народ ждал от новой революционной власти гораздо большего, чем она могла ему дать.

Ожидая распоряжений правительства, крестьяне не считались ни с губернским, ни с уездным комиссарами. И это были лишь первые шаги.

Стихийно стал решаться крестьянством и земельный вопрос. Он превратился в центральное звено нового брожения деревни. Никакие меры уездных властей не могли уже сдерживать народные массы. Народ и слушать не хотел об Учредительном собрании, игнорировал распоряжения Временного правительства.

Изливая на бывших притеснителей вековую обиду, крестьяне начали изгонять помещиков из имений, а кое-где чинить над ними расправу (так, в Инзе был убит помещик Гельшерт). Несколько поместий оказались разгромленными, а некоторые – сожжёнными (в Языкове, Большом Усть-Урене, Кротовке, Большом Станичном).

Не бездействовал и фабричный пролетариат уезда. Так, гурьевские текстильщики объявили себя хозяевами на предприятии, создали свой профсоюз, явочным порядком ввели на предприятиях 8-часовой рабочий день, установили тесную связь с Карсунским Советом. Ими же из рабочих-активистов был создан красногвардейский вооруженный отряд, сыгравший затем большую роль в укреплении советской власти.

¹ Самсонов Ю. Г. Карсунская земля. Ростки и корни / под общ. ред. Ю. Г. Самсонова. – Ульяновск, 2005. – С. 67.

24–28 июня 1917 г. в Гурьевке состоялся первый съезд текстильщиков Поволжского района, на который прибыли представители 26 суконных фабрик Симбирской, Самарской, Саратовской и Пензенской губерний. На съезде было принято постановление о создании профсоюза текстильщиков Поволжского района.

Карсунские большевики также приступили к организации вооруженных отрядов, готовясь в случае взятия власти к подавлению неминуемого сопротивления буржуазии.

5 мая 1917 г. на «соединённом» собрании представителей рот и команд гарнизона г. Карсуна было провозглашено создание Совета солдатских депутатов 158-го пехотного запасного полка. Председателем стал солдат Гершен Липкин, товарищами председателя – солдаты Шевыкин и Бутыров.

Избранный на собрании Исполнительный комитет Совета был объявлен правомочным органом, призванным служить опорой порядка и власти в уезде. Каждому члену Совета в числе других наказов вменялось «следить за порядком и воздействовать на всех нарушителей его самым сильным образом вплоть до ареста».

«В мае месяце 1917 года в Карсуне появилась новая организация – Совет солдатских депутатов <...> Совет встал в оппозиционное отношение к начальнику гарнизона, чему способствовало образовавшееся в нем крайне левое течение, которое, по объявленным его руководителями лозунгам, может быть названо большевистским. Постепенно это течение в Совете становится преобладающим...»¹.

И здесь на арену местной политической борьбы выходит новая личность – прапорщик гарнизона большевик В. Л. Вишняков. 26 июня он избирается председателем Совета, теперь уже именованного Карсунским уездным Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. К тому времени в него влились представители Гурьевского фабричного района, а затем и сельских волостей уезда.

Решительный и прямой, он заявил, что Совет должен стать хозяином положения и только ему, Совету, должна принадлежать власть. Эта линия и стала настойчиво проводиться В. Л. Вишняковым в жизнь.

Другим видным лицом в Совете, направлявшим его деятельность в сторону большевизма, являлся солдат К. А. Бутыров, также активно отстаивавший идеи большевиков. Благодаря усилиям и активным действиям этих фигур, Совет завоёвывал себе всё больший авторитет среди

¹ Самсонов Ю. Г. Карсунская земля. Ростки и корни / под общ. ред. Ю. Г. Самсонова. – Ульяновск, 2005. – С. 69.

трудового населения Карсунского уезда, с каждым днём укрепляя свои позиции.

10 октября 1917 г. в Карсуне состоялось заседание исполкома Совета, на котором обсуждались вопросы о войне и мире, об организации государственной власти. Было прочитано и одобрено воззвание к населению. Принимается также решение командировать В. Л. Вишнякова в Петроград на II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

После возвращения Вишнякова из Петрограда 3 ноября на расширенном пленуме Карсунского Совета, состоявшемся вечером в здании Земской управы, Владимир Леонтьевич сообщил о свержении большевиками Временного правительства и о формировании вместо него Совета народных комиссаров. Поздравив друг друга с победой социалистической революции, делегаты пленума приняли решение о взятии власти в Карсунском уезде в свои руки. Первыми практическими шагами Карсунского Совета в этом направлении стали: обращение к населению с воззванием о поддержке мероприятий Совета; опубликование декретов рабоче-крестьянского правительства о земле и мире; отсылка в городское и земское самоуправления, на почту и телеграф особых комиссаров для наблюдения за деятельностью этих учреждений.

Взяв власть в уезде в свои руки, В. Л. Вишняков и возглавляемый им Совет приступили к решению вопросов о земле и продовольственном снабжении населения. 24 ноября 1917 г. был утверждён «Наказ членам исполкома Карсунского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, делегируемых в волостные земства», 2-й пункт которого гласил:

«Волостные земельные комитеты должны строго руководствоваться законом о земле, принятым 2-м Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября с [его] г [ода] и обязаны принять на учет все леса и инвентарь. Членам уездного исполкома вменяется в обязанность следить за действиями волостных земельных комитетов и не допускать уклонения от Декрета о земле»¹.

В конце декабря уездный Совет избрал В. Л. Вишнякова делегатом на 3-й Всероссийский съезд Советов. Однако вечером 5 января 1918 г. при следовании Вишнякова на станцию Вешкайма для поездки в Москву возле карсунского Казацкого моста он был убит.

28 января 1918 г. в Карсуне открылся V уездный Съезд Советов

¹ Самсонов Ю. Г. Карсунская земля. Ростки и корни / под общ. ред. Ю. Г. Самсонова. – Ульяновск, 2005. – С. 70.

рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Он одобрил роспуск Учредительного собрания и признал власть на местах за Советами, а в центре – за Всероссийским съездом Советов, Центральным исполнительным комитетом и Совнаркомом. Земское и городское самоуправление объявлялись упразднёнными, вместо них была утверждена новая структура органов исполнительной власти. Председателем Уездного исполнительного комитета (Уисполком) избирается К. А. Бутыров, народным комиссаром – М. Л. Кудрявцев.

Для помощи в организации партийной и советской работы 10 февраля по путёвке Симбирского губисполкома в Карсун вместе с группой агитаторов приезжает коммунист С. Л. Репинский. На общем собрании карсунских большевиков он выступил с докладом о необходимости официального оформления их организации. Избирается городской комитет РКП(б).

9 марта вместо Уездной земской управы создаётся Уездный совет народного хозяйства (Усовнархоз).

29 апреля состоялась первая уездная конференция, оформившая уездный комитет (уком) РКП(б) во главе с С. Л. Репинским, К. А. Бутыровым, М. Я. Кудрявцевым. Кроме них, в состав уездного комитета вошли: уездный комиссар социального обеспечения А. П. Гайдамак; уездный комиссар народного просвещения П. П. Григорьев; уездный комиссар здравоохранения И. А. Колесов; уездный комиссар финансов В. И. Максимов; С. М. Чамаев и др. На конференции присутствовали делегаты городской и сельских большевистских ячеек.

Победа революции на территории Карсунского уезда свидетельствовала о поддержке идей большевизма народными массами и о слабости его противников. Она оказалась осуществлённой из-за ошибок Временного правительства, падения его авторитета, благодаря энергии большевиков и их политическому искусству. Главный урок событий 1917 г. для современной России заключается в необходимости проведения давно назревших реформ на основе компромиссов и отказа от насилия в политике.

Литература

1. Курдюмов А. В. Р.п. Карсун и его прошлое XVII–XX вв.: Краткий исторический очерк. Ч. 2. – Карсун, 1987.
2. Карсунская земля: ростки и корни / под общ. ред. Ю. Г. Самсонова. – Ульяновск, 2005. – 388 с.
3. И. И. Солнцев. Путь к октябрю 1917 г.: воспоминания о событиях 1917 г. в Карсуне / Архив Карсунского РК КПСС, 1957.
4. П. В. Редькин. За власть Советов: воспоминания о событиях 1917 г. в Карсуне.

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 г.
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ФОНДАХ И ЭКСПОЗИЦИЯХ
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

Национальный музей РТ является крупнейшим в России региональным музеем. Его фонды комплексно охватывают краеведческую тематику. Важные исторические события, происходившие в Казани в 1917 г., и в целом крупные социальные потрясения начала XX в., охватившие нашу страну, не могли не отразиться в его фондах и экспозиционной деятельности. Музей собирает и хранит огромное историческое и культурное достояние.

Формирование коллекций Национального музея РТ по истории революционных событий 1917 г. в России и непосредственно в Казани и Казанской губернии началось сразу после революции в связи с созданием в Казани Музея пролетарской революции и продолжается все последующие годы до настоящего времени. История формирования музейных коллекций о событиях 1917 г. и показ их в экспозиции нашли отражение в монографиях В. М. Дьяконова, К. Р. Сеницыной, Л. Г. Валеевой и др.

Сбору и изучению материалов по истории революционного движения придавалось большое значение. В 1919 г. В. И. Ленин писал в Казань В. В. Адоратскому о необходимости собирать и хранить газеты изданий первых лет советской власти, изучать историю революции, создать на первых порах хотя бы хронику событий¹.

В сентябре 1920 г. В. И. Ленин подписал Постановление СНК об учреждении комиссии для сбора и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) (Комиссия истпарта). В октябре 1920 г. вышло Постановление СНК ТАССР об учреждении в Казани подкомиссии для сбора и разработки материалов истории Октябрьской революции и коммунистической партии. 16 октября под председательством представителя Центральной комиссии В. В. Адоратского было проведено первое организационное заседание Казанской подкомиссии. В ее состав были избраны Председатель СНК ТАССР С. С. Саид-Галиев, В. М. Бахметьев, уполномоченный Центральной комиссии, преподаватель Казанского университета М. К. Корбут и другие. В первой половине 1920-х гг. Татарским бюро Истпарта были

¹ См.: В. И. Ленин и Татария. – Казань, 1964. – С. 153–154; Пролетарская революция, 1924. – № 3. – С. 103.

составлены хроники революционных событий и собраны воспоминания участников революционного движения, ценные документы и фотографии.

В 1921 г. Казанский горком РКП(б) рассмотрел вопрос о необходимости создания музея истории партии. Эта работа поручалась сотрудникам Истпарта. Был организован комитет по созданию музея. В результате деятельности комитета в Казанском Истпарте были собраны материалы по истории революции: книги, брошюры, плакаты, листовки, прокламации, воззвания, фотографии, иллюстрированные журналы, документы и пр. Так, З. А. и О. А. Тихомирновы (сестры председателя Казанского комитета РСДРП(б) В. А. Тихомирнова) и М. К. Корбут передали комплекты местных газет; ТатЦИК передал фотографии Я. С. Шейнкмана, М. М. Вахитова, А. П. Галактионова – секретаря обкома ВКП(б), воззвание мусульманского социалистического комитета к рабочим и красноармейцам 1918 г., а также ряд картин и вырезки из газет 1918 г.; Татцентроархив – фотографии, относящиеся к созданию и деятельности отрядов ЧОН. Были собраны боны, дензнаки, выпускаемые в Казанской губернии, а также в Сибири и на Кавказе.

В марте 1923 г. в помещении Коммунистического клуба была организована первая в Казани выставка по истории партии, ставшая основой будущего Музея пролетарской революции, который был открыт 1 июня 1925 г. Экспозиция музея во многом напоминала краткий конспект по истории партии большевиков. Основные принципы, положенные в освещение истории страны, процесс «революционизирования» истории будет перенесен на содержание экспозиций историко-краеведческих музеев. Вместе с тем здесь впервые были введены в круг музейных материалов подлинные документы и фотографии, занимающие ныне важное место в собрании Национального музея РТ. В 1926 г. Казанский Музей пролетарской революции был переведен в здание бывшего Гостиного двора, в котором располагался и Центральный музей ТАССР, и в начале 1930-х гг. экспозиции Казанского Музея пролетарской революции вошли в состав Центрального музея ТАССР (ныне Национальный музей РТ)¹. В последующие годы коллекции по истории революционных событий сохранялись и постоянно пополнялись.

Революционные события 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны занимали важное место в стационарной экспозиции Центрального музея ТАССР (с 1944 г. Государственный музей ТАССР, ныне Националь-

¹ См.: Сеницына К. Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917–1967 годов. – Казань, 2002. – С. 58–61.

ный музей РТ). Впервые революционные события были представлены в основной экспозиции музея в 1940 г. В последующие годы экспозиции музея перестраивались и обновлялись. Последняя действующая экспозиция по истории советского общества, отражающая революционную тематику, была открыта в 1986 г. В декабре 1987 г. в здании, где находился музей, произошел пожар, и экспозиция была демонтирована.

В настоящее время в Национальном музее РТ нет стационарной экспозиции, посвященной XX в., но тема революционных событий 1917 г. находит отражение в выставочной деятельности музея и будет представлена в будущей стационарной экспозиции музея по истории XX в.

В собрании НМ РТ представлены письменные (документальные), изобразительные и вещевые источники по истории революционных событий 1917 г. в России в целом, в Казани и Казанской губернии в частности.

Документы сосредоточены в тематических папках «Казанская губерния между двумя революциями: от Февраля к Октябрю 1917 г.», «Выборы в Казанскую городскую Думу, сентябрь – октябрь 1917 г.», «Подготовка и проведение революции 1917 года», «Установление Советской власти в крае. Участие наших земляков в вооружённом восстании в Петрограде», «Агитационные материалы 1917 года» и др., где собраны воспоминания участников Октября, письма, фотографии, удостоверения, членские билеты, мандаты, листовки, воззвания, объявления, документы по национальному движению в крае.

Сохранились листовки политических партий (социалистов-революционеров, конституционных демократов, или «Партии народной свободы», народно-республиканской партии и др.) – они связаны с проведением митингов, с выборами в Учредительное собрание. Наиболее многочисленны листовки, прокламации, газеты РСДРП(б).

Знаковыми являются такие документы, как афиши и экстренные телеграммы с текстом отречения от престола Николая II, газетные телеграммы о февральско-мартовских событиях в Петрограде.

Комплексы материалов по истории революционного движения представлены в фонде документальных источников личного происхождения. Это коллекции революционных деятелей В. В. Адоратского, В. Н. Фигнер, Н. Э. Баумана, татарских революционеров Х. М. Ямашева и М. М. Вахитова и других. Ярко события 1917 г. представлены в коллекции документов Н. Е. Ершова – одного из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Казани, руководителя военной организации Казанского комитета РСДРП(б), председателя Революционного штаба, командующего войсками Казанского военного округа. Среди материалов

коллекции – распоряжения Н. Ершова о высылке подкрепления в 94-й и 164-й полки для встречи казаков и юнкеров, датирующиеся 25 октября 1917 г., письмо Н. Е. Ершова брату от 19 ноября 1917 г. с кратким описанием событий Октября. Воспоминания о событиях 1917 г. и вооруженном восстании в Казани содержатся также в коллекции Я. Д. Чанышева.

Интерес представляют книги и брошюры о Николае II и династии Романовых, изданные в 1917–1918 гг.: «Сказ, отколь у нас пошли цари», «Новая история царствования дома Романовых», «Последний русский царь Николай II» и др.

Заслуживают внимания брошюры, объясняющие населению смысл февральских революционных событий, текущую ситуацию в стране, например: «Как и почему народ уничтожил старую власть и за что он борется», «Российская революция и война», «Почему нужно дать женщинам такие же права, как мужчинам» и другие. Подобные издания имеются и на татарском языке. Представлена также партийная литература с программами и резолюциями съездов. Важной частью партийной литературы являются труды В. И. Ленина, изданные в 1917 г.: «Задачи пролетариата в нашей революции», «Политические партии в России и задачи пролетариата».

В музее собрана богатая коллекция газет и журналов 1917–1918 гг., в том числе местных («Известия Казанского Губернского Совета крестьянских депутатов», «Голос труда», «За землю и волю», «Рабочий», «Земская неделя», «Камско-Волжская Речь», «Казанский телеграф», «Знамя революции», «Кояш», «Аваз», «Юлдуз» и др.) и центральных («Вестник Временного правительства», «Искры», «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Луч», «Русские ведомости», «Русское слово», «Народная армия», «Армия и флот свободной России» и др.).

Изобразительные материалы представлены плакатами 1917–1918 гг., живописными полотнами советских художников о революционных событиях, портретами революционных деятелей, литографиями. Поздравительные открытки, карты и скульптурные композиции дополняют изобразительный ряд по истории революции.

Значительны коллекции фотографий и негативов, запечатлевших митинги и демонстрации 1917 г., революционеров и т. д. Это и групповые фотографии, и отдельные портреты казанских большевиков, участников установления советской власти в Казани и Казанской губернии, а также фотографии революционных событий.

Богато представлены вещевые источники. В фонде нумизматики имеются жетоны, выпущенные в период Временного правительства:

«Свободная Россия. Свобода, равенство, братство», «Свобода. Великому освобождённому народу. 27 февраля 1917 года», «Да здравствует свобода! 1917», «1917 год» и жетон с портретом А. Ф. Керенского. В этом же фонде сохранились многочисленные банкноты 1917 г., облигации «Займа Свободы» различного номинала.

О стремлении увековечить Октябрьскую революцию и революционных вождей напоминают ордена, памятные медали, значки и юбилейные монеты.

Вызывает интерес посетителей типологическое оружие начала XX в., позволяющее иллюстрировать революционные события. В музее сохранилось холодное и ручное огнестрельное оружие начала XX в. Особо выделяется крупногабаритный экспонат, одна из «визитных карточек» музея – гаубица английская 1917 г. выпуска.

Историко-бытовая коллекция включает одежду и обувь участников революции. Раритетом является знамя Юрткульского волостного Совета крестьянских депутатов Спасского уезда Казанской губернии. Интерес представляет коллекция форменных пуговиц, кокард военных и гражданских чинов, пряжек, знаков-блях нагрудных, знаков 1917 г., собранная и переданная в музей казанским коллекционером В. В. Чумаковым.

Собраны уникальные экспонаты по революционной тематике, многие из которых поступили в музей непосредственно от участников событий. Материалы в собрании НМ РТ отражают события 1917 г. в России, прежде всего в аспекте региональной истории, биографий участников революционных событий в Казани. Материалы находятся в различных фондах и представляют собой как отдельные предметы, так и комплексы (коллекции) – систематического характера, тематического и личного происхождения. Но следует отметить, что состав фондов Национального музея РТ по революционным событиям 1917 г. не лишен тенденциозности. При их комплектовании в советское время сложно было избежать «большевизации» истории, внимание к победителям преобладало. Такая тенденциозность диктовалась политическим запросом, который жестко определял и направленность экспозиций, посвященных революционным событиям. В настоящее время мы стремимся к комплексному подходу к пониманию и показу исторического процесса.

Тема революционных событий 1917 г. нашла отражение в выставочной деятельности музея последнего десятилетия. В 2008 г. в музее к 90-летию Красной Армии была организована выставка «На защите Отечества», один из ее разделов рассказывал о революционных событиях 1917 г. и создании

Красной гвардии – предшественницы Красной армии. Здесь были представлены плакаты, листовки, фотографии, открытки, письма, оружие периода революции 1917 г. и Гражданской войны. Гражданская война была результатом и продолжением революционных событий 1917 г. Борьба за реализацию различных политических программ дальнейшего развития России переросла в военное противостояние. Гражданская война явилась величайшей трагедией для России, она унесла миллионы человеческих жизней. На выставке были представлены подлинные вещественные и документальные свидетельства эпохи.

В 2014 г. в Национальном музее РТ была создана и действует до настоящего времени большая стационарная выставка к 100-летию начала Первой мировой войны «Неизвестная Великая война». На выставке представлены подлинные материалы из фондов НМ РТ, в том числе из собрания Музея Е. А. Боратынского. В процессе работы над выставкой в фондах НМ РТ, а также в фондах Национального архива РТ, Научной библиотеки К(П)ФУ было выявлено значительное количество источников, относящихся к различным аспектам экспозиционной темы. Раздел выставки под названием «От Первой мировой к революции и Гражданской войне» освещает и события 1917 г.

Тема революции является одной из важных в новых экспозициях Литературного музея А. М. Горького и Дома-музея В. И. Ленина, открытых в 2015 г.

В настоящее время в Национальном музее РТ идет работа над созданием выставки к 100-летию революционных событий 1917 г. в России.

В ходе февральских революционных событий было свергнуто самодержавие. Народ получил демократические свободы. Это способствовало демократизации общественно-политической жизни края. Через воззвания, листовки, фотографии на выставке внимание будет уделено многопартийности политической системы того времени, показаны партии и движения, действовавшие в Казанской губернии, их лидеры. Разнообразие исторического развития имело в тот период реальные перспективы, шла борьба альтернатив общественного развития. Октябрьские события и последующий разгон Учредительного собрания прерывают этот процесс. В октябре 1917 г. к власти пришли большевики, и II Всероссийский съезд Советов провозгласил создание РСФСР. Была установлена диктатура пролетариата.

На выставке через музейные предметы будет прослеживаться трансформация демократии в диктатуру пролетариата. На фоне общероссийских событий мы покажем то, что происходило в Казани и Казанской

СОБЫТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ НАШЕГО КРАЯ

губернии: выборы в Думу и в Учредительное собрание, митинги, мусульманские съезды, лидеров национального движения, устремления татарской интеллигенции к самоопределению татарской нации.

Чтобы понять причины неудачи «демократической альтернативы» в России и увидеть, что в действительности пережили люди в годы революции, необходимо выявить мотивы и ожидания, двигавшие населением. Причины трагических событий стоит искать в условиях жизни обычных людей.

1917 г. важно рассматривать в контексте кризиса, включавшего в себя предшествующие годы Первой мировой войны и последующий период войны Гражданской. Для понимания революционных событий 1917 г. необходим их показ в более широком хронологическом контексте. Нельзя рассматривать изолированно только 1917 г.

Отражение событий 1917 г. на выставке будет представлено в контексте панорамы предшествующих и последующих событий в регионе на фоне общероссийской истории. Разделы экспозиции будут освещать общественно-политическую ситуацию в Казанской губернии начала XX в., рассказывать об учреждении Государственной думы России в 1905 г., о выборах депутатов от Казанской губернии и их деятельности в четырех Государственных думах России в 1906–1917 гг.; о революционных событиях 1917 г. и начале Гражданской войны; о проектах национально-государственного устройства в Урало-Волжском регионе в первые годы Советской власти, об образовании Татарской АССР и представительных органов власти республики. Тема «Человек и революция» – важнейший лейтмотив, вписанный в экспозиционную канву «большой» и региональной истории, на протяжении всей выставки. Выставка приглашает задуматься о значении революционных событий 1917 г. в России, поразмышлять об эволюционном пути развития общества, который является альтернативой революционному.

Оценка революционных событий 1917 г. в России неоднозначна. Музейные экспозиции и выставки, основанные на подлинных источниках, должны внести вклад в исследование темы.

В 1918–1919 гг. Поволжье и Урал стали ареной драматических событий огромного масштаба. Ряд историков считает, что в 1918 г. Белое движение достигло максимальных успехов и было как никогда близко к победе. Действительно, летом белые с помощью чехословаков овладели Средним Поволжьем с его огромными продовольственными и людскими ресурсами. Вместе с тем лето и осень 1918 г. стали для Белого движения временем упущенных возможностей, а совершенные ошибки во многом предопределили его будущее поражение. Тем временем большевики, пережившие подобный период формирования власти весной, укрепили свою властную вертикаль, форсировали создание боеспособной армии, и осенью 1918 г. Красной армии ценой огромных усилий удалось вернуть Поволжье. Все это позволяет считать борьбу за Поволжье одним из ключевых моментов Гражданской войны и делает ее особенно интересной. Однако этот период по ряду причин до последнего времени фактически не имел полноценного описания. Быстрое падение Советской власти в Поволжье весной и летом 1918 г. сделало его «непопулярным» у советских историков конца 1920-х – начала 1930-х гг., а созданный позднее культ непобедимости Красной армии и вовсе окружил эти события молчанием.

Страна «вползала» в Гражданскую войну не сразу. Первоначально боевые действия носили локальный характер и не сопровождались таким ожесточением, как в дальнейшем. Участник Гражданской войны, белый офицер, а в последующие годы советский историк Н. Какурин называл это время «периодом эшелонной войны», подчеркивая эпизодический, спонтанный характер боевых действий. Но постепенно происходит формирование театров военных действий и регулярных фронтов Гражданской войны. Первым и одним из решающих фронтов Гражданской войны становится Восточный фронт. Его возникновение было связано с восстанием Чехословацкого корпуса, охватившим протяженную полосу вдоль Транссибирской магистрали от Поволжья до Дальнего Востока. По мере движения чехословаков и в процессе децентрализованных стремлений разоружить их эшелоны инициативой местных советов учреждались все новые и новые «фронты» местного значения и наименования. Но местные советы за отсутствием единого руководства борьбой действо-

вали вяло и в большинстве своем относились к вопросу о разоружении чехословаков неумело и нерешительно.

Захват чехами Пензы и Сызрани

«К моменту восстания чехов в Сибири к Пензе подходили эшелоны арьергарда. Эта группа в составе около дивизии (10000 чел.) находилась под командованием генерала Чечека. Она, по дороге разогнав небольшие красногвардейские отряды (в Сердобске и Балашеве), к 27 мая сосредоточилась на ст. Пенза. В то время гарнизон Пензы доходил до 2000 чел. и состоял из отдельных небольших отрядов при 5 орудиях. Почти одновременно с приходом чехов в Пензу было получено приказание из центра о немедленном разоружении чешских эшелонов. Взяв из Пензы, что возможно (главным образом оружие и продовольствие), 30 мая чехи отошли на Сызрань. 30 мая в 15 часов головной эшелон чехословацких войск взорвал мост на 272-й версте перегона Забаровка – Сызрань, очевидно, с целью воспрепятствовать поддержке, двигающейся на Пензу» [1].

29 мая, получив известие из Пензы о мятеже чехословаков, исполком Совета г. Сызрань дал распоряжение военному комиссару Алексею Варламову выдвинуть артиллерийскую батарею на Монастырскую гору (гора ГЭС), чтобы в случае необходимости обстрелять чехословацкие эшелоны. Отряды Красной гвардии были приведены в боевую готовность. Сил было мало, всего 600 красногвардейцев. Командование белочехов, стремясь быстрее продвинуть свои эшелоны к Самаре, чтобы объединиться с другой группой мятежников в районе Челябинска, пыталось избежать военного столкновения в Сызрани. Поэтому командир 1-й Чехословацкой дивизии Станислав Чечек 29 мая направил из Пензы вагон со своими представителями – это была делегация для переговоров с Сызранским Советом о продвижении эшелонов через станции Сызрань, Батраки, Александровский мост в сторону Самары, а затем к Южному Уралу на соединение с другой группой своих эшелонов. Председатель сызранской ЧК Иван Петрович Емельянов был категорически против переговоров. Он и ещё несколько коммунистов предлагали использовать такие эффективные способы борьбы с мятежниками, как взрывы путей, мостов, угон подвижного состава. Главное, не пропустить эшелоны через Александровский мост.

И. П. Емельянов прожил в нашем городе не полных два года. За это время он был председателем комитета РСДРП(б), вплотную занимался партийной работой. По заданию ЦК партии создавал красногвардейские отряды. Эти отряды должны были бороться с контрреволюцией, сабота-

жем. Их надо было вооружить. Вот почему, вместе с красногвардейцами он ездил в Тулу к оружейникам и получил от них наганы и винтовки, а потом отправился в Петроград и привёз оттуда пулемёты. Красная гвардия нашего города контролировала движение грузов и пассажиров по железной дороге и Волге. Но большинство членов исполкома не поддержали Емельянова. Переговоры состоялись. Эти переговоры с представителями чехословаков проводила специально созданная Комиссия от исполкома Совета.

30 мая переговоры завершились подписанием договора. В договоре чехословаки согласились сдать оружие, не вмешиваться в дела Советской России. Обещали вернуть захваченное в Пензе, Кузнецке и Сызрани оружие, а остальное сдать во Владивостоке. На деле они не собирались выполнять договор. Сызранский Совет со своей стороны обещал беспрепятственное продвижение по железной дороге. Договор подписали: председатель Сызранского исполкома С. П. Щербаков, члены чрезвычайной комиссии Бугровский, Рубинов, Сальков, Скворцов, Краснов, Колчин, секретарь исполнительного комитета чехословацких войск В. Дундачек, член исполнительного комитета чехословацких войск Ярослав Индра. Поскольку исполкомом Совета в то время руководил С. П. Щербаков, именно его нередко обвиняют в том, что случилось. А случилось следующее: по приказу сызранского исполкома была снята артиллерия с Монастырской горы. Варламов А. В. протестовал, но был вынужден выполнить приказ исполкома Совета. Чехословаки под видом сдачи оружия стали выгружаться из эшелонов и через несколько часов оккупировали восточную часть города, став там полными хозяевами.

В ответ на требование красногвардейцев сдать оружие, отряды белочехов оцепили вокзал Сызрано-Вяземской железной дороги, заняли пристань, помещение винного склада, в котором хранилось оружие Красной гвардии, и расположенные около станции кавалерийские казармы. В казармах и на складе они захватили большое количество оружия, в том числе 29 артиллерийских орудий. Военный комиссар г. Сызрань А. В. Варламов посчитал это недоразумением, которое скоро уладится. Через два дня Варламов понял, как сильно он ошибался. Тем не менее, исполкомовский отряд выступил на охрану станции Сызрань. Чехословаки попытались разоружить его. Но большевики напомнили о нейтралитете. Они заявили, что оружия без боя не отдадут. Построили бронеплощадки из шпал и выставили пулемёты. Реальной силы этот отряд не представлял, и в случае серьёзного боя был бы быстро уничтожен. Но лишней

крови никто не хотел, и конфликт был погашен. Город разделился на две половины: восточную контролировали чехословаки, а западную – красногвардейские отряды.

30 мая чехословацкие эшелоны покинули Пензу и двинулись в сторону Сызрани. Наиболее крупная и опасная для большевиков группировка оказалась на линии Сердобск – Пенза – Сызрань. Общая численность около 8 тыс. бойцов. Заместителем военного комиссара Варламова в г. Сызрань был Акифьев Григорий Иванович. Он отвечал за приём, хранение и транспортировку военных материалов и обмундирования. Григорий Иванович оставался в городе для работы в тылу врага, когда Сызрань была захвачена белочехами. Акифьева арестовали и расстреляли по решению военно-полевого суда. Место и время расстрела неизвестны. 30 мая исполком Совета получил телеграмму из центра с требованием приступить к разоружению чехословаков. Только тогда был создан штаб по борьбе с мятежниками во главе с военкомом коммунистом-железнодорожником А. В. Варламовым.

31 мая из Пензы в Сызрань подошли основные силы чехословаков. Их общая численность составила 10000 человек против 600 местных красногвардейцев. С прибытием подкрепления чехословаки стали вести себя вызывающе, не считаясь с условиями договора. Они захватили склад кавалерийских казарм, где хранилось оружие. В этот день чехословацкий патруль арестовал на пристани Израила Ильича Берлинского, возвращавшегося из Москвы со съезда комиссаров труда. На него указала женщина-торговка как на активного большевика, одного из «главных». На требование исполкома Совета отпустить Берлинского чехословаки ответили отказом. Судьба его оказалась трагической. Позже он был расстрелян, как и многие другие комиссары-большевики.

31 мая чехословаки заняли станции Батраки и Правая Волга. С высокого правого берега они начали артиллерийский обстрел сводного отряда, состоявшего из иващенковских и самарских рабочих-красногвардейцев, которые заняли позиции во главе с Емельяновым на левом волжском берегу. Чехословацким частям удалось прорваться на левый берег Волги. После занятия моста они начали эвакуацию из Сызрани в сторону Самары. 3 июня 1918 г. последний их эшелон покинул город. 8 июня 1918 г. около 5 часов утра после нескольких упорных боёв, преодолев сопротивление, чехословаки вошли в Самару. Там Советская власть была низложена. В тот же день была создана новая власть – Комитет членов Учредительного собрания, более известный как Комуч. Из Самары началось наступление Комуча на север, в сторону Симбирска и Казани, а также на запад, к Сызрани.

Сюда двинулся добровольческий отряд подполковника Владимира Оскаровича Каппеля. В. О. Каппель брал не числом, а умением, что уже показала его первая блестящая операция в Сызрани. Не доезжая до г. Сызрани, отряд под покровом темноты скрытно выгрузился. Кавалеристы и два орудия были посланы в глубокий обход, а сам Каппель во главе другой, пешей, группы залег в предместьях Сызрани. На рассвете обходная группа ударила из пушек по скопившимся эшелонам, штабу красных и их узлу связи. Немного позже в город с двух сторон ворвались конники и пехотинцы Каппеля. У красных началась страшная паника. 11 июня 1918 г. Сызрань была взята Каппелем внезапным ошеломляющим ударом.

Именно здесь Каппель окончательно сформировал свой «летучий полк»: два батальона пехотинцев-добровольцев, два кавалерийских эскадрона и три батареи орудий. Была организована полевая почта Чехословацкого корпуса, действовавшая по железнодорожной линии от Сызрани и Екатеринбурга на западе до Владивостока на востоке. До падения Советской власти в Сызрани оставалось всего две недели. В течение последующих нескольких месяцев до октября 1918 г. Сызрань несколько раз переходила из рук в руки. То в городе хозяйничали белые, то под напором красноармейцев вновь в город с боями возвращались большевики, которые восстанавливали органы Советской власти.

С падением Самары советские работники и сторонники новой Советской власти, опасаясь расправы, начали покидать Сызрань. 16 июня 1918 г. из Сызрани началась целенаправленная эвакуация. Первым делом из кладовых Государственного банка были вывезены основные средства – серебряные монеты, кредитные билеты и процентные обязательства Госбанка и Казначейства на сумму 14 млн 918 тыс. 439 руб. Деньги были погружены и отправлены в специальном «золотом» поезде на станцию Рузаевка. 17 июня 1918 г. в 3 часа утра последний поезд с красногвардейцами и коммунистами покинул город.

В ночь с 16 на 17 июня 1918 г. Сызрань была захвачена белогвардейскими отрядами. Город заполнили отряды учредилковцев из Самары. Ими была восстановлена распущенная в феврале 1918 г. городская Дума, но фактически власть была сосредоточена в руках особого уполномоченного белогвардейского Комуча (его представитель в Сызрани – Лебедев Владимир Иванович). Начались облавы и аресты комиссаров, советских служащих и активистов, не успевших покинуть город. Было расстреляно 229 рабочих.

Началась расправа над большевиками и сочувствующим им. Была

схвачена А. И. Новикова. Она не смогла эвакуироваться из города из-за болезни. В 1917 г. Новикова была секретарём Сызранского комитета партии, а в 1918 г. – комиссаром призрения. В безнадежном состоянии её бросили в тюремную больницу. Белогвардейцы расстреляли Берлинского, которого привезли из Самары, и Варламова. Чехословаки арестовали комиссара гостиниц Крюкова. Из воспоминаний А. И. Новиковой: «Его вели по улице и били, кто чем мог: кто палками, кто камнем. В сочившиеся кровью раны на голове бросали песок. Толпа требовала отдать Крюкова для самосуда. Крюков отдан был им на растерзание. Возле Александровского сада белогвардейцы бросили его на землю, и толпа стала топтать его, бить камнями. Затем раздались голоса: "Стой, не бей, пусть мучается". Кто-то из толпы стал бить его винтовкой по голове. Кто-то выстрелил ему в рот из револьвера» [2].

В июне 1918 г. на Восточном фронте из отдельных отрядов и добровольческих дружин начали формироваться регулярные части Красной Армии. В районе Симбирска и Инзы создавалось крупное соединение – Первая революционная армия Восточного фронта. Формирование её проходило под руководством В. В. Куйбышева, который стал политическим комиссаром. Командующий армией был назначен М. Н. Тухачевский. В течение нескольких недель небольшие отряды Емельянова и Лациса прикрывали подступы к Инзе. Они сражались за каждую станцию, замедляя продвижение белых. Так, в огне боёв, рождалась Инзенская дивизия, командиром которой стал Я. Я. Лацис. В июле 1918 г. части 1-й Революционной армии перешли в наступление и 9 июля освободили Сызрань. Но противник подтянул подкрепление и пошёл в контрнаступление. Сызрань снова оказалась в руках белогвардейцев. 22 июля, прорвавшись со стороны Сызрани, белогвардейцы захватили Симбирск, а 7 августа пала Казань. Вся Средняя Волга оказалась в руках контрреволюции.

Комуч отобрал у трудящихся всё, что дала советская власть. Национализированные предприятия он передал прежним владельцам, отменил рабочий контроль и 8-часовой рабочий день, разогнал фабзавкомы. Население застонало под гнётом непомерных налогов. Успехи Комуча были временными.

Молодая Советская республика в то время не имела регулярной армии. Она только что создавалась (по постановлению ВЦИК от 29 мая 1918 г.), а потому не обладала достаточным боевым опытом, стойкостью и дисциплинированностью. Уже в начале сентября 1918 г. Красная Армия смогла нанести сокрушительные удары белогвардейцам. 10 сентября

1918 г. была освобождена Казань, а 12 сентября Симбирская Железная дивизия 1-й армии вошла в Симбирск.

Красная Армия начала наступление на Самару и Сызрань. Бои за Сызрань длились около трёх недель. С севера к городу продвигалась Симбирская Железная дивизия, которой командовал Г. Д. Гай, с северо-запада – Инзенская дивизия Я. Я. Лациса, с запада – Пензенская, с юга – Вольская дивизия. В составе Инзенской и Пензенской дивизий за родной город сражались два сызранских отряда. Учредилковцы и белочехи укрепляли подступы к городу.

Захват Сызрани

Из воспоминаний Г. Д. Гая о захвате Сызрани: «После взятия Симбирска очередной задачей явилось развить и обеспечить успех под Симбирском – освободить весь правый берег Волги от противника: для этого требовалось овладеть Сызранью».

Для подготовки указанной операции с утра 24 сентября командир Железной дивизии на аэроплане вылетел с Симбирского аэродрома через Тереньгу на Сызрань. Совершив 6-часовую воздушную рекогносцировку укреплений чехов вокруг г. Сызрани, комдив вернулся обратно через Самару и Ставрополь, попутно бросив в Сызрани прокламации с предупреждением, что им скоро придется испытать стальной натиск Симбирской Железной дивизии... «Сызрань оказался сильно укрепленным городом, причем наиболее густая сеть укреплений, обнесенная проволочными заграждениями, тянулась от линии Заборовка на Батраки. Очевидно, главный удар на Сызрань противник ожидал с северо-запада. Силы противника на Сызранском участке были гораздо больше, чем на Симбирском. Но какими частями располагал противник и какого состава, сведений не имелось. В общих чертах, мы считали силы белочехов в районе Сызрани около 10000 человек, действующих в направлениях на Тереньгу, Инза, Кузнецк и Хвалынский. В соответствии с этим на Сызрань должны были наступать:

а) с запада на восток – Пензенская дивизия, вдоль железной дороги Кузнецк – Сызрань;

б) с северо-запада на юго-восток – Инзенская дивизия, вдоль железной дороги Инза – Сызрань;

в) с юга на север – Вольская дивизия, через Хвалынский на Сызрань.

24-я железная дивизия в это время, оперируя в трех главных направлениях (на Буинском, Мелекесском и Сенгилеевском), могла направить через Тереньгу на Сызрань только 2-й Пензенский полк.

Противник перед фронтом указанного полка после падения Симбирска, отошел и укрепился на линии Новодевичье – Горюшки – Большая Борла. В последних числах сентября последовал приказ по 1-й армии. Выдержка из приказа: "Вверенной мне армии приказываю окружить и взять Сызрань, для чего:

а) южная группа войск, комгруппы т. Энгельгард – состав: Волжская, Пензенская и Инзенская дивизии, всего 6650 стрелков, 446 сабель, 130 пулеметов, 280 орудий и 6 самолетов, атакует Сызрань по обоим берегам и с запада. К вечеру 26 сентября занимает исходное положение для атаки г. Сызрани и с рассветом 27 сентября атакует город.

б) Северная группа войск, комгруппы тов. Гай, состав: Симбирская железная дивизия, всего 6671 стрелок, 125 пулеметов, 31 орудие и 236 сабель, атакует Сызрань с севера и отрезает пути отступления противнику.

Командарм *Тухачевский*.

Наштарм *Корицкий*.

Член Реввоенсовета *Калнин*".

Согласно указанного приказа, южная группа с 25 по 28 сентября вела энергичное наступление с трех сторон на Сызрань. Но противник, укрепившись в заблаговременно подготовленных окопах, упорно отстаивал свои позиции. Наступление приняло затяжной характер, и чехи упорно оборонялись на линии Поповка – Балашейка – Алексеевка – Васильевка и Мосеевка. Видя бесполезность лобовых атак через укрепленную полосу с севера на Сызрань, командир северной группы предпринимает глубокий обход противника в двух направлениях:

а) через д. Климовку на Ставрополь – Самару и б) через Новодевичье-Усолье на Батраки с тем, чтобы захватить всю Сызранскую группу противника в клещи» [3].

Далее Г. Д. Гай вспоминает: «Во исполнение указанного плана 29 сентября 1-й Симбирский полк занял с большим боем деревню Климовка. У Климовки, кроме сухопутных войск, в бою принимали участие и речные военные суда. Вольская флотилия имела большой и удачный бой с неприятельскими вооруженными судами. 3 октября одновременным ударом Инзенской дивизии с запада и Симбирской дивизии с севера при содействии кораблей Вольской флотилии враг был изгнан из Сызрани» [4]. Особенно горячими были бои у Сызранского моста, где корабли Вольской флотилии, взаимодействуя с сухопутными частями, подавляли огнем своей артиллерии огневые точки белых и рассеивали их пехоту.

Одновременно, разогнав в Усолье пехоту противника, двинулся на

Батраки Витебский полк, 2-й же Пензенский полк, наступая по тракту Тереньга – Сызрань, в тот же день занял с боем д. Троицкое.

В это время шла успешная перегруппировка и переправка 2 бригады Железной дивизии на левый берег Волги у д. Климовка с целью захвата г. Ставрополь. С захватом Ставрополя создалась смертельная угроза колыбели учредилковцев – Самаре. По мнению Г. Д. Гая, «Сызранский фронт явно ослабел и, видимо, противник весьма поспешно эвакуировал главные силы в Самару, дабы избежать полного окружения и разгрома в Сызранском мешке. Наступление Красной армии на Батраки и поражение противника у Ставрополя, для него произошло совершенно неожиданно. Героические полки железной дивизии, совершив в 4 дня 200 верст пешком, вышли в глубокий тыл противника. В то время, как противник укрепился западнее Сызрани и отражал удары главных сил со стороны Инзы и Пензы, части железной дивизии незаметно подкрались к нему с тыла, двигаясь вниз по Волге и через Усолье на Александровский мост. И, когда 2 октября передовые части Витебского полка подошли к Батракам, в рядах противника произошла невообразимая паника» [5].

Вот как описывает красноармеец Витебского полка Шнатков бой у Александровского моста: «2 октября после занятия с боем д. Губино, в 17 вер. от Александровского моста, наш полк получил приказ от тов. Гая занять мост. С рассветом 3 октября полк выступил и, не доходя верст 7–8 до своей цели, обнаружил противника, расположенного на высотах, укрепленных двумя линиями окопов с проволочными заграждениями. Несмотря на ужасный обстрел, наши цепи повели наступление как в лоб, так и с флангов. После непродолжительного сопротивления, противник начал в беспорядке покидать окопы и отступать к Волге. Полк, разделившись на две группы, начал энергичное преследование противника. Левая группа, достигнув правой стороны Волги, взяла под артиллерийский и пулеметный обстрел Александровский мост, благодаря чему противник едва успел перевезти на левый берег Волги бронированный поезд, артиллерию и массу другого военного вооружения и имущества. Одновременно с этим правая колонна, наступая на д. Костычи, выбила противника из 2-й укрепленной линии и преследовала до самой Волги, где противник искал спасения в переправе на левый берег. В это время со стороны ст. Батраки показались броневые поезда и эшелоны белогвардейцев, спешивших на поддержку разбитым. Красноармейцы, несмотря на свою малочисленность, на виду у приближающегося противника, начали загромождать железнодорожный путь шпалами и открыли пулеметный огонь по поездам. У противника, от такой неожиданности, началась

паника. Паровозная прислуга на всем ходу остановила поезд, отчего произошло крушение. Красноармейцы с криком "ура", бросились в атаку на броневики и эшелоны. Белогвардейцы, как крысы с тонущего корабля, начали выпрыгивать из эшелонов и разбегаться в разные стороны.

Большая часть их бежала к Волге, в надежде на лодках переправиться на левый берег, но мало кому из них удалось сделать это. Перегруженные лодки тонули, отправляя ко дну искавших в них спасение. В этом месте противник понес большие потери, как от огня красных, так и утонувшими в Волге. Таким образом, наш полк поголовно разбил в несколько раз превосходящего, как по количеству, так и по вооружению противника, захватив в целости 2 броневых поезда, 9 орудий, 40 пулеметов и массу снарядов, вооружения и имущества» [6].

Очень ценны воспоминания комдива Железной дивизии о попытке белочехов уничтожить Сызранский мост: «Во время указанного боя чехи, боясь быстрого преследования, пытались загородить мост и пустили по нему товарный поезд, который сошел с рельс, а за ним отдельные паровозы, вызывая, таким образом, крушение и загромождая мост горами разбитых вагонов. Но и этого им показалось еще мало. При помощи пироксилиновых шашек они взорвали пролет и провалили в воду две фермы. По всему мосту валялись трупы убитых людей и лошадей, разбитые вагоны, паровозы, повозки, орудия, пулеметы и проч.». В 12 часов 3 октября командарм 1 товарищ Тухачевский получил от комдива 24 Железной краткую телеграмму: «Нахожусь в Сызрани» [7].

Г. Д. Гай об установлении Советской власти в Сызрани: «К 12 часам дня 2 октября в городе не было ни одной части противника. С этого времени по 9–10 часов утра 3 октября, когда появился в городе автомобиль комдива 24, в городе было полное безвластие и обыватели, боясь злодеяний местного хулиганского элемента, попрятались по домам и "город замер". Немедленно был организован временный ревком из сотрудников штадива и бронепоезда № 41 и к полудню 3-го октября, из дома бывшего богача Стерлядкина, было объявлено жителям об их полной безопасности и о вступлении железной дивизии в город <...> Комендантом города был назначен комбриг 1 т. Павловский. Вечером 3 октября постепенно начали вступать в город части дивизии. Город разукрасился красными флагами и в нем почувствовалось полное успокоение и твердая пролетарская власть. Вся Симбирская губерния окончательно была освобождена от белогвардейских и чехословацких банд. Вскоре 24 железная неудержимым порывом пошла вперед освобождать и Самарскую губернию» [8].

В 1920 г. территория Самарской губернии перестала быть ареной военных действий. Освобождение Поволжья было первой крупной победой Красной Армии. На Восточном фронте был достигнут перелом. Гражданская война, потребовавшая огромных жертв и приведшая к невосполнимым потерям, внесла существенные изменения не только в общественный быт, но и в психологию людей. Привычными стали жестокость, страх, террор. В ходе войны в сознание людей начинает внедряться тезис о допустимости любых средств ради победы. Война, продолжавшаяся более трех лет, привела к взаимному истреблению наиболее активных элементов гражданского общества. Миллионы погибших и умерших от голода и болезней, физическое уничтожение целых классов и социальных групп, раскол общества – всё это можно отнести к последствиям кровавого гражданского конфликта. В Гражданской войне не бывает победителей и побеждённых. В ней есть только погибшие и пострадавшие.

В Сызрани в октябре 2015 г. памятник «Павшим чехословацким legionерам» был установлен на старом городском кладбище в районе кирпичного завода. Дискуссии же по этому вопросу начались еще в 2010 г. На гранитной плите выбиты имена 54 белочехов. Установка памятника вызвала много споров среди краеведов и жителей. Изначально планировалось установить памятник на привокзальной площади, но ряд членов комиссии выступили категорически «против».

В 1920 г. прекратились массовые боевые действия армий. Однако внутреннего мира в стране достигнуто не было. И для нас, потомков, важно не только не повторять тех ошибок, не допустить повторения кровавых событий, но важно также увековечить память погибших, предать их земле. Ведь все они, независимо от приверженности белым или красным идеалам, жертвы того времени, той войны.

Литература

1. Гая Г. Д. В боях за Симбирск: (крат. очерк Гражданской войны в губернии) / Г. Д. Гая ; Истпартотдел Ульяновского окружкома ВКП(б). – Ульяновск, 1928.
2. КМ г.о. Сызрань. СКМ ОФ 2226 ПИ 319 Биография Новиковой Александры Ивановны.
3. Гая Г. Д. Там же.
4. Мордвинов Р. Н. Волжская флотилия в Гражданскую войну (1918–1920) – М.: Военмориздат, 1952.
5. Гая Г. Д. Там же.
6. Приволжская Правда. – № 24. – 15 окт. – 1918.
7. Гая Г. Д. Там же.
8. Гая Г. Д. Там же.

9. КМ г.о. Сызрань. СКМ ОФ 2139 ПИ 225 Биографическая справка. Берлинский Израиль Ильич.
10. КМ г.о. Сызрань СКМ НВФ 912 Биографическая справка. Варламов Алексей Владимирович.
11. КМ г.о. Сызрань СКМ ОФ 2187 ПИ 294 Автобиография Егорова Тимофея Степановича.
12. КМ г.о. Сызрань СКМ ОФ 6302/1 ПИ 3519/1 Очерк биографии «Питерский рабочий большевик», Иван Петрович Емельянов, руководитель Сызранского комитета РСДРП (1917) автор М. И. Макаров.
13. КМ г.о. Сызрань. СКМ ОФ 2219 ПИ 314 Воспоминания пенсионерки Кудрявцевой В. М. о Смирницкой Александры Андреевны.
14. КМ г.о. Сызрань СКМ ОФ 2253 ПИ 336 «Боевой путь сызранского мусульманского добровольческого красногвардейского пулеметного отряда в Оренбуржье 1918–1919 год».
15. Город Сызрань. Очерки географии, истории, культуры, экономики. Т. 1. / под ред. Хлыстова В. В. – Сызрань: Ваш Взгляд, 2008.
16. Сызрань: Годы и люди / сост. В. С. Морозенко, О. А. Портнягин. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1983.

Е. А. КРОЙТОР

ПЕРЕВОРОТ 1917 г. В ДОКУМЕНТАХ ИЗ ПРОВИНЦИИ (по материалам Алатырского краеведческого музея)

1917 год. О чем мы думаем, когда слышим эту дату? Что предшествовало ему и что последовало за ним? Первая мировая война, Февральская революция, отречение Николая II, Октябрьский переворот, Гражданская война. Современному поколению эти события кажутся такими же далекими и погребенными под пластами времени, как и эпохи Петра I или Екатерины II. Слишком давно это было. В отличие, например, от истории Великой Отечественной войны мы не можем пообщаться с очевидцами тех событий, поэтому и воспринимаем их несколько отстраненно. Так было и для меня, пока в мои руки не попали тексты воспоминаний жителей моего родного г. Алатыря, очевидцев того времени. С этого момента история 1917-го стала не просто констатацией фактов, дат и цифр, а начала оживать, приобретая человеческое лицо и вызывая чувства сопричастности к государственной и человеческой трагедиям XX в.

В основе работы лежат материалы из фондов Алатырского краеведческого музея: краеведческие издания научной библиотеки музея; личный фонд алатырских краеведов братьев В. Н. и С. Н. Грошевых – участников событий 1917 г.; личный фонд и воспоминания учителя, музыканта

И. Н. Краснова – участника Первой мировой войны и очевидца Февральских событий; личный фонд семьи Кашигиных; фонд Алатырского реального училища.

Кроме этого, Анна Вячеславовна Кашигина (г. Москва) – дочь В. Н. Кашигина – участника Первой мировой войны – предоставила мне возможность использовать воспоминания своего отца.

Исследование строится в соответствии с логикой дневниковых записей и рассматривает только те моменты истории, свидетелями которых были сами авторы воспоминаний. А публикация ранее неизвестных документальных источников дает возможность добавить в «калейдоскоп» революционных событий общероссийской истории частицы отдельных локальных историй из жизни провинциального г. Алатыря¹.

Первая мировая война

«Встреча Нового 1917 года произошла в нашем Грузинском² полку на позиции. В ночь с 31 декабря на 1 января наша рота по обыкновению не спала, неся позиционную сторожевую вахту. Часы приближались к 12-ти, на столе появилась бутылка зубровки, хереса, колбаса, сыр. Ровно 12. Сели за стол, налили по единой, начались взаимные поздравления с Новым годом, новым счастьем (разумелось, высшим счастьем – конец войны)». Так начинается одна из глав воспоминаний участника Первой мировой войны, учителя из Алатыря Ивана Николаевича Краснова³.

Новый 1917 год на фронте да и в тылу ждали с новыми надеждами. Война шла уже несколько лет. Народ был истощен, на фронт ушла почти половина трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 50 лет. В тылу не хватало рабочей силы, а трудовой день увеличился до 14–16 часов. Железная дорога не справлялась с поставкой продовольствия, возникли перебои с топливом, в магазинах появились невиданные до этого бесконечные очереди, цены на продукты выросли.

Обстановка становилась все напряженнее. Разруха охватила всю страну. Победа была уже не важна. Люди просто хотели вернуться к родным и своему хозяйству. Патриотическое чувство ушло, остались лишь раздражение, ненависть к войне и тем, кто ее затеял.

«Не надо продолжать войну. Сколько жертв, горя и слез принесла с собой народу ненавистная война, затеянная царем и буржуазией. На позиции выставлены воины из крестьян и рабочих, которым, в сущности, война совсем не нужна, она принесла им лишь бесчисленные жертвы и разорение. Война выгодна для наживы буржуазии и капиталистам, так пусть они и воюют. Долой войну!».

Краснов пишет, что в январе в Петербурге начались волнения среди солдат гарнизона, затем к ним присоединились рабочие Путиловского завода⁴, позже недовольство распространилось на прочие заводы и фабрики. Возникли многочисленные демонстрации с красными флагами и лозунгами «Долой войну!». Полиция конная и пешая, жандармерия, стражники (казачество) с жесточением разгоняли демонстрантов, пуская в ход нагайки и шашки. От высшего начальства был получен приказ: *«Патронов не жалеть, подавить беспорядки»*.

В военных частях фронта начались разговоры, подогреваемые горячей надеждой на конец войны, которая всем опротивела и отравила каждому жизнь. *«В частях говорили между собой: "Если в столице появились у солдат и рабочих лозунги «Долой войну!", значит дело верное – скоро будет, действительно, конец войне! Ура! Ребята, скоро – по домам!!!»*.

Не менее ценную и интересную информацию о событиях на фронте можно найти у другого участника Первой мировой войны подпоручика Вячеслава Николаевича Кашигина⁵. Действия в его записях относятся к лету 1917 г. Именно из них мы узнаем о подготовке летнего наступления. Автор отмечает, что к этому моменту командный состав потерял былой авторитет, армия была окончательно деморализована и стала распадаться: *«Начинались места братания, война перестала быть популярной...»*. В таком состоянии полк пошел в *«июньское наступление»*⁶. Кашигин говорит, что на тот момент в армии отсутствовала основная силовая масса, т. е. пехота. Это дало противнику повод перейти в контрнаступление. В результате: *«Жидкая цепочка фронта стала трещать по всем швам <...> Наступление превратилось или превращалось в отступление»*.

Необходимо отметить, что особый акцент в воспоминаниях И. Н. Краснова делается на теме русско-немецких отношений на фронте с того момента, когда началось массовое братание. Даже Новый 1917 г. русские и немецкие солдаты встречали практически вместе: *«...Затем кому-то пришла мысль – поздравить с Новым годом наших соседей по окопам – немцев, благо немецкие окопы находились от нас совсем близко <...> Узнали, как по-немецки поздравить "с Новым годом", а они кричали по-русски <...> А для лучшего эффекта – торжественно открыли стрельбу из бомбометов, немцы начали отвечать так же, это получилось необыкновенно помпезно...»*.

Автор пишет, что сначала на брустверах⁷ окопов Западного фронта были выставлены белые флаги, затем солдаты и с той и с другой стороны начали вылезать из своих окопов: *«Подожгли, стали здороваться, пожимая руки, хлопая друг друга по плечу, смеялись, в глазах светилась*

самая искренняя и задушевная радость, дружеское чувство; стали в этот момент уж не врагами, а близкими подлинными друзьями».

Позже обе стороны приглашали друг друга в свои окопы и угощали. Трудность была в том, что многие не владели вторым языком. Приходилось объясняться при помощи жестикуляции. Нашлось много офицеров, которые стали выступать в качестве переводчиков. В целом же ситуация была очень дружелюбная и совершенно не военная.

Также автор описывает свое общее впечатление от общения с немцами. И. Н. Краснов считал, что по сравнению с нашими солдатами они гораздо энергичнее, любознательнее, смысленнее и жизнерадостнее, объясняя это высоким образовательным цензом – 80 % немцев имели среднее образование, а русские – чуть ли не наполовину были неграмотными или с неполным начальным образованием.

В то время в Алатыре...

Первая мировая война резко изменила жизнь и нашего провинциального Алатыря. Город стал центром формирования воинских частей, пунктом квартирования 160-го запасного пехотного батальона и конного запаса. В городе порой размещалось до 10 тыс. солдат. На поселение прибывали пленные немцы, австрийцы и турки. С появлением последних началась эпидемия тифа. Кроме всего, в Алатырском уезде должно было поселиться 10 тыс. беженцев из западных губерний.

Для размещения воинских частей были отданы здания женской гимназии, реального и епархиального училищ. Кстати, здание епархиального училища было только что отстроено. Командир 160-го пехотного батальона В. Савельев выражал свою благодарность: *«...за удобства, предоставленные нижним чинам, Высочайше вверенного мне батальона, в здании Алатырского Епархиального училища, дают мне возможность засвидетельствовать о той великой заслуге, которую оказало духовенство Алатырского округа, отдав Русскому солдату колыбель, приготовленную и предназначенную для их учащих дочерей»*.

Невозможно в этой связи не привести и другую цитату – из дневников тогда еще новобранца Ивана Краснова: *«...надо было видеть, как солдатня впервые входила, обутая в тяжелые военные скребалы, в шинелях, с винтовками в такое дивное помещение с гиканьем, присвистом, злобствуя на духовенство, освобожденное от призыва в армию; это, дескать для их деток приготовили чудесное здание; теперь – не бывать этому, думали солдаты, срывая свою злость разрушением мраморных ступеней прикладами винтовок <...> Через неделю помещение было за-*

гажено и приняло вид типичной вонючей казармы, с удушливым запахом солдатских кожаных сапог, махорки, солдатских щей и каши».

Армии требовалось не только оружие и боеприпасы, но и огромное количество обмундирования, обуви и другого имущества, которое и стало изготавливаться в городе и уезде. С августа 1914 г. по май 1916 г. в Алатыре и окрестных селениях для интендантского ведомства было сшито 61527 пар сапог, 347354 шинели, 472180 рубах и другого имущества.

При посредничестве созданного Военно-промышленного комитета в 1915–1916 гг. артели кустарей и учебно-ремесленная мастерская Алатырского уезда изготовили десятки тысяч снарядных ящиков, соломенных матов, деревянных лопат и т. п.

Призывы в армию, реквизиция лошадей для нужд военного времени, сокращение посевных площадей обострили продовольственный вопрос. Хлеба требовалось все больше, т. к. население города постоянно росло.

Уместно будет привести несколько цифр из архивных документов:

– 14 сентября 1915 г. Прибывающих в Алатырь ратников в количестве около 4600 человек начали размещать по обывателям города;

– 22 сентября 1915 г. Из донесения командира 160-го пехотного батальона: «... на довольствии состоит 7674 человека».

– 1 октября 1915 г. К 31332 местным горожанам прибавилось 1279 военнопленных и военнообязанных, 230 беженцев, 159 раненых воинов, 7162 нижних чина в воинских частях.

В январе 1917 г. алатырский городской голова сообщал в Симбирск о *«совершенном отсутствии в городе ржаной муки»*. Даже в воинских частях ощущалась острая нехватка продовольствия. Командир одного из батальонов, расквартированного в городе, с возмущением писал в Алатырское уездное земство: *«Кормить по закону хлебом я обязан, давать же вместо хлеба читать (ваши) циркуляры я не имею права»*.

Среди населения города росло недовольство. Положение на фронтах было лучшей агитацией против существующего строя. Агент алатырской полиции доносил: *«Эшелоны с ранеными, проходящие через станцию на Восток, революционизируют местное население»*.

Керенский и Керенский

Немаловажным и интересным в воспоминаниях Ивана Краснова и Вячеслава Кашигина стали их впечатления от встречи с Александром Федоровичем Керенским⁸ – исторической фигурой, сыгравшей не последнюю роль в событиях 1917 г.

«...Вскоре, подъехал в автомобиле небольшого роста человек в солдатской гимнастерке, на ногах ботинки с обмотками, на голове простая солдатская фуражка с кокардой. Проворно выскочил из автомобиля и скорым шагом направился к приготовленной заранее трибуне...» – так описывает военного министра И. Н. Краснов. Автор отмечает, что Керенский обладал незаурядными ораторскими способностями, знал психологию солдат и чувствовал их настроение. Благодаря этому, произнесенная речь оказала огромное влияние на толпу, солдаты и офицеры бросились к трибуне и на руках понесли его с громовыми криками *«Ура! Ура! Ура!!!»*. Краснов пишет, что это *«была поистине волнующая и потрясающая картина, патриотическое чувство, казалось, разлилось, захлестнуло всю массу, как в наводнение, каждый солдат и офицер проникся жаром настоящего патриотизма»*.

Диаметрально противоположное мнение о Керенском дается в записях Вячеслава Кашигина: *«...Перед отъездом с фронта имел счастье видеть первый и последний раз новоявленного "Бонопарта" – главоверха⁹ Керенского. Лично на меня он произвел обратное впечатление психопата и неврастеника. Его выступление с завыванием и призывами к продолжению войны до победного конца, с подергиванием всего тела при этом и гримасничаньем, было обратным...»*. Здесь мы видим весьма субъективную, но не менее ценную психологическую характеристику знаменитой личности.

В нашем же городе существовал свой Керенский, который являлся не только однофамильцем Александра Федоровича, но и состоял с ним в кровном родстве – был его двоюродным братом. Речь пойдет о Сергее Александровиче Керенском – директоре Алатырского реального училища уникальном и удивительном человеке, снискавшем любовь и уважение как у своих подопечных, так и у горожан.

С. А. Керенский родился в октябре 1877 г. в с. Троицкое-Куроедово Корсунского уезда Симбирской губернии. Учитель словесности, деятель просвещения. Окончил Симбирскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию. С июня 1909 г. – директор Алатырского реального училища. Участник Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике (1911 г., Санкт-Петербург). Им были изданы работы по педагогике «План исследования детской души», «Факторы воспитания» и др., которые были рекомендованы в качестве учебных пособий для студентов учительских институтов, семинарий и учащихся гимназий. В период работы в Алатыре провел значительные преобразования, направленные на улучшение обучения детей. Заветной мечтой Сергея Алексеевича

было построить новое здание реального училища в городе. К сожалению, жизнь С. А. Керенского окончилась трагически – в августе 1911 г. он заболел тифом и скоропостижно скончался. А мечта о новом здании в связи с теми же событиями 1917 г. так и не была осуществлена. В 1918 г. Советская власть навсегда закрыла Алатырское реальное училище.

Известны факты биографий двух Керенских, но на данный момент нет ответов на вопросы, возникшие в ходе исследования – пересекались ли в жизни двоюродные братья Александр Федорович и Сергей Александрович Керенские, следили ли за карьерами друг друга и вели ли переписку? Эта тема уже отдельного исследования.

Два Керенских – две личности... Один не доживет и не увидит событий переворота 17-го года. Другой – участник этого переворота – по странному, можно сказать, уникальному стечению обстоятельств не будет уничтожен молохом революции, которую сам же и «зажигал». Он будет жить вдали от России и умрет в возрасте 89 лет в сытой и не-революционной Америке.

Революции 1917 года

События февральской революции на фронте были встречены с большим воодушевлением. Солдаты рассчитывали на новое правительство, охотно слушали и верили в агитационные речи. Весть о свержении «царя-идола» была воспринята как народный праздник и сопровождалась взаимными поздравлениями. Продолжая свои воспоминания, Иван Краснов пишет, что солдаты прямо и смело говорили: *«Раз царя прогнали, и войне конец, вот, ребята, когда благодать-то наступила! По домам! И никаких гвоздей!»*.

В газетах началась активная пропаганда нового Временного правительства, в которое вошли *«якобы, умнейшие люди, лучшие люди из всей России»*. Народ призывали подчиняться и уважать новую власть, ведь именно она должна привести Россию *«к сияющему счастью и полному благополучию»*. К сожалению, надеждам солдат не суждено было сбыться, и вера в то, что во временное правительство прекратит эту страшную войну, не оправдалась.

Временное правительство издает декрет: усилить действующим армиям фронтов старание и служебное рвение, повести войну до победного конца, осознавая, что Россия в войне связана общими интересами и выгодой с союзными государствами и обязана совместными усилиями добиться победы над врагом. *«Солдаты приуныли. Многие говорили, что хрен редьки не слаще. Царь заставлял воевать и Временное правительство велит про-*

должать войну для победного конца, значит, опять не видно конца войны, братцы. Разве это умнейшие люди во временном правительстве?» – так автор описывает психологическое состояние солдат в тот момент.

Дисциплина в полку была окончательно разрушена. Патриотический дух пал. Не смогли его надолго поднять и пылкие речи Керенского. В таком состоянии солдат невозможно было заставить идти в бой. Поэтому даже после приказа о наступлении войска только заняли исходное положение, но не пошли в атаку.

«Вскоре, по войскам был разослан приказ об отмене отдания чести солдатам офицерству и генералам. Второй приказ последовал о снятии погон. Это был смелый и явный шаг к настоящему развалу армии».

Также подрывную роль сыграли листовки большевиков. В них пропагандировалась идея: война нужна только богачам. Солдаты охотно верили этим словам и считали, что только большевики понимают их чувства, потому что их партия состоит из таких же рабочих и трудяг. Временному же правительству легко командовать, ведь их дети не воюют на фронтах. Солдаты почувствовали за собой верную поддержку и защиту. Желание бросить войну стало неодолимым.

Из воспоминаний Вячеслава Кашигина: *«Осенью я с рядом товарищей был послан в тыл за людским и конским пополнением для бригады. Конечно, никто из нас не думал, что назад мы уже не вернемся и никаких пополнений не привезем. Ехали в Казань через Москву в переполненном поезде до отказа. При посадке удалось втиснуться в тамбур, а затем получилось как-то само собой, что наша компания, состоящая из 4-х человек, оккупировала уборную, в которой мы и доехали с "удобствами" до Москвы. Путь от Москвы до Казани был легче и я даже ухитрился захватить на несколько дней в самовольную побывку домой, где не был больше полутора лет. Конечно, радости не было конца...»*.

Так в череду событий приблизился Октябрьский переворот, переход власти от Временного правительства в руки Советов, по мнению Кашигина, прошел безболезненно и, насколько он помнит, без кровопролития. Но *«В городе было, однако неспокойно, начались аресты всяких бывших людей, в число их попали и несколько подобных мне, т. е. бывших офицеров»*.

В то время в Алатыре...

– 4 марта 1917 г. алатырский исправник задержал телеграмму о революционных событиях свержения самодержавия в Петрограде 27 февраля 1917 г. и сообщил об этом только 4 марта.

– 5 марта 1917 г. Жители города с воодушевлением приняли весть об отречении Николая II от престола. В этот день в Алатыре прошла многоярусная демонстрация и революционные выступления горожан. Рабочие разгромили тюрьму, выпустили заключенных, сожгли полицейский архив, были попытки разгромить магазины.

– 7 марта 1917 г. *«На заседании педагогического совета Алатырского реального училища собравшиеся слушали совместное заявление директора Д. П. Чирихина о том, что текущие события произвели на учеников <...> весьма сильное впечатление, и что особенно сильно поддались этим впечатлениям чуткая молодежь старших классов <...> Принимая во внимание возбужденное революцией настроение учеников, пед. совет училища счел необходимым освободить 5-й, 6-й и 7-й классы от занятий до понедельника 13 марта. Относительно ношения учениками красных бантов решено предложить им носить эти символы русской свободы не на блузах, а лишь на верхнем платье».*

– 1 мая 1917 г. Из воспоминаний братьев В. С. и Н. С. Грошевых¹⁰: *«Алатырский Совет организовал грандиозное празднование 1 Мая. Рабочие железной дороги и лесопильных заводов приготовили красные флаги и лозунги "Да здравствует 8-часовой рабочий день!". Ко дню празднования во многих ротах солдаты старались выучиться петь революционные песни. <...> Но во всем полку не нашлось ни одного человека, который бы хорошо знал хоть одну революционную песню от начала до конца».*

Грошевы пишут, что 1 мая был солнечным и теплым днем и что рабочие в стройных колоннах вышли на демонстрацию на Старобазарную площадь. Вскоре церемониальным маршем перед трудящимися г. Алатыря без винтовок и оркестра прошли все солдаты 160-го запасного пехотного полка. Горожане приветствовали их восторженными криками и громким «Ура!». На митинге звучали призывы не верить Временному правительству и о том, что режим двоевластия погубит Россию. Трудовой народ должен крепко сплотиться вокруг своих Советов и установить такое управление страной, которое будет защищать интересы народа, интересы рабочих и крестьян.

– октябрь 1917 г. В Алатыре еще не существовало оформленных большевистских организаций. Революционную борьбу в массах вели лишь отдельные большевики и сочувствующие.

– 28 октября 1917 г. Губернские газеты в Симбирске опубликовали сообщение о свержении большевиками буржуазного Временного правительства. В этот момент в г. Алатыре и уезде развернулась острая клас-

совая борьба. В декабре 17-го года по инициативе большевиков 160-го запасного пехотного полка была организована группа большевиков.

– 22 января 1918 г. Исполком алатырского Совета рабочих солдатских и крестьянских депутатов постановил: *«Взять всю власть Совету с проведением всех декретов народного комиссариата полностью».*

Эсеры, меньшевики, большевики, депутаты, делегаты, революционные комитеты, учредительные съезды, революционные штабы, контрреволюционные мятежи... Это только краткий перечень понятий и событий, будораживший умы горожан. Все смешалось в маленьком провинциальном городке, впрочем, как и во всей большой стране. В рамках работы не представляется возможным полностью проследить калейдоскоп событий и фактов, так как он составляет крупнейший документальный пласт.

Глобальные революционные перемены в стране привели и к не менее страшным событиям братоубийственной Гражданской войны. Не миновали они и г. Алатырь.

Летом 1918 г. фронт приблизился вплотную к Алатырю. 22 июля белогвардейцы захватили Симбирск, и г. Алатырь стал на некоторое время административно-политическим центром Симбирской губернии, в который были переведены все губернские органы политической и административной власти. Кроме этого, Алатырь приобретает колоссальное стратегическое значение, находясь на важнейшей магистрали Восточного фронта – железнодорожной линии на Казань. В городе были сосредоточены огромные людские ресурсы...

Народ возвел, народ низверг...

Смена политического режима в Алатыре в 1917 г. происходила относительно спокойно. Однако символическим событием тех революционных лет стало низвержение памятника царю-освободителю народному любимцу Александру II.

Из воспоминаний А. Н. Блохинцева¹¹: *«Помню, весной 1917 года, когда мне было пять лет, отец взял меня в центр города, на площадь к памятнику "освободителя" Александра II. Памятник на этот раз имел странный вид. Вербки, привязанные к шее царя, опускались к ограде памятника, образуя собой пирамиду. К этим веревкам, а их было много, были подвешены портреты членов царской фамилии и прочие атрибуты царизма – изображения царской короны, царских вензелей и т. п. Всего этого висело довольно много и закрывало почти полностью черную скульптуру царя. Мы оба стояли и смотрели. Вид этой картины хоро-*

шо сохранился в моей памяти. А много позже от кого-то из взрослых я узнал, что вся эта пирамида с атрибутами царизма была сожжена, после чего памятник был свергнут с пьедестала. Потом оказалось, что бронзовая скульптура царя была завезена во двор дома, стоявшего напротив бывшего памятника. В доме же этого двора в 1928–1929 годы находилась химическая лаборатория нашей школы второй ступени имени Красина. Во время перемен, между уроками мы, ребята, сиживали на этой скульптуре, нагретой солнцем».

Как странно и диаметрально меняются настроения и воззрения народные. Памятник Царю-освободителю Александру II, о котором идет речь в воспоминаниях, был открыт в Алатыре 1 октября (по старому стилю) 1912 г. в ознаменование 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости и просуществовал всего-то неполных пять лет. А сооружен он был исключительно на народные деньги. Сумма получилась внушительная – около одной тысячи рублей. В архиве краеведа Н. П. Головченко есть снимок, навеки запечатлевший участников открытия памятника – на площади перед памятником в основном *«простой люд: крестьяне, мастера, приказчики из торговых лавок, извозчики с ременными кнутами за поясами...»*. Это все, кто благодарно помнил Высочайший «Манифест» о превращении крепостных в *«свободных сельских обывателей»*, подписанный всенародно почитаемым Александром II. Их царем-багюшкой, принявшим мученическую смерть не по благим делам своим. Открытие памятника было торжественным и привлекло в город массу крестьян. После торжеств начались народные гуляния. Играл духовой оркестр. Вечером засветилась огнями иллюминация на ограде памятника, а в небо вскидывались ракеты под громогласное народное «Ура!!!».

И еще одно «цветное стеклышко» в калейдоскопе алатырских событий того времени из воспоминаний братьев Николая и Василия Грошевых.

«Против здания Земской управы находилось здание частной аптеки. Оно было украшено пятью двуглавыми орлами. Орлы были более полметра вышиной, литые, позолоченные. Над каждым орлом красовалась царская корона».

1 мая у Земской управы проходил митинг, и группа солдат учебной команды 160-го запасного пехотного полка обратила внимание на эти атрибуты царской власти и, потребовав к себе провизора, попросила немедленно снять гербы. На что провизор попытался парировать: «Глупые люди! Вот глупые люди! Словом глупые люди! Ведь двуглавый орел это герб нашего государства. Он как был, так и будет!». На что возмущенные солдаты ответили: «... Что? Так и будет?! Это с царской-то короной будет?»

Монархист чертов! Отпирай калитку, давай лестницу. Мы сейчас же эти поганые орлы снимем». Но даже после этого инцидента провизор еще «держал свою оборону» в течение 3–4 дней, надеясь на положительный исход.

Но и по сей день в России не учатся на своих ошибках и в настоящее время продолжают низвергаться с пьедесталов фигуры, изваяния, бюсты, памятники другим историческим личностям. В частности, это касается главного идеолога и вождя октябрьского переворота 17-го года В. И. Ленина. Отчего же народ и власть уничтожает память о своих бывших лидерах и предшественниках, что же это – историческая неграмотность или желание стереть из памяти страницы исторического прошлого?

«Винная трагедия»

Под этим словосочетанием материал о событиях пожара 1918 г., случившегося в Алатыре на винном складе, фигурирует во многих печатных источниках. До сих пор в Алатыре сохранилось старинное каменное здание на ул. Первомайской – учебный корпус Алатырского техникума железнодорожного транспорта, в котором в 1918 г. располагался казенный винный склад¹². Запасы спирта, хранившегося здесь, были огромными. В начале 1918 г. до Алатыря докатились волны слухов о погромах на винных складах в городах Поволжья. К тому времени в Алатыре скопилось большое количество воинских частей, в которых в этой связи также назревали погромные настроения – выдвигались требования о раздаче спирта солдатам. Подогревали эту ситуацию и агитаторы, будоражившие их умы. Были предприняты меры по усилению караула. Вопрос об уничтожении запасов спирта неоднократно обсуждался в уездном Совете рабочих и солдатских депутатов, но из-за большой важности Алатырского склада как единственно уцелевшего для снабжения спиртом нескольких губерний был отвергнут. Дальнейшие же события развивались по трагическому сценарию.

В ночь со 2 на 3 января 1918 г. солдаты 160-го запасного пехотного полка предприняли попытку получить спирт. Неимоверных усилий стоило полковому комиссару сдержать солдат в этот день. Но уже в 18 часов 3 января вооруженные солдаты направились к Винополии. Караул не согласился идти против своих же товарищей, а уговоры членов совета только способствовали разжиганию недружелюбия и страстей. Солдаты грозились самосудом, в случае если спирт будет выпущен: «Или мы получаем все немедленно по четверти спирта, или немедленно начинаем разгром». Раздача спирта закончилась в час ночи. Но события продолжали развиваться...

4 января слух о дележке спирта разнесся по всему городу, и к Винополии подошла новая толпа солдат. Возмущенные и негодующие, они заявили, что откроют огонь по караулу, если их не пустят внутрь здания. После этого пути к вождеденному спирту были открыты, что положило начало трагедии. Пили все и кто сколько сможет. В 12 часов на складе возник пожар. Спирт разливался и горел. «Многие обожглись и сгорели, другие лезли прямо в горящий спирт. К 5 часам вечера все здание было объято пламенем. Дым и смрад нависли над городом. Спирт тащили четвертями и ведрами, а пожарные бочками увозили. Около 300 человек сгорели, обожглись, получили серьезные ранения, многие померли». На следующий день 5 января пожар продолжал полыхать. Первая алатырская газета «Знамя труда» писала после трагедии: «Жизнь в городе замерла. Магазины, лавки закрыты <...> Во многих домах не зажигают огня <...> Уныло и жутко выглядит полуразрушенное, полусгоревшее здание винного склада. Во дворе валяются осколки посуды, разбитые бочки, ящики <...>, а дальше, бесформенные куски <...> погибших во время пожара <...> Ужасом веет от этой картины, а толпы все лезут, снуют и тащат что попало <...> Всех жертв, погибших во время разгрома, как выясняется, около 600 человек». Кроме пересказанных выше опубликованных материалов, обратимся к воспоминаниям В. Н. Кашигина, до сих пор не введенным в научный оборот.

«...Зато хорошо помню, что в момент приезда в город, я попал к концу большого пожара винного склада, того самого склада, где я в 1905 и 1906 году спасался у знакомых родителей – Раздьяконовых¹³ от общественного пожара. На этот раз горели запасы спирта, говорили, что был якобы поджог, что спирт был сознательно выпущен из емкостей и спущен в канавы. Так или не так я не знаю, но пожар был действительно большой, и еще больше было пьяных, т.к. спущенный в канавы спирт, смешанный со снегом и навозом, жители собирали ведрами и тащили по домам. Судя по разговорам, много народу сгорело при этом...».

Как следует еще из одного документа – у жителей города на улицах было отобрано 1000 деревянных лопат, которыми они пытались черпать разлившийся спирт.

Страшная трагедия заставляет задуматься над тем, насколько неподконтрольной, неадекватной, теряющей всякое человеческое достоинство становится толпа вооруженных людей в своей вседозволенности и безнаказанности. И все это – из истории и последствий переворота 17-го года.

2017 год – год столетия двух русских революций. Об этих событиях написано множество научных исследований, открыты тысячи и тысячи документальных источников, но даже сейчас остается огромное количество совершенно уникальных материалов: воспоминаний и мемуаров, изучение которых дает возможность увидеть то далекое время именно таким, каким его помнят свидетели событий. Возможность соотнести события локальной истории на примере уездного провинциального г. Алатыря с общероссийской историей. Проследить пересечение судеб и событий, частично показать хронику Первой мировой войны и революционного времени.

Для меня в ходе исследования было интересно многое: и знакомство с фондами Алатырского краеведческого музея; и чтение воспоминаний фигурантов исследования, тексты которых могли бы стать самостоятельными литературными произведениями; и даже поиск пояснений к примечаниям в интернет-ресурсах. Какие-то факты были мне известны, какие-то вызывали удивление, какие-то приводили в ужас...

Итог этого небольшого исследования – маленькая страничка в большой теме: «ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ. РОССИЯ – XX ВЕК».

Примечания

¹**Алатырь** – город в России, административный центр Алатырского муниципального района Чувашской Республики. Население 35591 человек (2016 г.). Основан в 1552 г. До 1920 г. – уездный центр Симбирской губернии.

²14-й Гренадерский **Грузинский** Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк был сформирован 25 июня 1700 г. Один из элитных полков русской армии.

³**Краснов Иван Николаевич (30.03.1888–1960)**

Родился в с. Висяга Мишуковской волости Алатырского уезда. Окончил Порецкую учительскую семинарию, в 1908–1914 гг. заведовал школами Буинского уезда Симбирской губернии. Участник Первой мировой войны. В 1918–1922 гг. служил в Красной армии. Работал в г. Алатыре в педтехникуме (впоследствии – Алатырский учительский институт), железнодорожном училище и общеобразовательных школах города. Активно занимался пропагандой и популяризацией хорового пения и музыкального образования.

⁴3 марта (по новому стилю) 1917 г., на **Путиловском заводе** – крупнейшем артиллерийском заводе страны и Петрограда, на котором работало 36 тыс. человек, забастовали рабочие лафетно-штамповочного

цеха, которые потребовали повышения зарплаты на 50 %. После ряда переговоров с бастовавшими 7 марта администрация завода издала приказ об увольнении всех рабочих и закрытии завода. На улице оказались 36 тыс. человек. В поддержку «выброшенных» на улицу путиловцев забастовали другие заводы. 8 марта произошёл революционный взрыв, положивший начало Февральской революции.

⁵ **Кашигин Вячеслав Николаевич (19.09.1898–15.07.1961)**

Родился в г. Алатырь Симбирской губернии. Окончил Алатырское реальное училище. Участник Первой мировой войны, окончил Николаевское артиллерийское училище. В военных действиях с декабря 1916 г. Подпоручик, начальник связи 1-й батареи 2-го Казанского артиллерийского дивизиона. Удостоен боевых наград. В советское время окончил МВТУ им. Баумана, инженер-строитель.

⁶ **Июньское наступление** 1917 г., так называемое «наступление Керенского» – последнее наступление русских войск в ходе Первой мировой войны. Блестяще подготовленное русским командованием, провалилось из-за катастрофического падения дисциплины в войсках. Оно было связано с действиями Временного правительства, надеявшегося на «укрепление основных позиций контрреволюции» для разгрома в стране революционных сил. Однако наступление привело к противоположному результату, выразившемуся в резком усилении влияния большевиков, в лице которых рабочие и крестьяне в тылу и солдатская масса на фронте признали единственную в стране силу, способную прекратить войну и решить в интересах народа основные политические и экономические вопросы.

⁷ **Бруствер** – насыпь в фортификационном сооружении, предназначенная для удобной стрельбы, защиты от пуль и снарядов, а также для укрытия от наблюдения противника и создания дополнительной преграды на случай штурма.

⁸ **Керенский А. В. (1881–1970)** Родился в г. Симбирске (ныне Ульяновск) в семье директора мужской гимназии, где учился В. И. Ленин. Российский политический и государственный деятель, министр, затем министр-председатель Временного правительства, 1917 г.

⁹ **Главковерх** – сокращенное наименование должности Верховного главнокомандующего в России во время Первой мировой войны.

¹⁰ **Грошев Василий Семенович (4.03.1894–3.03.1971)**

Родился в г. Алатыре. Учитель, краевед, исследователь истории г. Алатыря. Им были собраны уникальные материалы о многих выдающихся земляках, подготовлена к печати биография всемирно известного

скульптора С. Д. Эрзи. В 1950-е гг. предпринял активные попытки по созданию в Алатыре музея С. Д. Эрзи. Вел обширную переписку по этому вопросу с самим скульптором. Вел исследования и по другим исторически темам.

Грошев Николай Семенович (27.07.1896–13.02.1970)

Родился в г. Алатыре. Участник Первой мировой войны. Всю жизнь посвятил делу радиофикации г. Алатыря и Чувашии. В 1932 г. окончил радиотехническое отделение Московского заочного института связи. Автор 50 изобретений и усовершенствований в области радиофикации. Почетный радист Советского Союза. Участник Великой Отечественной войны. Капитан. Закончил войну в Праге. Награжден орденами и медалями. Всю жизнь занимался краеведческими изысканиями.

¹¹ **Блохинцев Александр Николаевич (7.3.1912–28.4.1994)**

Родился в с. Ивановко Алатырского уезда. Краевед-ученый, общественный деятель. Жил и работал в г. Ульяновске. Участник Великой Отечественной войны. Один из организаторов Ульяновского областного отделения Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Автор книг «И жизни след оставили своей (изд. 1980, 1988)», «Симбирск XVIII в.», соавтор сборников «С веком наравне», «Краеведческие записки» и более 100 газетных и журнальных статей.

¹² **Казенный винный склад** – 1898 год. Архитекторы: Павловский, Маргулин, Трескин.

¹³ **Супруги Раздьяконовы** – Макарий Иванович и Евдокия Николаевна – мои прапрадедушка и прапрабабушка по линии мамы. Жили в г. Алатыре в казенной квартире при Винопольном заводе. Макарий Иванович занимал должность заведующего Винополией. Его очень любили подчиненные. Семья была дружная, материально были обеспечены, держали прислугу. После 1912 г. переехали в Симбирск, а потом в Сызрань. Когда началась война, они оказались беженцами, потеряли все имущество. Макарий Иванович умер от тифа. Евдокия Николаевна с детьми – Леночкой и Ванечкой в 1921 г. переехали снова в г. Алатырь к родственникам. Жили в нужде. Даже в небольшой по объему фактологической информации, прочтенной мной в тетрадке воспоминаний Веры Иосифовны Беловой – тетки моего дедушки Раздьяконова Владимира Ивановича, тоже часть истории всей страны.

Литература и источники

1. Фонды и фотоархив МБУК «Алатырский краеведческий музей»: Ф. 650. (Личный фонд семьи Кашигиных, АКМ-13.782, 13.835); Ф. 299. (Личный фонд И. Н.Краснова. Воспоминания. Рукопись АКМ-11.329/2); Ф. 310. (Личный фонд Н. С. и В. С. Грошевых. АКМ-5933); Ф. 555 (Реальное училище, АКМ-3226).
2. Документы и фотоматериалы из личного семейного архива А. В. Кашигиной. Воспоминания В. Н. Кашигина. Скан рукописи. (г. Москва).
3. В. И. Белова. Краткая родословная моих родных Раздьяконовых. Рукопись. Личный архив семьи Раздьяконовых.
4. Фотоматериалы краеведа и исследователя Н. П. Головченко (г. Алатырь).
5. Научный архив ЧГИГН. Воспоминания братьев Грошевых. Отд. II. Ед. хр. 207.
6. Демакова В. И., Дроздовская Е. П., Зайцева Т. А. Алатырь. Летопись города. Факты, события, воспоминания, фотографии. Ч. 1. XVI–XX века. Ч. 2. XX век – начало XXI века. – Алатырь, 2002. – 352 с.: илл.
7. Захаров Ю. Б. Однажды много лет назад в Алатыре. – Чебоксары: Перфектум, 2013. – 136 с.: илл.
8. Исаев А. Б., Кочетков В. Д., Раздьяконова Е. В. Имя тебе Алатырь: краеведческий сб. – Чебоксары: Новое Время, 2016. – 368 с.: илл.
9. Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии. Сб. документов. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1957. – С. 390.
10. Исаев А. Б. Первая мировая война в записках учителя из г. Алатыря И. Н. Краснова. Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Межрегиональной науч.-практической конференции. – Чебоксары: ЧГИГН, 2015. – 244 с.: илл.
11. Блохинцев А. Н. Моя жизнь в Алатыре. // Мономах. – 2002. – № 1.
12. Знамя труда. – 1918. – № 5.
13. <http://oxota48.ru> Липецкий охотничий портал.
14. <http://lektsii.org> Восстание рабочих Путиловского завода.
15. <http://ptiburdukov.ru> Литературно-исторические заметки юного техника.
16. <http://wikipedia.ru>.
17. <http://pandia.ru> История Алатыря (с древнейших времен до 1917 г.).

Л. С. КУЗИНА

К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ БРОНЕПОЕЗДА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКАМИ СТАНЦИИ СЫЗРАНЬ МОСКОВСКО-КАЗАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Великая российская революция 1917 г. – одно из важнейших событий XX в. Попытка построения на земле нового общества изменила пути исторического развития России. Объективное изучение периода революции позволяет нам осознать всю трагичность раскола общества на противоборствующие стороны. 100 лет назад и «красные», и «белые» руководствовались патриотическим стремлением добиться процветания Родины, просто каждая из сторон по-своему понимала это. И такая разница в понимании привела к жесточайшему братоубийственному конфликту.

Весной 1917 г. в организацию сызранских большевиков приехал типографский питерский рабочий Иван Петрович Емельянов, присланный Центральным комитетом. Он был уроженец семьи крестьянина-бедняка с. Еремкино Старорачейской волости Сызранского уезда. Подростком уехал на заработки в Питер, где стал рабочим. В 1913 г. вступил в члены РСДРП. После установления Советской власти в городе и уезде он назначается председателем Уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Вскоре партийный комитет пополнился еще одним новым членом – журналистом Израилем Берлинским. Он стал первым редактором большевистской сызранской газеты «Известия». Емельянов и Берлинский объединяли вокруг себя революционно настроенных людей. Под руководством коммуниста Емельянова было создано 3 райкома партии при железнодорожных станциях. Емельянов по заданию ЦК партии принимает меры к формированию национального отряда красногвардейцев из рабочих и крестьян-татар.

В августе 1917 г. на станции Сызрань 2-я организовался первый рабочий отряд. Вслед за ним оформился отряд, руководимый рабочим суконной фабрики Шамилем Усмановым, а за ним создались рабочие отряды при партийном комитете и батракском тоннеле. В эти добровольческие отряды записывалась рабочая молодежь, железнодорожники и все, кто сочувствовал большевикам. Сложнее было с вооружением отрядов, но здесь помог Емельянов, который привез из Тулы три ящика оружия. Обучал военному делу добровольцев Кирилл Мостолячук. Положение в городе становилось напряженным. С фронтов возвращались эшелоны казачьих частей, возвращающихся с войны.

После свершения октябрьского переворота большевики взяли власть в свои руки. Однако в состав Совдепа входили меньшевики и эсеры, которые хотели свержения Советской власти. Зима 1917–1918 гг. в Сызрани протекала в непростых условиях. В городе царило двоевластие – с одной стороны, городская Дума и городская Земская управа, с другой – разнопартийный уездный исполнительный комитет Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов (Уисполком Совдепа).

В конце апреля 1918 г. по заданию партийного комитета был разоружен весь офицерский состав, находящийся в Сызрани, и часть солдат, сагитированных меньшевиками. Произошло вооруженное столкновение, которое продолжалось около трех суток.

28 мая 1918 г. в Пензе вспыхнул чехословацкий мятеж. Причиной его стала попытка советских властей разоружить направляющихся через Сибирь и Дальний Восток к себе на родину 50 тыс. пленных. Поначалу чехословаки вполне лояльно относились к советской власти. Но когда в Пензе у них стали силой отнимать оружие, взбунтовались. После захвата Пензы белочехи двинулись к Волге, захватив оружие и имущество. Они спешно погрузились в эшелоны и в ночь с 30 на 31 мая двинулись на Сызрань.

Сызрань была плохо подготовлена к обороне. В Сызранском исполкоме не было единого мнения о том, как действовать в сложившейся обстановке. Если большевистская фракция колебалась между вооруженным противостоянием и мирным разрешением конфликта, то меньшевистская часть однозначно высказывалась за переговоры с чешским командованием. Нарушив директивы Совнаркома от 30 мая о безотлагательном разоружении чехословаков, сызранский исполком заключил капитулянтский договор, по которому чехословаки беспрепятственно завладели городом, а затем после короткого боя и мостом через Волгу. После нескольких дней упорных боев, преодолев сопротивление красных, чехословаки вошли в Самару. Там Советская власть была низложена. Под прикрытием белочехов в Самаре образовалось контрреволюционное правительство Комуч. С этого момента начала формироваться белогвардейская Народная армия¹.

Из Самары чехословаки и белогвардейцы начали наступление на север, в сторону Симбирска и Казани, и на запад, к Сызрани. Отряды Красной гвардии вынуждены были отступать перед превосходящими силами противника. Из Сызрани вывезли десятки пудов серебра и других ценностей, чтобы они не попали в руки белогвардейцев. Всей операцией руководил председатель сызранской ЧК Емельянов. Началась эвакуация

важнейших учреждений. Появление белых в городе повлекло за собой массовые расстрелы руководителей сызранской партийной организации Варламова, Булыгина, Титова, Скворцова, Григория Акифьева.

На фоне угрозы вторжения белогвардейской Народной армии со стороны Самары в ячейке РКП(б) станции Сызрань Московско-Казанской железной дороги было проведено экстренное собрание коммунистов и сочувствующих для выработки практических мер к мобилизации коммунистов и созданию действенных средств обороны. Докладчиком на собрании был председатель ЧК, командир общегородского штаба Красной Гвардии тов. Емельянов Иван Петрович. В результате обсуждения этого вопроса собрание утвердило мероприятия: оборудовать бронепоезд, точнее бронеплощадку; восстановить ранее действующий красногвардейский отряд; перевести всех коммунистов и красногвардейцев на казарменное положение.

Оборудовать бронепоезд поручили коммунистам А. И. Котельникову и Т. Гамаюрову, а организацию сводного единого отряда из коммунистов и красногвардейцев с переводом на боевое казарменное положение – коммунистам П. Ф. Мостолярчук и Т. С. Егорову.

На следующий день приступили к работе. В закопченном, с выбитыми стеклами депо десятка три рабочих поставили 4-осный с металлическими стенами открытый угольный полувагон. В его стенах вырубили отверстия для дул пулеметов и винтовок, а с тыльной стороны – лаз для пулеметчиков и артиллеристов. Внутренние стены обложили шпалами и мешками с песком.

К бронеплощадке подобрали малогабаритный паровоз серии ЧН. Чтобы не был выше бронеплощадки и не подвергался обстрелу, высокую трубу паровоза заменили низкой от паровоза серии КУ. А для размещения боевой команды и паровозных бригад оборудовали 5 теплушек. Соединили в один сцеп бронеплощадку, паровоз и теплушки. Бронепоезд был готов.

В состав команды бронепоезда вошли коммунисты и красногвардейцы станции Сызрань П. Ф. Мостолярчук, А. И. Котельников, Т. Гамаюров, С. И. Кулагин, Ф. Базанов, Н. И. Авдеев, Я. Жабин, В. Погорелов, Ф. Шипунов, М. Рогачев, А. Гришин, Т. Егоров, П. Курочкин, В. Борисов, Егоров (второй), К. Мостолярчук, К. Баев, братья Михайловы, Старостин, Ревякин, Коротков, Ионов, В. Иевлев. К ним присоединились братья Василий, Григорий и Владимир Неудачины и еще несколько коммунистов из городских ячеек, не успевших эвакуироваться. Красногвардейцы, отслужившие в армии и имевшие военные

специальности, стали стрелками прикрытия и разведчиками. Паровозной бригадой командовал Курочкин. Командиром бронепоезда и команды стал Петр Федосеевич Мостолярчук, комиссаром – Гамаюров. Пулеметным звеном командовал М. Рогачев.

За два дня до захвата города белогвардейцами бронепоезд был выведен из тупика на станционные пути и поставлен в полной боевой готовности в западной части станции Сызрань 1-я.

Погрузо-разгрузочные работы на станции не проводились. Участок Самара – Сызрань был захвачен белогвардейцами, и поезда в сторону Сызрани и далее не пропускались, а в Инзе был заслон идущим поездам в сторону Самары.

Глубокой ночью состоялось совещание членов комитета и членов исполкома Совета, на котором приняли решение вывести красногвардейские отряды из города в сторону Кузнецка, куда были эвакуированы советские учреждения. Перед рассветом возбужденный Иван Петрович Емельянов собрал команду бронепоезда и сообщил, что город не располагает необходимыми воинскими частями и нет возможности отбивать натиск белых. Бронепоезд вынужден временно отступить в Инзенском направлении.

Бронепоезд вышел на главный перегонный путь и за входным семафором (в районе Фомкиного сада) сделал остановку с целью разобраться за собой путь и свалить в этом месте запасной вагон, мешая противнику преследовать бронепоезд. Железнодорожник Ф. Шипунов ушел на разведку в город, но в районе станции был схвачен и убит.

Местом первой стоянки бронепоезд выбрал станцию Куваев ключ (глубокую выемку за Куваевым ключом в сторону Балашейки). Предполагалось, что здесь бронепоезд будет хорошо укрыт от посторонних глаз. Находясь на недалеком расстоянии сразу от трех сел – Заборовки, Жихаревки и Раговки, команда бронепоезда надеялась получать здесь необходимое продовольствие от местного населения.

Во время следования к Куваеву ключу бронепоезд не производил разрушений стрелок, мостов и связи, рассчитывая, что при исправной связи будет получать от надежных людей сведения о противнике.

Белогвардейцы, используя связь, узнали точное место стоянки бронепоезда. Утром следующего дня со стороны Заборовки приблизился конный отряд казаков численностью 100 человек с двумя 6-дюймовыми орудиями. Завязался бой. От точного попадания артиллерийского снаряда загорелись две крайних теплушки, их тут же отцепили. Горящие теплушки никто не тушил, да и воды для этой цели не было.

Внезапный налет противника, да еще с фланга, вызвал в команде растерянность, но Мостолярчук и Гамаюров быстро добились от артиллеристов, пулеметчиков и стрелков прикрытия дружных, боевых действий. Атака белогвардейцев была отбита, противник прекратил стрельбу. И, не решаясь на лобовую атаку, отступил. Посланная по его следам разведка принесла данные: *«В Заборовке белогвардейцы, наткнувшись на пленных австрийцев и венгров. В количестве 16-ти человек те следовали своим ходом домой. Белые приняли их за красных и без суда и следствия <...> расстреляли. Затем, отказавшись от хлебосольного приглашения местных богачей, с гиком и свистом поскакали в Сызрань»*².

Из рапорта ротмистра Фельдмана, командира конного отряда армии Капеля, мы узнаем другую версию этого события. *«Конный отряд в составе 1-й сотни уральских казаков, эскадрона Самарского народного полка и конно-артиллерийского взвода двинулся на деревню Заборовка. Деревня Заборовка оказалась свободной от большевиков, но по донесениям местных жителей на разъезде Кувай Ключ в 21/2 верстах от Заборовки стоял эшелон. По выяснению обстановки была послана команда подрывников для взрыва пути, а отряд двинулся на разъезд Кувай Ключ. По дороге было выяснено, что на разъезде стоит несколько составов, три воинских и один классный с двумя паровозами. Не доезжая 1/2 версты от разъезда, конно-артиллерийский взвод стал на позицию и открыл огонь по эшелонам. Состав с классными вагонами был подбит и загорелся, загоревшись, заградил путь. Одновременно с артиллерийской стрельбой были слышны взрывы высланной команды подрывников. Людской состав эшелонов при первых артиллерийских выстрелах занял насыпь полотна железной дороги и открыл сильный ружейный огонь. Как потом выяснилось, это были латыши, которые понесли большие потери от артиллерийского, ружейного и пулеметного огня конного отряда. В ответ на огонь латышей был открыт сильный ружейный и пулеметный огонь спешенными частями отряда. Когда выяснилось, что путь поврежден взрывами и разбитым составом на продолжительное время, отряд двинулся во исполнение второй части своей задачи на город Сызрань. Часть отряда двигалась по большой дороге Заборовка – Сызрань, другая часть – лавой вдоль железной дороги. Во время движения было изрублено и расстреляно несколько десятков бегущих из Сызрани большевиков, причем взято несколько винтовок...»*³.

Сгоревшие теплушки при помощи домкратов и колодок «лягушек» сбросили под откос, и бронепоезд получил возможность двигаться в сторону Балашейки. А скелеты сгоревших теплушек еще долго (до

1931 г.) лежали под откосом, напоминая людям о произошедшем здесь сражении.

В Балашейке команда бронепоезда подвела итоги первого боя. Решили, что бронепоезд не будет стоять на месте, а будет постоянно передвигаться. Он то вдруг делал рывок на двести метров вперед, то откатывался назад, гремя орудийными выстрелами. Перейдя на эту тактику, бронепоезд в течение нескольких недель изматывал силы противника, сдерживал его наступательный порыв, не давая пробиться и захватить важный стратегический узел – станцию Инза, овладев которым, белые перекрыли бы движение в трех направлениях: Сызрань, Симбирск, Рузаевка.

Летом 1918 г. на Восточном фронте из отдельных отрядов и добровольческих дружин начали формироваться регулярные части Красной армии. В районе Симбирска и Инзы создавалось крупное соединение – Первая революционная армия Восточного фронта. Формирование ее проходило под руководством В. В. Куйбышева, который стал политическим комиссаром. Командующим 1-й армии был назначен Михаил Николаевич Тухачевский.

В августе к инзенцам приехал комиссар В. В. Куйбышев. Он обстоятельно ознакомился с положением дел, выезжал на передовые позиции, беседовал с красноармейцами. Инзенская дивизия организовалась в условиях непрекращающихся боев: продолжали наступать белочехи и белогвардейцы. Но дивизия стойко обороняла свой участок фронта.

«Дело доходило до того, – писал в своих воспоминаниях о 1-й армии ее политический комиссар Валериан Владимирович Куйбышев, – что одно время между штабом армии, размещавшимся в то время в Инзе, и противником на путях к Сызрани был лишь броневой поезд и 21 боец, причем в это число входил и начальник Инзенской дивизии со своим штабом. Эта кучка героев была островом, вокруг которого была создана воистину доблестная Инзенская дивизия под командованием самородка-полковника Я. Г. Лациса»⁴.

Во вновь созданную дивизию приходили рабочие из окрестных заводов. Мобилизовали из ближайших уездов бывших артиллеристов и кавалеристов – участников Первой мировой войны. К середине августа в Инзенской дивизии было уже около тысячи бойцов. Перед ней была поставлена задача перейти от «эшелонного метода» ведения войны, когда части армии размещались в железнодорожных составах, служивших одновременно казармой, средством передвижения и тылом, к маневренной полевой войне.

Против «эшелонной» войны, характерной для первого периода боев с белыми, выступил В. И. Ленин. В телеграмме, полученной штабом 1-й армии из Москвы, говорилось: *«Председатель Совнаркома Ленин приказал донести, почему войска 1-й армии до сих пор живут в вагонах и не переходят к полевой войне. Примите меры к выдворению войск из поездов. Пусть войска формируют обозы»⁵.*

Красная гвардия под руководством Емельянова при бронепоезде переименовала свое название в партизанский отряд при Инзенской дивизии. Нелегко бойцам было покидать обжитые вагоны, а на плечи командиров легли заботы: доставать повозки и лошадей, создавать санитарные околотки.

Теперь уже броневой поезд действовал в тесной связи с наземными силами и партизанами. Ночью подкладывали мины под железнодорожное полотно, где курсировали вражеские бронеплощадки.

На всем пути следования от Сызрани до станции Базарная бронепоезд вел небольшие боевые стычки, замедляя продвижение белогвардейцев. На подступах к станции Барыш белогвардейцы подтянули подкрепление и навязали бронепоезду бой. Натиск белых был так силен, что, несмотря на помощь красногвардейцев Гурьевской фабрики, на станции Заводская решетка бронепоезд с боем, прикрываясь огнем пулеметов и пушки, отступил. *«Белые сосредоточились, и снова были нам не под силу, – вспоминал Т. С. Егоров. – Мы отступили к станции Базарной, служившей нам последним опорным пунктом. Развернулся большой и продолжительный бой, в результате которого силы белых стали слабеть...»⁶.* К этому времени начдив Ян Лацис ввел в наступление Инзенскую дивизию⁷. Малочисленная народная армия Комуча вынуждена отступать, теряя ранее завоеванные территории.

При своем отступлении белогвардейцы взрывали за собой железнодорожные мосты, стрелки, железнодорожное оборудование. Продвижение броневика и эшелонов задерживалось. Восстановительные работы мешали бронепоезду передвигаться и пробивать брешь в обороне противника, да и дивизии необходима была исправная железная дорога для подвоза снарядов, патронов, продовольствия и пополнения. Особенно ожесточенному обстрелу подверглись железнодорожники, исправляющие пути, на станции Поливаново и Кузоватово. Команда бронепоезда готовилась войти в Сызрань первой, но мост за разъездом Образцовое был так разрушен, что даже при наличии дополнительных сил, прибывших из депо Сызрани, партизанам потребовались целые сутки для

**СИМБИРСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА
В МАРТЕ–ДЕКАБРЕ 1917 г.
(партийный аспект)¹**

его ремонта. По этой причине бронепоезд прибыл на станцию на сутки позже освобождения города.

Бронепоезд, собранный в Сызрани, стоял у истоков создания частей Красной армии в годы Гражданской войны в России с особенностью ведения боевых действий с использованием железнодорожного состава, получившую название «эшелонная» война. Обычно в состав эшелона входили красногвардейские отряды, а также подразделения старой армии, среди которых были и бывшие военные железнодорожники. Красногвардейцы отличались идейной убежденностью, высоким боевым духом и решительностью действий, но при этом у них была низкая общевойсковая подготовка. Военнослужащие подразделений старой армии были значительно лучше обучены, имели боевой опыт, однако не всегда демонстрировали высокий уровень боевой устойчивости. Одной из особенностей воинских формирований этого периода гражданской войны было отсутствие жесткой организационно-штатной структуры. Они отличались высокой текучестью и пополнялись за счет местных пролетарских элементов. Как правило, подразделения времен эшелонной войны формировались вокруг отряда уполномоченного центром командира или начальника⁸.

Литература

1. Попов Ф. Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. – Средневолжское краевое государственное издательство, 1933.
2. Воспоминания В. П. Гаврилова. СКМ Оф 2271 ПИ 345.
3. Каппель и каппелевцы. Военно-историческая серия «Белые воины» / под ред. к.и.н. В. Ж. Цветкова. – М.: Посев, 2003. С. 662–663.
4. Королев В. Г. Суровые годы. – М.: Издательство ДОСААФ, 1971.
5. Гурвич Л. М. Генрих Звейнек. – М.: Политиздат, 1971.
6. Воспоминания Т. С. Егорова СКМ Оф 2187 ПИ 294.
7. Королев В. Г. Ян Лацис. – М.: Политиздат, 1980.
8. Наумов Е. О. Войска распределены по эшелонам, и все время находятся в вагонах. // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 12.

Давно замечено, что февральская революция быстро перекрасила вчерашних монархистов в революционеров. Чего не сделаешь ради хотя бы надежды на сохранение власти! После получения твердых известий о крахе старой государственной власти, местные власти Симбирска решили побыстрее показать свои верноподданные настроения уже новым хозяевам России. В Симбирске 4 марта 1917 г. с разрешения губернатора состоялось экстренное заседание Городской думы. Собравшиеся гласные поддержали предложение городского головы Л. А. Афанасьева приветствовать председателя Государственной думы М. В. Родзянко телеграммой: «Симбирская городская дума, собравшись первый раз официально в дни великих событий, шлет свои приветствия Вам, как представителю новой власти и вполне подчиняется Исполнительному комитету. Наш низкий поклон армии и народу. Да здравствует новый порядок» [1, Ф. Р-634. Оп. 20. Д. 13. Л 1а].

В Симбирске, как и по стране, на первых порах главную роль стали играть кадеты. Они получили решающее представительство в образованном Комитете народной власти и очень неодобрительно отзывались о любых попытках подвинуть их с занимаемого места. Между тем в Симбирске из политической летаргии начинают выходить левые, прежде всего меньшевики во главе с Н. Н. Чебоксаровым. Они довольно резко критикуют существующую Городскую думу за ее цензový характер, указывают, что она не отражает мнения симбирян и требуют ее пере выборов на демократических началах. Отношение кадетов к предложениям меньшевиков озвучил на заседании Городской думы 9 марта гласный М. А. Малиновский: «Первая стадия борьбы народа с существующим строем завершилась, и власть перешла к народным избранникам. Второй важнейшей стадией момента является укрепление нового строя. Для этого необходимо единение и доверие к тем учреждениям, которые признаны Временным правительством. К несчастью, явилась группа лиц, не пожалевшая ярких красок, чтобы раскритиковать городское общественное управление. Теперь указанная группа лиц приглашает население самостоятельно провести выборы, избрать других гласных,

¹ Доклад был представлен на конференции «Итоги краеведческого года» 29.03.2016 г.

удалив нас, получивших власть от Временного правительства. На основании какого мандата группа недовольных желает получить власть над городом? Ведь вслед за этим может явиться вторая группа недовольных устранить первых. Ведь это будет анархия, все пойдет насмарку» [4, 1917. 16 марта].

Главными борцами за демократизацию Городской думы являлись меньшевики. В Симбирске в середине апреля на митинге в городском театре, организованном Советом рабочих и солдатских депутатов, где собралось до 1,5 тыс. человек выступил Н. Н. Чебоксаров. Он вновь потребовал: «Необходимо переизбрание нынешнего состава городской Думы, избранной на основе имущественного ценза. Но до избрания новой Думы необходимо теперь же влить в состав нынешних гласных освежающую струю в лице 26 представителей от группы, примыкающей к Совету рабочих и солдатских депутатов» [1, 1917. 16 марта].

Меньшевики в этом требовании поддержали все левые, в том числе влиятельные тогда в губернии эсеры. Они добились своего. Перевыборы состоялись 23 апреля. Их итогом стало присутствие в Городской думе большого количества левых. От районов прошла целая группа эсеров, в числе которых можно назвать таких старых симбирских социалистов-революционеров, как Н. Н. Комаров, И. А. Шестаков.

От меньшевиков гласными стали В. П. Краснов, Н. Н. Чебоксаров, П. М. Жижин, А. А. Кузнецов. Членами Городской думы также стали кадет князь С. М. Баратаев, брат известных в Симбирске социал-демократов в 1904–1908 гг. С. и А. Миртовых прапорщик Д. В. Миртов, бундовец А. И. Чернобыльский. Ни эсеры, ни объединенные тогда большевики и меньшевики не имели в Городской думе большинства. Ее председателем был избран кадет С. М. Баратаев. Он получил 65 голосов при 11 против и 49 воздержавшихся, товарищем председателя стал близкий к кадетам участник революционного движения в 1880-х гг. юрист М. О. Швер [1, Ф. Р-634. Оп. 20. Д. 13, Лл. 4–6, 12 об.].

28 апреля состоялось первое заседание демократизированной Городской думы. Н. Н. Чебоксаров от имени думской фракции Совета рабочих и солдатских депутатов предложил рассмотреть три вопроса: организация выборов в Городскую думу по новому временному положению, снабжение населения продовольствием и народное, в особенности школьное, образование. Затем прошли выборы от Городской думы в исполком, в губернский и уездный продовольственные комитеты, в комиссии по внешкольному образованию и по выборам в Городскую думу. В комиссию по выборам в Городскую думу баллотировались фракционные списки.

В списке демократической фракции значились В. П. Краснов, В. С. Поляк, М. О. Швер, А. Ф. Мирандов. В числе кандидатов от социалистической фракции значились бывший депутат II Государственной думы меньшевик А. А. Кузнецов, упоминавшийся Н. Н. Комаров и др. Демократический список получил 99 голосов, социалистический список – 79 голосов.

В Городской думе отношение к войне проявилось в связи с полученной 28 апреля телеграммы военнотружущих некогда квартировавшегося в Симбирске Закавказского полка: «Симбирск. В городскую Думу. В день полкового праздника приветствуем свободных граждан г. Симбирска с обновлением России и просим верить в наши искренние стремления отстаивать свободу на фронте до полной победы над коварным врагом». Прочтение телеграммы сопровождалось аплодисментами, но меньшевик Н. Н. Чебоксаров от имени социалистического блока выразил несогласие с последними словами телеграммы. «Лозунг фракции, – отметил он, – продолжать войну не до победного конца, а пока имеется в наличии опасность для народной свободы».

Левые и кадеты предложили свои варианты ответа закавказцам. Ответ прокадетской демократической думской группы гласил: «Симбирская городская дума благодарит за приветствие и вместе с вами твердо верит в конечное торжество нашей армии на фронте, в согласии с союзниками и армией свободы и при дружном единении армии с народом». Ответ социалистического блока: «Симбирская городская дума благодарит за приветствие и твердо верит в конечное торжество международной демократии, возможное только при неослабной твердости фронта и тыла и полагает, что отказ от контрибуций и аннексий приближает к общему миру». Большинство голосов Городская дума приняла текст демократической группы.

Апрельский кризис Временного правительства и отставка П. Н. Миллюкова отозвалась и на кадетях Симбирска. Вслед за партийным лидером помощники губернского комиссара кадеты М. А. Малиновский и С. А. Попов сложили свои полномочия. Тем не менее, кадеты, выступая за крепкую вертикаль власти, продолжали рассматривать власть губернского комиссара как единственно законную. В конце мая на заседании Городской думы обсуждался вопрос: кому надлежит передать постановление Городской думы для исполнения – губернскому комиссару или губисполкому. М. А. Малиновский предложил первый вариант. Против этого резко выступил Н. Н. Чебоксаров, «обвинивший Малиновского и кадетство в желании ограничить добытые революцией конституционные законы» [1, 1917. 27 мая].

25 мая Симбирская городская управа решила провести выборы представителей Городской думы в Губернское земское собрание по фракционным спискам. От демократической группы предложены в гласные Х. Т. Абсалямов, Д. И. Дегтярев, Л. Я. Липшиц, М. А. Малиновский, М. М. Мышкин, А. Н. Степанов. От социал-демократической фракции кандидатами стали Разумов, Красильников, Н. Н. Чебоксаров, Сорокин. Демократическая группа получила 48 голосов при 38 против. Социал-демократическая группа получила 38 голосов при 48 против. Гласными губернского земства стали лица из демократического списка.

Июльский кризис не мог не обсуждаться на заседаниях Думы. Все осуждали большевиков. Наиболее агрессивны оказались даже не кадеты, а их коллеги по единой организации РСДРП меньшевики-оборонцы. Событиям 3–4 июля 1917 г. в Петрограде было посвящено экстренное заседание Симбирской городской думы. Социалистическая фракция предложила рассмотреть два вопроса: о петроградских событиях и о событиях на фронте. Данную повестку дня гласные приняли единогласно. Выступивший от имени фракции меньшевик Н. Н. Чебоксаров охарактеризовал произошедшие события как контрреволюцию и попытался объяснить ее причины. Одну из них он усмотрел в малосознательности и неорганизованности массы. «Общая разруха и война испугала несознательную массу, которая в поисках защиты себя от гибели на фронте шла под громкими лозунгами "Долой войну" и "Долой Временное правительство", чем воспользовались темные силы. Временное правительство пережило несколько кризисов и весьма нерешительно боролось за ослабление разрухи. Что дала революция: буржуазии свободную жизнь, крестьянам землю, рабочим не давала надежды на 8-часовой рабочий день. И несознательный рабочий пошел за лозунгами большевиков, призывавших к социальной революции. Кроме того, в дело вмешались темные силы, которые может быть на немецкие, а может быть на деньги "народной свободы" развивали контрреволюцию, которую сильно двинули вперед кадеты уходом из коалиционного министерства. Большевики и реакционеры получили свое возмездие, их социалисты министры расстреляли».

После произнесенной речи Н. Н. Чебоксаров предложил следующую резолюцию: «Симбирская демократизированная Дума 1) Одобрят нравственно тяжелые, но исторически необходимые меры Временного правительства. 2) Клеймит позором и требует строго наказания всех лиц, участвовавших в мятеже, подкуплены ли они немецкими деньгами или являются силами русской черной сотни <...> 4) Глубоко осуждает тех лиц, которые покинули ряды Временного правительства». Против чет-

вертого пункта выступили кадеты Ф. Е. Вольсов и М. А. Малиновский. Последний из них заявил, что правительство не было коалиционным, так как министры социалисты проводили свою программу, а представители конституционно-демократической партии не хотели прикладывать свой штемпель к этим действиям, не хотели отвечать за действия других. Бундовец А. И. Чернобыльский, оправдываясь перед кадетами, в коротком выступлении отметил, что «министры социалисты вошли в правительство поневоле, иначе бы их внесла туда толпа, и вот с тех пор началась обструкция кадетов». В итоге без четвертого пункта резолюция была принята единогласно при одном воздержавшемся [1, Ф. Р-634. Оп. 20. Д. 13. Лл 75–75 об.].

В Москве в Большом театре с 12 по 15 августа проходило устроенное А. Ф. Керенским Государственное совещание. В Симбирске на заседании Городской думы 8 августа 1917 г. баллотировались два конкурирующих кандидата на Государственное совещание: кадет князь С. М. Баратаев и бундовец А. Б. Чернобыльский. Победил С. М. Баратаев, набравший 43 голоса против 12. 24 августа на заседании Городской думы он докладывал о своей поездке: «Некоторая часть населения отнеслась враждебно к совещанию, предполагалось вооруженное восстание и разгон собрания, но все ограничилось однодневной забастовкой трамвайных служащих и ресторанной прислуги. На совещании явно выразилось два течения: часть считает, что революция кончена и необходимо приступить к закреплению свобод, другая часть считает, что революция продолжается и необходимо существование революционных организаций. В результате Временное правительство не вполне оправдало ожидание собрания, чувствовалась некоторая недоговоренность, отсутствие полноты власти. К числу положительных результатов следует отнести соглашение партий торговой промышленности и рабочей, выразившееся в символическом пожатии рук между Бубликовым и Церетели» [1, Ф. 137. Оп. 36. Д. 153. Лл. 2–3 об.].

15 августа состоялись выборы в Городскую думу. Участие в выборах явилось последним совместным выступлением городских большевиков и меньшевиков. К выборам было выпущено краткое и неконкретное с точки зрения политических лозунгов воззвание: «Каждый обязан принять участие в выборах; от этого участия зависит строительство государственной и общественной жизни на новых основах. Граждане! Идите на выборы гласных Городской думы и голосуйте за список № 3 кандидатов Российской социал-демократической партии. Знакомьтесь с муниципальной программой социал-демократической партии. Симбирский комитет РСДРП» [2, Ф. 57. Оп. 1. Д. 220. Лл. 1.].

На выборах победили эсеры, заняв 33 места, следом шли объединенные социал-демократы – 13 мест, из них 10 меньшевиков и 3 большевика, кадеты провели 10 человек, недалеко от них отстал татарский список – 6 мест [3, 1917. 2 сентября].

Список эсеровских гласных открывал бухгалтер казенной палаты И. С. Клейменов. Далее шли К. Я. Воробьев и М. А. Чернов, оба служащие губернского земства. Из известных имен в списке присутствовали также председатель городской продовольственной управы А. И. Колосов, член губернской продовольственной управы Н. И. Сахаров и землемер А. Н. Григорьев. Кандидатами в гласные значились такие известные в городе эсеры, как П. Н. Пятницкий, Н. Н. Комаров, М. П. Кузин, Е. Я. Сошникова (все члены партии еще с революции 1905–1907 гг.), М. П. Кистанов, А. С. Фавстрицкий, который занимал должность товарища председателя Совета крестьянских депутатов.

Гласными от объединенной организации РСДРП стали 13 человек, в том числе три большевика: председатель Совета металлистов большевик М. А. Гимов, И. Иванов и Симонов. Остальные были меньшевиками, в их числе Н. Н. Чебоксаров, Н. А. Вологин, В. П. Краснов, бундовец А. Б. Чернобыльский. Кандидатами в гласные стали в числе 34 лиц Б. А. Кабанов, К. С. Шеленшкевич, С. М. Жуков, П. П. Елизаров.

Попытка Л. Г. Корнилова установить свою диктатуру поколебала позиции кадетов в Городской думе, где на первое место выходят эсеры. В Симбирске 7 сентября 1917 г. Городская дума провела выборы представителя на Демократическое совещание. Им стал эсер М. А. Чернов, получивший 27 голосов «за» при 8 «против». По возвращении М. А. Чернова 28 сентября Городская дума по предложению Н. Н. Чебоксарова приветствовала образованный Совещанием предпарламент и «коалиционную власть».

7 сентября в Симбирске Городская управа провела выборы председателя Городской думы. Им стал эсер Н. И. Сахаров, его заместителем меньшевик В. П. Краснов. Они набрали соответственно 46 голосов «за» при 14 «против» и 47 «за» при 11 «против». Других кандидатур не было, и эти лица заняли свои новые должности. После этого со своими декларациями выступили от социалистического блока Д. А. Мороз и от демократического Н. Н. Чебоксаров.

Затем прошли выборы городского головы, его товарища и членов управы. Социал-демократическая фракция устами Н. А. Вологина отказалась от участия в этих выборах, мотивируя это нежеланием нести ответственность за будущую работу Городской думы. В ответ от имени

блока эсеров и социалистов-интернационалистов выступил прапорщик Д. А. Мороз, предложивший установить должности городского головы, одного его товарища и четырех гласных управы. Городская дума утвердила это предложение и провела выборы. Городским головой избрали эсера С. И. Романова (29 «за» и 15 «против»), товарищем городского головы – другого эсера А. И. Колосова (31 «за» и 12 «против»). Иных кандидатур не выставлялось.

С. И. Романов недолго занимал избранную должность. Уже 24 сентября он попросил Городскую думу освободить его с занимаемой должности в связи с распространяющимися слухами о причастности его к возбужденному больше года назад делу по обвинению мужа его сестры Хмельницкого, бывшего начальником сызранских арестантских рот. Новым городским головой стал А. И. Колосов. В любом случае эсеры по-прежнему возглавляли городское самоуправление.

2 ноября 1917 г. в отставку подал председатель Городской думы эсер Н. И. Сахаров, мотивируя это тем, что «будучи сторонником коалиционной работы, он убедился, что события последнего времени вырвали надежду на это. Дума распалась на две части, и фракции социал-демократов и кадетов отказались от участия в исполнительном органе городского управления. При таких условиях городская деятельность является слишком затрудненной» [1, Ф. 137. Оп. 36. Д. 153. Л. 24.]. Гласные меньшевик Н. А. Вологин и кадет М. А. Малиновский высказали сожаление о решении Н. И. Сахарова и пожелание, чтобы он оставался на своем посту. Вслед за ним меньшевик В. П. Краснов заявил, что нахождение им в должности заместителя председателя Городской думы он оставляет открытым. Однако новые выборы в ближайшее время Городской думе провести не удалось, и Н. И. Сахаров продолжал исполнять свои обязанности до начала 1918 г., когда он занял должность председателя губернской продовольственной Управы.

В конце ноября прошло заседание Городской думы под председательством меньшевика В. П. Краснова, который предложил выразить приветствие Учредительному собранию. Эсер М. А. Чернов внес принятое единогласно предложение составить от Городской думы воззвание к населению о значении для России Учредительного собрания, после чего была прочитана телеграмма председателя главного комитета Союза городов: «В случае посягательства на права Учредительного собрания необходим съезд самоуправлений». М. А. Чернов предложил избрать делегатов на этот предполагаемый съезд. Д. А. Мороз внес предложение делегировать на съезд по одному представителю от всех фракций, входящих в состав

**РОЛЬ А. И. ЕРАМАСОВА
В ХОДЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ**

Городской думы. Кадет А. Ф. Бонч-Осмоловский поддержал это предложение. Избранными оказались А. Ф. Бонч-Осмоловский, Н. Я. Левитан, Н. Н. Чебоксаров и Кудрявцев. Затем оглашается резолюция съезда городских служащих против действий власти большевиков. Зачитываются аналогичные телеграммы от служащих уездного и губернского земства, продовольственной Управы и окружного суда.

14 декабря прошли выборы трех гласных губернского земского собрания от Симбирской городской думы. Зарегистрированы оказались три списка: № 1 от думского блока (К. Я. Воробьев, Н. И. Сахаров, М. А. Чернов), № 2 от социал-демократической думской фракции и мусульманской группы (Н. Н. Чебоксаров, А. П. Чистосердов, Х. Т. Абсалямов), № 3 от партии народной свободы (А. Ф. Бонч-Осмоловский, Я. Е. Шостак, И. К. Акчурина). Списки получили соответственно 25, 11 и 12 голосов. Гласными стали по одному представителю от каждого списка.

Городская дума возвестила, что она не признает власть Советов. В противовес Красной гвардии Городская дума начала создавать городскую самоохрану, издав следующее обязательное постановление Симбирской городской думы «О гражданской охране: 1) Для предохранения города от пожаров, всякого рода посягательств и покушений на личную и имущественную безопасность граждан и от нарушения общественного порядка в г. Симбирске учреждается гражданская охрана. 2) В гражданской охране должны участвовать лица, учреждения, имеющие в г. Симбирске недвижимую собственность, владельцы и арендаторы торговых помещений, квартираниматели и съемщики комнат. 3) В несении караула должны принимать участие все лица мужского пола в возрасте от 18 до 60 лет» [3, 1917. 23 декабря]. Однако городская самоохрана значимой роли в истории Симбирска не сыграла. Городская дума исторически была обречена.

Источники

1. Государственный архив Ульяновской области.
2. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области
3. Известия Симбирского губернского исполкома.
4. Газета «Симбирянин».

В начале XX в. во всем мире начался поворот к революционной борьбе. И сегодня как никогда необходимо обернуться назад. Понять, что обрели, чего лишились, что сохраним будущему поколению. Узнав о судьбах тех, кто своими действиями оказывал влияние на ход исторического развития, сегодня хочется вспомнить о земляке – Алексее Ивановиче Ерамасове.

Первая запись об Алексее сделана в книге духовных ведомостей сызранской Николаевской единоверческой церкви. Священнослужитель Иоанн Васильев Кашпиров исправно (ежегодно) учитывал жителей всех дворов, приписанных к его храму. Мальчик родился 22 (10) октября 1869 г. в г. Сызрани Симбирской губернии в семье крупного Сызранского купца – мукомола Ивана Михайловича и Надежды Егоровны Ерамасовых [1]. Семья имела недвижимого имущества в городе на сумму 5070 руб. Они владели собственным каменным двухэтажным домом на одной из главных улиц города – Симбирской, в самом центре Сызрани (ныне ул. Ульяновская) и загородной усадьбой, а также имели мельницу и фруктовый сад (3–4 га) на р. Крымзе. Неподалеку от сада были высажены сирень, акации и другие кустарники, среди которых находилась большая беседка с террасой. В летнее время в ней подолгу жил А. И. Ерамасов.

Семья Ерамасовых была состоятельна. Об этом свидетельствует факт разбойного нападения на загородную усадьбу после пожара 1906 г., уничтожившего почти весь город. Преступление было совершено в сентябре этого же года. Тяжкие телесные повреждения были нанесены дочери хозяйки, купеческой вдовы Надежды Егоровны Ерамасовой, Анне. Был похищен сундук, где Ерамасовы хранили все свои богатства после Сызранского пожара 5 июля 1906 г.: ценные бумаги, золотые монеты разного достоинства, ювелирные украшения из драгоценных металлов с бриллиантами. Всё украденное оценили в 100 тыс. руб. – колоссальную по тем временам сумму. Сызранская полиция нашла сундук в Раменском лесу. В 1908 г. грабители были осуждены Симбирским окружным судом.

О детстве Алексея Ерамасова сведений в архиве не сохранилось. Известно, что Алексей Иванович получил неплохое домашнее воспитание, в 1880 г. поступил в Сызранское реальное училище. Дополнительный класс Сызранского реального училища Ерамасов окончил весьма успеш-

но – с пятерками по всем предметам. После этого уезжает в Москву и поступает в Петровскую сельскохозяйственную академию, но окончить полный курс академии не удалось.

Из архивных документов известно, что в 1890 г. Ерамасов Алексей был исключен из академии и выслан на родину под надзор полиции, т. к. в студенческие годы познакомился с революционно настроенной молодежью, принимал участие в студенческих сходках и нелегальных кружках.

В дни репрессий в Сызрань, к матери в дом на Симбирской улице, возвратился купеческий сын Алексей Ерамасов. Вернувшись в отчий дом после исключения из академии, Ерамасов активно включился в городскую молодежно-студенческую жизнь. В доме Ерамасова до позднего вечера не гасили огня. Все чаще сюда приходили гости: бывший студент Андреев с женой, учитель Жирлов, переплетчик Татаринев и другие. Летом они навещали в загородный дом Ерамасовых, стоявший у мельницы на берегу Крымзы. Здесь же, кстати, собирался марксистский кружок и один раз бывал В. И. Ленин. За чаем обсуждали журнальные статьи, спорили, кто прав: Маркс и Плеханов или идеолог либерального народничества Михайловский? Подобные споры о судьбах России и ее народа велись везде, где собиралось хотя бы несколько интеллигентов.

В дом Ерамасова часто заходил земский служащий из Самары Вадим Андреевич Ионов, бывший студент, исключенный из Петербургского лесного института за свободолюбие и участие в народовольческих кружках. Родился Вадим Ионов в Сызрани, здесь жили его родители. Как-то Вадим Андреевич пригласил А. И. Ерамасова к своим друзьям в Самару. Он привел его в дом на углу улиц Сокольничья и Почтовой, в дом купца Рытикова, где в это время жили семьи Ульяновых и Марка Тимофеевича Елизарова.

Среднее Поволжье в то время было одной из цитаделей народничества. В. И. Ленин приехал в Самару, будучи уже убежденным марксистом. В нелегальные кружки он вошел через Ионина, который познакомил с Владимиром Ильичем и А. И. Ерамасова.

В самарскую квартиру Елизаровых и Ульяновых часто приходили гости. Много, что здесь услышал Ерамасов, для него оказалось новым. Владимир Ильич великолепно знал труды Карла Маркса, экономический уклад России. Овладев методом диалектического материализма, он уверенно опрокидывал доводы либеральных народников.

Алексей Иванович жадно ловил каждое слово Ульянова. Позже Мария Ильинична, сестра Ленина, писала, что Ерамасов бывал у них в Самаре, «пользуясь всяким случаем, чтобы побеседовать с Владимиром Ильичем,

загораясь при этом каким-то особым светом. Не имея определенной политической физиономии до знакомства с Владимиром Ильичем, под его влиянием А. И. Ерамасов стал марксистом».

Марксистскую литературу привозили в Сызрань из Самары. В то время Владимир Ильич перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Рукопись перевода ходила по рукам среди самарских марксистов. Владимир Ильич дал ее и Ерамасову. Тот привез рукопись в Сызрань, чтобы дать прочитать своим друзьям. Попала она и в руки учителю Жирлову, который находился под надзором полиции. До этого у него был уже произведен обыск, и мать очень боялась появления в доме подозрительной литературы. Заметила она, что сын принес новую рукопись. А тут еще неожиданно учителя вызвали в Симбирск к губернскому начальству. «За хорошим к начальству не будут вызывать. Жди теперь обыска», – решила мать. И как только сын уехал, уничтожила рукопись.

Ерамасов и его друзья очень огорчились потерей рукописи. Алексей Иванович, вспоминая этот случай, писал потом: «Такова судьба этого перевода Ильича. Мне так совестно вспоминать об этом, так как я был отчасти виновником гибели прекрасного перевода» [2].

В конце XIX столетия интерес к марксизму в России быстро возрастал. Но марксистской литературы было мало. В России ее было трудно издавать из-за репрессий правительства. Ленин и его товарищи неоднократно обсуждали вопрос установления связей с писателями и журналистами, находившимися в эмиграции, особенно с комитетом «Фонда вольной русской прессы», выпускавшим литературу различных революционных направлений. Эту миссию взяли на себя Ионов и Ерамасов.

В 1893 г. под предлогом посещения Всемирной выставки в Чикаго они выехали за границу и побывали, кроме Чикаго, в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Женеве. За границей им удалось встретиться с земляками – волжанами, политическими эмигрантами Лазаревым и Осиповым. С их помощью были установлены связи с комитетом «Фонда», с Плехановым, писателями Кравчинским (Степняком), Короленко и другими. Ерамасову и Ионову удалось договориться об издании марксистской литературы и ее транспортировке в Россию.

В 1890-х гг. в Сызрань приходили известия о стачках рабочих в промышленных городах. Марксисты оказались правы: «Рабочий вопрос» в России стал реальностью. Собрания в доме Ерамасовых проходили все чаще. Иногда собирались до 80 человек. Среди постоянных гостей Ерамасова были рабочие. Полиция знала об этом, но уличить Ерамасо-

ва – опытного конспиратора не могла. Собрания проводилась под видом вечеринок. На столах шумели самовары, нередко встречи заканчивались дружным хоровым пением.

Проводимая марксистами работа дала свои плоды – в 1898 г. в Сызрани возник первый рабочий социал-демократический кружок. Возглавляли его портные – братья М. Т. и П. Т. Факторовичи.

В. И. Ленин считал, что для выполнения рабочим классом своих исторических задач необходимо ликвидировать разобщенность марксистских организаций. В России требуется создать революционную марксистскую рабочую партию, которая бы уверенно повела народные массы на борьбу против самодержавия и капитализма. Находясь в сибирской ссылке в с. Шушенском, Владимир Ильич продумал план создания такой партии. По его мнению, начинать следовало с общерусской нелегальной политической газеты.

Вернувшись из ссылки в 1900 г., Ленин принялся за осуществление трудного дела. Для начала издания требовались материальные средства, сеть корреспондентов и агентов-распространителей газеты. Летом 1900 г. В. И. Ленин посетил ряд городов России, чтобы установить связи с местными социал-демократами и найти у них поддержку. В июле 1900 г. он заехал в Сызрань. Хотел встретиться с А. И. Ерамасовым, но не застал его в городе и на короткое время остановился у Павла Тимофеевича Елизарова, семья которого снимала тогда квартиру в доме Звягинцева на Большой улице [3].

В декабре 1900 г. вышел первый номер газеты «Искра». А. И. Ерамасов вошел в состав самарской группы искровцев и оказывал газете материальную помощь.

Сын богатого купца, Алексей Иванович вел очень скромный образ жизни, отдавая свои деньги партии. Видимо, за то, что он отказывал себе часто в самом необходимом, за исключительную скромность он и получил шутивную кличку Монах. Владимир Ильич не раз обращался к Ерамасову с просьбой оказать материальную помощь большевистским изданиям. Позже сестра Ленина Мария Ильинична Ульянова писала об этом так: «За весь период нелегального существования партии А. И. помогал ей деньгами, отдавая все средства, которыми имел возможность лично располагать. Деньги эти он направлял всегда лично Ильичу, в его распоряжение. Его он безгранично уважал, ему беззаветно верил и знал, что раз деньги попадут в его руки, им будет дано наиболее рациональное употребление. Деньги эти он направлял всегда лично Ильичу, в его распоряжение. Когда партии туго приходилось в материальном отношении,

мы знали, что есть человек, который охотно выручит, если сможет, и кто-нибудь из нас ехал в Сызрань к Монаху за помощью. А помощь в те далекие подпольные времена значила иногда очень многое» [4].

С первых дней своего существования «Искра» явилась средством объединения разрозненных местных марксистских групп и кружков в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию. В. И. Ленин написал все важнейшие статьи, определившие идеологические, программные партии, организационные принципы революционной партии пролетариата.

По происхождению своему Алексей Иванович принадлежал к буржуазному классу, но и по психологии своей, и по всему складу это был истинный пролетарий. Будучи до революции богатым человеком, он жил крайне скромно, тратя на свои нужды лишь самый необходимый минимум, экономя на себе каждый грош.

Сызранские социал-демократы приняли активное участие в распространении «Искры». Особенно большую роль в этом деле играл А. И. Ерамасов. В 1902 г. он часто бывал в Самаре у Глеба Максимилиановича Кржижановского, возглавлявшего Бюро Русской организации «Искры». Была налажена регулярная доставка газеты в Сызрань. Поступала она по адресу: «Сызрань, мучная лавка, Мещерякову Петру Васильевичу», причем не только из Самары, но и непосредственно из-за границы.

Таким образом, Сызрань являлась одним из пунктов распространения ленинской «Искры», под влиянием которой пробуждалось классовое самосознание рабочих.

В декабре 1904 г. В. И. Ленин обратился к А. И. Ерамасову с просьбой о материальной поддержке для издания нового центрального большевистского органа «Вперёд». Заканчивалось письмо следующими словами: «Сообщите, как Вы относитесь и можно ли рассчитывать на Вашу поддержку, которая была бы для нас крайне важна». В другом письме к Ерамасову Владимир Ильич указывал, что «наше дело грозит прямо-таки крахом, если мы не продержимся при помощи чрезвычайных ресурсов по меньшей мере полгода. А чтобы продержаться, не сокращая дело, необходимы минимум 2 тысячи рублей в месяц на перевозку, снаряжение необходимейших агентов. Вот почему я обращаюсь теперь к Вам с настоятельной просьбой выручить нас и добыть нам эту поддержку». А. И. Ерамасов горячо откликается на просьбу В. И. Ленина.

Отношение его к партии в подпольное время охарактеризовано М. И. Ульяновой в газете «Правда» от 29 апреля 1927 г.: «В образе жизни

Ерамасова А. И. было действительно много сходного с жизнью Монаха. Марксист с большим и солидным теоретическим образованием, живо интересовавшийся общественными вопросами и жизнью партии, он следил за всеми новинками в этих областях не только на русском, но и на немецком языках. Но благодаря особому складу характера и слабости здоровья не принимал непосредственного участия в подпольной революционной работе и, за редкими отлучками, жил в Сызрани очень уединенно, проводя время за чтением и естественно-научными опытами».

В 1917 г. в Петрограде началась Февральская революция. Самодержавие было свергнуто. Весть об этом долетела до Сызрани 4 марта. В тот же день в городе начались демонстрации. На улицы вышли рабочие и ученики реального училища. К ним присоединились солдаты пехотных частей. На митинге возле городской управы одним из первых ораторов выступил А. И. Ерамасов. В своих речах А. И. Ерамасов говорил о В. И. Ленине как о великом пролетарском революционере, о том, что под руководством Ленина и созданной им большевистской партии рабочие, крестьяне, солдаты непременно победят и создадут новое, без буржуазии, помещиков и чиновников социалистическое общество. Его речи производили глубокое впечатление на участников митинга.

В Сызрани в 1917 г. Ерамасов оказывал денежную помощь органу Сызранского комитета большевиков – газете «Товарищ», а также газете «Сызранское утро», пропагандировавшую идеи В. И. Ленина.

Евгению Хлебцевичу пришлось встретить Ерамасова в 1917 г. уже седым стариком во время похорон его брата – Владимира Хлебцевича, студента Петербургского университета, погибшего в дни Февральской революции. Идя за гробом, сопровождаемой 30-тысячной демонстрацией (тело его было перевезено в г. Сызрань), к нему вдруг подходит старичок со слезами на глазах и говорит:

– Вы брат убитого?

– Да.

– Считаю нужным Вам сообщить, сто Сызранская буржуазия организовалась в «Обывательский комитет» и председатель этого комитета, некий Федоров, заявил, что Вашего брата будут хоронить на кладбище, а не там, где предложила похоронная комиссия Петроградского Исполкома Рабочих Депутатов – т. е. в сквере, что на Кузнецкой площади. Но мы организовали рабочих и солдат и решили исполнить волю Петроградского Совета Рабочих Депутатов [5].

Слово и дело были неразрывны у Алексея Ивановича. И вот он во главе группы большевиков в течение одного вечера издал прокламацию

от местного Комитета Совета Депутатов с призывом к рабочим и солдатам принять участие в похоронах Владимира Хлебцевича согласно воле Петроградских рабочих, с группой рабочих возложил венок от Сызранских рабочих и завербовал их вырыть могилу в сквере на Кузнецкой площади.

Несмотря на старость, А. И. Ерамасов не упускал ни одной минуты, достал где-то лопаты для рабочих, которые в 1–2 часа вырыли могилу. Когда процессия двигалась к скверу, рабочие начали рыть, а когда процессия приблизилась к скверу, могила уже была готова.

И вот А. И. Ерамасов первый взобрался на холм земли возле могилы и произнес речь, просто и ясно используя этот случай с похоронами для разъяснения рабочим и солдатам значения свержения царизма и роли рабочего класса. А. И. Ерамасов обнаружил себя как опытный подпольщик, пропагандист, просто и четко давший оценку отношения буржуазии к похоронам жертвы революции.

Вот его речь, переданная Евгению Хлебцевичу, в написанном виде: «Много жертв понес рабочий класс в борьбе с самодержавием. Более 40 лет тянулась страшная борьба, когда люди за свои идеи сидели по тюрьмам, ссылались на каторгу в Сибирь, избивались и расстреливались царскими опричниками; но, наконец, царизм пал, рабочий народ совместно с революционной армией победил ненавистного врага. Буржуазия при всех бывших революциях старалась присвоить себе плоды победы, захватить в свои руки всю власть, жертвы же революции похоронить где-либо подальше, вдали от центра города, чтобы они не смущали ее покой, не напоминали бы угнетенным действительных народных борцах за права и свободу народа. Но у нас рабочий класс создал могучую организацию – Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, который и решил похоронить останки жертв революции на Марсовом поле в Петрограде, у нас же, согласно телеграммы Совета, борец за свободу Владимир Хлебцевич должен быть похоронен в садике на Кузнецкой площади. Воля Петроградского Совета должна быть для нас законом, как воля передовых борцов за свободу. И Вы видите, товарищи рабочие и солдаты, что было достаточно незначительного объединения, и нам удалось выполнить эту волю. По поручению Совета рабочих и солдатских депутатов, Владимир Хлебцевич ездил повсюду собирать убитых и раненых товарищей и в свою последнюю поездку был предательски убит из пулемета царского опричника, несмотря на то, что на автомобиле был знак красного креста. Пусть Сызранский рабочий класс почаще вспоминает дорогого борца за свободу и права

народа. Пусть создает мощную организацию, добьется себе такого влияния в жизни, какое ему по праву принадлежит и создаст могучую вольную жизнь. Вечная память борцу за свободу, милому студенту Володе Хлебцевичу» [5].

Первые годы после февральской революции А. И. Ерамасов принимал активное участие в партийной политической работе, участвовал в организации отрядов Красной гвардии.

Непродолжительное время работал в Сызранском ОНО, в музее народного образования, но вынужден был оставить работу по болезни. После революции Алексей Иванович вступил в партию, но тяжелая мучительная болезнь не дала ему возможности работать, и скоро он механически выбыл из нее. Долгое время болел, лечился. После увольнения за сокращением штатов испытывал крайнюю нужду.

Не имея заработка, он находился в стесненных материальных условиях, но ни разу не написал об этом ни Владимиру Ильичу, ни кому-либо другому из членов его семьи. Спустя много лет, в одиночестве, больной и в нищете, он оказался по случаю во внимании сестры Ленина – М. И. Ульяновой.

В начале 1920-х гг. домовладения, принадлежащие Ерамасовым, были муниципализированы. Однако в комиссию по оформлению списков муниципализированных домов поступило заявление от Анны и Алексея Ерамасовых, в котором доказывается, что дома не подлежат муниципализации, так как дом с погребом каменной кладки и конюшней сдан с 9 марта 1922 г. в аренду ГПУ. После разбирательства дома остались в собственности прежних владельцев. То есть про человека, отдавшего всё во имя революции, даже не вспомнили!

Алексей Иванович Ерамасов умер 28 апреля 1927 г. после продолжительной болезни.

Его сестра Анна Ивановна, выполнив волю брата, передала дом в муниципальный фонд города под библиотеку. Впоследствии дом занимали различные организации, с 1939 г. и по настоящее время в нем размещается городской военкомат. Дом, в котором жил Ерамасов, относится к памятникам гражданской архитектуры XX в. В память о нашем земляке одна из улиц современной Сызрани носит имя А. И. Ерамасова.

Литература

1. Фонды Сызранского филиала ЦГАСО.
2. Морозенко В. С., Портнягин О. А. Сызрань: годы и люди. – Куйбышевское книжное издательство, 1983. – С. 20–25.
3. Елизаров П. П. Марк Елизаров и семья Ульяновых. – М., 1967. – С. 55, 69.

4. Город Сызрань. – Куйбышев, 1968. – С. 44.

5. В. Хлебцевич Краткий очерк памяти Алексея Ивановича Ерамасова. СКМ ОФ 4340 ПИ 1410.

Е. В. ЛУКЬЯНОВА

ТВОРЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ХУДОЖНИКА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА ГРИГОРЬЕВА (МАРИ) И СКУЛЬПТОРА ДМИТРИЯ СТЕПАНОВИЧА ЖИЛОВА В КОНТЕКСТЕ С СОБЫТИЯМИ 1917 г. В РОССИИ

Козьмодемьянск в Республике Марий Эл знаменит своими музеями, которые рассказывают о богатейшей истории этого маленького городка. Приехав сюда, можно познакомиться с купеческим укладом жизни, окунуться в крестьянский быт средних веков и настоящего времени, рассмотреть живописные полотна известных русских художников и увидеть целый музей, посвященный литературному персонажу романа «Двенадцать стульев» Остапу Бендеру. Здесь, несмотря на тихую провинциальную жизнь, происходят новые открытия в области искусства, которые дают основу для продолжения собирательской деятельности музейных сотрудников. Козьмодемьянский художественно-исторический музей имени Александра Владимировича Григорьева был создан почти 100 лет назад, но и до сих пор есть «белые», неисследованные пятна в жизни этого замечательного человека, которые ждут своего заполнения и осмысления. Поэтому актуальность данной статьи заключается в раскрытии новых страниц в жизненной и творческой биографии А. В. Григорьева – основателя Козьмодемьянского художественно-исторического музея, а целью является поиск связующих нитей в творческих судьбах художника А. В. Григорьева и скульптора Д. С. Жилова, давших им возможность остаться друзьями на долгие годы. Задачи, с помощью которых будет раскрываться данная тема, следующие: ввести в научный оборот копии писем А. В. Григорьева; исследовать влияние революционных событий 1917 г. на судьбы А. В. Григорьева и Д. С. Жилова.

В 2016 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Александра Владимировича Григорьева – основателя Козьмодемьянского краеведческого музея. Этот человек осуществил невероятный прорыв в интеллектуальной жизни своего малого народа, поддержал местную инициативу и создал очаг культуры, который до сих пор горит неугасаемым светом, привлекая и поддерживая всех, кто к нему прибегает. При своем появлении музей

сделал ставку на просвещение неграмотного населения, сохранение традиций своего народа, что в итоге и способствовало его долгой жизни – скоро будет отмечаться столетие со дня его образования.

При живейшем участии А. В. Григорьева открытие музея в г. Козьмодемьянске состоялось 7 сентября 1919 г. Посещение его в те годы было бесплатным, а сам музей был образовательным учреждением. После открытия всего за 3 месяца его посетило 3269 человек, в среднем 44 человека в день. К 1 декабря 1919 г. музей имел 1400 экспонатов и 3000 томов книг [1. С. 3].

Александр Владимирович особо заботился о пополнении фондов и собирании предметов для экспозиций. В самом начале существования музея были организованы экспедиции по близлежащим деревням, в результате которых появилось много предметов народного быта, чучела зверей, птиц, кости первобытных животных. Одновременно Александр Григорьевич старался укомплектовать художественный отдел живописными картинами и предметами декоративно-прикладного искусства, и в этом ему помогло собственное образование. В 1915 г. он закончил Казанскую художественную школу, а в 1917 г. – Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

Своим примером Александр Владимирович заложил крепкую основу для собирательской деятельности музейных работников, которая не останавливается и по сей день. И, казалось бы, что про своего основателя мы знаем всё, но жизнь нам открывает ранее не известные факты из его биографии. Совсем недавно Марина Дмитриевна Бернацкая, дочь известного русского художника и скульптора Дмитрия Степановича Жилова, написала письмо в Козьмодемьянский музейный комплекс, где она делится информацией, которой владеет. Марина Дмитриевна занимается разработкой наследия своего отца, мечтает сделать выставку его работ.

По словам М. Д. Бернацкой, в её семейном архиве есть несколько писем А. В. Григорьева, из которых часть написаны её отцу, Д. С. Жилову, а другая часть писем – её матери по поводу внезапной смерти отца. На данный момент Марина Дмитриевна прислала пять писем (сканированные с оригиналов), по электронной почте, которые адресованы Александром Владимировичем Григорьевым её отцу в 50-е гг. XX в.

После изучения переписки и времени её написания выяснилось, что в тот момент и Григорьев, и Жиллов были уже людьми немолодыми, преодолевшими большую часть своего жизненного пути, но оставшимися в душе юными и открытыми для всего нового и интересного. Они являлись

соратниками в искусстве, близкими друзьями. Тон писем Григорьева к Жилову очень лиричный, умиротворенный, видна духовная общность людей и проникновенность друг к другу.

В ходе поисков жизненного пути Д. С. Жилова выяснились очень интересные детали, которые пролили свет на зарождение дружбы между ними. Проследив начало творческих биографий живописцев, можно предположить, что знакомство двух юношей, впоследствии ставших известными людьми своей эпохи, произошло в Казанской художественной школе, кузнице художественных талантов. Оба учились у Николая Ивановича Фешина, оба были восхищены его талантом живописца. Да и сама учеба в прогрессивном заведении оставила глубокий след в душах молодых людей, сблизила на всю жизнь. Жизненные невзгоды, впоследствии коснувшиеся А. В. Григорьева, не оттолкнули от него Д. С. Жилова, они продолжали дружить, видеться и писать друг другу письма.

Революционные политические события 1917 г. повлияли самым непосредственным образом на судьбы художников, явились переломным этапом в биографии каждого. Более того, и у того, и у другого встречаются моменты, которые, будто писанные под копирку, происходят почти в одинаковое время с каждым.

После учебы они возвращаются к себе на малую родину, проявляются и как настоящие профессионалы, могущие средствами искусства выразить человеческие мысль и чувство, и как активные члены нового, нарождающегося социального строя, способные вокруг себя сплотить народ и повести вперед.

А. В. Григорьев организует ячейку сочувствующих РКП(б) в родном селе, выполняет все партийные задачи, работает над поднятием культурного уровня своих сельчан, становится заметным в родном уезде. Руководство Козьмодемьянского уездного комитета большевиков замечает А. В. Григорьева и ставит его заведующим внешкольным подотделом, который руководит всей культурно-просветительской работой в уезде.

В это же время Д. С. Жиллов после демобилизации из армии в 1918 г. преподает в школе 2-й ступени, работает заведующим подотделом искусств Базарно-Карбулакского отделения Союза работников просвещения.

Каждый из художников на родной земле становится своеобразным маяком, привлекающим к себе огромную массу народа. Вся эта бурная деятельность сформировала характеры сильные, твердые, способные выдержать титанические испытания. Подобные испытания впоследствии выпали на долю А. В. Григорьева, осужденного в 1938 г. на 8 лет

лагерей. А затем, после возвращения оттуда, были долгие 7 лет, потраченные на возвращение себе доброго имени, снятия позорного клейма «врага народа».

Несмотря на перенесенные скорби, Александр Владимирович Григорьев в письмах к Дмитрию Степановичу Жилу предстает как душевный и сопереживающий человек, живущий созвучно мыслям и чувствам другого.

Первое письмо начинается с имени Васи Тихонова, судьбой которого очень озабочен автор. Марина Дмитриевна дала небольшую справку об этом человеке: «Василий Сергеевич Тихонов, в то время как я понимаю, был молодым скульптором, вернувшимся с войны инвалидом (у него не гнулась в колене, по-моему, правая нога), и без работы. Он был родом из Тарусы, где после войны жил А. В. Григорьев, и они были знакомы. Григорьев попросил моего отца, который тогда работал скульптором в Архитектурно-художественном отделе ВСХВ, помочь Василию с работой. Я не знаю, какие работы выполнял Василий Тихонов, видимо, какие-то вспомогательные, но у нас в доме бывал часто и даже жил по нескольку дней, т.к. жилья в Москве у него не было. Отец мой с товарищами хлопотали, чтобы Василию, как инвалиду Великой Отечественной войны, дали комнату. В конце концов, он ее получил, правда, уже после смерти моего отца. К сожалению, он прожил в ней не долго: он умер при непонятных обстоятельствах. У нас в семье сохранилось несколько его портретов, написанных моим отцом».

Нужно отметить, что Василий Тихонов не раз упоминается в письмах А. В. Григорьева Д. С. Жилу. Видно присутствие большого участия Александра Владимировича в судьбе этого человека, желание обустроить его житейские проблемы.

В первом письме можно увидеть так же, что автор дает высокую оценку способностям Дмитрия Степановича как скульптора, сравнивая его с «русским Микель-Анджелом», ждет с нетерпением появления памятника Ивану Владимировичу Мичурину. В биографии Д. С. Жилова отмечено, что в 1954 г. на Всероссийской сельскохозяйственной выставке был открыт памятник И. В. Мичурину, созданный Д. С. Жилым, который стоит на ВДНХ и в настоящее время.

Второе по хронологии письмо посвящено поднятию морального духа друга, который, видимо, находится в расстроенных чувствах по поводу упадка творческих сил, отсутствия успехов в профессиональной деятельности. Эта «проблема», по словам А. В. Григорьева, мешает увидеть другу свою состоятельность как скульптора, ведь он всё равно уверен,

что талант никуда не делся, и его лучшие творения впереди. А дальше следует приглашение в гости и сильное ожидание встречи.

Третье письмо сообщает о знакомстве автора с новыми художниками, о симпатии, которую они проявили в адрес «дяди Саши». Снова следует приглашение друга в Тарусу, с тем, чтобы увидеть это новое племя и поближе познакомиться с ним, когда те ищут и желают увидеть вблизи известного скульптора России. В очередной раз заботы о Васе [Василий Тихонов], сообщение о болезни Николая [Николай Христенко], ожидание встречи.

В четвертом письме А. В. Григорьев поздравляет своего друга с новым, 1953 г. Там адресно идут пожелания жене, детям и Васе. Марина Дмитриевна написала немного о своей маме, Анне Александровне Герасимовой: «Она окончила Тимирязевскую академию и до войны работала зоотехником во Всесоюзном институте животноводства (ВИЖе), где одно время работал ст. научным сотрудником и мой отец, после войны она работала в Министерстве сельского хозяйства СССР, с 1959 г. – на ВДНХ».

Там же, в письме, идет описание дел, которыми был занят автор, видно, что несмотря ни на что, Григорьев продолжает общаться и помогать каждому, кто нуждается в его участии.

Пятое письмо сообщает печальную весть о кончине их учителя Николая Ивановича Фешина.

В каждом письме Александр Владимирович приглашает своего друга к себе в гости в Тарусу, ждет его и одного, и со всей семьей, очень тепло описывает его своим новым друзьям – художникам. По всему видно, что обоих людей связывают узы дружбы, они близки духовно, и эта связь крепка и прочна. Особенно она ценна тем, что в те годы, когда были написаны письма, А. В. Григорьев жил с ярлыком «врага народа», а Д. С. Жил не отвернулся от друга в тяжелые для него времена.

Таким образом, казанская художественная школа явилась связующим звеном в творческой судьбе двух людей, пронесших дружбу через жизненные невзгоды, оставшихся друг для друга крепким плечом и надежным тылом. Революционные события прошлого века выявили друзей как мощных лидеров, которые вели за собой людей, свято веря в новую власть, в новый зарождающийся миропорядок.

Литература и источники

1. Юбилейный музейный выпуск: 95 лет художественно-историческому музею.
2. Сануков К.Н. Судьба художника. Изд. 2-е, доп. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2011. – 160 с.

3. Григорьев А. В. (1891–1961). Сб. ст.: сост. Л. А. Кувшинская. – Йошкар-Ола, 1991 // В. Г. Кудрявцев. А. В. Григорьев – художник, педагог и общественный деятель.

4. <http://www.margaritasurina.ru/> Художник Маргарита Сюрин. Творческое наследие предшествующих поколений художников: Дмитрий Степанович Жиллов. Жиллов Дмитрий Степанович 1891–1959. Марина Дмитриевна Бернацкая, дочь художника.

5. <http://kkmkmuzeu.ru>

6. Письма (копии), представленные М. Д. Бернацкой.

Приложение 1

Письмо А. В. Григорьева Д. С. Жилому от 30.08.50

«30.08.50.

г. Таруса

Митрий,
– здравствуй!

Вася Тихонов едет в Москву. Кажется к тебе на твою с/хоз. выставку на работу, – так мы предполагаем по письму из Москвы, где пишет сестра Васи, что его вызывали по телефону с выставки относительно работы. Убежден, – что это дело рук твоих, а потому: большое тебе спасибо!

Пользуясь случаем, – отъездом Васи – чтоб засвидетельствовать тебе своё дружеское уважение и любовь. Это во-1-х.

Во 2-х. Как твои дела с Мичуриным? Меня радостно волнует появление на фронте скульптуры русского Михель-Анджело!!!

В 3-х. Николай Христенко вчера уехал после дачного отпуска у меня. На занятия в Институт. Как и все художники, побывавшие в Тарусах, Николай зачарован пейзажами Таруссы. Приедет на «золотую осень» на несколько деньков. Валяй с ним. Авось обратным ходом, по татарски, и живописью займешься, – с чего начинал!! Мы же из Татарии.

Привет твой Саша.»

Приложение 2

Письмо А. В. Григорьева Д. С. Жилому от 16.07.52

«16.07.52.

г. Тарусса

Здравствуй, Митрий!

Что-то ты молчишь?! А очень хочется знать о твоих успехах в искусстве, – у меня – ведь – твердая уверенность в том, что ты ещё «наковыряешь» в скульптуре и дашь «пить» лауреатам, тем из них, у которых «головокружение от успехов»; отчего они двигаются вспять. У тебя же дело идет поступательно. Конечно, успехи твои будут зависеть от

упорной работы, засуча рукава, над натурой. Это аксиома. Это ты сам понимаешь прекрасно! И я уверен, что эта «прамблема» тебя гвоздит и что ты опасаясь превратиться в халтурщика по заказным делам.

Да. Начинать письмо я хотел не с того, с чего начал. Как-то Нюра Христенко писала, что ты собираешься к нам. Вернее: она уже спрашивала в письме о том, как поживают Жилловы. Мы и ждали тебя. Ждал и Бакшеев, который гостил у меня три недели...»

Письмо неокончено.

Приложение 3

Письмо от 28.08.52

«28.08.52.

г. Тарусса

Здравствуйте,
Митрий и Вася!

«Перекуштувал», – как говорит Христенковское племя, две больших плепорции во чрево свое запустил зелья, руководствуясь директивной установкой русской патриотической поговорки – «веселье на Руси – пить». Это тогда, когда писал предыдущее письмо и которое возвратилось вспять. И вот результат: нагородил всякую чушь да такую, что и сам ни черта не разберу!

1-я плепорция – лауреатская. Были утром у меня художники молодые, лауреаты. Что-то я им пондравился. Не знал я их раньше. С одним познакомился весной. Ездит сюда и весной и летом, и снял на круглый год дачу, чтоб навещать красивую Тарусу. Фамилия его – Цыплаков. Просил разрешения называть меня «дядей Сашей». Заманил своих сотоварищей в Тарусу, и им понравилась она. Должно быть от того, что в Таруссе проживает «дядя Саша»!

Дайте, черт возьми, и мне раз хоть похвалить самого себя, – раз другие не хвалят!

Привел сей Цыплаков своих друзей знакомить меня с ними. Да пришли с батареей зелья. Ну вот и тово-с!

А потом сына провожал. Тоже: тово-с!

На письмо к тебе, Митрий, стимулировал мой разговор с лауреатами и их заинтересованность в твоей многогранной личности: так я им расписал тебя! Конечно, в романтическом образе, без натурализма! Скучна же простая действительность без романтики в репортерском изложении! Хотят тебя видеть. Вот срочно я и хотел, чтоб ты был.

Но ты, Митрий, хоть и без зелья, не начинённый им, читал мое письмо, но касательно места, где я приглашаю тебя, – ты не разобрал. Поэтому посылаю тебе это место обратно, чтоб ты разобрал его.

«Я хочу, чтоб ты приехал. Нет и ты, и дети твои, жена».

Так надо читать!

А ты прочел: нет, не ты. «I» – это палка подтолкнутой зельем рукой черкнулась. «не» – это «и».

Потом «а» зачеркнуто, переправлено на «и».

Так что твои суждения, – от лукавого, который, с одной стороны, толкнул меня на зелье и неразборчивое письмо, а тебя, с другой, на чтение с мудрованием.

Будем считать, что по данному вопросу, – вопрос «исперчен».

Что касается Васиного письма, то ни черта не разберу! Приедет Вася – разберет.

Ибо мои посещения его родителей всегда вздыбливают мои нервы: они волнуются, недоумевают его молчанию и строят всякие небылицы в лицах.

По приезде из Москвы, я его родителям, прежде всего, передал сахар, а потом доложил о его житье-бытье со всеми подробностями и о твоём чертовом терпении возиться с Васей.

Ну приедете, – расскажу.

Даешь Таруссу!

Николай в Саратове отравился рыбой, болел. Просит две недели отпуска на поправку. Хочет здесь отдохнуть. Езжайте вместе. Сердечный привет всем. Твой Саша».

Приложение 4

Письмо от 01.01.1953 года

«1 января 1953 года

г. Тарусса

С новым – 1953-м годом!, –

поздравляю тебя, Дмитрий, Анну Александровну и Ваших детей! А если под боком Вася – то и его!

Не старинного обряда ради: хотя он очень не плох!,: как говорится – по трафарету, а от всей души желаю Вам всего самого наилучшего в новом году!

Тебе, Дмитрий, уделять больше времени любимому искусству, создать творчески – образную скульптуру, за которую чтоб ты был Лауреатом Сталинской премии.

Анне Александровне, – быть одним их активных помощников в переустройстве советской деревни в мощную сель.-хоз. базу страны!

Детям: кто учится: учиться хорошо, быть примерами для своих сверстников, слушаться родителей!

Васе, – быть творческой молодой опорой в совет. искусстве, перейти в новом году на самостоятельный творческий путь, учиться у старых мастеров и чтоб личные житейские дела были в порядке.

Всем же вместе:

Во 1-х, – здоровья, – крепкого здоровья!

Во 2-х, – выиграть по займу!

В 3-х, – быть крепкими винтиками в строительстве нового коммунистического общества!

В 4-х, – не забывать Таруссу для отдыха!

Евгения Григорьевна ко всему написанному полностью присоединяется! Ваш А. (Саша) Григорьев.

PS. 1) Гриша Козлов прислал преогромное от Дуни письмо. Он – член Комитета по борьбе за мир;

2) Биографию твою, Дмитрий, послал в копии П. Е. Кирилову;

3) Васиным родителям сообщил, что он за свою работу получил 9. 500 руб. А то они сомневались всё, что он что-либо способен заработать. Что обзавелся одежкой: что с продлением паспорта не в порядке и с пропиской; что отдыхает в Доме отдыха 2 недели.

С.»

Приложение 5

Письмо от 05.09.56

«05.09.56.

г.Таруса

Митрий, –

здравствуй!

Только – что получил письмо от Павла Ивановича Фешина.

Николай Иванович приказал долго жить. Прожил 75 лет. Умер очень тихо, – во сне.

Мир праху нашему учителю, замечательному художнику, обаятельному человеку! Произведения Николая Ивановича, - гордость русского искусства!

Сердечный привет

тебе, семье!

Твой Саша.

P.S. Послал Саше Герасимову письмо. Предлагаю возбудить хо-

датайство о переносе праха на Родину. Это, по-моему, политически важно, – пусть знают американские толстосумы, как мы ценим свои таланты.

Хочет приехать на 3–5 дней в Москву Пав. Ив. Фешин. Даст телеграмму. Привезет материалы о Н. И-че. Нельзя ли ему у тебя обновиться? Напиши ему письмо.

Адрес: г. Казань, Тукаев переулок, д.11, кв.3.

Павлу Ивановичу Фешину.

Саша.»

Приложение 6

Биография Дмитрия Степановича Жилова

Жилов Дмитрий Степанович (1891–1959) родился 21 октября 1891 г. в крестьянской семье с. Базарный Карбулак Саратовской губернии, где окончил начальную двухлетнюю школу. С 1910 по 1911 гг. учился в Вольской учительской семинарии. Осенью 1911 г. поступил в Казанскую художественную школу, где проявил себя как способный ученик. В школе Дмитрий Жилов обучался живописи у Н. И. Фешина, а в скульптурном классе – у В. С. Богатырёва.

Его первые творческие работы – два скульптурных портрета художников Сташиса и Попова экспонировались в 1916 г. на художественной выставке передвижников в Казани. В 1916 г. у Дмитрий Жилов окончил Казанскую художественную школу по двум отделениям: скульптуре и живописи, оба – по первому разряду, получив отличные оценки по всем художественным предметам.

По окончании школы был призван в действующую армию, откуда в декабре 1916 г. направлен в школу прапорщиков в Киев. После демобилизации из армии в 1918 г. Дмитрий Степанович преподавал в школе 2-й ступени и был заведующим подотделом искусств Базарно-Карбулакского отделения Союза работников просвещения. В 1923 г. правлением Саратовского культотдела профсоюза работников просвещения он командировается в Московские Высшие художественные мастерские для продолжения образования. К тому времени у Дмитрия Степановича уже была семья, дети, и, беря во внимания положение в стране – разруху, голод, тем более в Поволжье, он был вынужден оставить занятия искусством. В 1923 г. он поступает на агрономический факультет Саратовского сельскохозяйственного института, который заканчивает в 1927 г. Работает агрономом, преподаёт в техникуме. Осенью 1931 г. его командировуют в аспирантуру в Москву. В 1931–1933-х гг. он аспирант Всесоюзного института жи-

вотноводства, защищает диссертацию и получает степень кандидата биологических наук. В мае 1933 г. Д. С. Жилов был зачислен старшим научным сотрудником института, где проработал до 1938 г.

Все эти годы, занимаясь наукой, Дмитрий Степанович также не переставал заниматься и искусством: каждую свободную минуту брался за карандаш или кисть, делал наброски, писал портреты; он постоянно интересовался художественной жизнью, достижениями в разных областях искусства, поддерживал дружеские связи с товарищами-художниками, такими как Г. Козлов, А. Григорьев, Н. Христенко. В 1938 г., когда открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, Дмитрий Степанович переходит работать скульптором в Архитектурно-художественные мастерские при Управлении оформления ВСХВ. Им был выполнен ряд творческих работ, которые экспонировались в 1939–1941 гг. на ВСХВ. Начавшаяся война прервала творческие планы художника.

Во время Великой Отечественной войны в 1941–1943 гг. Дмитрий Степанович был направлен Наркомом земледелия СССР на работу в прифронтовой полосе в качестве уполномоченного по эвакуации скота Крыма и Северного Кавказа. Участвовал в боевых действиях, был награждён медалями: «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны».

С конца 1944 г. он снова работает скульптором на ВСХВ. В 1948 г. Д. С. Жилов по рекомендации скульпторов С. Меркурова и В. Мухиной и директора ВСХВ академика Н. Цидина был принят членом МОСХ. В 50-е гг. прошлого века Дмитрий Степанович Жилов работал на ВСХВ со скульптором Александром Павловичем Кибальниковым, только что переехавшим в Москву из Саратова, был дружен с семьей Кибальниковых в этот период.

В 1954 г. на ВСХВ был открыт памятник И. В. Мичурину, созданный Д. С. Жиловым. Этот памятник стоит на ВДНХ и в настоящее время. В 1957 г. автопортрет Д. С. Жилова, выполненный в дереве, экспонировался на Всесоюзной художественной выставке в Манеже.

Последней работой, над которой трудился Дмитрий Степанович, был эскиз памятника «Покорителям Севера» для Коми АССР. Он был утверждён и принят Художественным Советом для выполнения, но внезапная смерть, наступившая 7 января 1959 г., не дала завершить этот творческий замысел скульптора.

К сожалению, многие его скульптурные работы не сохранились, а живописные были утеряны. И всё-таки, несмотря на трудные жизненные обстоятельства, те работы, которые удалось сберечь и собрать, дают

представление о Дмитрие Степановиче Жилове как о талантливом и интересном художнике Фешинской школы [4].

Приложение 7

Биография Григорьева Александра Владимировича

Родился он в семье сельских учителей в дер. Пертнуры Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне Горномарийский район Республики Марий Эл). Закончил учительскую семинарию в Казани, затем здесь же – художественную школу. В 1915 г. продолжил образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Для обучения требовались деньги, поэтому А. Григорьев вел педагогическую деятельность, занимался репетиторством. Учеба закончилась в 1917 г., тогда же молодой художник активно вливается в революционную деятельность.

В феврале 1917 г. А. В. Григорьев вместе с московскими рабочими участвовал в захвате Городской думы. А в бурные дни революции по декрету, подписанному В. И. Лениным, вместе с В. М. Свердловым (братом Я. М. Свердлова) был назначен членом Главного комитета Земского союза, просуществовавшего до 1918 г. [3. С. 40].

Осенью 1918 г. А. В. Григорьев возвращается на родину, устраивается в с. Еласы, что недалеко от его родной деревни, преподавателем русского языка, истории и рисования и посвящает себя поднятию образования, культуры родного народа.

А. В. Григорьев учительствовал недолго. В то бурное, кипучее время везде нужны были работники инициативные, преданные общественному делу, каким он и являлся. В Еласах Григорьев вступает в партию большевиков, организует и возглавляет ячейку сочувствующих РКП(б). Уже через некоторое время в числе лучших из ячеек сочувствующих РКП(б) в уезде названа Еласовская, руководимая «опытным работником Григорьевым». Козьмодемьянский уездный комитет большевиков ставит А. В. Григорьева заведующим внешкольным подотделом. Этот орган руководил всей культурно-просветительской работой в уезде.

Активного революционера Наркомпрос РСФСР в сентябре 1919 г. назначил своим уполномоченным по делам музеев и инструктором по изобразительному искусству в Козьмодемьянске. [2, с. 14].

Еще во время учебы А. Григорьев, участвуя в спорах о будущем, вынашивал мысль о широком эстетическом воспитании подрастающего поколения, о распространении знаний в гуще народа (и не только русского), о сохранении и приумножении народных художественных традиций. Встретившись с бывшими своими учителями из Казани П. А. Радимовым

и Г. А. Медведевым, А. В. Григорьев вместе с ними вырабатывает интересный проект народного художественного образования, который авторы предлагали провести в жизнь в Казанской губернии, среди чувашского и марийского населения [2. С. 9].

В докладной записке было сказано следующее: «...Для развития художественного вкуса и поднятия интереса к делу в глубоких народных массах должны быть организованы подвижные музеи художественных произведений и образцов прикладного искусства в сопровождении мастеров – инструкторов, которые должны объяснять и демонстрировать производство на месте...» [2. С. 9–10].

Деятельность Григорьева была высоко оценена. Постановлением исполкома Козьмодемьянского уездного совета от 4 ноября 1920 г. музею присвоено его имя [2. С. 22].

Е. О. НАУМОВ

«ВСЕ ВРЕМЯ ПРИХОДИТСЯ ВЕСТИ ВОЙНУ»: ОБРАТНАЯ СТОРОНА СОТРУДНИЧЕСТВА АРМЕЙСКИХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1918 г. В ОБЛАСТИ СНАБЖЕНИЯ (на примере 1-й армии Восточного фронта)

Процесс создания вооруженных сил советского государства в Среднем Поволжье в годы Гражданской войны предполагал организацию снабжения частей и подразделений всем необходимым для ведения боя – продовольствием, оружием, боеприпасами и материально-техническими средствами. Однако по причине того, что центральные органы управления длительное время не были способны обеспечить войска требуемыми предметами, армейское командование вынуждено было в качестве одного из основных источников поступления военного имущества использовать склады, которые находились в распоряжении местных властей¹. Но из-за целого ряда факторов рассчитывать на со-

¹ Политический комиссар по снабжению 1-й армии Восточного фронта А. Позднышев писал: «Старый прогнивший аппарат достался нам в разрушенном виде и трудно было собрать и учесть разбросанное имущество по всей территории Республики». См.: Позднышев А. Год работы Отдела Снабжения // Годовщина Первой революционной армии. – М., 1920. – С. 77.

действие советов и военных комиссариатов для разрешения данной проблемы было достаточно сложно¹.

Так, сотрудники штабов 1-й армии и Восточного фронта, части и соединения которых дислоцировались на территории Пензенской и Симбирской губерний, изначально действовали по отношению к региональным учреждениям с позиции силы, предпринимая неоднократные попытки установления полного контроля над их работой, ссылаясь на чрезвычайное положение в районе боевых действий. Например, начальник отдела снабжения штаба 1-й армии И. М. Штейнгауз в приказе № 1 от 20 июня 1918 г. сообщал, что «все местные военные и гражданские власти подчиняются мне» [22, л. 1]. Впоследствии в начале июля 1918 г. командующий Восточным фронтом М. А. Муравьев подписал приказ, согласно которому «все учреждения, находящиеся в районе действующих армий подчиняются командармам последних, все происходящие от них требования должны исполняться» [12, л. 1]. Так, 2 июля и 26 августа 1918 г. И. М. Штейнгауз телеграфировал в губернские и уездные военные комиссариаты Среднего Поволжья с просьбой о заготовке транспортных средств (повозки, двуколки, лошади), продовольствия (скот, кухни, консервы, мука, овес, сено) и снаряжения (обмундирование, упряжь). В случае нехватки или отсутствия перечисленного местные органы должны были сообщить в штаб армии о предполагаемых закупках и количестве денежного аванса [25, л. 363, 643]. 2 и 5 августа 1918 г. приказами командующего 1-й армией М. Н. Тухачевского Симбирскому, Пензенскому и Тамбовскому губернским военным комиссариатам предписывалось сдать в формирующийся в г. Сасове Тамбовской губернии склад имеющееся на учете инженерное имущество [18, л. 41; 19, л. 76].

При этом указанные распоряжения часто сопровождалось угрозами. Например, лиц, допускавших пассивное отношение к выполнению приказов, И. М. Штейнгауз считал «контрреволюционерами и саботажниками», против которых намеревался принять определенные меры [25, л. 363]. За предоставление в штаб армии ложных сведений о наличии в уездах и волостях орудий, винтовок, пулеметов, снаряжения, обмундирования,

¹ Особенности взаимоотношений между армейскими и территориальными органами власти в области мобилизационной работы рассмотрены в следующих статьях автора: Наумов Е. О. Деятельность Мобилизационного отдела 1-й армии Восточного фронта по формированию запасных частей в 1918–1919 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – № 3(2). – С. 444–450; Его же. Проблема сотрудничества армейских и территориальных органов власти Саранского уезда в годы Гражданской войны (на примере Мобилизационного отдела 1-й армии Восточного фронта) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – С. 33–43.

шанцевого инструмента, телефонного кабеля командование телеграммой от 17 августа 1918 г. предполагало привлечение местных работников «к ответственности по военному времени» [15, л. 89–91].

Однако, несмотря на давление армейского руководства, региональные власти, как правило, отвечали на получаемые телеграммы отказом. А. Н. Позднышев сообщал, что губернские продовольственные коллегии не выполняли наряды на поставки продуктов [9, л. 42]. Начальник управления инженеров штаба 1-й армии М. А. Толстой в телеграмме председателю Всероссийского бюро военных комиссаров К. К. Юреневу в августе 1918 г. жаловался, что «все запросы и требования остаются без исполнения» [15, л. 84]. Тем не менее, данные отказы не являлись простой отпиской, так как сопровождалась четкой аргументацией. Так, необходимые для 1-й армии продовольствие и военное имущество планировалось использовать при создании уездных и губернских частей и подразделений Красной армии, не входивших в состав объединения. А. Н. Позднышев вспоминал: «Узнаю, что у Пензенского губвоенкома имеются большие запасы консервов, сахару и крупы, а в армии этих продуктов не было. Специально еду из Рузаевки в Пензу, чтобы добиться разрешения от губкомиссара уступки хотя бы части указанных продуктов для армии, но безуспешно: получаю отказ; доказываю товарищам неправильность их доводов, но все напрасно. В ответ показывают мне цифру предполагающихся у них формирований, довольно-таки внушительную, и говорят, что продукты потребуются для них» [6, с. 78]. Кроме того, согласно декрету ВЦИК и СНК о реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов от 27 мая 1918 г., одноименные комитеты должны были заниматься распределением «продовольствия и предметов первой необходимости среди населения» [2, с. 310].

В августе 1918 г. М. А. Толстой в телеграмме в Москву также сообщал, что «на все мои запросы склады отвечают: «имеем лишь для своих надобностей» или «просимого имущества на складе нет»» [15, л. 83–86]. Стоит отметить, что потребность в нем была настолько высокой, что армейское руководство готово было пойти на компромисс и получить негодное имущество «на предмет починки, а также и все годное, в коем названные комиссариаты не имеют крайней необходимости», о чем М. А. Толстой сообщал в телеграммах в Московский и Приволжский окружные военные комиссариаты от 18 августа 1918 г. [13, л. 21, 22].

Помимо военного командования давление на уездное и губернское начальство оказывали центральные органы управления, которые также стремились взять под контроль имеющееся в регионе имущество и

продукты, вступая, таким образом, в конкуренцию с армейским руководством. Например, перед Пензенским губернским исполнительным комитетом была поставлена задача выполнения плановых поставок продовольствия в Москву, что исключало его отправку в 1-ю армию [23, л. 4 об.]. Так, на внеочередном экстренном заседании Саранского уездного исполнительного комитета Пензенской губернии от 7 августа 1918 г. было принято следующее решение: «В Москву и Петроград в срочном порядке отправить просимый и весьма необходимый хлеб» [24, л. 105].

Большую роль в складывании взаимоотношений между армейским командованием и территориальными органами сыграла строгая иерархия подчинения уездных властей губернским и окружным, без санкции которых на местах запрещалось самостоятельно распоряжаться имеющимися запасами. Так, в постановлении V Всероссийского съезда советов «об организации Красной армии» от 10 июля 1918 г. говорилось, что «условием успешности всех мероприятий в деле создания армии является <...> строгое и безусловное подчинение волостных комиссаров уездным, уездных – губернским, губернских – окружным, окружных – Народному комиссариату по военным делам» [2, с. 542]. Подобное правило соблюдалось и другими органами власти. Например, 22 июля 1918 г. Саранский уездный исполнительный комитет отказался выдать Рузаевскому штабу снабжения 1-й армии сукно на 32 человека, так как по документам оно принадлежало сразу нескольким военным округам [24, л. 46 об.]. В середине августа 1918 г. Саранский уездный продовольственный комиссар неоднократно отказывал в передаче инспектору снабжения 1-й армии Разумову двух вагонов ржи. Только после телеграммы Пензенского губернского комиссара от 12 августа 1918 г., в которой приказывалось немедленно выполнить распоряжение армейского представителя под угрозой личной ответственности «вплоть до расстрела», требование Разумова было выполнено [26, л. 338].

Аналогичные случаи происходили регулярно, так как уездные власти при каждом запросе спрашивали разрешения на его выполнение у вышестоящей инстанции. Так, 11 октября 1918 г. после прочтения на заседании Саранской уездной продовольственной коллегии одной из телеграмм начальника отдела заготовок 1-й армии И. М. Штейнгауза было принято решение «просить Губпродотдел (губернский продовольственный отдел. – *Е.Н.*) сообщить Упродотделу (уездный продовольственный отдел. – *Е.Н.*) следует ли производить заготовку перечисленных продуктов для первой армии» [27, л. 420]. Похожий ответ от Саранской уездной продовольственной коллегии был полу-

чен начальником подотдела снабжения мобилизационного отдела 1-й армии [21, л. 61].

Замыкал данную иерархию Приволжский окружной военный комиссариат, который также отказывался сотрудничать с армейским руководством. В телеграмме командующему Восточным фронтом И. И. Вацетису и Народному комиссару по военным делам Л. Д. Троцкому от 18 августа 1918 г. командарм М. Н. Тухачевский докладывал, что «сейчас же нам ничего не дают без разрешения Приволжского военного комиссариата, а с последним нам теперь нет возможности сговориться» [13, л. 33–37]. При этом согласно Положению об окружных комиссариатах по военным делам, утвержденному 8 апреля 1918 г., последние были обязаны «наполнять армейские и войсковые магазины по требованиям армейского и войскового командного состава» [2, с. 70].

Значительные препятствия создавали работники военных комиссариатов, которые, по словам А. Н. Позднышева, были недостаточно опытны и компетентны из-за продолжающегося процесса формирования и комплектования данных учреждений [9, л. 42]. Положение осложнялось чрезвычайной боевой обстановкой, в которой военкомы, по словам М. Н. Тухачевского, не могли выполнять свои обязанности планомерно [13, л. 33–34]. Так, начальник подотдела снабжения мобилизационного отдела штаба 1-й армии сообщал, что служащие Саранского уездного военного комиссариата «были незнакомы с отчетностью, <...> они только тормозили и путали дело, перемешав полученные интендантские запасы комиссариата» [21, л. 57]. Начальник инженерного управления штаба 1-й армии М. А. Толстой в телеграмме К. К. Юреневу в августе 1918 г. писал, что «имеющееся инж[енерное] имущество в распоряжении военруком (военным руководителем. – *Е.Н.*) [Приволжского окружного военного комиссариата] не сортируется и не на учете» [15, л. 84].

В некоторых случаях работники военкоматов зачастую даже не имели информации о расположении на территории уезда военных складов. Например, в телеграмме Саранского уездного военкома от 10 июля 1918 г., отправленной в ответ на требовательное послание И. М. Штейнгауза, сообщалось, что «запаса предметов, перечисленных в настоящей телеграмме во вверенном мне комиссариате нет» [25, л. 397]. Однако, как писал в докладе начальник подотдела снабжения мобилизационного отдела 1-й армии, «вещи эти находились тут же в Саранске на складах, принадлежащих Приволжскому военному комиссариату» [21, л. 63]. В конце июля 1918 г., после захвата Симбирска частями Народной армии Комуча, по словам М. Н. Тухачевского, из-за указанных факторов в городе

«была потеряна масса имущества», а в Воейкове (Пензенская губерния) в середине августа 1918 г. из-за неправильного хранения могли взорваться «громоздкие склады пироксилина и снарядов» [13, л. 33–34].

Поэтому армейское командование с целью избегания посредничества территориальных органов власти старалось получать военное имущество и продовольствие путем закупок у населения или самостоятельного обследования прифронтовых складов, для чего еще 3 августа 1918 г. при штабе 1-й армии был создан отдел заготовок под руководством И. М. Штейнгауза [18, л. 40]. Так, мясо в армию доставлялось «при помощи частных лиц», которым отчислялись комиссионные выплаты в размере 5 % и 10 % от стоимости [9, л. 40]. Аналогичным образом производилась закупка фуража и сена. На заседании президиума Пензенского губернского исполнительного комитета от 26 августа 1918 г. по продовольственному вопросу сообщалось: «Есть сено, которое мы должны поставить в Центр, цены тоже повышенные. Тухачевский является нашим конкурентом, который покупает по 180 руб. за пуд. На счет фуража дело обстоит плохо: местные начальники армии делаются нашими конкурентами, они разъезжают по всем местам и через посредство других закупают, а наши же агенты сидят на местах» [23, л. 4 об.].

Большую помощь 1-й армии оказывал председатель Всероссийского бюро военных комиссаров К. К. Юренев, который был лично знаком с М. Н. Тухачевским еще по работе последнего в военном отделе ВЦИК, что также стало одной из причин его рекомендации на должность командующего объединением в середине июня 1918 г. [1, с. 42–43]. Например, 16 августа 1918 г. К. К. Юренев отправил в Тамбов телеграмму о необходимости «отпускать теплое белье по официальным требованиям первой армии» [13, л. 140]. 18 августа 1918 г. телеграмма с просьбой «оказать полное содействие начальнику инженеров армии [в] желании координировать питание армии инж[енерным] имуществом» была отправлена К. К. Юреневым в Московский и Приволжский окружные, а также Симбирский и Пензенский губернские военные комиссариаты [13, л. 21, 22, 203, 204]. Кроме того, благодаря К. К. Юреневу, отделу заготовок удалось получить право распоряжаться складами Пензенской губернской продовольственной коллегии. Приказом Высшей военной инспекции от 28 августа 1918 г. последней предлагалось «выдать для нужд 1 армии 30000 порций консервов, 2000 пудов сахару, 1500 пудов крупы, сдать их в штаб снабжения в Рузаевке» [3; 6, с. 78].

В крайнем случае применялся реквизиционный способ получения того или иного имущества, для чего в штат управления начальника во-

енных заготовок входили 50 красноармейцев с 8 пулеметами [18, л. 40]. Политический комиссар 1-й армии О. Ю. Калнин вспоминал: «Рассылаем уполномоченных из прибывших товарищей и посылаем их по всем ближайшим уездным и губернским городам с чрезвычайными полномочиями отыскивать военные запасы и забирать их от местных комиссариатов. По разным уездным городам Симбирской и Пензенской губерний нашлась масса всякого добра. В наше распоряжение поступали пушки, винтовки, повозки, снаряды, а также целые склады обмундирования» [5, с. 42–43].

Постоянные требования со стороны армейского руководства, сопровождаемые угрозами, а также специфические способы воздействия на местные власти вызвали у последних недовольство. О. Ю. Калнин вспоминал, что «много пришлось слышать упреков со стороны военных комиссариатов, так называемой «власти на местах», за самовольное присвоение военного имущества» [5, с. 43]. А. Н. Позднышев также писал, что «у всех перечисленных органов отношение к армии я бы сказал иногда даже и недоброжелательное. Все время приходится вести войну», пассивный вариант которой заключался в бесконечной и бессмысленной переписке [9, л. 42]. Так, во время сотрудничества с Пензенским губернским продовольственным комитетом иногда приходилось «попачкать бумагу» [6, с. 77–78]. «Полстопы бумаги» тратилось для получения у Центроколлегий, занимавшихся эвакуацией военного имущества, одного бесхозного груза, расположенного в эшелонах на железнодорожной станции [9, л. 42].

В некоторых случаях указанная «война» перетекала в активную стадию. Поэтому «ввиду тревожного времени» начальник отдела военных заготовок И. М. Штейнгауз телеграммой от 8 августа 1918 г. просил разрешения у М. Н. Тухачевского пополнить отряд сопровождения еще 50 красноармейцами и 25 кавалеристами, на что командарм ответил согласием [20, л. 28]. Однако данная мера помогала не всегда. Так, согласно телеграмме начальника снабжения Инзенской дивизии чрезвычайному комиссару по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности Пензенского района Г. И. Бруно от 11 августа 1918 г., Пензенский губернский продовольственный комиссар арестовал армейских агентов и муку, закупкой которой они занимались [17, л. 21]. В конце августа 1918 г. продработники Пензенской и Саратовской губерний самовольно захватили 1500 пудов ржи и 719 пудов муки, принадлежавших 1-й армии. Поэтому М. Н. Тухачевский просил «немедленно освободить от реквизиции указанные грузы, а также ничего не реквизиовать из заготовок

для армии. Все последствия, как то бунты, оставление фронта войсками падет на вас, а такой исход неизбежен в случае задержки груза хотя бы на один только день. Армия накануне голода. Прошу немедленно принять самые энергичные меры» [14, л. 77–79].

Указанное противостояние привело к тому, что в конце августа 1918 г. сотрудниками Пензенского губернского военного комиссариата был арестован начальник отдела заготовок 1-й армии И. М. Штейнгауз, который подозревался в «неправильной реквизиции» табака, мануфактурных изделий, а также грузов продовольственных коллегий [8, л. 85]. Задержание И. М. Штейнгауза практически полностью парализовало работу отдела. В телеграмме командующему Восточным фронтом И. И. Вацетису от 27 августа 1918 г. М. Н. Тухачевский сообщал, что «таких способностей заготовителя [ни у кого] нет. Прошу разрешить Штейнгаузу продолжать работу и отпустить его на поруки. Иначе все заготовки армии пойдут насмарку, и рассчитывать придется только на снабжение фронта. Трудно работать, когда арестовывают лучших работников» [7, л. 23–28]. Вероятно, опасаясь возникновения перед фронтовым отделом снабжения проблемы по обеспечению продовольствием целой армии, державшейся до этого собственными заготовками, И. И. Вацетис телеграммой от 28 августа 1918 г. потребовал от Пензенского губвоенкома освободить И. М. Штейнгауза и направить его в распоряжение М. Н. Тухачевского, которому предписывалось произвести подробное следствие [16, л. 42]. Вполне возможно, что именно после этого инцидента, согласно телеграмме начальника штаба 1-й армии Н. И. Корицкого от 13 сентября 1918 г., количество красноармейцев в отряде И. М. Штейнгауза было увеличено до 120 человек, для которых требовалось выслать патроны, пулеметные ленты, гранаты и 7 пулеметов Кольта [11, л. 106].

Постоянные и многочисленные конфликты между армейскими и территориальными органами власти, пагубным образом сказывавшиеся на снабжении войск продовольствием и военным имуществом, привели к тому, что командующий 1-й армией вынужден был обратиться за помощью к вышестоящим инстанциям. 18 августа 1918 г., в телеграмме командующему Восточным фронтом И. И. Вацетису и Народному комиссару по военным делам Л. Д. Троцкому М. Н. Тухачевский обрушился с резкой критикой в адрес местных учреждений: «До сего времени военные средства в районе военных действий не переданы полевому командованию. Это влечет за собой полную неиспользованность этих необходимых средств, которых в армии нет <...> Инженерные и артиллерийские отделы во вверенной мне армии очень хорошо организованы и могут смело

принять все имущество. Настойчиво прошу передать артарму 1 (начальнику управления артиллерии 1-й армии. – *Е.Н.*) все артиллерийские и начинарму 1 (начальнику управления инженеров 1-й армии. – *Е.Н.*) все инженерные склады, находящиеся в районе первой армии. Тогда я буду почти вполне обеспечен артиллерийским и инженерным снабжением... Прошу в спешном порядке удовлетворить мою просьбу и телеграфно ответить» [16, л. 33–37].

Фронтовое командование посчитало аргументы М. Н. Тухачевского достаточно убедительными для принятия ожидаемого решения. Согласно телеграмме от 21 августа 1918 г., копия которой была направлена в Приволжский окружной военный комиссариат, командарму разрешалось «временно пользоваться беспрепятственно всеми имеющимися [в] районе артиллерийскими [и] инженерными складами. Требования командарма 1 удовлетворять безотлагательно» [19, л. 90]. Поэтому уже 23 августа 1918 г., согласно приказу по армии № 46, военным комиссариатам Симбирской, Пензенской и Тамбовской губерний в очередной раз, но уже имея официальное разрешение, предписывалось сдать все имеющееся на учете инженерное имущество в армейские склады [18, л. 72 об.].

Полномочия М. Н. Тухачевского в области распоряжения прифронтовыми складами были расширены приказом РВС Восточного фронта № 315, подписанным 5 сентября 1918 г. Начальнику военных заготовок армии помимо артиллерии и инженерных принадлежностей разрешалось принять на учет все интендантское, автомобильное и авиационное имущество, «находящееся как в неподвижных складах, так и на колесах» в районе расположения 1-й армии, ограниченном на востоке линией фронта, а на западе следующими населенными пунктами: Хвальнск – Ртищево (кроме Петровска) – Кирсанов – Керенск – Спасск – Темников – Ардатов – Алатырь – Буинск – Тетюши. При этом распоряжаться указанной техникой М. Н. Тухачевский имел право только с разрешения начальника снабжения Восточного фронта [18, л. 96]. Однако спустя несколько дней, 20 сентября 1918 г., был подписан приказ по Приволжскому военному округу, согласно которому снабжение войсковых частей, находящихся в пределах округа и Восточного фронта, инженерным имуществом должно было происходить исключительно специальным военно-инженерным управлением, что свидетельствовало о стремлении территориальных властей сохранить контроль над собственными складами [28, л. 33].

Столкновения между армейскими сотрудниками и местными органами власти в деле организации закупок продовольствия также привели к строгой регламентации их деятельности в середине сентября

1918 г. Во-первых, отдел И. М. Штейнгауза становился единственным управлением 1-й армии, который имел право заниматься заготовками продуктов. Во-вторых, данный процесс должен был происходить только при посредничестве губернских продовольственных коллегий, которые, однако, с трудом справлялись с указанными задачами [4]. Как сообщалось в отчете о формировании запасных частей в Саранске, «доставка продуктов коллегией производилась очень неаккуратно» [10, л. 11]. Об этом же свидетельствовал начальник подотдела снабжения мобилизационного отдела. В одном из докладов он писал, что начальник заготовок армии не получал продуктов в Пензенской продовольственной коллегии в достаточном количестве [21, л. 60].

Таким образом, взаимоотношения между армейскими и территориальными органами власти Среднего Поволжья летом – осенью 1918 г. в области снабжения носили крайне напряженный характер и буквально с первых дней сотрудничества приобрели форму борьбы за ресурсы. Данная ситуация была вызвана чрезвычайными условиями Гражданской войны, в которых необходимость выполнения военным руководством обязательств перед войсками, а военных комиссариатов и продовольственных коллегий – перед вышестоящим начальством требовала использования всех законных и незаконных способов получения или сохранения продовольствия и имущества. При этом самоуправные, смелые, инициативные мероприятия армейского командования отличались большей гибкостью, мягкостью и относительной пассивностью, нежели действия местных руководителей, склонных к формализму и даже насилию.

Литература и источники

1. Дайнес В. О. Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории. – 1989. – № 10. – С. 38–61.
2. Декреты Советской власти: в 18 т. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 2. – 686 с.
3. Известия Пензенского совета рабочих и крестьянских депутатов. – 1918. – 28 авг.
4. Известия Рузаевского совета рабочих и крестьянских депутатов. – 1918. – 15 сент.
5. Калнин О. Ю. Борьба на Восточном фронте // Симбирская губерния в 1918–1920 гг. Сб. воспоминаний. – Ульяновск: Ульян. книжн. изд-во, 1958. – С. 69–76.
6. Позднышев А. Н. Год работы отдела снабжения // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Лит.-издательский отдел Политического Управления Революционного Военного Совета Республики, 1920. – С. 76–80.
7. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 157. Оп. 1. Д. 3.
8. РГВА. Ф. 157. Оп. 1. Д. 6.
9. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 564.
10. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 1049.

11. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 16.
12. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 26.
13. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 40.
14. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 41.
15. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 131.
16. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 136.
17. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 139.
18. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609.
19. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 628.
20. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 911.
21. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1077.
22. РГВА. Ф. 157. Оп. 6. Д. 1.
23. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 5.
24. ЦГА РМ. Ф. Р–37. Оп. 1. Д. 8.
25. ЦГА РМ. Ф. Р–37. Оп. 1. Д. 8а.
26. ЦГА РМ. Ф. Р–37. Оп. 1. Д. 28.
27. ЦГА РМ. Ф. Р–38. Оп. 1. Д. 4.
28. ЦГА РМ. Ф. Р–50. Оп. 1. Д. 9.

С. В. РАЛДУГИН

СТАВРОПОЛЬ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОДОК В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРОССИЙСКИХ СОБЫТИЙ

27 февраля 1917 г. в России победила буржуазно-демократическая революция, 2 марта власть в стране перешла к Временному правительству – высшему исполнительному и законодательному органу власти, состоявшему из представителей крупной буржуазии. Параллельно ему был создан Петроградский совет – представительский орган революционной демократии. Вскоре на местах стали появляться свои Советы. Это ознаменовало установление в стране двоевластия.

Февральская революция не сильно изменила жизнь тихого провинциального Ставрополя. Первое время в уезде продолжала действовать земская управа, а городским головой по-прежнему оставался один из богатейших людей города Венедикт Войнатовский. Остались в том же составе суд и полиция. Лишь уездный предводитель дворянства был заменен комиссаром Временного правительства.

Весной в уезде начались захваты помещичьих земель. Временное правительство отложило решение аграрного вопроса до созыва всерос-

сийского представительского органа – Учредительного Собрания, но крестьяне не могли ждать, тем более в Ставропольском уезде до 1917 г. уже не раз случались самовольные запашки земли¹. После революции противоречия между собственниками земли и малоземельными крестьянами только обострились. Например, в с. Кременки крестьяне отобрали у помещика Наумова всю паровую землю и произвели опись скота. Наумов вызвал из Ставрополя конный отряд милиции².

В самом Ставрополе 25 апреля 1917 г. при участии представителей Самарских Советов рабочих и солдатских депутатов В. А. Тронина и И. А. Петровского сформировался Совет крестьянских депутатов, а 5 мая был создан Совет рабочих депутатов³. Также был создан горисполком совета, председателем которого стал местный фельдшер Василий Васильевич Баныкин.

В молодости Василий Васильевич хотел стать врачом и даже поступил в Тартуский университет, но не имел средств на обучение. Василий Васильевич обратился с прошением в земскую управу помочь ему оплатить обучение, но ему было отказано. Он был вынужден уйти из университета со 2-го курса и вернуться в Ставрополь, где и начал работать фельдшером в ставропольской земской больнице. По воспоминаниям современников, Василий Васильевич был человеком очень ответственным и отзывчивым, имел энергичный характер, но при этом отличался категоричностью и эмоциональностью. Именно отказ местных властямущих в помощи на получение образования и определил судьбу Баныкина как будущего революционера – он вступил в партию эсеров⁴.

«Раскаты» революционных событий доходили до глухого, провинциального Ставропольского уезда только в виде далеких отзвуков. Особенность 1917 г. состояла в том, что основные события происходили в столице, а в провинции изменения случались явочным порядком, да и то с опозданием. Поэтому лето и осень прошли в Ставрополе спокойно, даже Октябрьская революция мало отразилась на жизни Ставрополя.

Отдельным ставропольчанам удалось все-таки стать активными участниками бурных петроградских событий: например, Андрею Степа-

¹ Ставрополь – Тольятти в документах и материалах (XVI – начало XX вв.) / отв. ред. Янчарук Д. В. – Тольятти, 2016. – С. 368–370.

² Октябрь в Поволжье / отв. ред. В. К. Медведев. – Саратов: Приволжское кн. изд., 1967. – С. 122–123.

³ Захаров Н. С. Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата. – Казань, 1976. – С. 25.

⁴ Ставрополь – Тольятти. Страницы истории. – Тольятти: Издательство Фонда «Развитие через образование», 1996. – С. 179.

новичу Жуйкову, большевику и ветерану Первой мировой войны. По его воспоминаниям, 3 апреля 1917 г. он встречал Ленина на Финляндском вокзале. Утром 25 октября 1917 г. присутствовал как депутат Петровета на заседании в Смольном. Был на Дворцовой площади среди штурмующих Зимний дворец. Спустя некоторое время он вернулся в Ставрополь и продолжил работу на различных хозяйственных и партийных должностях. Кроме Жуйкова, с В. И. Лениным виделся и другой ставропольчанин – Степан Алексеевич Борисов. По его воспоминаниям, он в составе солдатского комитета 11-го дивизиона тяжелых орудий имел короткую беседу с В. И. Лениным в особняке Кшесинской, где располагался ЦК РСДРП(б), в июне 1917 г.¹

Первое время после провозглашения Советской власти в Самаре, в Ставрополе продолжали действовать дореволюционные, земские органы власти, им же подчинялась милиция. Сторонники новой власти в это время копили силы и налаживали отношения с самарскими Советами. Хотя формально ревком был провозглашен еще осенью, взять власть сразу в свои руки большевики и их союзники не могли: большевистская партия не имела достаточного количества членов в провинции для формирования институтов новой власти на местах. Ставрополь был маленьким городком, в котором было всего около 500 рабочих – главная ресурсная база большевиков была слабой, большевистская ячейка была создана только в октябре 1917 г. Поэтому действовать сторонникам новой власти в Ставрополе приходилось очень аккуратно, тем более что представители земства не сидели сложа руки и сформировали Комитет народного спасения, которому подчинили милицию².

Советская власть в Ставрополе была установлена при непосредственном участии отряда красногвардейцев из Самары. Представители Комитета народного спасения пытались провести митинг в здании женской гимназии, но попытка создать оппозицию провалилась – командир красногвардейского отряда Сунгуров С. А. приказал подчиненным стрелять в воздух, и не желавшие лезть под пули делегаты разбежались.

28 января 1918 г. в Ставрополе состоялся уездный съезд Советов, провозгласивший переход власти в руки Советов и окончательно ликвидировавший земскую управу. На съезде присутствовали 52 депутата из Ставрополя, Мелекесса и 13 волостей уезда, где были созданы Советы. Органами власти стали горисполком и уездный исполком Советов

¹ МБУК Тольяттинский Краеведческий Музей (ТКМ) НВ 2860/1. Воспоминания (биография) участника становления Советской власти в г. Ставрополе Борисова С. А., 1965 г. С. 5–6.

² Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. – Куйбышев, 1957. – С. 102–103.

рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Появились отделы-комиссариаты по каждой отрасли хозяйства.

В противовес Совету земское собрание решило созвать на 2 февраля 1918 г. в с. Никольском-на-Черемшане свой съезд. На нем присутствовали крестьяне, представители волостных земских управ, кредитных товариществ. Представитель ставропольского уисполкома В. Г. Данилов, прибывший с отрядом Красной гвардии под командованием С. А. Сунгурова, распустил и этот съезд¹.

Из телеграммы В. В. Баныкина в Петроград от 17 февраля 1918 г. следует: «... в Ставрополе земство и городская управа упразднены, заменены горисполкомом и уисполкомом Советов, председателем горисполкома избран В. В. Баныкин». В состав исполкома, кроме Баныкина, были избраны Г. И. Карелин, М. А. Минеев, М. Н. Кожевников, В. Т. Данилов, В. С. Демидов, И. Д. Балакин, Г. А. Лимонов. Сам же В. В. Баныкин в течение весны 1918 г. успел побывать в должности и председателя уисполкома, и комиссара внутренних дел уезда.

Новая власть активно взялась за решение текущих вопросов. В первую очередь уисполком решал вопросы распределения земли среди крестьян. Население уезда облагалось налогом по 3 руб. с человека. Налог взимался, в основном, на содержание школы и больниц, строительство детских садов и площадок. От налога освобождались только бедняки, а на самых крупных купцов Ставрополя – Климушина и Бубункину – был назначен персональный налог в 50 тыс. руб., на Дудкина – 20 тыс. руб.². Позднее арестовали все денежные средства Климушина и Бубункиной, ввиду того, что эти лица «нажили деньги путем эксплуатации труда беднейших граждан г. Ставрополя». (У Климушина арестовали 114 тыс., а у Бубункиной 171 тыс. руб.).

Стоит отметить, что принадлежность В. В. Баныкина к левым эсерам сказывалась на некоторых решениях и резолюциях, принимаемых горисполкомом. Так, например, на одном из заседаний горисполкома приняли резолюцию против Брестского мира: «Дать отпор хищникам германского империализма, а позорного мира не заключать». Это решение явно совпадает с эсеровской позицией. Такие решения и резолюции в провинции, явно не совпадающие с «генеральной линией партии», были нередки для первых лет советской власти.

¹ Ставрополь – Тольятти. Страницы истории. – Тольятти: Издательство Фонда «Развитие через образование», 1996. – С. 185.

² Ставрополь – Тольятти. Страницы истории. – Тольятти: Издательство Фонда «Развитие через образование», 1996. – С. 187.

В мае 1918 г. вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса. Чехословацкий корпус был сформирован еще при Временном правительстве из пленных и добровольно перешедших на сторону России чехов и словаков и состоял из 40 тыс. хорошо вооруженных и обученных солдат и офицеров. После заключения мира с Германией советское правительство разрешило чехословакам выехать во Францию.

В 1918 г. корпус готовился к отправке через порт Владивостока – от переброски через Архангельск и Мурманск отказались из боязни быть перехваченными немцами. Эшелоны с войсками корпуса растянулись от Пензы до Дальнего Востока. Отправка затруднялась как пропускными способностями железных дорог, так и различными проблемами на местах.

К весне 1918 г. уже прекратила своё существование дореволюционная армия, а Красная армия только формировалась. Чехословацкий корпус оказался чуть ли не единственной боеспособной силой в России. Отношение большевиков к чехословакам из-за этого было настороженным. С другой стороны, несмотря на выраженное чешскими руководителями согласие на частичное разоружение корпуса, среди самих легионеров это было воспринято с большим недовольством и стало поводом к враждебному недоверию к большевикам¹.

Обстановка накалялась. Поводом для восстания послужил глупый инцидент 14 мая 1918 г. в Челябинске – из состава с военнопленными венграми была брошена ножка от металлической печки, которая ранила одного из солдат корпуса. Разъяренные чехи остановили состав с венграми и расправились с обидчиками. Советские власти арестовали нескольких легионеров и попытались разоружить оставшихся, в ответ чехи освободили арестованных, сами разоружили красногвардейцев и захватили арсенал. 23 мая 1918 г. съезд делегатов Чехословацкого корпуса постановил – оружия не сдавать, с большевиками не сотрудничать, на восток пробираться своими силами. В результате на огромной территории началось восстание против Советской власти².

Именно мятеж Чехословацкого корпуса принято считать началом Гражданской войны. Сама Гражданская война в России характеризуется действиями малоорганизованных армий или иррегулярных формирований, состав которых мог быть идеологически неоднородным, а также

¹ Медведев. Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). – Издательство Саратовского университета, 1974. – С. 76-77.

² Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. – М., 1965. – С. 202–203.

большим сосредоточением враждебных элементов в тылу воюющих сторон. Как только власть слегка ослабляла контроль над территорией, тут же ее легитимность на местах не признавалась. То же самое случилось и в Среднем Поволжье.

Под прикрытием чехословацких штыков на территориях, объятых выступлением, стали тут же появляться новые, антибольшевистски настроенные местные правительства. Первым из них стал КОМУЧ – Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания, организованный в захваченной чехами Самаре 8 июня 1918 г.

Первоначально он состоял из пятерых депутатов-эсеров, не признавших разгон в январе 1918 г. Учредительного собрания¹. Через 4 месяца количество членов КОМУЧа увеличилось до 97. Комитет провозгласил себя временной высшей российской властью, отменил действие советских декретов и начал создавать свою армию.

Командование первым отрядом из 350 человек принял на себя малоизвестный тогда Владимир Оскарович Каппель, впоследствии один из самых талантливых белых генералов. Именно подполковник Каппель командовал войсками, наступавшими на Ставрополь в июне 1918 г.

Ставропольский гарнизон и отряд Красной армии, которые в совокупности насчитывали 80 штыков и 30 сабель кавалерии под командованием военкома В. Н. Парадизова, в силу малочисленности не могли оказать достойного сопротивления и отступили в сторону Мелекесса.

В условиях близкой угрозы исполком Ставрополя организовал эвакуацию: были вывезены ценности Государственного банка и семьи партийного актива, отправлены несколько пароходов с продовольствием.

11 июня на Ставрополь с аэроплана были сброшены две бомбы, возможно, чтобы посеять панику². 15 июня к городу подошли войска КОМУЧа. Председатель исполкома В. В. Баныкин уходил из города последним. Доподлинно до сих пор неизвестно, из-за чего он задержался – есть версия, что он пытался уничтожить документы – но убежал он из здания исполкома, уже когда город был фактически в руках неприятеля. Отстреливаясь, Баныкин добежал до Базарной улицы Ставрополя, где и был убит³.

Многие большевики и сочувствующие также бежали из города, но уйти удавалось не всем. Так, например, большевик и член ставрополь-

ского исполкома В. Г. Данилов смог переправиться на правый берег Волги и пытался бежать к Сенгилею, но все равно он был арестован. Небольшой группе членов исполкома удалось с отрядом Красной армии, которым командовал военный комиссар В. Н. Парадизов, отступить в Мелекесс¹.

Именно в Мелекессе и был образован Ставропольский фронт. Однако комучевцы стремительным броском заняли Мелекесс. В. Н. Парадизов попал в плен и был казнен. Новым командиром ставропольчан стал В. И. Павловский, а сам ставропольский отряд, прижатый к Волге, откатывался к Сенгилею. Там красногвардейцам, которым буквально на пятки наступали белые войска, удалось соединиться с самарским сводным отрядом Г. Д. Гая, который смог вывести объединенную группу из окружения возле Сенгилея к Майне.

Одной из особенностей гражданской войны было то, что воюющие были гражданами одной страны, одной национальности, и различия между ними были только политическими и идеологическими. Но именно это зачастую приводило к немотивированной жестокости. Именно для Гражданской войны характерны несоблюдения правил обращения с пленными и с мирным населением, когда люди, говорящие на одном языке, вчерашние соседи, а то и родственники, находящиеся по разные стороны фронта, почти моментально ожесточались и беспощадно расправлялись со своими противниками.

Так, в Ставрополе, сразу после захвата города начались аресты и расправы над сторонниками советской власти и активистами. Были арестованы председатель горисполкома А. М. Соловьев-Соколов, председатель горпродкома В. Г. Григорьев, комиссар просвещения А. Э. Макаров, член коллегии упродкома З. Д. Дмитриев, члены уездного и городского исполкомов и ответственные работники советских учреждений И. Н. Гребеньков, В. Г. Данилов, П. С. Шлютов, Н. Н. Тепляков, Т. П. Куц. Многие были расстреляны.

12 июля в Ягодном был схвачен и расстрелян руководитель Ставропольского кружка революционной молодежи Кузьма Краснов, редактор первого молодежного журнала «Метеор».

Показательна судьба Павла Степановича Шлютова – первого комиссара финансов Ставрополя – он был арестован и отправлен в Сибирь в «поезде смерти»: составы, на которых вывозили на восток большевиков и сочувствующих. Вагоны буквально забивались людьми, по несколько

¹ Самарская губерния в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Документы и материалы / редкол. М. Т. Александров и др. – Куйбышев: Куйбышевское кн. Изд., 1958. – С. 42.

¹ Медведев. Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). – Издательство Саратовского университета, 1974. – С. 95.

² Тураев А. Так ковалась победа // За коммунизм. – 1967. – 24 фев. – С. 2.

³ Там же. С. 2.

дней подряд им не давали ни пищи, ни воды. Офицеры конвоя группами расстреливали заключенных, иногда не утруждая себя даже тем, чтобы вывести из вагона свои жертвы: убивали прямо в вагонах.

Поезд мог остановиться у одной станции, но там тюрьма не принимала заключенных, и поезд ехал к следующей станции. Так поезда могли находиться в пути несколько месяцев. Осенью к смертям от расстрелов голода и болезней добавились смерти от холода – у арестованных не было теплой одежды. По маршруту следования «поездов смерти» находили порой сотни погибших. Среди них был и Павел Шлютов. Также среди заключенных «поездов смерти» было еще четверо ставропольчан – В. Г. Данилов, Герасимов (известна только фамилия), П. Е. Щерин и В. П. Тентяков¹.

Однако некоторым сочувствующим большевикам удалось избежать ареста. Например, Степан Алексеевич Борисов, бывший слесарь в имении графов Орловых-Давыдовых, уволенный хозяевами в свое время за революционные настроения. Все время он проработал на телефонной станции, попутно пряча от комучевцев телефонные аппараты, коммутаторы и катушки с проводами². Позже С. А. Борисов стал председателем Совнархоза. По его совету ставропольские рабочие забрали из бывшего поместья графов динамо-машину, организовав в Ставрополе подачу электроэнергии. В 1920 г. он вступит в ряды ВКП(б) и продолжит свою хозяйственную деятельность. Интересно, что в 1938 г. Борисов был репрессирован, а в 1939 г. его не только отпустили, но и извинились за ошибку.

КОМУЧ продолжался в Ставрополе и Ставропольском уезде до октября 1918 г. В сентябре от Симбирска на юг стремительно наступала 24-я дивизия Красной армии под командованием Д. Г. Гая. Гай, опытный и решительный командир, предпринял глубокий обход противника в двух направлениях: через Климовку на Ставрополь – Самару и через Новодевичье – Усолье – на Батраки, с тем, чтобы захватить всю Сызранскую группу войск КОМУЧа в клещи³.

В этих боевых операциях принимала участие и Волжская Военная флотилия, созданная в июне 1918 г. под Нижним Новгородом. Флотилия состояла из 5 дивизионов канонерских лодок, миноносцев, из плавучей

¹ Ставрополь – Тольятти. Страницы истории. – Тольятти: Издательство Фонда «Развитие через образование», 1996. – С. 191.

² МБУК Тольяттинский Краеведческий Музей. НВ 2860/1. Воспоминания (биография) участника становления Советской власти в г. Ставрополе Борисова С. А., 1965 г. С. 10–11.

³ Медведев. Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919). – Издательство Саратовского университета, 1974. – С. 174.

батареи, сторожевых судов, 9 гидросамолетов, барж и десантного отряда из 500 человек.

Один из отрядов флотилии направился к Сызрани, другой – к Самаре, оказывая содействие частям на суше. 3 октября 1918 г. одновременным ударом Инзенской дивизии с запада и 24-й Симбирской дивизии с севера при содействии кораблей флотилии комучевцы были изгнаны из Сызрани.

В это же время 5-й Курский полк 24-й дивизии под командованием Трунова двинулся по левому берегу Волги от Мелекесса к Ставрополю. Комучевцы спешно готовились к отступлению. В Ставрополе, в сосновом лесу по дороге в с. Васильевка, у поклонного креста, были казнены 7 ставропольчан и 2 мадьяр, которые отказались воевать против советской власти. Среди казненных были большой гипофидармисом Н. Крюков (за него требовали выкуп 15 тыс. руб. золотом, которых у семьи не было), А. Дерябин (он не дал комучевцам лошадей на отправку), студент Сорокин (его жена работала в земской больнице и лечила красноармейцев), делопроизводитель Д. Кардановский (отказался писать подложное письмо), а также ставропольский аптекарь, который не дал вынести спирт из аптеки¹.

6 октября 1918 г. 2-я бригада 5-го Курского полка 24-й Симбирской дивизии под командованием А. Седякина освободила Ставрополь. Взятие города подтвердила телеграмма-обращение коменданта Ставрополя Блинова «Город Ставрополь под мощным ударом Советских войск пал, противник бежит в панике»...

Стоит отметить, что для ведения действий во время гражданской войны была характерна скоротечность и ведение маневров по дорогам – в первую очередь, по железнодорожным путям. То есть в силу слабой организованности и небольшой численности армий одна сторона отступала (зачастую беспорядочно), а противоположная так же быстро наступала, пока не выдыхалась или не натыкалась на более-менее организованное сопротивление. После этого наступавшие так же быстро начинали откатываться, не имея возможности создать сильную оборону, а их по пятам преследовали. Тот же самый сценарий был повторен в Поволжье летом – осенью 1918 г. – сначала Красная армия под ударами белых стремительно отступила на север, а потом так же стремительно освободила громадную территорию.

Для организации постоянной власти в городе был организован Ре-

¹ МБУК Тольяттинский Краеведческий Музей (ТКМ) б/н. Воспоминания Е. И. Ташевской. 1972 г. – С. 5.

волюционный комитет во главе с И. Н. Румянцевым и штаб по охране города. При содействии политотдела штаба 24-й Симбирской дивизии была создана Ставропольская партийная ячейка¹.

В конце октября из Петрограда в Ставрополь прибыл продотряд, коммунисты которого влились в состав городской партийной организации, и численность ее достигла почти 80 человек. Только в середине ноября ревком передал власть горисполкому. Партком стал издавать газету «Ставропольская беднота».

Основной заботой местных органов власти было организация жизни города – его безопасность и поддержание порядка, продовольственное и хозяйственное обеспечение. 3 декабря была создана Ставропольская ЧК, которая расположилась в доме купца Дудкина.

Еще одной особенностью Гражданской войны было вовлечение широких масс населения, и, как следствие, крупные мятежи и восстания. Этому способствовали и иррегулярность боевых действий, и наличие большого количества огнестрельного оружия у населения, и неустойчивость власти во время гражданской войны, непопулярные меры военного времени, а также злоупотребления на местах. Все эти причины привели к одному из крупнейших крестьянских антисоветских восстаний на территории Среднего Поволжья.

Ставропольский уезд – это, в первую очередь, хлебная житница страны, поэтому он стал объектом продрозвёрстки. Продовольствие изымалось у крестьян бесплатно, денежные знаки полностью обесценились, а промышленные товары взамен изымаемого зерна государство предложить не могло. Часто забирали даже семенной фонд и сельхозпродукты, необходимые для пропитания семьи самого крестьянина.

Вспыхнувшее в марте 1919 г. Чапанное восстание получило название от разновидности крестьянского тулупа (чапан – зимняя просторная верхняя одежда с широким воротником). Крестьянский бунт был попыткой выразить протест против неупорядоченных действий местных властей при сборах налогов, реквизициях, продрозвёрстке и мобилизации².

По одной из версий, в начале марта 1919 г. прибывший в с. Новодевичье продотряд по словам крестьян, «регулярно напивался», и, поправ всякую «революционную законность», бесчинствовал: пьяные продотрядчики попросту грабили местное население, а по ночам беспричинно палили в кого попало. Не стерпев, крестьяне их разоружили.

¹ Овсянников В. Первые шаги // За коммунизм. – 1977. – 15 марта. – С. 2.

² Ставрополь – Тольятти. Страницы истории. – Тольятти: Издательство Фонда «Развитие через образование», 1996. – С. 205.

Вспыхнул бунт, который быстро охватил свыше ста сел Санчелеевского, Сызранского, Карсунского и Ставропольского уездов.

5 марта 1919 г. в с. Ягодное прибыл другой продотряд во главе с уездным комиссаром по продовольствию Гринбергом, который обратился к крестьянам села с просьбой о выделении подвод для отправки продовольствия. Это обращение накалило ситуацию до предела. Масла в огонь подлила группа из 26 вооруженных крестьян из Новодевичьего. Именно они и ударили в набат, собрав всех жителей на площади, где выкрикивали угрозы в адрес Советской власти¹. Продотрядчиков арестовали, избili и посадили в холодный амбар. Пятерых рабочих из продотряда, самых «ершистых», отправили в Новодевичье, но по дороге утопили в проруби. Многие крестьяне, испугавшись мести со стороны большевиков, перешли на сторону «чапанников». Мятежники двинулись на Ставрополь.

Город «чапанники» захватили без боя, поскольку там не оказалось войсковых частей, кроме караульной роты из таких же местных крестьян. Бывший эсер Зеленева поджёг конюшню отца. Люди бросились на пожар, а тем временем с другого конца «чапанники» вошли в город. Ставрополь стал центром восстания. Мятежники создали свои органы власти, объявив, что они «...стоят на платформе защиты Советской власти, но всеми силами протестуют против насилия коммунистов». Из противников большевиков был образован «Совет рабочих, и крестьянских депутатов» без «большевиков»². Мятежники начали выпуск газеты «Известия» (успели напечатать всего 2 выпуска), объявив на первой странице, что Советская власть временно отменяется, призывали красноармейцев присоединиться к восстанию.

В городе начались грабежи. Был разгромлен клуб большевиков, разбиты шкафы, поломаны стулья и столы. Разграбили кладовую городского хозяйства, был взломан сейф городского банка и украдено 140 тыс. руб.

Для пополнения своей армии комендант А. В. Долинин (эсер и бывший офицер царской армии) издал приказ о насильственной мобилизации всех мужчин от 18 до 50 лет. Отказывающимся грозил военно-полевой суд, то есть расстрел. По некоторым данным, в штабе восставших действовали колчаковские офицеры, тайно переброшенные в Поволжье и дававшие указания мятежникам – хотя они и были

¹ Овсянников В. Бесславный конец мятежа // За коммунизм. – 1977. – 6 апр. – С. 2.

² Там же. С. 2.

одеты, как крестьяне, но выделялись строевой выправкой¹. Создать боеспособную армию мятежники не успели.

В уезде было объявлено военное положение. Из Самары для подавления восстания вышел кавалерийский отряд под командованием И. М. Швердина. Сопrotивление «чапанников» было плохо организованным и беспорядочным, вооружены восставшие были слабо: воевать против красноармейцев приходилось винтовками и обрезами, а то и вилами, пиками, першнями и мотыгами.

Но все же кавалеристы понесли потери убитыми и ранеными, в первую очередь из-за несогласованности среди командиров. В бою у дер. Старая Бинарадка двое красноармейцев попали в плен к мятежникам и были убиты². В бою у с. Федоровка на подступах к Ставрополю погиб комиссар ставропольского отряда В. А. Ингельберг.

13 марта отряд красноармейцев окружил Ставрополь. Мятежники стали разбегаться. Ставрополь был взят. В городе создали уездную ЧК, по приказу которой расстреляли более 50 человек. 14 марта 1919 г. «чапанский» мятеж в уезде был подавлен. По донесению М. В. Фрунзе, в ходе восстания было убито не менее 1000 человек, а затем расстреляно свыше 600 «чапанников».

Интересна судьба одного из руководителей восстания А. В. Долинина. Он спрятался от красноармейцев в бане, а ночью сумел бежать из Ставрополя³. Под чужой фамилией вступил в Красную армию, воевал на юге России против Деникина, участвовал в Советско-польской войне, был тяжело ранен. В госпитале он написал покаянное письмо во ВЦИК, где описал свое участие в восстании и просил прощение у советской власти. Долинина амнистировали, но в тридцатые годы ему припомнили участие в мятеже, он был арестован и провел более 10 лет в лагерях.

Весной 1919 г. войска Верховного правителя А. В. Колчака наступали к Волге по линии Уфа – Бирск. Чтобы воспрепятствовать прорыву белогвардейских войск, на Волге решено было возвести оборонительные рубежи. Создавалось 4 укрепленных района – Саратовский, Самарский, Симбирский, Казанский⁴.

¹ Скобелкина Е. Б. Симбирские большевики в борьбе с кулацким мятежом весной 1919 года // Ученые записки Ульяновского педагогического института. Серия общественных наук. Т. XXII. Вып. 1. – Ульяновск, 1966.

² Самарская губерния в годы гражданской войны (1918–1920). Документы и материалы / редкол. М. Т. Александров и др. – Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1958. – С. 253.

³ Овсянников В. Бесславный конец мятежа // За коммунизм. – 1977. – 6 апр. – С. 2.

⁴ Медведев. Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). – Издательство Саратовского университета, 1974. – С. 290.

Руководителем строительства стал военный инженер Д. М. Карбышев. В помощь ему были прикомандированы 20 слушателей Академии Генштаба. Самарский укрепрайон был разделен на участки. Ставропольский укрепленный участок с востока начинался от дер. Кобельма на р. Кондурча, с юга – по р. Сок до впадения в Волгу, с запада – от Самарской Луки до р. Сускан, с севера – от дер. Ташелка. Начальником Ставропольского участка был назначен командир 3-й легкой позиционной батареи Оконешников.

На строительстве наряду с красноармейцами работали и местные крестьяне. Но они отказывались работать за деньги, требовали оплаты продуктами. Тогда Дмитрий Михайлович Карбышев превратил зарплату в интендантские пайки. Положение было напряженным. Колчак продолжал наступать, тесня красноармейцев, а рабочих рук на возведение укрепрайона не хватало¹. На отдельных участках вместо требуемых 1500 рабочих работало лишь по 100 человек. Вместо необходимых 3000 подвод имелось 150. Но, не смотря на трудности, Самарский укрепрайон был возведен и просуществовал до 27 августа 1919 г.

Последним интересным эпизодом, связанным с гражданской войной, стал визит агитпарохода «Красная звезда» под руководством В. М. Молотова, который побывал в Ставрополе 4–6 сентября 1919 г. Ответственным работником из центра предстояло разъяснять трудящимся политику и достижения Советской власти, решать местные вопросы. На пароходе было бюро жалоб, книжный склад, кинематограф. Агитаторы парохода определили нуждающихся в получении пайка, был создан отдел детских домов Ставрополя для обеспечения их развития.

Таким образом, полтора года гражданской войны в нашем крае (и четыре года в общероссийском масштабе) были периодом чрезвычайно бурным, сложным, во многом трагичными и насыщенным событиями. Конечно, о многом можно судить только по сохранившимся свидетельствам очевидцев, достоверность которых иногда вызывает сомнения. Однако именно они наполняют местную историю непередаваемым духом тех сложных лет.

Литература и источники

1. Галанин А. Суровые дни восемнадцатого // За коммунизм. – 1973. – 6 окт.
2. Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. – Куйбышев, 1957.
3. Захаров Н. С. Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата. – Казань, 1976.

¹ Медведев. Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Издательство Саратовского университета, 1974. С. 290–291.

4. История гражданской войны. Т. 3. – М: Государственное издательство политической литературы. – 1958.
5. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. – М., 1965.
6. Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). – Издательство Саратовского университета, 1974.
7. Любославов М. Нас водила молодость // За коммунизм. – 1978. – 23 фев.
8. Овсянников В. Первые шаги // За коммунизм. – 1977. – 15 марта.
9. Овсянников В. Бесславный конец мятежа // За коммунизм. – 1977. – 6 апр.
10. Октябрь в Поволжье / отв. ред. В. К. Медведев. – Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1967.
11. Самарская губерния в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Документы и материалы / редкол. М. Т. Александров и др. – Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1958.
12. Ставрополь – Тольятти в документах и материалах (XVI – начало XX вв.) / отв. ред. Янчарук Д. В. – Тольятти, 2016.
13. Ставрополь – Тольятти. Страницы истории. – Тольятти: Издательство Фонда «Развитие через образование», 1996.
14. Ставрополь – Тольятти. Страницы истории. Ч. II. Дела и люди. – Тольятти: п/л «Современник», 1999.
15. Скобелкина Е. Б. Симбирские большевики в борьбе с кулацким мятежом весной 1919 года // Ученые записки Ульяновского педагогического института. Серия общественных наук. Т. XXII. Вып. 1. – Ульяновск, 1966.
16. Тураев А. Так ковалась победа // За коммунизм. – 1967. – 24 фев.
17. Тураев А. Ставрополь – Петроград // За коммунизм. – 1969. – 30 окт.
18. МБУК Тольяттинский Краеведческий Музей. НВ 2860/1. Воспоминания (биография) участника становления Советской власти в г. Ставрополе Борисова С. А., 1965 г.
19. МБУК Тольяттинский Краеведческий Музей, б/н. Воспоминания Е. И. Ташевской. 1972 г.

И. Э. СИВОПЛЯС

КНЯЗЬ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧЕРКАССКИЙ, ПОСЛЕДНИЙ СИМБИРСКИЙ ГУБЕРНАТОР¹

Учреждённую в конце 1796 г. по указу императора Павла I Симбирскую губернию по утверждённому штату возглавляли симбирские гражданские губернаторы. С января 1865 г., когда назначение в Симбирск получил 22-й по счёту начальник губернии действительный статский советник барон И. О. Велио, определение «гражданский» в названии должности более не употреблялось.

Князю Михаилу Алексеевичу Черкасскому выпала исторически печальная роль замыкать список, став последним, 34-м по счёту сим-

бирским губернатором.¹ Роль тем более незавидная, что губернаторству князя историей было отпущено чуть более трёх месяцев, и он из-за существующих формальных процедур так и не был утверждён в своей высокой должности...

Предком князей Черкасских считался мамелюкский султан Инал, правивший в Египте в XV столетии. Род происходил из «князей Большой Кабарды» и с XVI в. служил русским государям. Князья Черкасские были весьма многочисленны, симбирскими губернаторами побывали сразу два представителя этого рода. При этом родство между князем Петром Дмитриевичем Черкасским, служившим здесь в 1849–1852 гг., и нашим героем, князем М. А. Черкасским, было уже самым отдалённым, почти не прослеживаемым.

Князь М. А. Черкасский родился 4 декабря 1867 г. в Одоевском уезде Тульской губернии. Он поступил и в 1892 г. окончил одно из самых престижных в России высших учебных заведений, Императорское училище правоведения, чьих воспитанников увековечила песенка-считалка про «чижика-пыжика». Его питомцем также являлся симбирский губернатор тайный советник барон Александр Федорович фон Гойнинген-Гюне, управлявший нашим краем с февраля 1869 г. по февраль 1870 г.

Подобно герою песенки, князь Михаил Алексеевич, кажется, не очень корпел над науками. По меньшей мере, в списке 53-го выпуска, который тогда традиционно выстраивался не по алфавиту, а по заслугам, он указан 22-м из 31 человека, получив XII класс по Табели о рангах, в то время как 12 преуспевших в науках и дисциплине товарищей окончили Училище с IX классом. А вот барон А. Ф. Гойнинген-Гюне, выпускник 1843 г., одноклассник знаменитого художественного критика и историка искусств, библиотекаря Императорской публичной библиотеки Владимира Васильевича Стасова, был у себя в классе вторым, тоже с IX классом!..

По заведённому порядку выпускники-правоведы отправлялись служить в «центральные установления Министерства юстиции». Звучало громко и престижно, но чиновникам низших классов, как о том свидетельствуют мемуары и художественная литература, в Санкт-Петербурге служилось и жилось весьма несладко. Впрочем, всё могли скрасить внешние обстоятельства, тем более, в 1892 г. князь М. А. Черкасский сочетался законным браком с девицей Верой Павловной Лихачевой.

В 1895 г. князь М. А. Черкасский начал служить в Государственной

¹ Горбунов К. Е., Сивопляс И. Э., Шабалкин А. Ю. Симбирские гражданские губернаторы: Материалы к историко-биографическим очеркам. – Ульяновск: ИПКПРО, 2003. – С. 174–177.

канцелярию, велеречиво обозначенную в его официальной биографической справке как «признанный рассадник администраторов и сановников». В 1894 г. это учреждение возглавил известный государственный деятель Вячеслав Константинович Плеве (кстати говоря, в 1881 г., после убийства императора Александра II он сменил выше поминавшегося «симбиряка» барона И. О. Велио в кресле директора Департамента государственной полиции).

В апреле 1902 г. после убийства министра Д. С. Сипягина В. К. Плеве возглавил Министерство внутренних дел – летом 1904 г. он сам погибнет от руки террориста. В том же 1902 г. князь М. А. Черкасский, «оставаясь причисленным к Государственной канцелярии», был избран почетным мировым судьей, а уже в следующем, 1903 г., уездным предводителем дворянства по Одоевскому уезду Тульской губернии. Избрание в уездные предводители положительным образом свидетельствует о человеческих качествах князя Михаила Алексеевича, имея ввиду, что он переизбирался на эту должность трижды!

Князь М. А. Черкасский дважды делегировался от тульского дворянства на Всероссийские дворянские съезды в период с 1909 г. по 1915 г. По данным «Придворного календаря 1912 года», камер-юнкер князь М. А. Черкасский, почетный мировой судья Одоевского уезда, в чине надворного советника значился причисленным к Государственной канцелярии. Недавний уездный предводитель дворянства уже проживал в Санкт-Петербурге.

Патриотический порыв, который вызвало начало летом 1914 г. Первой мировой войны, захватил и Михаила Алексеевича. Князь М. А. Черкасский «работал на фронте в качестве уполномоченного общественно-благотворительных военных организаций, причем, деятельность князя за это время отмечена двумя боевыми наградами – Георгиевской медалью 4-й степени и мечами к ордену Св. Владимира 4-й степени».

Но не только на фронте, в глубоком тылу оказались востребованы таланты князя М. А. Черкасского. Высочайшим указом от 11 ноября 1915 г. (по другим сведениям, 6 декабря 1915 г.) князь М. А. Черкасский был назначен ярославским вице-губернатором. С весны до осени 1916 г. князь М. А. Черкасский неоднократно исполнял должность ярославского губернатора. Назначенный одновременно с Михаилом Алексеевичем ярославским губернатором статский советник С. Д. Евреинов, служивший ранее губернатором в Самаре, покинул свой предыдущий пост именно «по болезни» и, видимо, по-настоящему страдал от нездоровья.

Высочайшим указом от 29 ноября 1916 г. ярославский вице-губернатор камер-юнкер Высочайшего Двора статский советник князь М. А. Черкасский был назначен исправляющим должность симбирского губернатора. Российская империя на рубеже XIX–XX столетий переживала глубокий и нарастающий кризис системы власти. Наглядную иллюстрацию подобному положению дел являет Симбирская губерния, в которой за 17 пред-революционных лет сменилось 7 губернаторов. Князь М. А. Черкасский имел минимальный опыт административной деятельности.

Показательно письмо Михаила Алексеевича от 13 декабря 1916 г., написанное им из г. Ярославля управляющему Симбирской губернией вице-губернатору камергеру Высочайшего Двора действительному статскому советнику Н. Л. Шишкову: «Заранее приношу мои извинения за беспокойство, причиняемое настоящим письмом, и прошу любезного разрешения обратиться к Вам с просьбой. Я рассчитываю выехать из Ярославля 19-го <...> прошу не отказать в распоряжении, чтобы никаких встреч на вокзале не было. С вокзала предполагаю проехать в собор, и в дальнейшем поступать так, как Вы посоветуете <...> Еще раз извиняюсь за беспокойство и прошу вас верить в мое полное уважение и совершенную преданность...». Искательность и растерянность объяснимы и тем, что и гражданским, и придворным чином Н. Л. Шишков превосходил своего нового начальника!

Князь М. А. Черкасский прибыл в Симбирск и вступил в управление Симбирской губернией 21 декабря 1916 г. Принял по акту от вице-губернатора Н. Л. Шишкова денежные документы по дровяной операции и благотворительным учреждениям 28 декабря. В должности губернатора утверждён не был.

Вскоре в Симбирск прибыл и новый вице-губернатор, полковник Лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка Леонид Иванович Кульнев. Выпускник Академии Генерального Штаба, участник Русско-японской войны, фронтовик, в сражениях Первой мировой войны получивший ранение и награждённый за мужество орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Станислава 2-й степени с мечами, он лишь номинально успел послужить олонеким вице-губернатором, даже не доехав до места этого назначения!

Утверждение во главе Симбирской губернии двух заслуживших уважения своими подвигами на ратных полях фронтовиков, почти не обладающих внятным опытом административной работы, выглядит вполне популистской мерой, фактически, маскирующей отсутствие у верховной власти кадровых резервов необходимого уровня. В то же

время фронт лишался по-настоящему необходимых ему людей! Такая вот печальная арифметика.

Возможно, что при назначении в Симбирскую, «дворянскую» губернию мог учитываться опыт службы князя Михаила Алексеевича уездным предводителем дворянства. Но за короткий период управления краем князь М. А. Черкасский не сумел установить каких-либо выраженных отношений с симбирским обществом. В условиях революционного кризиса конца февраля – начала марта 1917 г. губернатор пребывал в явной растерянности, запрашивая от центральной власти руководящих указаний по незначительным вопросам местного управления.

А события в стране тем временем развивались по нарастающей. Главнoначальствующий князь М. А. Черкасский, командир бригады генерал-майор Бычинский, исполняющий обязанности председателя Губернской земской управы М. Ф. Бонч-Осмоловский и симбирский городской голова Л. И. Афанасьев 2 марта 1917 г. опубликовали обращение «Жителям Симбирской губернии»: «Телеграф принес известия чрезвычайной важности по поводу событий в Петрограде, в связи с роспуском Государственной Думы. Не сомневаясь, что в ближайших же днях положение совершенно выяснится, мы считаем своим долгом обратиться к благоразумию жителей губернии, приглашая их сохранять полное спокойствие, которое теперь необходимо более, чем когда-либо».

3 марта 1917 г. по получении в Симбирске манифестов об отречении от престола императора Николая II и его брата Великого князя Михаила Александровича князь М. А. Черкасский опубликовал воззвание в поддержку Временного правительства: «...Считаю долгом обратиться к населению вверенной мне губернии с настоящим призывом, приглашая всех, желающих блага нашей дорогой родине, в единении, мире и согласии, следуя зову Правительства, отнестись к совершающимся событиям с полным доброжелательством и усилить свои труды, каждый в своем деле, чтобы показать себя достойными сынами Великой и Свободной Страны».

6 марта 1917 г. на основании телеграммы министра-председателя, Министра внутренних дел Временного правительства князя Г. Е. Львова о временном устранении губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей по этим должностям князь М. А. Черкасский «сдал управление губернии заступающему место председателя Симбирской Губернской земской управы Федору Александровичу Головинскому».

7 марта Симбирское губернское правление журналом приказало: «О сдаче Г. исполняющим должность симбирского Губернатора, князем

Михаилом Алексеевичем Черкасским управления Симбирской губернии заступающему место Председателя Симбирской Губернской Земской Управы Феодору Александровичу Головинскому, записав в настоящий журнал, напечатать в «Губернских Ведомостях» и оповестить все учреждения Министерства Внутренних Дел по Симбирской губернии».

31 марта 1917 г. в Губернском правлении князь М. А. Черкасский в числе служащих ведомства МВД по Симбирской губернии принял присягу на верность Временному Правительству и подписал «Клятвенное обещание»: «Клянусь честью гражданина и обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству, как своему Отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Русского Государства. Обязуюсь повиноваться Временному Правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного Собрания...».

8 апреля 1917 г. бывший симбирский губернатор князь М. А. Черкасский передал по акту симбирскому губернскому комиссару Временного правительства Ф. А. Головинскому денежные документы по дровяной операции и благотворительным учреждениям. Других сведений, документирующих дальнейшее пребывание Михаила Алексеевича в Симбирске, пока не выявлено. Стоит полагать, что оно было недолгим, поскольку кроме службы, внешне ничто Михаила Алексеевича с нашим городом не связывало.

Октябрьскую революцию и установление в России советской власти М. А. Черкасский категорически не принял. Осенью 1918 г. князь перебрался на Кубань, где присоединился к Доровольческой армии. Во главе летучего отряда Красного Креста он участвовал во всех боях вплоть до окончившейся поражением белогвардейских Вооруженных Сил Юга России Кубано-Новороссийской операции 3–27 марта 1920 г. 17 марта 1920 г. в бою под станицей Егорлыкской погиб младший сын князя М. А. Черкасского поручик Сводно-Гвардейского кавалерийского полка князь Алексей Михайлович Черкасский (1897–1920). Юноша в чине корнета служил в Лейб-гвардии кирасирского Его Величества полку, участвовал в Белом движении в составе Добровольческой армии и Вооружённых Сил Юга России.¹

В конце марта 1920 г., эвакуировавшись в Крым, Михаил Алексеевич поступил в Сводно-Гвардейский кавалерийский полк и заведовал сани-

¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/Черкасский,_Михаил_Алексеевич

ЯЗЫК ДОКУМЕНТОВ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В УДМУРТИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

тарной частью в эскадроне Лейб-гвардии кирасирского Его Величества полка, в котором в чине подполковника продолжал службу его старший сын Игорь (1895–1975), воспитанник Пажеского корпуса, штабс-ротмистр Лейб-гвардии кирасирского Его Величества полка, участник Белого движения, впоследствии эмигрант, автор мемуаров.

С мая по ноябрь 1920 г. князь М. А. Черкасский заведовал санитарным транспортом в Сводно-Гвардейском кавалерийском полку. За бой под с. Жеребец, в котором «при тяжелых условиях, под ружейным и пулеметным огнем, оказывал помощь раненым и вывез всех без исключения», получил третью боевую награду – Георгиевскую медаль 3-й степени.

В ноябре 1920 г. князь М. А. Черкасский с семьёй навсегда покинул Родину. В эмиграции Михаил Алексеевич проживал вначале в Югославии, затем переехал в Бельгию. Он был избран делегатом на Всезарубежном Церковном соборе в г. Сремских Карловцах в 1921 г., состоял членом Объединения Кирасирского Его Величества полка и уполномоченным Комитета Правоведской кассы. Князь М. А. Черкасский выступил одним из инициаторов строительства Храма-памятника во имя Царя-мученика Николая II в Брюсселе, был избран членом комитета по постройке храма, служил церковным старостой церкви Воскресения Христова.

В июне 1952 г. князь Михаил Алексеевич и его супруга Вера Павловна, урождённая Лихачева, отпраздновали бриллиантовую свадьбу, 60 лет совместной жизни! 5 сентября 1953 г. князь М. А. Черкасский тихо скончался близ Брюсселя, всего на два месяца пережив любимую жену. Он был похоронен на кладбище Иксель.

Конечно, князь М. А. Черкасский не был выдающимся администратором. Его вклад в историю Симбирского края эпизодичен. Но любовь Михаила Алексеевича к Богу и к Родине, верность своим идеалам, доказанная участием в двух войнах, его человеческая верность заслуживают благодарной памяти и являют добрый пример потомству.

Основу документальной базы, на которую опирается исследование, составили материалы из Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР), часть из которых впервые вводится в научный оборот, и документы, выявленные в сборниках документов.

Архивные фонды и сборники документов включают в себя источники самого разного характера, которые можно условно разделить на две группы: **официальные и личные**.

Официальные. К официальным источникам относятся партийные программы, приказы советского правительства, воззвания и листовки общественно-политических организаций, протоколы заседаний политических организаций ижевских рабочих, телеграфные переговоры большевиков и др.

Личные. К личным источникам – дневники, мемуары и письма участников исторических событий. Проведем анализ личных документов периода Гражданской войны в Удмуртии не только с источниковедческой, но и с языковедческой стороны, прибегая к эпистолярным, мемуарным и песенным источникам.

Эпистолярная часть документов состоит из писем с фронта на Ижевский оружейный и сталелитейный заводы, а также переписки рабочих и цеховых комитетов завода. Нас в первую очередь интересуют фронтные письма, так как они лучше всего передают настроения участников военных действий в реальном времени.

Особенностью мемуарных источников является очень широкая хронологическая вариативность, ведь чаще всего они создаются современниками по прошествии нескольких лет или десятилетий после описываемых событий. Поэтому им присущ оттенок авторской субъективности, что также можно сказать о дневниковых записях военного времени.

Из круга песенных источников приводятся военные марши рабочих Удмуртии, участвовавших в восстании против Советской власти в августе – ноябре 1918 г.

Фронтные письма и воззвания. Большую часть писем военных лет в Удмуртии составляют письма с фронта в комитеты заводов. Бывшие рабочие часто обращались с просьбой вернуть их на производство, объясняя это тем, что пользу они принесут Отечеству, находясь за станком, а

не своим прозябанием в окопах. Среди авторов таких писем встречаются и неграмотные солдаты, поручавшие их составление другим людям. В духе революционного времени фронтовые письма писались сухим официальным языком, чему, без сомнения, способствовала и военная цензура. Однако встречаются среди них послания, которым нельзя отказать в некотором красноречии.

Приведем отрывок из такого письма: «Здраствуйте товарищи, представители широких кругов трудящихся массъ. Мы наполовину прогнанные въ окопахъ за родину, и Революцію. Истрадавшія въ предсмертныхъ кошмарахъ, но спокойныя передъ призракомъ голода и смерти. Черезъ раз-валины Городовъ, труповъ и кровь, шлемъ Вамъ привѣтъ, спожеланіемъ успѣха, вобщечеловѣческомъ дѣлѣ. Признаюсь, я доневозможности, усталъ душой и тѣломъ, хотя я и врядьхъ представителей защиты Родины, и Революціи на фронтѣ.

12^й Особый пѣх. полкъ, 10^я рота, 2^й взводъ.

Досвиданья. Петръ Ивановъ Русскихъ».

Письмо приводится в оригинальном виде, с использованием дореволюционного алфавита и повторением орфографических ошибок для ясности понимания того, что малограмотный солдат в начале XX в. мог выразить свои мысли и чувства на бумаге так, чтобы они были доступны современному читателю.

Наиболее красноречивыми, а иногда излишне приукрашенными выглядят такие документы Гражданской войны, как военные и политические воззвания, что объясняется их пропагандистским назначением. Для примера возьмем отрывок из обращения эсеров-максималистов «К ижевцам»: «Мы, «банда» максималистов с Красной гвардией – ваши враги, грабители, убийцы в настоящий момент чувствуем больше, чем Ваши друзья – большевики, что настал час, настал миг, в который должна свершиться наша судьба. Быть или не быть свободе <...> нашей души, мысли и тела. Решайте.

А мы видим впереди большевистский кулак, палку, законы, декреты и приказы. Ленин тот же Николай, но с кличкой социалиста. Тем хуже. Николай носил только кличку Кровавого <...> Он открыто шел против Вас. Ленин-социалист подходит к Вам с поцелуями «иуды». Идите за ним <...> Молитесь за него. Будьте снова рабами <...> Много лилось крови, лейте еще <...> и на крови создавайте трон Большевикам.

А мы же, «контрреволюционеры» максималисты, рабами не будем. Мы шли за свет, за счастье и волю народа <...> идем и сейчас и умрем с оружием в руках. Только оружием мы порвем цепи рабства – вашего

Рабства, Граждане. А они гремят уже, гремят звонко в руках большевиков.

Революционер не даст оружия. Поймите и знайте это и вы – граждане и вы – «истинные» защитники народа – большевики. Нам не страшны отряды, не страшны залпы, огонь и кровь <...> Мы умрем с верой, что в нашей крови вырастет ваша свобода, граждане.

А вы, большевики, ослепленные властью, начинайте, спешите пролить кровь тех, за счастье которых вы идете. Первый замах пусть будет Вашим... Пусть... А поднявший меч от меча и погибнет. Граждане, к терпению. На крови своей мы построим наше общее счастье».

Подобными воззваниями к народу пестрили в годы Гражданской войны газеты многих политических партий и союзов, язык идеологической пропаганды широко использовался и белогвардейцами, и сторонниками Советской власти. В тылу выпускались программные печатные органы партий, а на фронтах идеологическую борьбу поддерживали политотделы воинских частей и соединений Красной армии. Например, на территории Удмуртии выпускалась газета «Известия Второй армии» – орган политотдела 2-й армии Восточного фронта, участвовавшей во взятии Ижевска в ноябре 1918 г.

Мемуары. Воспоминания о событиях Гражданской войны могут сильно различаться в зависимости от авторства. Одно и то же событие описывается представителями противоборствующих сторон совершенно по-новому. Даже рассматривая мемуары большевиков – участников одного события, мы находим расхождения в фактическом материале (что может выражаться в разных количественных данных и хронологических рамках).

Таким образом, составление более или менее целостной и объективной исторической картины возможно при изучении большого количества воспоминаний и сопоставления всего многообразия авторских трактовок мемуаристов.

Несмотря на это, личные воспоминания, помимо субъективности, обладают такими плюсами, как живость повествования, не ограниченного документальным стилем и официальной цензурой; собственная позиция автора, позволяющая взглянуть на уже известное исследователям событие с новой точки зрения; идеологический плюрализм, в то время как советская и отчасти постсоветская историография строится на общепринятой идеологии марксизма-ленинизма.

Примечательно то, что в некоторых мемуарах встречаются эпизоды с присутствием юмора, что в целом несвойственно научному повество-

ванию. Например, один из лидеров Союза эсеров-максималистов, а впоследствии большевик Г. К. Ожигов пишет: «Все рабочие на заводе работали своим инструментом и вот, агитируя за экономическое улучшение, было предъявлено требование о выдаче казенного инструмента, забастовали механические мастерские, забастовал весь завод. Для устранения конфликта из центра приехал князь Неклюдов-Рюмин (старик, развалина), я от своей мастерской был избран депутатом для переговоров и вот когда мы пришли, на заводском дворе у турбины этот князь сидел на стуле, а над ним держали зонтик, но мы когда начали говорить, то я посмотрел на него, а он спит и даже храпит (вероятно с дороги). Я сказал товарищам и мы смеясь ушли с переговора без результата, продолжая бастовать».

В других воспоминаниях красногвардейца И. З. Васянина мы наблюдаем ход обычного, на первый взгляд, происшествия в революционных условиях: «После суточной дневки в Ижевске, наш отряд этим же эшелонном отправился обратно в Казань. При возвращении в Казань произошел один случай. Наш эшелон отошел от Ижевска примерно 3–4 км и шел под уклон. Вдруг откуда ни возьмись, наперерез две лошади. Обе попали под поезд. Одну отбросило паровозом в сторону, другую разрезало пополам. В результате получился разрыв поезда, с платформы упали два ящика со снарядами, к счастью ни один снаряд не взорвался. Машинист, как ни старался, ему никак не удалось затормозить. Матросы подняли беспорядочную стрельбу, крича в адрес машиниста – «Контра, расстрелять». И если б не вмешательство начальника отряда тов. Берлина, не его авторитет, машинист был бы убит».

Из этого отрывка мы можем сделать вывод о том, что в тяжелых условиях Гражданской войны люди испытывали постоянное напряжение физических и моральных сил, что в любой момент могло привести к вооруженному конфликту внутри любой из сторон. Данное воспоминание описывает случай в отдельно взятом отряде Красной армии.

Военные песни и марши. Среди устных источников по истории Гражданской войны в Удмуртии особое место занимают боевые песни и марши повстанцев Ижевского и Воткинского заводов. Они были написаны в 1918 г. и стали гимнами Ижевской и Воткинской дивизий, пройдя с рабочими, солдатами и офицерами долгий путь от Ижевска до Владивостока, а затем и эмиграцию в Сан-Франциско, где бойцы сохранили память о трехмесячной обороне Ижевска, Сибирском Ледяном походе Белой армии и о борьбе с большевиками на Дальнем Востоке.

Марш ижевцев

Порваны цепи кровавого гнета;
Гневно врага уничтожил народ,
И закипела лихая работа:
Ожил рабочий, и ожил завод.

Люди, влюбленные в светлые дали,
Люди упорства, отваги, труда,
Люди из слитков железа и стали,
Люди, название которым «руда».

Молот заброшен, штыки и гранаты
Пущены в ход молодецкой рукой.
Чем не герои и чем не солдаты
Люди, идущие с песнями в бой!..

Кто не слышал, как с врагами сражался
Ижевский полк под кровавой Уфой?
Как с гармонистом в атаку бросался
Ижевец – русский рабочий простой...

Годы пройдут, на отчизне свободной
Сложится много красивых баллад,
И не забудется в песне народной
Ижевец, истинный русский солдат...

Марш Ижевцев был написан по мотиву марша «Варшавянка» и исполнялся как походная или боевая песня в рядах защитников Ижевска. Автором этих строк был участник Гражданской войны поручик штаба армии А. В. Колчака и поэт Николай Арнольд. Вероятнее всего, в стихах, впоследствии ставших песней, он описывает знаменитую «психическую атаку», впервые использованную восставшими рабочими под Ижевском. Ее отличительной чертой был марш на неприятеля без выстрелов, под звуки гармонии, заводской гудок и звон церковных колоколов, завершившийся штыковой или ножевой атакой.

Марш Воткинцев

Мы знамя подняли восстанья,
Рабами мы жить не могли
И в руки взяв крест испытанья,
Из края родного ушли...

Мы долго боролись — устали,
Сражаясь в кровавой пыли.
Враги нашу силу отняли,
Но дух угасить не могли...

Мы долго боролись за счастье...
Была непосильна борьба,
И темные тучи ненастья
Дарила нам злая судьба...

В нас дух наших предков великих,
Служивших родимой стране,
Нас с неба приветствуют лики
Погибших в жестокой войне...

Мы русского счастья основа,
Без страха мы смотрим вперед.
Всегда мы бороться готовы
За правду, за Русь, за народ!..

Воткинские рабочие исполняли свой марш – «Песню воткинцев», написанную уже после поражения Ижевско-Воткинского восстания в ходе продвижения Белой армии на восток. Как и «Марш ижевцев», воткинская песня представляет собой героические стихи о трудовых и боевых подвигах воткинцев, об их вынужденной эмиграции из России.

Отличается она от «Марша ижевцев» более развернутым видом (состоит из 10 четверостиший) и отсутствием прямых упоминаний о Воткинском заводе и его рабочих, поскольку повествование ведется от первого лица.

Говоря о революционных песнях повстанческих армий в Прикамье, нельзя не упомянуть «Гимн Народной армии» под авторством Льва Штерна и еще один гимн ижевских рабочих «Греми грознее, гром гремучий».

Гимн Народной армии

Вперед, защитники народа! Час возрождения настал. С девизом: «Смерть или Свобода» Вперед, за светлый идеал!	Вы победили Русь на время Игрою низкою страстей, Но сбросим мы с России бремя Врагами скованных цепей!
--	---

Вперед во имя возрожденья, За торжество святых идей. Вперед, на бой без промедленья За счастье Родины своей!	Вперед, на бой без промедленья За счастье Родины своей! Вперед! Назад нам нет возврата...
---	--

Вперед! Назад нам нет возврата. Мы в мир несем свободы весть, Вперед, бесстрашные солдаты, На бой за Родину и честь!	Сомкнув ряды, идем мы смело. Нас призрак смерти не страшит. И нами начатое дело Россию снова возродит.
---	---

А вы, кровавые тираны, Вы, злые гении свобод, В сердцах у вас таятся планы Вернуть России мрак и гнет,	И мы, ведомые любовью К своей Отчизне дорогой, Своей горячей купим кровью Ее свободу и покой.
---	--

Вперед, на бой без промедленья
За счастье Родины своей!
Вперед! Назад нам нет возврата...

«Гимн Народной армии» представляет собой скорее стихотворное воззвание к борьбе с большевиками и защите России, адресованное защитникам народа, то есть участникам Народных армий Прикамья. Поется на мотив Интернационала.

Гимн «Греми грознее, гром гремучий»

Греми грознее, гром гремучий, Сверкайте, молнии, светлей: Под гул небес, под шум могучий В бою Ижевцам веселей.	Полки редеют... много пало... «Вперед, всех нас не перебьют!». Вот по рядам загрохотало – То Ижевцы в ножи идут...
--	---

Заговорили пушки красных, Трещит их пулеметов рой, Ряды суровых и бесстрашных Ижевцев двинулись на бой.	И враг уж дрогнул: что за сила Идет на нас? Бежать пора! А сила вдруг заговорила: Гремит победное «Ура!».
--	--

И небо свой раскат громовый
В привет Ижевцам славным шлет,
А генерал Молчанов снова
Приказ на новый бой дает.

В гимне «Греми грознее, гром гремучий», посвященном защитникам Ижевска, поется про вышеописанную «психическую атаку» и ее удачный исход, а также упоминается генерал-лейтенант В. М. Молчанов – начальник Ижевской дивизии в составе армии А. В. Колчака и один из главных героев Ижевско-Воткинской эпопеи 1918–1922 гг.

Конечно же, наш обзор песенного фольклора Гражданской войны был бы не полным без песен Красной Армии.

Приведем текст песни про Азина, главным героем которой является легендарный красный командир, начдив 28-й Железной дивизии В. М. Азин, воевавший против ижевско-воткинских повстанцев и колчаковских войск в Прикамье и на Урале. Песня исполнялась пионерами и комсомольцами Удмуртии. Ее текст был опубликован в газете «Ижевская правда» в 1935 г.

Песня про Азина

Комсомольцы, молодцы,
Вспомним, братцы, Азина.
Э-эй, эй-да, герой,
Вспомним, братцы, Азина.

Азин парень был такой,
Не боялся никого.
Э-эй, эй-да, герой.
Не боялся никого.

Он на Дутова пошел,
За собою нас повел.
Э-эй, эй-да, герой,
За собою нас повел.

Комсомольцы молодцы,
Не забудем Азина.
Э-эй, эй-да, герой,
Не забудем Азина.

До Царицина дошли,
Его раненым нашли.
Э-эй, эй-да, герой
Его раненым нашли.

Его раненым нашли,
В лазарет его свезли,
Сами наступать пошли.
Э-эй, эй-да, герой,
Сами наступать пошли.

Сами наступать пошли,
Белые дальше отошли.
Э-эй, эй-да, герой,
Белые дальше отошли.

Литература и источники

1. Архив УИИЯЛ УрО РАНФ. РФ. Оп. 2-н, Д. 29. Л. 118.
2. ЦГА УР. Ф. Р-983. Оп. 1. Д. 1. Л. 259–260.
3. ЦГА УР. Ф. Р-1082. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
4. ЦГА УР. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
5. ЦГА УР. Ф. Р-1082. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–5.
6. Альманах Ижевско-Воткинское восстание. – М.: Посев, 2000. – С. 45–46.
7. Васильев А. Рабоче-Крестьянская Белая армия // Посев. Общественно-политический журнал. – 2004, – № 12. – С. 39.
8. Ефимов А. Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками. 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2008. – С. 315–316.
9. Ижевск. Документы и материалы. 1760–2010. Ижевская республиканская типография. – Ижевск, 2010. – С. 357–358.

Д. В. ФРОЛОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРИЗИС. ГАЗЕТА «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ» ПЕРИОДА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Каждый семейный архив хранит свои маленькие сокровища, личные документы и фотографии, но наряду с ними семейный архив автора сохранил большую подборку различных газет начала XX в. Наиболее полной является подборка «Русских ведомостей» периода Временного правительства, выписываемых по адресу: «41087, Н-Новгород, Жуковская, 8, кв. 3, М. К. Плотниковой. Сь янв. Сь № 9».

«Русские ведомости» (*Русскія Вѣдомости*) – российская общественно-политическая газета, выходившая в Москве с 1863 по март 1918 г. Основанная литератором Н. Ф. Павловым, газета в скором времени стала органом либеральной московской профессуры и земских деятелей, противостоявшим более консервативным «Московским ведомостям».

Н. С. Лесков писал: «Из газет я бы сам для себя предпочел издаваемые в Москве «Русские ведомости (не «Московские ведомости», а «Русские ведомости», как газету не торговую, которая говорит, что думает, а не то, что по ветру и «чего изволите»). <...> «Русские ведомости» могут дать всякому событию освещение верное и осмотнительное <...> я бы для себя все-таки выписывал «Русские ведомости» из Москвы, чтобы знать, чего настоящие, умные люди держатся...» [1].

В 1880–1890-е гг. газета, редактируемая В. М. Соболевским и А. С. Посниковым, проводила линию либеральной оппозиции прави-

тельству, отстаивала необходимость конституционных реформ, за что подвергалась цензурным репрессиям.

В 1901 г. печать была приостановлена за нарушение циркуляра, запрещавшего печатать отчеты о процессах против чинов полиции. С 22 декабря 1905 г. по 1 января 1906 г. издание приостановлено за поддержку редакцией «мятежного движения». «Русские ведомости» неоднократно штрафовали, конфисковали номера. С 1905 г. оказалась фактически органом правого крыла кадетов. Лидер большевиков В. И. Ленин ее характеризовал как «...правый кадетизм с народническим налётом».

Закрыта после Октябрьской революции за публикацию статьи Б. Савинкова «С дороги». Последний редактор П. В. Егоров приговорен к 3 месяцам заключения.

В «Русских ведомостях» в разное время сотрудничали Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, М. Е. Салтыков-Щедрин, М. О. Гершензон, В. А. Гиляровский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. И. Немирович-Данченко, П. И. Чайковский, Б. Н. Чичерин и другие.

М. Е. Салтыков-Щедрин замечал о данной газете: «Это единственный порядочный орган, и притом со смыслом издающийся. Очень умеренный, но честный» [2].

В произведении «Москва газетная» Владимир Гиляровский писал: «Русские ведомости!» – Наша профессорская газета, – называла ее либеральная интеллигенция. – Крамольники! – шипели черносотенцы. – Орган революционеров, – определил департамент полиции. Газета имела своего определенного читателя. Коренная Москва, любившая легкое чтение и уголовную хронику, не читала ее» [3]. Проведенное редакцией исследование читательского состава в феврале 1913 г. показало, что в основном газету читают врачи, педагоги, инженеры, адвокаты, ученые, студенты, конторщики, рабочих было всего 0,5 %. Но ни статус «профессорской» газеты, ни серьезный академический тон не помешали «Русским ведомостям» стать одной из самых известных и читаемых газет в России. На протяжении 55 лет общественно-политическая газета «Русские ведомости» освещала самые острые и злободневные проблемы, откликалась на важнейшие события в государстве и мире...

Что же касается содержания издания, то «Русские ведомости» затрагивали самые разные вопросы: пореформенная деревня («Значение земельной реформы 1861 г.», «Развитие аграрного вопроса за последние два года»); роль земств и проблемы местного управления («Деятельность губернских земских собраний», «Деятельность земств и участие населения в земской работе»); народное образование («Народные нужды в

области школьного образования», «Враги университетской автономии»); здравоохранение («Заболевание холерой в Самарской губернии», «Общественное попечение о нервнобольных»); судопроизводство («Министерская декларация о суде», «Необходимость реформы местного суда»); финансы и кредит («Вопрос о введении в России государственного подоходного налога», «Финансовое положение России»); рабочий вопрос («Новое исследование по статистике труда в России», «О рабочем времени»); развитие науки, искусства («Современное положение дарвинизма», «Вечера иностранной музыки»); иностранная политика («Совещание между австро-венгерским и русским министрами иностранных дел», «Отношение Японии к Соединенным Штатам»). Отметим, что газета внимательно следила за жизнью Западной Европы. К началу XX в. редакция имела разветвленный штат собственных корреспондентов в различных странах. Особенно выделяются корреспонденции Г. Б. Йоллоса и Г. Гроссмана из Германии, Дионео – из Англии, госпожи Мак-Гахан – из США, Белоруссова – из Франции и М. А. Осоргина – из Италии. В передовых статьях, очерках и корреспонденциях по любым острым вопросам издание отстаивало свободу совести, общественного мнения, публичность судопроизводства, гласность всех правительственных действий и другие либеральные ценности» [4].

Е. М. Богданова в своей кандидатской диссертации ««Русские ведомости»: социально-этический аспект публицистики 1900–1918 гг.» следующим образом охарактеризовала издание: «Мы считаем нецелесообразным прикреплять ярлык к газете и полагаем достаточным определение ее направления как либерально-оппозиционного. Либеральность издания проявилась в постоянной и неуклонной защите принципов гражданской свободы, а оппозиционность – в программе «Русских ведомостей», альтернативной и правительственной программе, и тактике революционеров».

Основные редакционные принципы «Русских ведомостей»: 1) постоянство направления, определяемого как патриотическое, не допускающего каких-либо перекосов; 2) отстаивание либеральных ценностей; 3) привлечение к сотрудничеству представителей разных направлений, создание при этом духа коллегиальности; 4) сочетание высокой информативности и аналитичности; 5) всеохватность тем (пореформенная деревня, земства, народное образование, здравоохранение, судебная система, рабочий вопрос, войны, культура и т. д.), что, в частности, позволяли делать ежегодные обзоры; 6) усиленное внимание к внутренней проблематике, даже в военное время; 7) разнообразие жанров: особое внимание

уделялось аналитическим и художественно-публицистическим; 8) умелое сочетание серьезных и развлекательных материалов; 9) неизменность наличия рубрик и графического оформления газеты. Эти редакционные установки и традиции позволили «Русским ведомостям» стать на долгое время качественным, солидным изданием, имеющим авторитет среди огромного числа читателей» [5].

Наиболее интересными показались нам статьи, которые говорят не о фронтовых сводках и продовольственном кризисе, но наиболее прозрачно освещающие происходящую жизнь внутри страны. Так, в № 140 «Русских ведомостей» от 22 июня (5 июля) 1917 г. анализируются отклики на наступление русских войск в Галиции. В статье «О наступлении» (стр. 3) читаем: «Наступление – тема дня. И совершенно естественно было ожидать, что первое слово печати после того, как появилась весть о галицийских боях, будет посвящена политическому значению русского выступления на фронте <...> Лаборатории многих партийных организаций работают, по-видимому, медленно, особенно в Москве. Вчера из московских партийных социалистических газет лишь «Труд» откликнулся на сообщение ставки. В Петрограде события переживаются скорее: но и там две газеты – более ярко-большевистская «Правда» и менее ярко-большевистская «Новая жизнь», – не обратили еще внимания на то, что русская революционная армия начала защищать Россию на фронте. Однако кроме этих двух изданий все остальные откликнулись уже теперь.

«Единство» Плеханова горячо приветствует наступление...

Орган петроградских социалистов-революционеров «Воля Народа» призывает к единению ради достижения целей революции: Наша армия бьется за чистые и светлые цели. За самые чистые и самые светлые, которые когда-либо стояли перед человечеством <...> Мы зовем к забвению всех раздоров и споров вытекавших из различного понимания путей к одним и тем же нам всем дорогим целям».

На другом полюсе стоит, конечно, большевистский «Социал-Демократ». Для него ясно, что «если социалисты поддерживают такую войну, если призывают к ней, они перестают быть социалистами». И потому они уверены, что наступление может радовать «только сердце Гинденбурга, которому легче будет преодолеть нежелание немецких солдат идти в бой...». Остальная партийно-социалистическая печать занимает промежуточную позицию. Соц.-революционные «Труд» и «Земля и Воля» поддерживают довольно определенно ответственный шаг временного правительства и внутреннего командования.

Меньшевистская «Рабочая Газета» тоже полагает, что «сепаратное перемирие в форме бездействия на фронте мешает процессу отрезвления от шовинистического угара демократий союзных стран, что оно усиливает аппетиты австро-венгерских империалистов» <...>

Ленин, Троцкий и др. в свою очередь начнут бить тревогу, изображая наступление как измену делу Интернационала, как выполнение, по заказу, воли империалистических кругов Англии и Франции <...>

Для дела революции опасны не победоносные полки, а разбитые или бездействующие и братающиеся армии. Лишь сильная Россия сумеет быть свободной и лишь она окажется способной осуществить великие политические и социальные реформы. Не победоносная армия может оказаться орудием контр-революции. Истинное ее орудие – распад, бессилие, безвластие, анархия. Контр-революция угрожает придти совсем не оттуда, куда устремлен взгляд господ большевиков и рьяных интернационалистов. Да они и не могут вовсе открыть истинного орудия ее. Ибо они сами являются в настоящее время этим орудием.

На этой же странице размещена большая статья Белорусова «Солдатский социализм», который замечает, что «Пониманий социализма – множество, так как каждый понимает его в соответствии со своим уровнем понимания вообще». Далее автор приводит множество видов социализма: пролетарский, народный, атеистический, христианский, эволюционный, революционный, утопический, научный и проч. Журналист пишет: «Всюду в мире свобода избирателя признается священной <...> давление на избирателя – признаком политической развращенности. Непозволительность и антидемократичность такого давления, видимо, не осознается в Москве. Поэтому и возможно обращение исполнительного комитета солдатских депутатов – органа, участвующего в управлении Москвой, – к избирателям-солдатам. Поэтому и возможно признание, что борьба за места в Местной думе есть лишь этап по дороге к завоеванию влияния в будущем Учредительном Собрании. Для всех нас Учредительное Собрание есть Верховный распорядитель, которому будут обязаны подчиниться все, все без исключения, и всевозможные революционные организации в том числе. А здесь открыто говорят: избиратели, голосуйте за социалистов, так как социалистическая Дума поможет нам овладеть Учредительным Собранием. Что за кошмар?

Перейдем теперь к существу обращения. За большевиков голосовать можно: это – добрые социалисты, противники буржуа, идущие под красным знаменем революции. Исполнительный солдатский комитет отпускает им таким образом и их анархическую агитацию, и дезор-

ганизацию революции, и их примиренчество. Это все-таки добрые социалисты.

Можно голосовать и за меньшевиков, хотя кто же знает, где кончается социалистический «революционизм» и где начинается проклятая «буржуазность». Можно голосовать и за социалистов-революционеров. Можно голосовать и за списки № 3, № 4 и № 5.

Но за народных социалистов и за группу «Единение» (плекхановцев) голосовать нельзя. Это – не социалисты. Это – «буржуа».

Исполнительный комитет солдатских депутатов отставил, таким образом, Плеханова и его друзей от социализма!..

Попытка – смехотворная, которая русским общественным мнением оправданна не будет»...

В колонке «Политических известий» на 4 странице того же номера краткая информация «Упразднение орденов» – «Временное правительство постановило упразднить по военному ведомству все ордена, кроме боевых знаков отличия (ПТА)».

На 4–5 страницах среди «Московских вестей» описаны «Выборы митрополита» – будущего святителя Тихона, патриарха Московского. «Вчера в храме Христа Спасителя были произведены выборы московского митрополита. Перед выборами была совершена литургия. Храм был переполнен духовенством и мирянами. Кроме делегатов епархиального съезда в храм на хоры были допущены посторонние лица. Богослужение совершал делегат св. синода архиепископ Агафангел ярославский. В кратком слове он передал делегатам приветствие синода. За богослужением присутствовали прибывший из Петрограда обер-прокурор священного синода В. Н. Львов и члены американской миссии. По окончании литургии было совершено на площади у храма при громадном стечении богомольцев всенародное молебствие по поводу нашего наступления. Затем делегаты удалились в храм и было приступлено к выборам. В храме были поставлены 4 запечатанных урны для опускания бюллетеней. К урнам подходили делегаты и сменными билетами и на бюллетенях вписывали имя кандидата. В выборах митрополита участвовало 800 человек. Наибольшее число бюллетеней (481) было подано за архиеп. Тихона литовского. А. Д. Самарин получил 303 бюллетеня. Между прочим, А. Д. Самарин присутствовал при выборах и с большим интересом ожидал результатов голосования. Архиеп. Тихона в храме не было. Он находится в Петрограде. Результаты выборов были занесены в особый акт, который архиеп. Агафангел вручил собору епископов. Протодиакон Розов прочитал акт. Было совершено одобрение кандидата на

кафедру митрополита и все делегаты спели архиеп. Тихону «Аксисос» и «Многая лета». После этого арх. Агафангел вручил В. Н. Львову акт об избрании архиеп. Тихона для внесения этого акта в синод, который и утвердит избрание. Выборы митрополита закончились в 4 ч. дня. У храма стояла большая толпа народа, ожидавшая результат баллотировки. В 4 ч. дня двери храма были открыты и народу объявили, что митрополитом избран архиеп. Тихон.

Избранный московским митрополитом архиеп. Тихон литовский прибыл в Петроград во время войны как беженец из Вильны; до назначения в Литву Тихон был епископом в Ярославле, где пользовался всеобщим уважением и симпатиями и даже был избран почетным гражданином Ярославля. Епископ Тихон провел 5–6 лет в Америке, в русской миссии. Его кандидатуру особенно энергично отстаивало сельское население и духовенство, с большой страстностью борющееся против кандидатуры А. Д. Самарина. В ближайшие дни еп. Тихон приедет в Москву».

На 5-й странице в половину полосы опубликована большая статья В. И. Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой в России», где автор выдвигает важнейшие и современные ему мысли, многие из которых не потеряли актуальности до сих пор: «Война резко изменила общее понимание. Сила науки почувствовалась так, как она никогда не чувствовалась в человечестве. Она почувствовалась не только в создании орудий истребления, но она проявилась в организации защиты, в общем направлении государственной деятельности, в организации тыла <...>

Итак, какие же области научного искания и научной работы могут и должны быть поставлены сейчас на первую очередь с точки зрения государственных интересов России?

Мне кажется, сейчас могут и должны быть выдвинуты три различных области научной работы, связанные с особенностями текущего момента и основными задачами государственного строительства в России: 1) необходимостью срочного, глубокого и полного изучения естественных производительных сил нашей страны и прилегающих к ней стран; 2) особенностями мирового положения России, в частности ее положения в Азии; 3) чрезвычайным разнообразием как естественно-исторического, так и этнического состава русского государства <...>

Война до очевидности для всех выяснила крайнюю неизученность России. Мы не знаем ресурсов нашей страны, до сих пор не сознавали до какой степени это необходимо для правильно поставленной государственной политики и безопасности <...> Еще никогда не трагилось

столько средств на познание России, как в эти последние месяцы. Правда, работать приходится в обстановке ненормальной, не так, как следовало бы работать в мирное время, но все же достигнутые результаты огромны <...> достаточно вспомнить, что с 1915 г. в России были открыты новые неожиданные отложения каменного угля в Предкавказье и Западной Сибири, на Урале найдены большие скопления никелевых руд, в Забайкалье впервые открыты руды висмута <...>, первые находения селена, боксит, серьезные руды цинка, руды ванадия» <...>

В № 141 продолжение данной статьи Вернадского, сумевшего многое предвидеть и предсказать: «Россия по своей истории и по своему составу страна не только европейская, но и азиатская <...> Мы должны чувствовать себя не только европейцами, но и азиатами <...> Для нас, в отличие от западных европейцев, возрождение Азии, т. е. возобновление ее интенсивного участия в мировой жизни человечества, не есть чуждый, сторонний процесс – это есть наше возрождение <...>

По мере того, как начнется правильное использование наших естественных, производительных сил, центр жизни нашей страны будет все более и более передвигаться, как уже это давно правильно отметил Д. И. Менделеев, на восток, – должно быть в южную часть Западной Сибири. Россия во все большей и большей степени будет расти и развиваться за счет своей азиатской части, таящей в себе едва затронутые зиждательные силы. Это должна всегда помнить здравая государственная полтика, которая должна смотреть вперед, в будущее <...>

Мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей территории. Подобно Северо-Американским Соединенным штатам мы являемся государством-континентом. В отличие от Штатов мы страдаем от того, что в действительности является первоисточником нашей силы. Но и у нас придет время, когда мы, подобно Штатам, будем им пользоваться для труднодоступных удобств жизни. Это время придет, когда наша политика будет определяться волей нас всех, т. е. волей народа <...>

В целях государственного единства наши стремления должны идти по другому направлению, чем они идут сейчас. Мы должны смело и решительно стремиться к государственной организации взаимного ознакомления составляющих Россию народностей, к государственной организации их изучения, к государственному содействию их стремлениям в этом направлении. Должна оказываться широкая государственная помощь изучению истории, языка, этнографии, литературы, населяющих Россию народностей, изучению родиноведения отдельных областей на-

шей страны. Все эти стремления должны <...> перейти в область сил, спаивающих государственное единство <...>

Государство должно дать средства, вызвать к жизни научные организации, поставить перед ними задачи. Но мы всегда должны помнить и знать, что дальше этого его вмешательство в научную творческую работу идти не может. Наука, подобно религии, философии или искусству, представляет собою духовную область человеческого творчества, по своей основе более могучую и более глубокую, более вечную, чем всякие социальные формы человеческой жизни. Она довлеет сама себе. Она свободна и никаких рамок не терпит.

Этого нельзя забывать. И если русское общество сумеет направить государственные средства для широкой научной работы в этих областях научных исканий – организация научной работы должна быть представлена свободному научному творчеству русских ученых, которое не может и не должно регулироваться государством. Бюрократическим рамкам оно не поддается.

Задачей является не государственная организация науки, а государственная помощь научному творчеству нации.

Добиться этого удастся тогда, когда удастся вызвать к жизни волевое сознательное к этому стремление русского общества».

В № 195 «Русских ведомостей» от 24 августа (6 сентября) 1917 г. кроме обычных значительных по объему сводок с фронтов, среди «Политических известий» на 2-й странице опубликована небольшая заметка «Высылки»: «Согласно закону временного правительства об остракизме лиц, вредных революции, высылаются за границу бывший главнокомандующий западным фронтом ген. Гурко, доктор тибетской медицины Бадмаев, бывшая фрейлина Вырубова, редактор «Земщины» Глинка-Янчевский и два гвардейских офицера, братья Хитрово. По слухам, высылаются так же за границу великие князья Михаил и Павел Александровичи, бывший член Гос. Думы А. Н. Хвостов и бывший дворцовый комендант Воейков. Всем высылаемым разрешено взять вещи, а так же деньги, необходимые для жизни. Женам высылаемых разрешено сопровождать своих мужей. Все высылаемые будут сопровождаться до границы военным конвоем. Перед постановлением о высылке союзные правительства были запрошены о согласии их принять высылаемых.

Распоряжением военного министра А. Ф. Керенского и министра внутренних дел Н. Д. Авксентьева высылаются за границу содержащийся в Петропавловской крепости бывший личный секретарь Б. В. Штюрмера И. Ф. Манасевич-Мануйлов».

Там же опубликована заметка «Временное правительство и аресты великих князей»: «По поводу появившегося в газетах сообщения, что аресты великих князей явились неожиданностью для многих членов временного правительства, из авторитетного источника сообщают, что действительно вопрос об арестах великих князей в заседании временного правительства не обсуждался и что аресты были произведены по соглашению между министром-председателем и Министром внутренних дел на основании Положения о внесудебных арестах, которое предоставляет военному министру право принимать по соглашению с министром внутренних дел в экстренных случаях соответственные чрезвычайные меры не доводя об этом до сведения остальных членов временного правительства. Тем не менее утверждают, что после обмена мнений, между членами временного правительства подобный порядок действий в таких исключительных по своей важности обстоятельствах, как арест великих князей, признан ненормальным и что в будущем, представители всех входящих в сосав временного правительства политических течений будут своевременно осведомляться о планах и мероприятиях его руководителей».

В разделе «Московских вестей» того же номера на 4-й полосе находится небольшая заметка «Дело генерала Сандецкого»: «К прокурору московского военно-окружного суда поступило все производство по делу бывшего командующего войсками Казанского военного округа генерала Сандецкого, обвиняемого в превышении власти. Дело генерала Сандецкого будет слушаться в сентябре».

Из истории известно, что бывший командующий войсками Казанского военного округа генерал Александр Генрихович Сандецкий 5 марта 1917 г. после Февральской революции подал в отставку и освободил должность. Был арестован и помещен под домашний арест по постановлению Временного комитета Государственной думы. 7 марта вновь назначен членом Военного совета, а через 20 дней уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. После Октябрьской революции был арестован органами ЧК, содержался в Таганской и Бутырской тюрьмах. Расстрелян в конце 1918 г. Александр Генрихович в начале XX в. неоднократно бывал в Саранске и Пензе, о чем оставил свои воспоминания, изданные в 1916 г., Иван Францевич Кошко (1859–1927) – крупный царский чиновник начала XX в. В 1905–1914 гг. бывший губернатором в Новгороде, Самаре и Пензе. «Я с большим удовольствием вспоминаю свое знакомство с генералом А. Г. Сандецким. Это был стойкий человек, совершенно равнодушный к угрозам революции и совсем с ними, почти до неосторожности, не считавшийся.

Все смертные приговоры военного суда за политические убийства генерал всегда утверждал не так, как его предшественник, и, благодаря этому, на преступные элементы была наложена очень чувствительная узда, наиболее благоприятствовавшая наступлению успокоения. Когда к нам приезжал генерал Сандецкий, мы старались принимать возможные меры безопасности. Но как тут можно было быть сколько-нибудь спокойным, когда он носился по всему городу в открытом экипаже и слышать не хотел о каких бы то ни было предосторожностях.

А. Г. Сандецкий был чрезвычайно требователен по службе и ни в каком случае не поступался своими требованиями. Стоявшие в Пензе войска, еще так недавно до безобразия распущенные, принимавшие даже некоторое участие в революционных безобразиях, он привел удивительно скоро в образцовый порядок. Заботлив он был о нуждах солдата и офицеров чрезвычайно и своей в этом отношении требовательностью, неуступчивостью причинял мне и городским управлениям много огорчений и хлопот. Я лично хорошо понимал его благородные заботы и старался всеми мерами идти им навстречу.

Среди войск многие страшно боялись Сандецкого и считали его каким-то зверем. А между тем по натуре это был очень добрый человек, всегда готовый идти навстречу всякой нужде и всякому горю...» [6].

Весьма интересен № 197 «Русских ведомостей» от 29 августа (11 сентября) 1917 г. На 2-й полосе крупный заголовок «Попытка государственного переворота. Сведения, полученные в ночь на 28-е августа».

«Объявление от министра-председателя Керенского»: «Объявляю: 26 августа генерал Корнилов прислал ко мне члена Государственной Думы В. Н. Львова с требованием временному правительству передать генералу Корнилову всю полноту власти с тем, что им по личному усмотрению будет составлено новое правительство для управления страной. Действительность полномочий члена Гос. Думы Львова была подтверждена генералом Корниловым при разговоре со мною по прямому проводу. Усмотрев в предъявлении этого требования, обращенного в мое лице к временному правительству, желание некоторых кругов русского общества воспользоваться тяжелым положением государства для восстановления в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции временное правительство признало необходимым, для спасения родины, свободы и революционного строя уполномочить меня принять скорее и решительные меры, дабы в корне пресечь всякие попытки посягнуть на верховную власть в государстве и на завоеванные революцией права граждан. Все необходимые меры к охране свободы

и порядка в стране мною принимаются, и о таких мерах население будет поставлено в известность. Вместе с тем приказываю: 1) генералу Корнилову сдать должность верховного главнокомандующего генералу Клембовскому, главнокомандующему армиями северного фронта, преграждающими пути к Петрограду. Генералу Клембовскому временно вступить в должность верховного главнокомандующего, оставаясь в Пскове; 2) объявить г. Петроград и его уезд на военном положении... Призываю всех граждан к полному спокойствию и сохранению порядка, необходимого для спасения родины. Всех чинов армии и флота призываю к самоотверженному и спокойному исполнению своего долга для защиты родины от врага внешнего.

Министр-председатель *Керенский*».

На этой же странице и в этой же колонке краткая заметка «Арест В. Н. Львова»: «После переговоров министра-председателя А. Ф. Керенского со ставкой, происходивших между двумя и тремя час. Дня, чинам контр-разведки было предписано арестовать В. Н. Львова.

Как передают, арест этот вызван полученными к этому времени новыми данными о той более чем странной роли, которую играл В. Н. Львов в деле выступления ген. Корнилова. По этому поводу в настоящее время ведется энергичное расследование».

Вся третья полоса этого номера находится под одним общим заголовком «Накануне гражданской войны».

«Москва 29 августа (11 сентября). Восстание ген. Корнилова»: «Восстание ген. Корнилова против временного правительства отодвинуло сразу на дальний задний план все остальные вопросы дня, даже такие крупные события, как падение Риги и наступление германцев на путик Петрограду. И это вполне естественно потому, что мы теперь стали лицом к лицу перед величайшим бедствием, которое только можно придумать, перед гражданской войной, в которую вовлекается значительная часть армии.

Относительно выступления ген. Корнилова двух мнений быть не должно. Какими бы мотивами не был продиктован этот шаг, но во всяком случае попытка со стороны главнокомандующего низвергнуть временное правительство и захватить власть вооруженной рукою представляет собой недопустимый способ решения государственных вопросов...».

«Обострение положения»: «Сегодня с утра положение снова чрезвычайно обостряется. Главной причиной послужило этому выпущенное ген. Корниловым воззвание к населению, где он заявляет, что временное правительство действует в полном согласии с планами германского штаба.

Это заявление произвело такое впечатление, что руководители временного правительства сочли дальнейшие переговоры с ген. Корниловым абсолютно невозможными и объявили его изменником родине и дали распоряжение о том, чтобы его приказания не исполнялись. В то же время не только ген. Алексеев отклонил предложение занять пост верховного главнокомандующего, но его отклонили также командующие армиями генералы Деникин и Балугев, а начальник генерального штаба верховного главнокомандующего ген. Лукомский отказался исполнять распоряжения временного правительства. Одновременно с этим сделалось известным, что по крайней мере некоторые части войск ген. Корнилова, посланные на Петроград, продолжают двигаться на столицу...».

Далее в заметках сообщается о том, что генерал Клембовский перешел на сторону генерала Корнилова и разрешил движение эшелонов с его войсками к Петрограду.

Также сообщается, что «Военный министр А. Ф. Керенский утром 28 августа получил телеграмму от командующего войсками западного фронта ген. Деникина и начальника его штаба о том, что они оба солидарны с ген. Корниловым».

Здесь же сообщается, что в Петрограде «28-го августа в 11 часов утра закончилось пленарное заседание центрального исполнительного комитета совета солдатских и рабочих депутатов, продолжавшееся с перерывами всю ночь. Заседание после продолжительных прений приняло следующую резолюцию, предложенную Церетелли: «Предоставляя товарищу Керенскому формирование правительства, центральной задачей которого должна являться самая решительная борьба с заговором и ген. Корниловым, центральный исполнительный комитет совета солдатских и рабочих депутатов и исполнительный комитет крестьянских депутатов обещают правительству самую энергичную поддержку в этой борьбе»...».

Бесконечные заявления, правительственные воззвания и телеграммы, перетасовка политических сил, фронтовые сводки и в то же время мирные объявления из земств о вакантных должностях, многочисленная реклама, – все это показывает сложную и пеструю картину жизни того периода.

Далее газета, как и многие иные, поведает о создании всем известного ВРК для защиты Советов от военного путча и Петрограда от возможного немецкого наступления. Но, как известно, на практике он станет центром подготовки восстания. Временное правительство попытается противостоять большевикам. Однако его авторитет настолько

падет, что оно не получит почти никакой поддержки. Петроградский гарнизон перейдет на сторону ВРК. 24 октября солдаты и матросы, рабочие-красногвардейцы займут ключевые места в городе (мосты, вокзалы, телеграф и электростанцию). К вечеру 24 октября правительство будет заблокировано в Зимнем дворце. А.Ф. Керенский еще днем покинет Петроград и отправится за подкреплением на Северный фронт. Утром 25 октября будет опубликовано воззвание «К гражданам России». В нем будет объявлено о низложении Временного правительства и переходе власти к Петроградскому ВРК. В ночь с 25 на 26 октября будет взят Зимний дворец и арестованы старые министры. А скоро, в 1918 г., навсегда закроется данная газета, 55 лет служившая рупором либеральной московской профессуры и земских деятелей.

Литература

1. Лесков Н. С. Письмо к Н. П. Крохину от 29 октября 1888 г. // az.lib.ru//leskow_n_s/text_1351.shtml.
2. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20 т. Т. 20. – М.: Художественная литература, 1976. С. 73.
3. Гиляровский В. А. Избранное в 3 тт. Т. 2. – М.: Московский рабочий, 1961. – С. 21.
4. Богданова Е. М. Газета «Русские ведомости» как образец качественной прессы в к. XIX – н. XX вв. // Молодой ученый. – 2011. – № 8. – Т. 2. – С. 163–166.
5. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/russkie-vedomosti-sotsialno-eticheskii-aspekt-publitsistiki-1900-1918-gg#ixzz4bCA8qхер>.
6. Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. – Пг., 1916. – С. 174–176.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Е. К. БЕСПАЛОВА

РЕАЛИИ ОЧЕРКА И. А. ГОНЧАРОВА «НА РОДИНЕ» ПО МАТЕРИАЛАМ ЖАНДАРМСКИХ ДОНЕСЕНИЙ¹

Публикуя в 1888 г. очерк «На родине» в журнале «Вестник Европы» (№№ 1, 2 за 1888 г.), И. А. Гончаров в специальном предисловии о жанре своих записок писал: «Это не мемуары какие-нибудь, где обыкновенно описываются исторические лица, события и где требуется строгая фактическая правда <...> Это и не плод только моей фантазии, потому что тут есть и правда, и, пожалуй, если хотите, все правда. Фон этих заметок, лица, сцены большей частью типически верны с натурой, а иные взяты прямо с природы <...>»². Эти же слова писатель повторил в письме от 9 марта 1888 г. Д. Л. Кирмаловой, посылая её отпечаток воспоминаний «На родине»: «Читая ее [статью. – Е. Б.], помните, что там <...> не все так написано точь-в-точь, как было на самом деле <...> Целиком с природы не пишется, ничего не выйдет, никакого эффекта <...> Надо обработать, очистить, вымести, убрать. **Лжи никакой нет: многое взято верно, прямо с природы, лица, характеры, например, крестного Якубова, губернатора и других, даже разговоры, сцены.** Только кое-что украшено и покрыто лаком. Это и называется художественная обработка»³. Эти высказывания Гончарова в значительной степени подтверждаются новыми источниками представляемого исследования, которое продолжает наши изыскания по теме.

Ещё в 2001 г. в журнале «Русская литература» была опубликована наша статья о реалиях очерка «На родине»⁴, основной целью которой было представить роль симбирян в личностном и творческом становлении писателя. В этой статье, опираясь на факты из истории Симбирска 1820–1830-х гг. и используя черновик очерка, который хранится

¹ Доклад был представлен на конференции «Итоги краеведческого года» 28.03.2014 г.

² Гончаров И. А. На родине. – М.: Советская Россия, 1987. – С. 242.

³ Вестник Европы. – 1908. – № XII. – С. 436–437. Выделение жирным шрифтом – Е. Б.

⁴ Беспалова Е. К. И. А. Гончаров и симбирские масоны (к вопросу о реалиях очерка «На родине») // Русская литература. Изд. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – 2001. – № 4. – С. 124–135.

в Рукописном отделе Пушкинского Дома¹, мы смогли определить некоторых реальных представителей симбирского общества, которые послужили Гончарову прототипами основных действующих лиц. Кратко напомним о некоторых из них, которые будут упоминаться в настоящей статье.

Главенствующую роль в собственном духовном развитии Гончаров заслуженно отводил надворному советнику заседателю Симбирской уголовной палаты и своему крестному отцу Николаю Николаевичу Трегубову (1774–1849), изобразив его в очерке под именем *Петра Андреевича Якубова*. Дружеские отношения связывали Н. Н. Трегубова с Иваном Степановичем Кротковым (1784–1867), который в черновике назван *молодой помещик К.*, а в печатный вариант очерка «На Родине» вошёл под именем *Егора Степановича Ростина*. Автор использовал для наименования этого персонажа переставленные местами имя и отчество его отца – богатейшего помещика, известного в то время всей России, первого симбирского уездного предводителя дворянства Степана Егоровича Кроткова (до 1739 – после 1802). Другим близким знакомым Якубова и «большим приятелем Ростина» Гончаров изображает *веселого собеседника и юмориста Бравина*, имея в виду симбирского губернского предводителя дворянства князя Михаила Петровича Баратаева (1784–1856). Последний был заметной фигурой в Симбирской губернии и пользовался заслуженным уважением и почётом у дворян: около двадцати лет, с 1816 по 1835 г., служил по выборам дворян, исполняя вначале обязанности симбирского уездного, а затем губернского предводителя дворянства. Однако в истории русской культуры и общественной жизни первой половины XIX в. его имя более известно как имя одного из значительных и чрезвычайно деятельных представителей российского масонства Александровского времени. Он входил в Капитул Феникса, был почётным членом многих лож, состоящих в ведении Директориальной ложи «Астрея», кроме того, являлся Великим мастером ложи «Ключ к Добродетели», которая была им создана в Симбирске в конце 1817 г.

Приятельские отношения между вышеуказанными лицами можно объяснить их принадлежностью к Ордену вольных каменщиков, и, в частности, к симбирской ложе «Ключ к Добродетели». И. С. Кротков и Н. Н. Трегубов, будучи приняты в состав членов ложи 5 и 9 марта 1818 г.

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 163. Оп. 1. Д. 89.

соответственно¹, 12 ноября 1818 г. были возведены в степень «товарищи», а 21 января 1819 г. повышены в степень «мастера»².

Из сохранившихся протоколов ложи следует, что при принятии и повышении в степенях Трегубова и Кроткова, как и большинства членов ложи, «приуговлял» Пётр Петрович Тургенев (1760–1837) – деятельный и заслуженный член братства вольных каменщиков, ведущий отсчёт пребывания в нём со времён Н. И. Новикова и московских масонов. Во время обучения в Московском университете, являясь членом Собрания университетских питомцев и Дружеского учёного общества, он состоял учеником тайного и секретного ордена Злато-розового креста и был членом директории теоретического градуса³. В Александровское время П. П. Тургенев стал почётным членом ложи «Ключ к Добродетели». Совокупность этих сведений дают повод предположить, что именно он послужил прототипом *Фёдора Петровича Козырева*, у которого часто гостил молодой Гончаров во время своих вакаций. Из всех друзей и знакомых П. А. Якубова в очерке «На родине» автор выделяет друга Ф. П. Козырева *Андрея Герасимовича Гастурину*. В указанной статье мы предположили, что под именем последнего нашёл своё воплощение отставной прапорщик Михаил Михайлович Наумов (ум. после 1832), в имени которого (вернее, в имени четырех братьев Наумовых), в с. Архангельском Ставропольского уезда, в частном пансионе воспитывался восьмилетний Иван Гончаров.

Таким образом, произведённый в статье анализ позволил сделать следующий вывод: окружение, в котором прошли детские и юношеские годы И. А. Гончарова, когда формировалось мировоззрение будущего писателя, в основном являлось масонским, и оно не могло не повлиять на него.

Предлагаемое в настоящее время исследование касается рассмотрения ещё одного основного героя очерка «На родине» – симбирского губернатора *Льва Михайловича Углицкого*, прототипом которому послужил Александр Михайлович Загряжский (1798–1883). Согласно тексту очерка, Углицкий при первой встрече с только что окончившим Московский университет Гончаровым сразу же выказал полное доверие к воспитаннику

¹ Протоколы симбирской масонской ложи «Ключ к Добродетели». 1817–1818 гг. // Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 48. Оп. 1. Д. 483. Ч. II. Л. 10–12, 12 об. –14 об.

² ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 483. Ч. III. Л. 1–1 об., 3 об. –4.

³ Макарова Н. А. Тургенев Петр Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 3 (Р – Я). Изд. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – СПб.: Наука, 2010. – С. 292–293.

Якубова, ввёл его в свой дом, а затем стал настоятельно приглашать на службу в губернскую канцелярию, и даже больше – на должность его секретаря. Сама же встреча состоялась благодаря упорному настоянию и активному содействию П. А. Якубова. В результате молодой Гончаров сделался своим в доме губернатора и даже после, переехав в Петербург, долгое время поддерживал отношения с ним и его семьей, «служил ему добровольным секретарём». В очерке указывается, что Углицкий (Загряжский) был в дружеских отношениях и с Бравиным (Баратаевым), и с Якубовым (Трегубовым), и с Ростиним (Кротковым).

Источником настоящих изысканий послужили секретные донесения, или записки о происшествиях по Симбирской губернии, которые направлялись в Петербург шефу жандармов и главе Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал-адъютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу (1783–1844). Донесения принадлежат перу начальника Второго отделения V округа корпуса жандармов подполковнику, а впоследствии полковнику А. П. Маслову¹.

Оказавшись на троне после подавления восстания декабристов, Николай I создал 3 июля 1826 г. на базе Особенной канцелярии Министерства внутренних дел Третье отделение при собственной Его Императорского Величества канцелярии с чрезвычайно широким кругом обязанностей². Основная обязанность нового учреждения состояла в том, чтобы осуществлять политический надзор и сыск. Для этого по Высочайшему указу от 28 апреля 1827 г. был создан Корпус жандармов, и вся территория европейской части Российской империи была разделена на жандармские округа и отделения, которые являлись промежуточными органами между главным управлением Корпуса жандармов и местными властями. По проекту, разработанному Бенкендорфом, жандармские штаб-офицеры были поставлены в независимое от губернской администрации положение,

¹ Донесения начальника 2-го отделения V округа Корпуса жандармов подполковника Маслова и начальника VI округа о состоянии управления Симбирской губернии, о положении крестьян, разных происшествиях. 1827–1834 г. // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1318. Цитаты, взятые из донесений А. П. Маслова, публикуются по автографу с сохранением основных языковых и стилистических особенностей первой половины XIX в.

² Граф А. Х. Бенкендорф в записке о создании III Отделения разъяснял: «Император Николай I стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления и убедился в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который стекался бы в одно средоточие. Император создавал орган, при помощи которого он мог бы непосредственно следить не только за появлением антигосударственных элементов, но и за действием всей сложной административной машины» // Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. В 2 т. Т. 2. – СПб., 1903. – С. 17.

поскольку от них требовалось наблюдать и доносить вышестоящему начальству, в частности шефу жандармов, обо всех заслуживающих внимания происшествиях, преступлениях, обнаруженных случаях злоупотребления служебным положением, судебного произвола, жестокого обращения помещиков с крестьянами и пр.

Первоначально было образовано 5 жандармских окружных управлений, обозначавшихся порядковыми номерами. Жандармский округ, базировавшийся на территории Поволжского региона, именовался с 1827 по 1831 г. 5-м, с 1832 по 1837 г. сделался 6-м в связи с образованием дополнительного округа в Царстве Польском. В его состав входило 9 губерний, в том числе Астраханская, Казанская, Нижегородская, Пензенская, Саратовская, Симбирская. Каждый округ был разделён на 5–6 отделений, которыми заведовали штаб-офицеры в чине от майора до полковника.

Так, приказом по Корпусу жандармов исполняющим обязанность начальника 2-го отделения V округа, куда входили Саратовская и Симбирская губернии, в 1827 г. был назначен подполковник Александр Маслов. Ему предписывалось до нового распоряжения находиться в Симбирске, но в дальнейшем руководство округом было перемещено в Казань – в наиболее крупный и оживленный торгово-промышленный и административный центр.

Сколько можно судить по отчётам шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, ежегодно представляемых на ознакомление императору, исполняющий должность начальника округа А. П. Маслов числился на хорошем счету и даже ставился им в пример другим окружным начальникам. Ему же давались некоторые сложные, требующие деликатности и расторопности поручения. Так, например, летом 1829 г. по Высочайшему повелению ему было поручено отправиться в Сибирь для сбора сведений «о ссыльных государственных преступниках и наблюдений за их сношениями и связями»¹. Под «ссыльными государственными преступниками» имелись в виду участники восстания 14 декабря 1825 г.

Известен отзыв Бенкендорфа о Маслове, приведённый в записке «Краткий обзор общественного мнения за 1827 год», которая была направлена императору Николаю I. Перечисляя подведомственных ему чиновников, заслуживших особого внимания, шеф жандармов отмечал «действия подполковника Маслова, который обнаружил многие злоупотребления при рекрутских приемах, способствовал открытию

¹ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. – СПб., 2009. – С. 704.

значительных злоупотреблений Саратовской губернии по Сердобскому уезду, исполнил с точностью и особенным благоразумием разыскания об убытках, причиненных чрез вторжение прошедшею зимою киргизских табунов в пределы Саратовской губернии, и доставил сведения особенно примечательные насчет Оренбургской губернии»¹.

По секретной инструкции, разработанной лично Бенкендорфом, основная задача окружного жандармского начальства состояла в наблюдении за действием всей губернской администрации и выявлении недостатков на всех уровнях бюрократической иерархии. Результатом такой деятельности являлись донесения или рапорты, которые предоставлялись шефу жандармов, который, в свою очередь, на основе наиболее существенной информации составлял собственные записки и докладывал непосредственно императору. В настоящее время подобные донесения с мест, несомненно, представляют собой один из наиболее авторитетных исторических источников, содержащих богатый и значимый материал, поскольку в них фиксировались наблюдения за состоянием местной администрации, экономики, просвещения, настроений разных слоёв провинциального общества. Бесспорно, этот источник требует критического к себе отношения, но крупная научная ценность их неоспорима.

Так, донесения А. П. Маслова² кроме довольно откровенных характеристик деловых качеств губернского начальства и провинциального чиновничества содержат в себе конкретную информацию о важнейших политических вопросах, обсуждаемых в публике, слухах, распространявшихся в губернии. Донесения изобилуют сведениями о самых разнообразных сторонах общественной жизни в Симбирске: состоянии полиции, самоубийствах, пропаже людей, рекрутских приемах, жестоком обращении помещиков с крестьянами, настроениях разных слоёв провинциального общества.

Для данного исследования заслуживает особенного внимания донесение за № 133 от 26 февраля 1832 г., которым Маслов «секретно» докладывал шефу жандармов Бенкендорфу о симбирском губернаторе А. М. Загряжском и об отношении общества к нему. Именно это донесение предоставляет ценный материал к раскрытию некоторых фактов, приведённых Гончаровым в очерке «На родине».

А. М. Загряжский указом Николая I от 2 июля 1831 г. был определён

¹ Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. – М.-Л., 1929. – Т. 6 (37). – С. 173.

² Первый рапорт подполковника А. П. Маслова, содержащий «записку о происшествиях, дошедших до сведения по Саратовской и Симбирской губерниях» относится к 26 сентября 1827 г. // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 1318. Л. 4–5 об.

на должность симбирского гражданского губернатора, 25 августа прибыл в Симбирск, а 26 февраля следующего года Маслов послал в Петербург своё донесение, в котором докладывал высшему петербургскому начальству о новом губернаторе. Причину своего особенного внимания к нему он объясняет следующим образом: «...слухи о г<осподине> Загряжском достигли до столицы, ибо в течение нынешней зимы из С.-Петербурга было много приезжих, которые отзывались также весьма с невыгодой стороны, что и побуждает меня иметь честь довести о сем...»¹.

Свое донесение Маслов начинает описанием слухов, ходивших в Симбирске ещё до получения официального известия о назначении на должность симбирского гражданского губернатора статского советника Загряжского: «...в городе Симбирске чрез партикулярные письма из Москвы, известно было осем назначении. Сии предварительные сведения заключали в себе весьма не выгодные об нем отзывы, в особенности на счет² прежнего образа его жизни; а в одном письме упоминалось об известной в Москве истории с г<осподином> Полторацким, в которой участвовал г<осподин> Загряжский с игроком Маленьевым. Новый начальник губернии, по прибытии в Симбирск, обратил на себя внимание живущих в губернском городе дворян; наблюдательной взгляд некоторых замечал все его действия и поступки, при вступлении в управление губерниею. Многие из самых почтенных дворян старались сблизиться с новым губернатором, но все сии приступы клонились только к тому, чтобы узнать подробно качества его»³.

Упоминание в приведенном отрывке из донесения о «г<осподине> Полторацком» (Сергее Дмитриевиче (1803–1884). – Е. Б.) – известном библиографе и библиофиле, в то же время признанном азартным игроке пушкинского кружка – несомненно, указывает на увлечение Загряжского карточной игрой⁴.

¹ Там же. Л. 51.

² В донесении А. П. Маслова – «на щет».

³ Там же. Л. 47–47 об.

⁴ Сохранился рассказ А. М. Загряжского о том, как А. С. Пушкин чуть не проиграл ему 5-ю главу «Евгения Онегина»: «Играл Александр Сергеевич много и очень азартно. Случалось, в качестве ставок в дело шли главы из "Евгения Онегина". Это было в Москве. Пушкин, как известно, любил играть в карты, преимущественно в штосс. Играв однажды с А. М. Загряжским, Пушкин проиграл все бывшие у него деньги. Он предложил, в виде ставки только что оконченную им пятую главу "Онегина". Ставка была принята, так как рукопись эта представляла собою тоже деньги, и очень большие (Пушкин получал по 25 руб. асс. за строку), – и Пушкин проиграл. Следующей ставкой была пара пистолетов, но здесь счастье перешло на сторону поэта: он отыграл и пистолеты, и рукопись, и ещё выиграл тысячи полторы» / Запись Н. П. Кичеева, со слов А. М. Загряжского // Русская старина. – 1874. – Т. 9. – С. 564.

Именно пристрастие к картам послужило для жандарма Маслова отправной точкой в оценке действий губернатора, за которой последовали многочисленные негативные факты и свидетельства, связанные с отношением его к непосредственным служебным обязанностям и поведением в обществе.

Вероятно, Загряжский пристрастился к карточной игре ещё до Отечественной войны 1812 г., участником которой он был. Из послужного списка известно, что он, начав военную службу в 1811 г. подпрапорщиком Одесского пехотного полка, 15 августа 1812 г. переведён в лейб-гвардии Преображенский полк и в том же году произведён в прапорщики, «имея тогда от роду четырнадцать лет». «За отличие в сражениях против французов 15-го августа 1813 г. при Пирле, 16-го в дефилеях Гизлобиля, 17-го при удержании неприятеля в Кульме, 18-го при истреблении и разбитии войск французских», награждён орденом св. Анны 4-й степени и Прусским знаком Железного креста¹. Следовательно, Загряжский был участником Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. К этому времени относятся два рассказа из боевой жизни, переданных И. А. Гончаровым в очерке «На родине» от лица Л. М. Углицкого и его сослуживца и приятеля отставного полковника Андрея Ивановича Сланцева. Содержание рассказов сводится в основном к карточной игре, которая велась в их полку, вернее, о деньгах, которые они порой без обоюдного спроса «заимствовали» друг у друга и проигрывали.

Насколько можно судить по очерку, страсть к карточной игре имела своим последствием то, что Углицкий постоянно находился в положении карточного должника. Действительно, долги у него были «не мелкие, а довольно крупные», – писал в очерке Гончаров. Все свои долги Углицкий разделял на два разряда: «стереотипные» и «подвижные». Первыми он обозначал общую сумму долгов, которая обычно определялась у Углицкого в 37 тысяч рублей. Напротив, «подвижные долги» означали мелкие, сумма которых менялась: то повышалась, то понижалась. Но Углицкий относился к ним философски: «У кого их нет?» – говорил он. Таких правил Углицкий придерживался в жизни, несмотря на то, что, как пишет Гончаров, «крупных "доходов" по службе он гнушался не менее – вроде, например, положенных будто бы ежегодных субсидий от откупщика губернаторам и другим властям покрупнее, по несколько тысяч»².

Не случайно у И. А. Гончарова в очерке «На родине» возникает сюжет с откупщиком, который пытался предложить Углицкому свои

так называемые «приношения». Такая практика в то время была вполне обычным делом. Можно вспомнить его предшественника – губернатора М. Л. Магницкого, когда тот в 1817 г. приехал в Симбирск и ему также откупщик хотел предложить немалые деньги в качестве подарка – «на поклон», а по сути – для того, чтобы в дальнейшем пользоваться в некоторых случаях от него снисхождением и покровительством личных интересов. Подобно Магницкому, Углицкий якобы отверг все попытки откупщика вручить ему приношение, сказав по-французски: «Убирайтесь отсюда!», объясняя свой отказ тем, что «кто берет эти приношения, тот обязан потом делать по откупам разные потворства»¹. По всей вероятности, именно так и произошло, хотя сам губернатор в разговоре с молодым Гончаровым от этого открещивался.

Далее в очерке описывается, как откупщик после неудавшейся попытки вручить губернатору приношение попросил его разрешить «хлеб к сплаву по Волге», на что Углицкий ответил отказом. Но на деле оказалось, что эта просьба в конечном итоге была удовлетворена. Такой поворот дела поверг автора в полное смятение, «поставил его в тупик», и тем самым, по словам Гончарова, «барометр нравственности [Углицкого. – Е. Б.] стал колебаться». Сразу же после этих слов следует одно любопытное замечание Гончарова о губернаторе: «Потом он на вечерах играл в карты, если не с азартом, то с значительным увлечением, между прочим и с откупщиком».

Тема взаимоотношения губернатора с откупщиком нашла своё место в донесении Маслова. Докладывая Бенкендорфу, он писал: «Г<осподин> Загряжской как не старался скрыть прежние свои слабости (имеется в виду пристрастие к карточной игре. – Е. Б.), но в скором времени увидели, что предварительные сведения совершенно были справедливы; ибо старые наклонности Его взяли верх. – Чрез несколько дней по приезде губернатор занял до 5 т<ысячи> рублей, сошелся весьма коротко с откупщиком Бернадаки и отставным молодым офицером Юрловым, с которыми обыкновенно проводил время, и играл в карты, но связь продолжалась до тех пор как занятые деньги перешли в их руки. Почтеннейшие из дворян с неудовольствием смотрели на оказываемое предпочтение в обществах Бернадаки и Юрлову, ибо партии с губернатором кроме их никто не составлял»².

Следовательно, по этому отрывку можем определить, что «откупщиком» являлся Дмитрий Егорович Бернадаки (1799–1870) – известный

¹ См. «Аттестат» А. М. Загряжского: Русская старина.– 1879. – Т. XXIV. – Янв. – С. 173.

² Гончаров И. А. На родине... С. 280.

¹ Гончаров И. А. На родине... С. 280.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 1318. Л. 48–48 об.

богач, который держал на откуп хлебную торговлю в губернии. Согласно воспоминаниям Ивана Степановича Жиркевича (1789–1848), сменившего Загряжского на посту губернатора, Д. Е. Бернадаки был «весьма умный и замечательно способный человек», откупщик «с познаниями», красноречив и благороден, в тоже время «застенчив и упрям». И. С. Жиркевич находил его «самым честным человеком», что, в принципе, не соответствует самой сути понятия «откуп»¹. Повествуя в своих «Записках» об откупщике Бернадаки, Жиркевич вспоминал, что при первом знакомстве он также предложил ему свои услуги в виде денежной помощи, при этом сказав: «Мы, откупщики, имеем коренное правило – ежемесячно часть нашей прибыли уделять начальству, и я смею просить вас оказать мне такую же благосклонность, как и предместники ваши допускали: позволять, в случае нужды, предлагать от души пособие»².

Приведенный выше отрывок из донесения полковника Маслова позволяет предположить, кто стал прототипом *Андрея Ивановича Сланцова*, приятеля Л. М. Углицкого. Им, вероятно, являлся некто Юрлов, один из четырех братьев: Пётр (1793–1869), Николай, Александр (1797–1885) и Апполон Ивановичи Юрловы.

В настоящее время трудно точно определить прототип А. И. Сланцова, поскольку известных сведений о службе братьев сохранилось обидно мало. Однако из дошедших до нас архивных документов известно, что «штабс-капитан бывшей симбирский губернский предводитель дворянства Петр Иванович Юрлов, участвовавшей при взятии Парижа, вступивший в службу под прапорщиком 1809 марта 13-го в Рыльский пехотный полк, 1814 августа 13-го переведен в Вильма-трандский пехотный полк того ж года ноября 1-го. Находился в походах и неоднократных сражениях против неприятеля во время кампании 1812, 1813 и 1814 годов, за что и награжден орденами: Св. Анны 4-го класса и Св. Владимира 4 ст. с бантом и серебряною медалью в память 1812 года, а 1816 года июня в 13 день за болезнью уволен от службы

¹ Подобную характеристику давал откупщику Д. Е. Бернадаки и М. А. Дмитриев, отмечая, что он «был человек честный, насколько откупщик может быть честным человеком <...> При расчетах с товарищами он доказал не только честность, но примерное бескорыстие <...> Этот Бернадаки платил ежегодно губернатору 10 тысяч рублей ассигнациями, вице-губернатору 20 тысяч, прокурору Ренкевичу 3 тысячи, советникам всем по 2 тысячи рублей каждому» // Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – С. 377.

² Записки Ивана Степановича Жиркевича // Русская старина. – 1878. – Т. XXIII. – Сент. – С. 49–50. Выделение курсивом – Е. Б.

штабс-капитаном»¹. Во время губернаторства Загряжского П. И. Юрлов являлся сенгилеевским уездным предводителем дворянства. Имеются довольно краткие сведения и о другом брате – Александре Ивановиче, который во время войны 1812 г. состоял в числе воинов 3-го пехотного полка Симбирского ополчения. 11 августа 1813 г. «за отличное усердие и труды» он был произведён в прапорщики. К октябрю 1814 г. он уже числился в чине штаб-капитана и изъявлял желание после роспуска ополчения продолжить службу в Рыльском пехотном полку. В то время он находился в немецком городе Фрауштат². Так как об Апполоне и Николае не сохранилось никаких сведений, за исключением того, что первый в 1818 г. считался недорослем, а второй в 1800 г. был штабс-капитаном, мы можем предположить, что один из двух (Петр или Александр) является (с некоторыми оговорками) возможным прототипом Андрея Ивановича Сланцова. В очерке «На родине» автор, описывая боевую молодость двух приятелей Углицкого и Сланцова, пишет: «Из войны, походов, сражений они оба вынесли впечатления личной отваги, блеска, щегольства, разных веселых авантур за границей, изображали все это в остроумных, пикантных рассказах. Серьезная, строгая сторона той великой эпохи от них ускользнула. Они ее будто не видали, жили как-то вне ее. Дома у себя – та же беззаботность и бессодержательность жизни. Сланцов не умел распорядиться своим имением и сдал его на руки другому»³.

Описывая в очерке «На родине» сюжет с увольнением Углицкого с губернаторской должности, Гончаров отмечал, что причин и поводов удаления, связанных с его служебной деятельностью, было немало. Но немаловажное значение в этом, думается, имело и то, что Углицкий «был <...> женолюбив». Гончаров пространно и в ярких красках описывает эту слабость губернатора, приводя этому разнообразные примеры. Причём писатель подчёркивал, что, живя в Симбирске, он не верил ходившим там слухам об его любовных историях. Но, уехав в Петербург и продолжая там общаться с Углицким, смог сам убедиться в том, что всё слышанное о нём в родном городе, оказалось правдой.

Страсть к женскому полу констатировал в своём донесении жандармский офицер Маслов: «*Потом легковёрные суждения, рассказы*

¹ Из указа, данного от Главногокомандующего 1-й Армии Генерала от Инфантерии Барона Сакена 1821 г. Января 12 числа / Черновые сообщения симбирского губернского предводителя дворянства Департаменту общих дел МВД об участии в Отечественной войне 1812 г. дворян Симбирской губернии. 1910 г. // ГАУО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 517.

² Материалы для истории дворянства Симбирской губернии / под ред. симбирского губернского Предводителя Дворянства В. Н. Поливанова. – М., 1912. Прилож. 8 и 16.

³ Гончаров И. А. На родине... С. 287.

о своих похождениях, нескромное и вольное обращение с женщинами; совершенно явное без малейшей скрытности волокитство за дочерью одного из частных приставов, и одной молодой иностранной, дружеское обращение с некоторыми из секретарей, было причиною, что в общем мнении потерял к себе уважение. Последствием сего распускались с увеличением слухи о Его слабостях и ежедневных приключениях. И наконец, что будто г<осподин> губернатор увлекаем будучи удовольствиями в обществе своих знакомых, не имеет время заниматься делами по управлению губерниею, сложив с себя бремя сие, предоставил распоряжаться всем своему секретарю и другу Раеву, которой видя незнание в делах своего Начальника, начал извлекать из того свои выгоды»¹.

Согласно сведениям «Месяцеслова и росписи чиновных особ Российской империи», секретарём при губернаторе Загряжском служил титулярный советник Александр Александрович Раев². На страницах очерка «На родине» Гончаров выводит его под именем *Ивана Ивановича Добышева*, при этом замечает, что без него губернатор, «как ребенок без няньки, не делал ни шагу. Целый день, и часто ночью, секретарь этот не отходил от него и чуть ли не спал в вицмундире»³. Словом, губернатор и его секретарь «друг без друга, как сиаемские близнецы, жить не могли». Этими словами Гончаров словно подтверждает донесение Маслова. Именно Добышев посоветовал Углицкому определить на должность секретаря губернатора вместо себя Гончарова – молодого человека, совершенно неопытного в делах по управлению губернской канцелярией. И это несмотря на то, что Гончаров к тому времени ещё не получил университетского аттестата и потому не имел права поступать на службу. В этом случае Добышев, как считал Гончаров, преследовал свои выгоды, полагая, что при всей неопытности и молодости нового секретаря он сможет, прикрываясь его именем, вести дела, как прежде, в своих личных интересах.

В рассматриваемом донесении шефу жандармов полковник Маслов сообщал об отношениях, которые сложились между губернатором Загряжским и симбирским губернским предводителем дворянства князем М. П. Баратаевым.

Князь Баратаев была постоянным фигурантом имеющихся в деле донесений жандармского офицера. Так, например, в одном своем донесении

из Симбирска от 26 сентября 1827 г. Маслов сообщал, что в теперешнее время в городе пока ещё никого нет, «кроме одного почтенного и всеми уважаемого дворянина г<осподина> Дмитриева» (имеется ввиду Сергей Иванович – брат знаменитого баснописца И. И. Дмитриева¹), он «имел честь познакомиться с губернским предводителем князем Баратаевым, который обыкновенно живёт в своей деревне Баратаевке, в 10 верстах от города». Далее Маслов указывал, что «он [Баратаев] с начальником губернии [А. Я. Жмакиным. – Е. Б.], имеет большие неприятности, а выдаются только по делам службы»². К сожалению, конкретные причины «неприятностей» не указываются. Но, думается, к этому непосредственное отношение имеют те мысли князя Баратаева, которые он изложил во Всеподданнейшем донесении императору Николаю I о положении дворянства Симбирской губернии, составленном им 4 января 1827 г. В нём он указывал, в частности, на ограничение полномочий губернских предводителей дворянства, на их зависимость от начальников губерний³.

При этом Маслов посчитал необходимым сообщить сведения о бывших здесь масонах и выслал в Петербург список всех, кто когда-то принадлежали к масонской ложе «Ключ к Добродетели», «полагая, что может быть не все оные были известны правительству». К сожалению, список членов симбирской ложи в деле отсутствует. Прибавляя сведения о масонах, Маслов особо отмечал: «Кажется, дружеские отношения еще продолжают между губернским предводителем, почтмейстером и форштмейстером Татариновым». «Но впрочем, нет ничего противного закону, – признавался он и в то же время заявлял, подчеркивая свое усердие в службе: – за чем строго наблюдаю»⁴. Упомянувшиеся в донесении лица были активными членами ложи «Ключ к Добродетели»: «почтмейстер» – Иван Федорович Лазаревич, бывший казначей, который заведовал всеми суммами ложи, «форштмейстер (или лесничий, смотритель за лесами)» – Николай Ильич Татаринов, член ложи 3-й степени.

¹ Сергей Иванович Дмитриев (ум. 1829), поручик в отставке, был сызранским уездным предводителем дворянства в 1809–1811 и 1816–1820 гг. и заседателем Симбирской гражданской палаты в 1813–1815 гг. Его племянник М. А. Дмитриев вспоминал, что он «был человеком основательного ума; много читал по-русски; но кроме русской грамоты не учился ничему и даже не знал правописания. Он был человек добрый <...> Он любил тоже русских поэтов» // Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни... С. 50.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 1318. Л. 5.

³ Всеподданнейшее донесение о положении дворянства Симбирской губернии. 4 января 1827 г. // ГАУО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об. –11.

⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1318. Л. 5 об.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 1318. Л. 48 об. –49.

² Месяцеслов и росписью чиновных особ или Общия Штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1832. Ч. 2. – СПб., 1832. – С. 235.

³ Гончаров И. А. На родине... С. 289.

Имя князя Баратаева Маслов упоминает и в записке, носящей название «Вообще о Управлении Симбирской губернией», которую он направил в Петербург 3 января 1828 г. В ней он даёт довольно полную характеристику всем должностным лицам губернской администрации. Сообщив в этой записке, что *«господин гражданский губернатор (А. Я. Жмакин. – Е. Б.) снискал в дворянстве некоторое к себе доверие и уважение»*, жандармский офицер Маслов замечал, что *«неприятности между губернским предводителем дворянства по сие время еще не прекратились, и Его Сиятельство (князь М. П. Баратаев. – Е. Б.) в некоторых случаях имеет справедливость на своей стороне, особенно, когда встречаются дела о дворянах, зависящие более от наблюдения предводителя, [но] производятся по большей части мимо его. Сколько мог заметить из отношения дворян к губернскому предводителю князю Баратаеву, большая часть имеет особенное к Его Сиятельству уважение. И звание свое князь Баратаев во всех отношениях умеет поддержать»*¹.

Такие объективные характеристики, которыми Маслов награждает губернского предводителя дворянства, не помешали ему спустя четыре года в донесении Бенкендорфу от 26 февраля 1832 г. подметить несколько иные его стороны. Он называет Баратаева *«человеком умным и хитрым, и весьма самолюбивым»*, который *«разными средствами стал достигать своей цели, чтоб наклонять действия губернатора по своим видам. При наблюдении за отношениями обеих лиц, легко можно было заметить намерение князя Баратаева, которое состоит в том, чтоб обнаружив в последствии времени неспособность г. Загряжского занять Его место, о чем как известно ведется переписка с столицею»*².

Далее в донесении приводится подтверждение сложившихся между губернатором и губернским предводителем дворянства отношений: *«Старшая дочь князя Баратаева между обыкновенными разговорами за обедом сказала "теперь есть надежда, что Загряжский надолго останется губернатором, ибо он без советов моего батюшки ничего не делает, сам приносит бумаги, и только тогда подписывает, когда вместе оные просмотрят"». Княгиня Баратаева подтвердила рассказ дочери своей, присовокупив, что губернатор проводит большую часть дня у них в доме и все дела, касающиеся до управления губернии, решаются в кабинете у князя. – Разговор сей сделался скоро известным в городе, послужил поводом о невыгодном суждении как о г<одине> Загряжском, так и о нескромности княгини Баратаевой и дочери ее»*³.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1318. Л. 40 об.

² Там же. Л. 49–49 об. Выделение жирным шрифтов – Е. Б.

³ Там же. Л. 50–50 об.

Маслов в своём донесении шефу жандармов по поводу действий губернатора Загряжского настоятельно и упорно давал понять, что он в большинстве случаев без помощи своего секретаря А. А. Раева или губернского предводителя дворянства М. П. Баратаева не решает дела и не управляет губернией.

Здесь уместно будет привести мнение Гончарова, который в очерке двойко оценивал деловые качества Углицкого. С одной стороны, автор находил у губернатора определенные способности к управлению губернией: *«В делах по своей должности был очень чуток, наблюдателен и зорок»*, бывало, что *«толпу просителей примет живо, бойко, разберет и отпустит в какие-нибудь полчаса. Осмотрит тюрьму, какой-нибудь гошпиталь – все это на ходу, мимоездом, до завтрака, а между завтраком и обедом делает или принимает визиты»*, *«словом, снаружи дело так и кипело у него и около него»*, и хорошим был бы исполнителем, *«если б ... <...> если б ... хотел. А был способен»*. Но, подводя итог правлению Углицкого, Гончаров не без сожаления признавал: *«Все-таки ничего нового, живого, интересного во всей административной машине не было. У него была тьма способностей, но жив, бодр, зорок и очень подвижен был он сам, а дело оставалось таким же, как он его застал»*¹.

Ближние приятельские отношения между губернатором Загряжским и князем Баратаевым, возможно, во многом можно объяснить общим интересом к масонству. Как известно, Загряжский до запрещения Александром I масонства в 1822 г. состоял в петербургской масонской ложе «Соединенных друзей»², Наместным мастером русского отделения которой был князь Баратаев. Это обстоятельство делает понятным особое влияние на губернатора Баратаева, поскольку последний занимал более высокую ступень в масонской иерархии. Зная князя Баратаева, его идеологические убеждения и общественную позицию, вполне реально предположить, что именно под влиянием князя Баратаева Загряжский, как пишет Гончаров, *«задумал ввести кое-что новое – именно прекратить "нештатные" доходы или поборы, о которых не мог не знать подробно. Он уже не раз проговаривался об этом в обществе и наводил на коренных губернских служаков пугливое недоумение»*³. К исполнению этого своего замысла он и вздумал привлечь Гончарова, сделав его своим секретарём.

¹ Гончаров И. А. На родине ... С. 287.

² Список гг. генералам, штаб- и обер-офицерам и нижним чинам, кои принадлежали к масонским ложам... за 1822 г. указано: «№ 357. Загряжский – штаб-капитан Лейб-гвардии Преображенского полка, адъютант генерал-адъютанта барона Розена 1-го. Ложа Соединенных друзей» / Соколовская Т. Материалы по истории масонства в прежней русской армии // Русская старина. – 1907. – Т. 131. – Авг.– С. 424.

³ Гончаров И. А. На родине... С. 288.

Следует отдать должное Загряжскому, ибо в его управление губернией в Симбирске в 1833 г. дворянство, выступившее с инициативой воздвижения на родине памятника Н. М. Карамзину, нашло в губернаторе своего союзника и подвижника этой идеи. В Российском государственном историческом архиве хранятся 6 внушительных томов документов о сооружении в Симбирске памятника историографу; среди документов – личные письма Загряжского министру внутренних дел Д. Н. Блудову¹. Кроме того, во время губернаторства Загряжского Благотворительное учреждение симбирского благородного дворянства (воспитательное заведение для 10 беднейших дворян) 18 февраля 1834 г. было преобразовано в гимназический Благородный пансион, о чём Баратаев мечтал и всяческими средствами пытался составить нужный для открытия пансионный капитал. И думается, в этих достижениях губернатора влияние губернского предводителя дворянства князя Баратаева проявилось как нельзя лучше и отчетливее.

В указанном донесении имеются свидетельства Маслова и о круге ближайшего окружения Загряжского, в который входил И. С. Кротков. Вот как он пишет об этом: «Г<осподин> Загряжский с самого начала приезда своего, весьма коротко также сблизился с семейством г<осподина> Кроткова, родственника бывшего министра внутренних дел (А. А. Закревского. – Е. Б.), и показывает не только ему но и всем его родным особенно предпочтительное против прочих почтенных дворян уважение»².

Теперь становится понятной ситуация, сложившаяся после того, как было получено в Симбирске известие об увольнении Загряжского с должности губернатора. Из описания Гончарова следует, что за день до прихода в Симбирск указа об увольнении губернатора Ростин (И. С. Кротков) получил письмо из Петербурга с известием об этом. Он заехал к Якубову (Н. Н. Трегубову), чтобы показать письмо, а затем отправился к Углицкому (А. М. Загряжскому) предупредить его. Они закрылись в кабинете, никого не впускали. Гончаров видел, как «губернатор и Ростин сидели в отдаленном углу и о чем-то с жаром говорили». При этом Углицкий «был сильно встревожен, на нем лица не было»⁶⁰. Это же подтверждает приехавший в конце марта 1835 г. назначенный на его место новый губернатор И. С. Жиркевич, который написал в своих воспоминаниях, что «Z* <...> я нашел в совершенном отчаянии; указ о

¹ По представлению состоящего в должности Симбирского гражданского губернатора о сооружении в г. Симбирске памятника Историографу Карамзину. 1833–1836 гг. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 18. Ч. 1. Д. 51 а.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1318. Л. 50 об.

смене его был получен в Симбирске 25-го числа, а до того времени он и не думал о том»¹. Несколько позже Углицкий объяснил Гончарову причину своего перевода, обвиняя в этом симбирского жандарма. Очевидно, упоминавшееся секретное письмо из Петербурга и содержало в себе сообщение о доносе на губернатора. Вероятно, Гончаров был посвящён в эту тайну, но, не желая в очерке раскрывать слишком многое, вместе с тем образно давал понять, что донос не сводился исключительно к любовным похождениям и сердечным интригам губернатора.

В статье «И. А. Гончаров и симбирские масоны (к реалиям очерка "На родине")» мы ошибочно винили в отстранении Загряжского от губернаторской должности жандармского офицера Э. Стогова, сменившего на этом посту А. Маслова. В своих размышлениях мы ссылались на обнаруженный в фондах Ульяновского краеведческого музея рукописный «Журнал экстренного 93-го заседания Симбирской Губернской Архивной Комиссии от 23 июня 1917 года». В нём содержалось сообщение о том, что в 1917 г. член Союза Российских архивных деятелей А. С. Поляков, участвуя в разборе архивов Департамента полиции и III отделения, обнаружил донос на А. М. Загряжского: «Симбирский жандармский полковник доносил по начальству о дурном влиянии на А. М. Загряжского губернского предводителя дворянства князя Баратаева и о неблагонадёжности его»².

Если учесть, что Маслов в донесении от 26 февраля 1832 г. стремился, с одной стороны, указать шефу жандармов и главе Третьего отделения Бенкендорфу на неспособность (возможно, и нежелание) Загряжского исполнять столь значимую должность, а с другой – показать негативное воздействие на губернатора со стороны Баратаева (преследующего, по словам жандармского офицера, цель «наклонять действия Губернатора по своим видам»), то приходится признать, что именно это донесение явилось причиной неудовольствия императора, повлекшего за собой отставку Загряжского. Немаловажно и то, что в то время Стогов имел чин майора. Следовательно, А. С. Поляков обнаружил то самое донесение, которое было положено в основу наших настоящих исследований.

¹ Записки Ивана Степановича Жиркевича // Русская старина. – 1878. – Т. XXIII. – Сент. – С. 36. Под буквой «Z*» автор имеет в виду губернатора А. М. Загряжского.

² Журнал экстренного 93-го заседания Симбирской Губернской Архивной Комиссии от 23 июня 1917 г. Рукопись // Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова.

**НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
СИМБИРСКОЙ МАСОНСКОЙ ЛОЖИ
«ЗЛАТОЙ ВЕНЕЦ» И УЧАСТИЯ В НЕЙ Н. М. КАРАМЗИНА**

Данная статья продолжает серию наших исследований по истории Симбирского масонства конца XVIII – начала XIX в. [3; 4] и затрагивает остающуюся пока недостаточно изученной проблему участия Н. М. Карамзина (1766–1826) в деятельности Ордена вольных каменщиков.

Как известно, будущий историограф в своей молодости состоял братом 2-й степени в ложе «Златой Венец», которая была открыта в Симбирске в 1784 г. И. П. Тургеневым (1752–1807) – другом и сподвижником Н. И. Новикова, одним из активнейших деятелей московского масонства Екатерининского периода. И. П. Тургенев являлся членом многих масонских лож, включая и чрезвычайно секретное общество Злато-Розового Креста, составившееся в Москве в 1782 г. под начальством И. Г. Шварца [18, с. 151; 11, с. 147]. Кроме того, И. П. Тургенев входил в состав Дружеского учёного общества, существовавшего в 1779–1789 гг. в Москве и основанного Н. И. Новиковым и членами его кружка для помощи в воспитании и образовании юношества и занималось изданием полезных книг преимущественно религиозно-нравственного содержания [14, с. 612–615]. Как замечал М. Н. Лонгинов, «цель Новиковского общества состояла в переводе полезных книг с разных языков, издании их и оригинальных сочинений, распространении просвещения, направлении воспитания юношества и раздаче разных пособий бедным» [9, с. 13]. Для исполнения этой цели на средства этого общества при Московском университете были открыты две Семинарии: Педагогическая (ноябрь 1779) – с целью подготовки студентов к учительскому и профессорскому званию и Переводческая (июнь 1782), где студенты должны были обучаться языкам для переложения на русский язык нравоучительных произведений лучших авторов. Именно этими обстоятельствами было обусловлено привлечение Н. М. Карамзина к просветительской деятельности новиковского общества. По словам К. С. Сербиновича, Дружеское учёное общество «употребляло юный его талант для общей пользы, ободряло, хотело передать ему все свои убеждения» [15, л. 81].

К сожалению, сведений о симбирской ложе «Златой Венец» сохранилось очень мало, до недавнего времени известно было только три источника. Во-первых, показания И. П. Тургенева и его единомышленни-

ков – московских масонов («мартинистов»), которые они дали в августе 1792 г. генерал-губернатору Москвы князю А. А. Прозоровскому во время следствия по делу о новиковском кружке. Так, например, отвечая на вопросы, составленные самой Екатериной II, И. П. Тургенев показал, что им была учреждена масонская ложа в Симбирске «под надзором бывшего там вице-губернатора Голубцова, но она рушилась, и теперь там не собираются. А собиралась сия только несколько раз в несколько лет» [8, с. 0144–0145]. О количественном составе симбирской ложи показал во время следствия один из видных московских масонов князь Н. Н. Трубецкой (1744–1821), отметив, что «прочих <...> учрежденных лож не помню, кроме Ивана Петровича Тургенева, у которого самое малое число членов, которых хорошенько не упомяну» [8, с. 0122]. Н. И. Новиков свидетельствовал о времени её работы: «В 1786 г. все масонские ложи, сколько их было с нами в связи, уничтожены, и собрания быть перестали, и члены из нашего знакомства вышли» [8, с. 87].

Суммируя полученные из показаний лиц, привлеченных к следствию московских мартинистов, сведения, можно сделать выводы: симбирская ложа «Златой Венец» не была многочисленной; она принадлежала к Иоанновской масонской системе с тремя степенями («мастера», «товарища» и «ученика»); в ней редко проводились собрания, а в 1786 г. она практически прекратила своё существование; вероятнее всего, работы в ней велись по розенкрейцерской системе.

Вторым источником, который позволяет расширить сведения о ложе «Златой Венец», является письмо И. П. Тургенева к приятелю и собрату по масонству Александру Петровичу Соковнину (1737–1800)¹, написанное 2 июня 1784 г. по приезду из Москвы в Симбирске [11, с. 507–509; 10, л. 83–83 об.]. И. П. Тургенев в письме излагал адресату свои планы по созданию масонской ложи в губернском городе [11, с. 507–508]. Он предлагал 3 июня симбирским наличным масонам, которых *было достаточно для её открытия* (!), собраться в доме Соковниных для составления «комитета из братьев» по подготовке к открытию ложи, которая заключалась в изготовлении обрядовой утвари, «орнаментов и прочего нужного для открытия и учреждения ложи». Вероятно, поездкой И. П. Тургенева в Симбирск воспользовались московские друзья по масонству, «препоручив ему стараться о сооружении здесь ложи».

Третьим источником является послание симбирских масонов, кото-

¹ А. П. Соковнин (1737–1800) – отставной капитан артиллерии, богатый помещик, имевший крупные имения в Симбирской губернии и бывший в 1785 г. Сенгилеевским уездным предводителем дворянства.

рое после официального открытия ложи её члены отправили в Москву на имя своих учредителей: «Высокопочтенного мастера, почтенных надзирателей, чиновников и членов учрежденной на Востоке Москвы ложи Святого Моисея». К сожалению, у письма отсутствует дата, что во многом затрудняет установление времени начала работ ложи «Златой Венец» и тем самым провоцирует спор, который существует по поводу даты открытия ложи. В коллективном письме члены «Златого Венца» сообщали об открытии ложи в Симбирске и удостоверяли «единую с нами матерью», «что мы с восстановлением здесь нового храма добродетели, елико возможно зачинаем стараться о снискании просвещения и блаженства, прилежа о чтении книги природы и Священного Писания, стараемся разбирать все наши дела при блистающей звезде разума, возженной Великим Строителем мира во святых души нашей, дабы воссиял на нас свет истины и да принесет желанию нашему совершенное удовольствие» [11, с. 506–507].

Упомянутая ложа «Святого Моисея» была учреждена в 1781 г. в Москве, мастером стула в ней был поэт, драматург, издатель и переводчик Ф. П. Ключарев (1754 (1751, 1755)–1822), который с 1776 г. служил провинциальным секретарём в штате генерал-фельдмаршала графа Захара Григорьевича Чернышева. Сослуживцем Ф. П. Ключарева являлся И. П. Тургенев, который находился старшим адъютантом при графе Чернышеве с 1779 по 1784 г. Кроме того, Ф. П. Ключарев с 1781 г. являлся членом Собрания университетских питомцев и другом Н. И. Новикова [16, с. 397–398, 954].

Ложа «Святого Моисея» действовала в подчинении одной из четырех существовавших в 80-х гг. XVIII в. префектурных капитулов (материнских лож), поскольку по масонским законам ни одна ложа не могла возникнуть вновь независимо от какой-нибудь матери-ложи. Ими являлись ложа «Латоны», находившаяся сначала под начальством Н. И. Новикова; ложа «Трёх Знамен», префектом которой был П. А. Татищев; ложа «Озириса», действовавшая под начальством князя Н. И. Трубецкого; ложа «Сфинкса», возглавляемая, вероятно, князем И. П. Гагариным [5, с. 91]. Нужно особо отметить, что в подчинении префектурного капитула «Латоны» находились ложи, непосредственно связанные с Н. И. Новиковым и новиковским кружком. Это даёт основания утверждать, что ложа «Святого Моисея» была подчинена префектурному капитулу «Латоны» – наиболее влиятельной ложи-матери [5, с. 368]. И, соответственно, ей же была подчинена вновь учрежденная в 1784 г. симбирская ложа «Златой Венец».

О принадлежности И. П. Тургенева к ложе «Святого Моисея» свидетельствует то, что в обширнейшем архиве Тургеневых, хранящемся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН, имеются две масонские печати, принадлежавшие И. П. Тургеневу: на одной из них изображена «змея Моисея» с надписью: «Печать дочери святого Моисея»; на второй – представлен куб, на котором лежат шпага и жезл со словом «соединяет» и надписью «Печать дочери Девкалиона» [19, с. 64–65]. Обе печати удостоверяют принадлежность их обладателя к московским ложам «Святого Моисея» и «Девкалиона». Последняя была учреждена в октябре 1782 г., Великим мастером в ней являлся С. И. Гамалея, она объединяла братьев, в большинстве принадлежащих к Дружескому ученому обществу.

К письму, посланному в ложу «Святого Моисея», был приложен «Список членам Златого Венца», состоявший из 17 фамилий, расписанных по степеням. Возглавлял этот список Управляющий мастер Александр Федорович Голубцов. В качестве 1-го и 2-го надзирателей указаны Федор Николаевич Ладыженский (ок. 1760–1845) и Иван Васильевич Колюбакин (ок. 1749–1796), секретарём являлся Иван Васильевич Жадовский (род. ок. 1754), обрядоначальником – Семён Владимирович Аржевитинов (1751–после 1813), а ритором – Александр Петрович Соковнин (адресат письма И. П. Тургенева).

Н. М. Карамзин возглавляет список «товарищей», т. е. имеющих 2-ю степень. Этот факт свидетельствует о двух важных обстоятельствах. Во-первых, поскольку его подпись стоит под письмом, то это даёт возможность утверждать, что Н. М. Карамзин лично присутствовал при инсталляции ложи «Златой Венец». Во-вторых, ко времени образования в Симбирске ложи «Златой Венец» семнадцатилетний Карамзин (родился 1 декабря 1766 г.) уже был посвящен в масоны.

Перечисленными сведениями до недавнего времени ограничивался свод источников по истории симбирской ложи «Златой Венец». В результате последних разысканий в Государственном архиве Российской Федерации (далее ГА РФ) был обнаружен еще один весьма ценный источник, который, свидетельствуя о конкретной жизни симбирских масонов конца XVIII в., содержит новые данные по истории ложи «Златой Венец». Это письмо симбирского вице-губернатора А. Ф. Голубцова к И. П. Тургеневу, датированное 9 июня 1785 г. [6, л. 2–3]. В то время Н. М. Карамзин проживал в Симбирске.

А. Ф. Голубцов (1735–1796) принадлежал к самарским и уфимским помещикам. Первое образование он получил в юнкерской школе Сената,

затем с 1748 г. воспитывался в пансионе Ферре при Сухопутном шляхетском корпусе, и с 1750 г. находился на военной службе. Известно, что он с 1774 до 1781 г. являлся воеводой Пермской провинции, а с образованием Пермского наместничества и до 1783 г. служил председателем Пермского Верхнего земского суда. Он состоял в масонской ложе «Золотой Ключ», которая с 1781 г. действовала в Перми под руководством И. И. Панаева. В 1783 г. А. Ф. Голубцов получил новое назначение в Симбирское наместничество на должность поручика правителя (вице-губернатора). Эту должность он исполнял до 1792 г., за что в 1786 г. был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени и в 1792 г. получил чин действительного статского советника [1, р. 183–184; 16, с. 258]. В «Сборнике дворянских родословных» В. В. Руммеля и В. В. Голубцова под его именем показано: «сотоварищ Н.И. Новикова» [13, с. 208].

А. Ф. Голубцов и И. П. Тургенев познакомились еще в начале 1770-х гг. в Петербурге. Оба они в 1773–1774 гг. участвовали в работах петербургской ложи «Гарпократа», где А. Ф. Голубцов со времени основания ложи (15 мая 1773 г.) исполнял обязанности секретаря [16, с. 963]. Поэтому он при создании масонской ложи в Симбирске в 1784 г. и возглавил ее.

Обнаруженное в архиве письмо А. Ф. Голубцова (см. «Приложение») начинается такими словами: «Высокопочтенный брат¹! Милостивый Г<осу>д<a>рь мой Иван Петрович. Обязанность моя заставляет меня навсегда изъявлять к вам мою о истекающих ваших на меня благодеяниях признательность и откровенность, а тем паче имея верную оказию не упущать без выполнения того, а по сему я поставляю за долг себе уведомить ...» [6, л. 2]. Далее Управляющий мастер А. Ф. Голубцов излагает по пунктам сведения о ложе «Златой Венец». Мы видим, что данное письмо написано с соблюдением масонских традиций XVIII в., определяющих писать по пунктам. Всего в письме 5 таких пунктов, которые соответствуют пяти разным предметам или темам для доклада и обсуждения. Поскольку А. Ф. Голубцов написал это письмо довольно откровенно, излагая проблемы ложи открыто, с использованием принятых в масонстве терминологии и знаков (например, изображение прямоугольника заменяет слово «ложа»), то можно прийти к выводу, что письмо было послано И. П. Тургеневу в Москву не по почте, а с оказией или нарочным.

В рассматриваемом письме имеется подтверждение показаниям о малочисленности симбирской ложи, данными лицами, привлеченными

¹ Брат – традиционное обращение масонов друг к другу. Отрывки из письма публикуются с сохранением стилистических и орфографических особенностей XVIII в.

в 1792 г. к следствию над московскими мартинистами. Так, А. Ф. Голубцов во втором пункте указывает, что на момент написания письма в Симбирске «братьев наших здесь не прибывает числом 3». Вероятно, в это летнее время все братья ложи разъехались по своим имениям.

Третий пункт письма касается непосредственно Н. М. Карамзина. В нем управляющий мастер сообщает, что «брат Кулебакин», занимавший должность 2-го надзирателя, после недавно последовавшего «оставления» (отставка от службы. – Е. Б.) и отъезда в своё имение не может присутствовать на заседаниях ложи и выполнять свою масонскую обязанность. Это дало повод А. Ф. Голубцову просить у И. П. Тургенева «исходатайствовать сие достоинство» (должность 2-го надзирателя) «любезному брату Карамзину, ибо он довольно достоин сего».

Под упоминаемым в письме «братом Кулебакиным» имеется в виду отставной артиллерии майор Иван Васильевич Колюбакин, который в феврале 1785 г. действительно подал императрице Екатерине II челобитную, в которой просил отставки от службы по болезни [7, л. 485]. Из формулярного списка, приложенного к его челобитной, следует, что ему на тот момент было 36 лет. В 1778 г. он получил увольнение от военной службы в чине капитана и с образованием Симбирского наместничества 18 сентября 1780 г. был определен советником в Палату уголовного суда, а 20 февраля 1783 г. перемещен в верхний земский суд председателем [7, л. 487]. Отставка с этой должности, согласно архивным документам, последовала 8 мая 1785 г. [7, л. 500].

Четвертый пункт в письме А. Ф. Голубцова обращает на себя особое внимание из-за того, что он в какой-то степени косвенно свидетельствует о времени открытия ложи в Симбирске. Дело в том, что общепринятой датой ее учреждения принято считать 1784 г. Эту дату, вернее, только год, не называя числа и месяца, приводили в своих трудах такие исследователи, как Н. М. Лонгинов [8, с. 216], А. Н. Пыпин [12, с. 516] и Т. А. Бакунина [1, р. 570–571]. Но автор ряда исследований о масонстве А. И. Серков в энциклопедическом словаре «Русское масонство 1731–2001 гг.» указывал точную дату открытия ложи – 3 декабря 1784 г. [16, с. 989].

Этой же даты, 3 декабря 1784 г., придерживалась и автор данной статьи [3, с. 19]. Хотя у литературоведа В. А. Сукайло дата «3 декабря» вызывала если не возражения, то по крайней мере, сомнения. Он полагал, что «И. П. Тургенев приурочил учреждение новой масонской ложи в Симбирске к 24 июня, ко дню всеобщего масонского праздника» – дня Святого Иоанна Крестителя. Для доказательства своего взгляда он приводил некоторые «крайне скупые, косвенные факты» биографии

И. П. Тургенева этого периода, которые давали, по его мнению, «весьма серьезные основания относиться к этой дате с большой осторожностью» [17, с. 159].

В четвертом пункте письма А. Ф. Голубцов сетует на то, что ложа не имеет обряда празднества дня Святого Иоанна, поэтому он просил И. П. Тургенева снабдить его этим обрядом. Из его слов становится очевидным, что ложа ещё ни разу не праздновала всеобщего масонского праздника, который приходился на 24 июня. Следовательно, эти слова из письма являются подтверждением версии открытия работ ложи 3 декабря 1784 г., по крайней мере, после 24 июня. Однако пока приходится констатировать, что вопрос о времени открытия ложи «Златой Венец» из-за отсутствия документов остается открытым.

Интересен и пятый пункт письма А. Ф. Голубцова, в котором он пишет, что ложа хотя и имеет обряд принятия в третью, мастерскую степень, и имеется несколько братьев, достойных к принятию в нее (называет «любезного брата» Петра Яковлевича Норова), но «вещей», которые относятся к принятию в эту степень, ложа не имеет. Поэтому Голубцов просил Тургенева «потребные к сооружению сей ложи вещи («кроме скелетов»¹) заказать сделать» в Москве.

Известно, что акт принятия в третью мастерскую степень сопровождался разнообразными таинственными церемониями. Посвящаемый должен был подвергнуться испытанию путём прохождения всевозможных устрашений и пережить основную идею масонства – смерть и воскрешение, чтобы возродился новый человек, более совершенный. Тут уже ложа обивалась черным сукном, появлялись черепа, скелеты, держащие зажженные светильники, и черный гроб. Адепта – вступающего в степень мастера после довольно продолжительного хождения вокруг ложи с завязанными глазами с разными остановками и препятствиями, укладывали в настоящий гроб, который устанавливался в окружении трех трехцветных светильников, поддерживавшихся человеческими скелетами, или помещали его на рисунок гроба на масонском ковре 3-й степени, накрывали окровавленной простыней.

В анализируемом письме А. Ф. Голубцов, видимо, просил И. П. Тургенева сделать в Москве необходимый для принятия в степени мастера гроб или мастерский ковер. А также он просил из посылаемых при письме 73 аршин фланели (52 метра) сшить на «прежний рост Епанеч», то есть верхней мужской одежды, представляющей собой старинный безрукавный широкий плащ с капюшоном. Эти епанчи нужны были для прове-

¹ Написание подлинника.

дения обрядов и ношения на заседаниях ложи. При этом А. Ф. Голубцов оговаривал, что он мог и в Симбирске заказать сшить их, но посчитал, что от этого произойдёт «разглас здесь тайн», что было нежелательным в небольшом провинциальном городе.

В письме упоминается без указания фамилии некий «Осип Андреевич», который недавно прибыл в Симбирск. Проведя исследования, удалось выяснить, что это – граф Осип Андреевич Игельстром (род. 1737), который в 1784 г. императрицей Екатериной II был назначен генерал-губернатором Симбирского и Уфимского наместничеств.

О. А. Игельстром был сыном ливонского дворянина, поступил на военную службу, служа в корпусе графа П. А. Румянцева, получил в 1762 г. чин подполковника. Потом служил в Польше под начальством князя Н. В. Репнина (1734–1801) и содействовал ему в 1764 г. при избрании на освободившийся (после смерти Августа III) польский престол Станислава Понятовского, полностью устраивавшего петербургский Двор. В первую Турецкую войну, в 1770 г., Игельстром участвовал во взятии крепости Аккермана, за что получил орден Св. Георгия 3-й степени. В 1784 г. по поручению князя Г. А. Потемкина (1739–1791) он нашел и искусно арестовал Крымского хана Шагин-Гирея, которым было недовольно наше правительство. С тех пор он попал в милость к генерал-фельдмаршалу Потемкину и благодаря его протекции был назначен в 1784 г. генерал-губернатором Симбирским и Уфимским. В апреле 1785 г. он получил предписание немедленно отправиться во вверенные ему губернии, осмотреть их, а осенью приехать в Петербург для личного о них доклада императрице Екатерине II [2, с. 345]. В должности генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничеств он оставался до 1792 г. [2, с. 341].

Из рассматриваемого письма следует, что поручик правителя Симбирского наместничества А. Ф. Голубцов при встрече и беседе с прибывшим в Симбирск на должность генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничеств О. А. Игельстромом «изъяснялся» о существующей в Симбирске масонской ложе. Последний это известие «благоклонно принял», позволив А. Ф. Голубцову «открыться», что он является масоном и что симбирская ложа находится под его руководством. Затем генерал-губернатор О. А. Игельстром «отменно хвалил пребывающую в Москве под руководством брата Замятина ложу» и дал знать собеседнику «словесно, что он из числа нашего сообщества», то есть принадлежит к Ордену вольных каменщиков. До обнаружения данного письма сведения о масонстве графа О. А. Игельстрёма отсутствовали.

В заключение следует отметить, что обнаруженное в архиве письмо позволило дополнить сведения, касающиеся симбирской ложи «Златой Венец», участия в ее деятельности Н. М. Карамзина и соприкоснуться с архивным документом конца XVIII в, имеющим важное значение для истории и культуры Симбирской губернии.

Литература

1. Bakounine T. Le repertoire biographique des francs-macons russes (XVIII et XIX siecles). – Bruxelles, 1940.
2. Архив графа Игельстрома // Русский архив. – 1886. – № 11.
3. Беспалова Е. К. Симбирское масонство конца XVIII – начала XIX века // Краеведческие записки. Итоги года – 2002. Изд. Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова. – Ульяновск, 2004. – С. 8–51.
4. Беспалова Е. К., Рыкова Е. К. Симбирский род Тургеневых. – Ульяновск, 2011. – 344 с.
5. Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 3-е, исправ. и расшир. / под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова. – СПб., 2001.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 6.
7. Книга дел по Симбирской губернии. 1785 г. // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 730.
8. Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. – М., 1867.
9. Лонгинов М. Н. Филантропическое издание «Типографической Компании» (1786) // Современник. – 1857. – Т. LXVI. – № 8. – Отд. 5.
10. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 247. Оп. 1. Д. 8.
11. Осьмнадцатый век. Исторический сборник, издававшийся П. Бартеневым. – М., 1869. – Т. II.
12. Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первой четверти XIX в. Ред. и прим. Г. В. Вернадского. – Пг., 1916.
13. Руммель В. В. и Голубцов В. В. Сборник дворянских родословных. Т. II. – СПб., 1887.
14. Русский архив. 1863.
15. Сербинович К. С. Материалы к биографии Н. М. Карамзина [1865–1866 гг.] // РО РГБ. Ф. 231/III. К. 22. Д. 23.
16. Серков А. И. Русское масонство 1731–2001. Энциклопедический словарь. – М., 2001.
17. Сукайло В. А. О дате открытия масонской ложи «Златой Венец» в Симбирске // Краеведческие записки. Сб. науч. трудов областной научной конференции «История и современность Симбирского – Ульяновского края. Ульяновск – 2007». – Ульяновск, 2008.
18. Тарасов Е. И. К истории русского общества второй половины XVIII столетия. Масон И. П. Тургенев // Журнал Министерства народного просвещения. – Ч. LI. – 1914. – № 6.
19. Фомин А. А. Петр Николаевич Тургенев и его дар русской науке. 1853–1912. Материалы для биографии // Отчет деятельности Отделения русского языка и словесности Имп. Академии Наук за 1912 г.

«Высокопочтенный брат¹!

Милостивый Г<осу>д<a>ръмой Иван Петрович.

Обязанность моя заставляет меня навсегда изъявлять к вам мою о истекающих ваших на меня благодеяниях признательность и откровенность, а тем паче имея верную оказию не упущать без выполнения того, а по сему я поставляю за долг себе уведомить 1^е что с Осипом Андреевичем что здесь □ [ложжа. – Е. Б.] находится по пространном о сем и побочном с ним во первом разговоре изъяснялся и он сие вес<ь>ма благосклонно принял и позволил и мне открыт<ь>ся, отменно хвалил пребывающую в Москве под руководством высокопочтенного брата Замятина □ [ложжу. – Е. Б.] и дал мне знать словесно, что он ис числа нашего сообщества.

2^е. Братъев наших здесь не прибывает числом 3. Брат Кулебакин, как вам известно, занимает место второго надзирателя. Отставление же ево, последовавшее недавно, сим местом уже управлять не может. А по сему вас усердно прошу исходатайствовать сие достоинство любезному брату Карамзину ибо он довол<ь>но достоин сего.

4. Как наша □ не имеет обряда празднества в день святого Иоанна, то и о нем прилежно прошу снабдить меня.

5. Имея обряд о принятии в 3^ю степень, а потому и соответственный к удостоянию сею степенью из братъев, а особливо люб<езного> б<рата> Норова², но вещей здесь относящихся бы к сей ложе, не имеет □, то вас благодетеля моего всеприлежно прошу потребное к сооружению сей □ вещи /кроме скилетов/ заказать сделать и из отправлено при сем 73 аришин фланели приказать столько Епанеч на прежней рост шить /ибо я и здесь сшил, но от сего вижу разглас здесь тайн / за чем чая объявив сей □, чтоб подешевле быть могло сшитыя вразумим и можно то в Москве нашить, а потому б сличил сколько аришин получить за оное так и за все вышесказанное ден<ь>ги не замедля к вам доставлю.

Ден<ь>ги за аренду уповаю, что вы получить изволили и что вы того до сего времени не получили, то некоторое препятствие вышло у переводителя.

¹ Публикуется с сохранением стилистических и орфографических особенностей XVIII в.

² Норов Пётр Яковлевич в 1782–1786 гг. – заседатель Симбирского совестного суда, в 1789–1796 гг. – ассессор Симбирской палаты уголовного суда. В 1784 г. в ложе «Златой Венец» состоял братом 2-й степени.

*Затем с моим высокопочтанием навсегда остаюсь
милостивого г<осу>д<ар>я моего покорный слуга и верный брат
Александр Голубцов.
9 Июня 1785 г.
Синбирск» [6, л. 2–3].*

В. И. БУДКЕВИЧ

О НЕКОТОРЫХ ЭПИЗОДАХ ИЗ ЖИЗНИ ВЫПУСКНИКОВ УЛЬЯНОВСКОЙ ВОЕННОЙ АВИАЦИОННОЙ ШКОЛЫ ПИЛОТОВ

В своих предыдущих исследованиях по истории Ульяновской краевой школы лётчиков ОСОАВИАХИМа (1931–1933), далее после объединения с 1-м Всероссийским авиатехникумом ЦС ОСОАВИАХИМа переименованной в Ульяновскую Объединённую школу пилотов и авиатехников ОСОАВИАХИМа (1933–1940), а затем, после переподчинения в 1940 г. наркомату обороны СССР, переименованную в Ульяновскую военную авиационную школу пилотов (1940–1945), мною была сделана попытка обобщить те немногочисленные сведения по её истории, а также найти информацию о выпускниках школы, которые были удостоены звания «Герой Советского Союза». Исследования были осложнены тем, что документы по лётной школе хранятся в основном в московских архивах. Несмотря на это, удалось собрать некоторые материалы по истории лётной школы и довести количество Героев Советского Союза, Героев России и Героев Социалистического труда до 58 человек (на начало поиска в тех немногочисленных материалах о лётной школе отмечалось 26 Героев Советского Союза), которые учились в Ульяновской лётной школе. Однако, изучая найденные материалы о выпускниках Ульяновской лётной школы, которые не были удостоены звания Героя Советского Союза, стало очевидно, что многие из них достойно сражались с врагом, достигли значительных достижений в своей жизни, и их ратный подвиг, их дела на благо Родины достойны того, чтобы о них знали. На сегодня удалось найти материалы о более чем 60 выпускниках Ульяновской лётной школы, и её история пополнилась новыми сведениями. Имеются ещё десятки фамилий, но по ним пока не удалось найти какой-либо информации.

Надо иметь в виду, что представление к государственным наградам

(тем более к званию Герой Советского Союза) зависело от большого количества факторов, поэтому неудивительно, что за одно и то же можно было получить как Звезду Героя, так и орден. К тому же, не все представления на звание Герой Советского Союза приводили к присвоению этого звания.

Интересный факт удалось обнаружить в биографии уроженца г. Инза авиатехника **Владимира Ильича Мишенкова** (род. 1914 г.), который закончил Ульяновскую лётную школу в 1935 г. и был откомандирован в распоряжение управления Главсевморпути. Именно в этом году началось освоение воздушных трасс Эвенкии. Из Туруханска в Туру прилетел первый самолет «Н-54». Экипаж самолета состоял из пилота Яна Липпа, старшего и младшего бортмехаников Фрутецкого С. К. и Мишенкова В. И. Но, более значительным событием в его жизни было то, что Мишенкову было доверено войти в состав экспедиции, которую возглавлял опытный лётчик, Герой Советского Союза знаменитый В. С. Молоков. В Главном управлении Севморпути разрабатывался план дальнейшего освоения Арктики. Наряду с морской дорогой необходимо было установить воздушный путь над всем побережьем. С 22 июля по 19 сентября 1936 г. В. С. Молоков, Г. Т. Побежимов (1-й механик), В. И. Мишенков (2-й механик), А. А. Ритсланд (штурман) и 4 пассажира (в их числе спецкор газеты «Правда» писатель Борис Горбатов) на морской летающей лодке Дорнье «Валь» под номером СССР-Н2 осуществили беспрецедентный облет территории Крайнего севера и трассы Северного морского пути из Красноярска в Москву (26300 км). Маршрут проходил через Красноярск, Якутск, бухту Нагаева, Петропавловск-Камчатский, Анадырь, Уэлен, остров Врангеля, бухту Амбарчик, бухту Тикси, Нордвик, остров Диксон, острова Северная Земля, остров Вайгач, Архангельск, Вологду и завершился в Москве. А с 30 сентября по 5 октября опять вернулись в Красноярск, пролетев суммарно 31000 км. Высоко был оценен арктический перелет! «Правда», «Известия» и другие газеты отводили этому событию целые полосы под огромными заголовками. Каждый день полета фиксировался в сообщениях корреспондентов с мест, о нем рассказывалось в статьях Бориса Горбатова. Во всех центральных газетах была опубликована телеграмма от И. В. Сталина: «Герою Советского Союза товарищу Молокову. Поздравляю с успешным проведением замечательной работы по установлению воздушных путей Арктики. Желаю Вам новых успехов. Жму руку. И. Сталин». В день прибытия экипажа Молокова в Москву ЦИК Союза ССР издал постановление, которым «за исключительное мастерство, проявленное при облёте в труднейших

условиях впервые всей территории Крайнего Севера и трассы Севморпути от Берингова пролива до Белого моря» были награждены: командир самолёта Герой Советского Союза В. С. Молоков – орденом Красной Звезды, 1-й бортмеханик Г. Т. Побежимов – орденом Ленина, штурман А. А. Ритслянд и 2-й бортмеханик В. И. Мишенков – орденами Трудового Красного Знамени. Кроме этого, члены экипажа были награждены денежными премиями: Молоков – 25000 руб., Побежимов – 15000 руб., Ритслянд и Мишенков по 10000 руб.

Вот как описывает этот перелёт Вице-президент «Ассоциации полярников России», Действительный член «Русского географического общества» Ю. К. Бурлаков:

«Молоков давно мечтал выполнить перелёт вдоль всего Арктического побережья – от Уэлена до Архангельска, связав все основные населённые пункты постоянной воздушной линией. Это было в интересах Главсевморпути. Пассажирами летели спецкор "Правды" Б. С. Горбатов, начальник политуправления Главсевморпути С. А. Бергавинов. В ряде мест садиться приходилось вслепую: пилот не видел поверхности моря, даже когда хвост самолета уже чертил по воде. Однако выручал летный опыт. В Архангельске получили указание Главсевморпути прибыть в Москву 19 сентября в 17.00 с посадкой на Москве-реке у Парка культуры имени Горького. Несмотря на многочисленные мосты, Молоков выполнил красивую посадку на акватории реки! На пристани экипаж встречали члены Политбюро ЦК ВКП(б) В. М. Молотов, Л. М. Кагановичи А. А. Андреев, руководство Главсевморпути. Летчиков вместе с

Схема арктического перелёта

семьями пригласили на трибуну. Затем в Моссовете состоялся торжественный вечер. 27 сентября летчиков принимали в Кремле и наградили орденами».

После перелёта В. Мишенков закончил в 1937 г. Николаевское лётное училище ОСОАВИАХИМа и получил специальность пилота. Летал на Севере. С 1942 г. работал лётчиком-испытателем на авиационном заводе № 21 в г. Горький. Погиб 2 ноября 1943 г. в авиакатастрофе при полёте из Ташкента в Горький.

Источники

1. Молоков В. С., Родное небо. – М.: Воениздат, 1977.
2. Вотинцев А., Фёдоров Г. В небе Ульяновска. – Саратов, 1984.
3. Вестник Героев Советского Союза, Героев России и Героев Социалистического труда. – 2010. – № 24.
4. Сайт topwar.ru, Воздушная одиссея Василия Молокова
5. Сайт inza-vpered.ru, газета Вперёд № 6 от 10.02.2017, Наши в небе.

Летающая лодка Дорнье «Валь» СССР Н-2 В. Молокова в бухте Нагаева

Летающая лодка СССР Н-2 на Москве-реке

Наверное, самым известным как в нашей стране, так и в мире можно назвать выпускника Ульяновской лётной школы 1944 г. **Александра Александровича Зиновьева**. Он более известен не как лётчик или герой Отечественной войны, а как известный во всём мире советский и российский учёный-логик, социолог и социальный философ; специалист по методологии научных исследований; писатель, критик глобального капитализма. Родился он в крестьянской семье 29 октября 1922 г. в дер. Пахтино Чухломского района Костромской области. В поисках лучшей жизни семья переехала в Москву. В 1939 г. Александр поступил в Московский институт философии, литературы и истории (ИФЛИ), из которого был исключен за антисталинские высказывания. В 1940 г. Зиновьев пошёл добровольцем в Красную Армию. Был зачислен в танковый полк. Однако

к началу войны его полк не успел получить танки и поэтому воевал фактически как стрелковая часть. В конце 1941 г. Зиновьев попал в авиационную школу под г. Горький, где осваивал специальность лётчика-истребителя. Школу окончить не успел, так как в 1942 г. был возвращён в танковые войска. Однако затем возобновил обучение в Ульяновской военной авиационной школе пилотов, откуда был выпущен в 1944 г. как лётчик-штурмовик. О своём пребывании и учёбе в Ульяновской школе пилотов он пишет в своей книге «Русская судьба, исповедь отщепенца» (1988). Воевал в штурмовой авиации на 1-м Украинском фронте. Приказом от 30.04.1945 г. по 1-му Украинскому фронту был награжден орденом Красной Звезды. В наградном листе отмечалось: «24.04.45г. в группе 6 самолетов Ил-2 трижды летал на штурмовку автомашин и живой силы. При каждом вылете производил 3–4 захода. Всего уничтожено 2 автомашины с войсками и грузом, разрушил 4 дома, создал один очаг пожара. Расстрелял из пушек и пулемётов 10 гитлеровцев». И это только один из боевых эпизодов, описанных в наградном листе на Александра Зиновьева. Участвовал в освобождении Польши, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Завершил войну в 1945 г. в Берлине. Всего совершил 31 боевой вылет. Закончил службу в Красной Армии в 1946 г. в звании старшего лейтенанта.

А. А. Зиновьев

В 1946 г. Александр Зиновьев продолжил свою учёбу. Он поступил на философский факультет МГУ и в 1951 г. получил диплом с отличием и остался в аспирантуре. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1960 г. защитил докторскую диссертацию. В 1976 г. после выхода на Западе его романа «Зияющие высоты», отражающего парадоксальность и абсурдность советской действительности, был лишен ученой степени доктора наук, звания профессора и уволен с работы. В 1978 г. был вынужден эмигрировать, лишен гражданства СССР. За границей обосновался в Мюнхене, где продолжал работать, писать книги. В 1991 г. был восстановлен в советском гражданстве, ему были также возвращены ученые степень и звание. 30 июня 1999 г. возвратился в Москву, мотивируя это тем, что невозможно «находиться в лагере тех, кто уничтожает мой народ и мою страну». По приглашению ректора

МГУ В. А. Садовниченко стал профессором философского факультета МГУ. Автор более 20 книг.

Зиновьев скончался 10 мая 2006 г. Согласно завещанию, был кремирован, пепел был развеян с вертолёта над районом Чухломы, где Александр родился и, на этом месте был установлен валун. В память о его заслугах перед российской культурой на Новодевичьем кладбище в Москве была сооружена символическая могила-кенотаф и памятник Зиновьеву.

Источники

1. Приказ подразделения №: 14/н от 30.04.1945, 6 гв. шад 2 гв. шак 1 Украинского фронта / ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Ед. хр.: 1597.
2. Сайт v.wikipedia.org, Зиновьев Александр Александрович.

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова даёт такое определение слову подвиг. Это героический, самоотверженный поступок, важное по своему значению действие, совершаемое в трудных условиях. Эта-лоном ратного подвига по праву стал воздушный таран, когда лётчик, ставя на карту собственную жизнь, обрушивает во имя победы удар своей машины на самолёт врага. Воздушный таран не был предусмотрен воинским уставом. Советские лётчики прибегали к такому крайнему средству не по приказу. Главный маршал авиации дважды Герой Советского Союза А. А. Новиков, бывший главкомом ВВС в 1942–1946 гг., так говорил: «Воздушный таран – это не только молниеносный расчёт, исключительная храбрость и самообладание. Таран в небе – это прежде всего готовность к самопожертвованию, последнее испытание на верность своему народу, своим идеалам. Это одна из наивысших форм проявления того самого морального фактора, присущего советскому человеку, которого не учёл и не мог учесть враг». Во время Великой Отечественной войны советские лётчики совершили более 600 таранов. Более 2/3 из них приходится на 1941–1942 гг. – самый тяжёлый период войны. В то время в части Люфтваффе был даже разослан циркуляр, запрещающий приближаться к советским самолётам ближе, чем на 100 м во избежание тарана. Кроме таранов по воздушным целям советскими лётчиками также применялся и таран наземного объекта (так называемые огненные тараны). В годы войны было совершено 446 огненных таранов.

Выпускники Ульяновской лётной школы также применяли этот приём воздушного боя. Вот некоторые примеры.

Коковихин Алексей Фёдорович. В 1941 г. окончил Ульяновскую военную авиационную школу пилотов уроженец г. Томска. Ещё в 1936 г. он окончил школу младших авиационных специалистов. Участник Великой

Отечественной войны с октября 1941 г. Был пилотом и командиром звена, заместителем командира эскадрильи. 12 марта 1943 г. в воздушном бою при отражении налёта вражеской авиации у г. Валуйки Воронежской области старший лейтенант Коковихин на истребителе «Як-1» уничтожил тараном бомбардировщик противника «He-111». Повреждённый самолёт посадил в поле. За этот подвиг он был награждён орденом Ленина.

Вот как описан подвиг лётчика в наградном листе на награждение Коковихина А. Ф. орденом Ленина: *«При массовом налёте бомбардировщиков противника на железнодорожный узел Валуйки 12 марта 1943 г. лейтенант Коковихин принял активное участие в отражении налёта. Участвуя в числе отважной шестёрки истребителей проявил смелость, отвагу и исключительное мастерство при отражении 84 самолётов противника. Прикрывая охраняемый объект от юнкерсов и хенкелей, атаковал одну группу фашистских бомбардировщиков и одного из них зажёг, нарушил боевой порядок и вынудил их сбросить бомбы вне цели. В процессе воздушного боя боекомплекты были все израсходованы, мотор получил повреждение, но к объекту шла новая группа самолётов «He-111», тогда т. Коковихин протаранил самолёт противника, остальные самолёты сбросили беспорядочно бомбы не дойдя до объекта».*

После войны продолжал служить в ПВО. С 1956 г. подполковник Коковихин в запасе. Жил и работал в г. Харькове. Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1 степени (19.02.1945), медалями.

Источники

1. Указ президиума Верховного Совета СССР от 21.04.1943 г. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр.: 28.

Петров Анатолий Петрович. Уроженец с. Сосновка Коломенского р-на Московской обл. Родился в крестьянской семье 29.03.1917 г. (по старому стилю). В 1932 г. после окончания семилетней школы родная тётя, которая жила в Ленинграде, увезла племянника с собой. Анатолий поступил в школу ФЗУ «Судомех». Через 2 года, получив специальность токаря по металлу 4-го разряда, был направлен на Балтийский судостроительный и механический завод. Работал и учился в аэроклубе, а после его окончания в 1936 г. получил направление в Ульяновскую лётную школу. Окончил её на отлично, получив специальность лётчика-инструктора ОСОАВИАХИМа и звание младшего лейтенанта запаса ВВС Красной Армии. Почти 4 года работал лётчиком-инструктором.

На фронт А. П. Петров попал лишь 30 мая 1942 г., хотя рвался туда с первых дней войны. Вот какую характеристику выдал 20 июня 1942 г. командир и военком авиаэскадрильи пилоту 1-й авиаэскадрильи 775-го штурмового авиационного полка младшему лейтенанту А. П. Петрову: *«В должности пилота в 1-й авиаэскадрильи со 2 февраля 1942 г. Как лётчик подготовлен отлично. Ранее летал на самолётах "У-2", "УТ-2", "Р-5". Обиций налёт 1100 часов, из них ночью 22 часа 26 минут. Слепых – 19 часов 52 минуты. При переучивании на самолёте "Ил-2" к изучению и освоению новой матчасти относился серьёзно, добросовестно и курс теоретической программы переучивания закончил на отлично. Технику пилотирования и маршрутные полёты выполняет на отлично, летает смело, уверенно и матчасть эксплуатирует грамотно. На "Ил-2" имеет 46 полётов. Налёт – 23 часа 4 минуты. Практически бомбит, стреляет на полигоне отлично. Аварий и поломок не имеет».* Первый боевой вылет А. П. Петров совершил 28 июня 1942 г., будучи командиром звена 1-й авиаэскадрильи. А 5 сентября 1942 г. звену из 3-х «Ил-2», составленному из лучших лётчиков-штурмовиков авиаполка, в составе которого был и А. Петров, командиром полка была поставлена задача уничтожитьдвигающийся к линии фронта бронепоезд и подходящие к передовой резервы живой силы и техники противника. При подходе к цели звено Петрова было атаковано девятью истребителями «Me-109». Сбросив бомбы на железную дорогу, штурмовики вступили в бой с истребителями. Но при третьей атаке самолёт Петрова был подожжён. Тогда Петров развернул штурмовик и направил его на скопление автомашин, танков, повозок с цистернами и врезался в них. Подвиг, который он совершил 5 сентября, не был никак отмечен. И причин этому несколько, а главные – непрерывные тяжёлые бои, которые вели лётчики 775-го штурмового авиационного полка, гибель многих, кто знал А. П. Петрова. Вот что говорил однополчанин А. П. Петрова Герой Советского Союза гвардии полковник И. И. Морозов: *«Тов. Петров А. П. повторил бессмертный подвиг Н. Гастелло. Мы все ходатайствовали и просили, чтобы младшему лейтенанту Петрову Анатолию Петровичу посмертно присвоили звание Героя Советского Союза <...> Дело о награждении его так до конца и не было доведено».*

Источники

1. Кузовкин А. Как вспышка молнии // Угол зрения. – 2015. – № 19. – 20 мая. – Коломна.

Женщины-лётчицы

Довольно много женщин-пилотов воевало в ВВС Красной армии. Около 30 женщин-пилотов стали Героями Советского Союза. Среди них двое учились в Ульяновской лётной школе – Фомичёва Клавдия Яковлевна и Тимофеева-Егорова Анна Александровна. 23 лётчицы были лётчицами 588-го авиаполка ночных бомбардировщиков – так называемые «ночные ведьмы», которые летали на неторопливых бипланах «По-2». Три авиаполка ВВС состояли целиком из женщин, некоторые из них вошли в легенду. Женские авиаполки получили наименования: 586-й истребительный, 587-й бомбардировочный (на самолётах «Пе-2») и 588-й ночной лёгкомбомбардировочный (на «По-2»). Кроме того, женщины-лётчицы летали на разведку, поиск в тылу врага окружённых частей, доставляли приказы, донесения и документы. Таким образом, советские женщины-лётчицы, сражающиеся практически во всех видах авиации, внесли свой весомый вклад в дело достижения Великой Победы над врагом.

Т. У. Памятных

девушек вызвали в Москву, в штаб ВВС, где они попали на встречу со знаменитой лётчицей Мариной Расковой. Она как раз формировала три лётных женских полка: 586-й истребительный, 587-й – пикирующих бомбардировщиков и 588-й – ночных бомбардировщиков. Девчонки от 18 до 24 лет, в основном студентки, стали авиамеханиками, вооруженцами, штурманами, мотористами. Расположились полки в Энгельсе под Саратовом.

Её первый боевой вылет состоялся 21 июля 1942 г. Три истребителя сопровождали самолёт «Ли-2» маршала К. Ворошилова на воздушной дороге от Саратова до Сталинграда. После посадки командир «Ли-2» с изумлением узнал, что сопровождение обеспечивали лётчицы-женщины.

Памятных Тамара Устиновна. Родилась 30 декабря 1919 г. в Свердловске. В 1936 г. 16-летняя Тамара поступила в аэроклуб Свердловска. Училась 2 года, закончила пилотский и инструкторский курс. Затем поступила в Ульяновскую лётную школу, где среди 250 парней учились 11 девушек. После окончания школы вернулась инструктором в аэроклуб. Потом началась война, с 15 июля аэроклуб был переименован в 27-ю военную школу, Т. У. Памятных учила курсантов летать на самолёте «УТ-2». В октябре 1941 г. произошло событие, которое значительно изменило её жизнь. Её и ещё двух

Свой первый воздушный бой лётчица 586-го женского истребительного авиационного полка Тамара Устиновна Памятных провела 19 марта 1943 г. Её и её подругу подняли на одного разведчика, который повадился летать над станцией Касторное. А на ней как раз было очень оживлённо: готовились к передислокации. Девушки искали разведчика и увидели вдруг появившуюся с запада группу – 42 вражеских самолёта. Предупредили ПВО, и со станции успели растащить эшелоны. Лётчицы передали: «Вступаем в бой». Бомбардировщики на них не рассчитывали: шли без прикрытия. Девушки зашли против солнца. Сбили двоих. Потом ещё двоих. В неравном бою подбили и самолёт Памятных. Ей с трудом удалось покинуть самолёт и спастись на парашюте. Позднее она, волнуясь, предстала перед командующим. Он объявил о присвоении ей звания лейтенанта и о награждении орденом Боевого Красного Знамени. С июля 1943 г. Памятных была назначена командиром авиаэскадрильи.

В наградном листе от 14.04.1944 г. на награждение старшего лейтенанта Т. Памятных орденом Отечественной войны 1 ст. записано: *«Забойливый командир и отважный лётчик. Лётным составом эскадрильи произведено 1142 боевых вылета. Из них: на сопровождение транспортных особо важных самолётов к линии фронта – 240, на прикрытие наземных войск – и военно-промышленных объектов – 902 вылета. Проведено 34 воздушных боя, сбито 5 самолётов противника. Лично тов. Памятных произвела 191 боевой вылет, <...> провела 3 воздушных боя из них 1 в паре с 42 самолётами противника, в результате которого сбила 2 самолёта противника. В бою умело управляет своими подчинёнными, грамотно и быстро принимает решения, смелая, инициативная, умело увлекает за собой в бой своих подчинённых».*

Тамара Памятных прошла всю войну. Участвовала ещё в нескольких воздушных боях, в одном из которых опять чуть было не погибла... Всего совершила за войну 205 боевых вылетов на «Яках». Награждена орденом Боевого Красного Знамени и двумя орденами Отечественной войны I и II степени, медалями за трудовые заслуги. Король Англии наградил её золотыми наградными часами.

После окончания Великой Отечественной войны Тамара не порвала с

авиацией – работала диспетчером аэропорта Гражданского Воздушного Флота. Была членом президиума областного комитета ветеранов войны, председателем совета клуба «Фронтовичка».

Источники

1. Фронтовой приказ №: 21/н от 14.04.1944 / ЦАМО. Оп. 686044. Ед. хр.: 3055.
2. Сайт www.rostov-gorod/ Флория Нетреба/Король Англии наградила её золотыми именными часами.

Югер Павел Яковлевич. Родился 10 июля 1923 г. в с. Ново-Троицкое Читинской области. После окончания средней школы обучался в Чи-

П. Я. Югер

тинском аэроклубе, окончил в 1940 г. и в том же году по комсомольскому призыву поступил в Ульяновскую лётную школу, где освоил три типа истребителей «И-5», «И-15», «И-16» и где его застала война. В 1942 г. окончил Ульяновскую лётную школу и был оставлен в ней инструктором. Подал рапорт о направлении на фронт, но получил отказ, так как нужны были кадры по обучению молодых пилотов к полётам в условиях войны. Его боевой путь начался с воздушных сражений над Сталинградом. Затем воевал под Курском, в небе Белоруссии, Польши и победоносно завершил войну в Берлине. В его наградном листе на награждение

орденом Отечественной войны 1 степени записано: *«Лейтенант Югер на фронте Отечественной войны с 10 августа 1942 г. Участвовал на Сталинградском, Донском, Центральном и на 1-м Белорусском фронтах. <...> Проявил себя храбрым и мужественным воином. Под Сталинградом, в период Орловско-Курской операции тов. Югер выполнял самые ответственные задания по поддержке связи с передовыми частями и соединениями. За период нахождения на фронте Отечественной войны звено л-та Югер выполнило 1357 боевых заданий на связь с налётом 2508 часов без всяких происшествий, из них лично тов. Югер выполнил 803 задания. <...> Во время выполнения заданий у линии фронта л-т Югер неоднократно подвергался нападению вражеских истребителей и обстрелу зенитной артиллерией противника, но благодаря проявленному героизму, л-т Югер выходил из под огня противника, сохраняя матчасть и блестяще выполнял задания. В период операций 1-го Белорусского фронта с 23.06.1944 г. л-т Югер работал у маршала войск связи тов.*

Пересыпкина, где выполнил 13 заданий, кроме того выполнил 2 задания лично маршала тов. Рокоссовского».

Считал самым важным для себя тот памятный вылет, когда его экипажу было доверено право доставить в Москву знамя Победы из поверженного Берлина. За время войны совершил более 800 боевых вылетов.

После окончания войны продолжал нести службу в Военно-воздушных силах СССР. Принимал участие в интернациональной помощи Корею, Вьетнаму, Индонезии, Египту и другим государствам. В 1965–1974 гг. – командир 334-го Берлинского Краснознамённого военно-транспортного авиационного полка. В 1952–1962 гг. участвовал в воздушных парадах в г. Москве в Дни Военно-воздушных сил страны. Освоил 10 типов самолётов, вырастил 5 командиров полков. За многочисленные заслуги полковник Югер Павел Яковлевич награжден 5-ю орденами Красной Звезды, 3-мя орденами Отечественной войны 1 и 2 степени, множеством медалей, имеет почетное звание «Заслуженный военный летчик СССР». Павлу Яковлевичу Югеру присвоено звание «Почётный гражданин города Пскова».

Источники

1. Фронтовой приказ № 141/н от 15.09.1944 / ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Ед. хр.: 6936.
2. Сайт www.bibliopskov.ru/ Югер Павел Яковлевич.

Лётчики-испытатели

Фёдоров Михаил Фёдорович. Родился в 1909 г. в дер. Рябкино ныне Бежаницкого района Псковской области. С 1930 г. жил в Ленинграде, работал крановщиком на заводе. В 1932 г. окончил рабфак при плановом институте. В 1934 г. окончил Ленинградскую лётную школу ОСОАВИА-ХИМа, в 1936 г. – Ульяновскую лётную школу. В 1936–1938 гг. – лётчик-инструктор Центрального аэроклуба (Тушино). В 1938–1941 гг. – лётчик отряда аэрофотосъёмки. В 1941–1950 гг. – начальник лётной группы ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт). Проводил испытания моторов, опытных агрегатов, а также различные исследования на самолётах «Ер-2», «И-153», «Ил-4», «ЛаГГ-3», «Ли-2», «МиГ-3», «СБ», «Як-1», «Як-7», «Як-9», «В-25», «Ме-109», Р-51 «Мустанг». Участник Великой Отечественной войны: в июле – августе 1941 г. – лётчик 2-й отдельной истребительной авиационной эскадрильи (ПВО г. Москвы); совершил 17 боевых вылетов. С мая 1950 по апрель 1956 г. – вновь на лётно-испытательной работе в ЛИИ (Лётно-исследовательский институ-
т).

СИМБИРСКИЙ ТАТАРИН ХАЛИМ САБИТОВ¹

Провёл испытания по исследованию отказа двигателя на «МиГ-15бис» и «МиГ-19» (1955). Принимал участие в запусках объектов с порохowymi двигателями с «Ту-2» (1950–1951), в испытательных полётах на «Ил-28», «МиГ-15», «МиГ-17», «Ту-4», «Ту-14», «Ту-16», «Як-15», «Як-25» по тематике института.

Марков Иван Иванович. Родился 16 октября 1923 г. в г. Болхов ныне Орловской области. В армии с августа 1941 г. В 1942 г. окончил Военно-авиационную школу первоначального обучения лётчиков, а в 1944 г. – Ульяновскую лётную школу. Был оставлен в ней лётчиком-инструктором. В 1946 г. окончил Высшую офицерскую авиационно-инструкторскую школу (г. Грозный). В 1947–1948 гг. – лётчик-инструктор Ворошиловградской военной школы лётчиков. В 1954 г. окончил Военно-воздушную инженерную академию им. Н. Е. Жуковского. С этого года и началась его работа лётчиком-испытателем. С мая 1954 г. по октябрь 1962 г. – лётчик-испытатель военной приёмки авиазавода № 23 (Москва). Испытывал серийные «М-4» (1954–1961), «ЗМ» (1956–1961), вертолёты «Ми-6» (1960–1962, 1964–1965) и их модификации. С октября 1962 по 1976 гг. – лётчик-испытатель военной приёмки авиазавода «Знамя труда» (г. Луховицы). Испытывал серийные «Ил-18», «Ил-38» и их модификации. С февраля 1978 г. – в запасе. До 1998 г. работал в ОКБ им. С. В. Ильюшина ведущим инженером, начальником бригады. Полковник Марков И. И. награждён орденами Октябрьской Революции, Красной Звезды, медалями. Заслуженный лётчик-испытатель СССР (18.08.1972).

И. И. Марков

В 2013 г. в Турции завершился выпуск 44-томной Исламской энциклопедии, где есть сведения и о наших земляках, в том числе о Сабитове Халиме Сабирзяновиче (Halim Sabit Şibay, 1883 д. Лабитово Симбирской губ. – 1946 Анкара, Турция) – богослове, издателя и журналисте. Его биография привлекла многих турецких исследователей, часть работ которых была переведена на русский язык. Это в первую очередь профессор Али Биринджи (Турция), чья статья 1997 г. стала опорной для всех других авторов [1]. В ней даются как биографические сведения, так и перечень его печатных трудов, взглядов на ислам, а также список авторов газеты «Ислам меджмуась», которую редактировал и издавал Х. Сабит. Свои добавления в биографию и характеристику политических взглядов Х. Сабита внесла в 2009 г. д.и.н. Альфина Сибгатуллина (г. Москва) в статье «Тюркист в чалме». В 2010 г. в издательстве «Иман» (Казань) увидел свет перевод на татарский язык путевых заметок Х. Сабита «По дороге в Алтай», выполненный нашим земляком, д.ф.н. Масгутом Гайнетдиновым. Наконец, авторы Г. О. Гечер и Г. Эшел (Турция) и др. в статье за 2015 г. оценивают путевые заметки Х. Сабита важным «источником сведений об истории, географии, быте, торговле, населении, образовании, верованиях и фольклоре северного Туркестана» начала XX в., а также приводят список источников на турецком языке о самом Х. Сабите.

В турецких источниках местом рождения теолога Халима Сабита Шибая (1883–1946) указываются д. Большие Тарханы и д. Лабитово. Географически села находятся в разных концах Симбирской губернии, но вместе с филологом М. Гайнетдиновым мы все-таки склонны считать родиной богослова д. Лабитово Ставропольского уезда (переходившего из Симбирской в Самарскую губернию, ныне Новомалыклинский район Ульяновской области). Объяснением может служить то, что во время своего исторического путешествия по описанию жизни тюркских народов, которое он начал в 1910 г., автор в первую очередь приезжал в Самару, оттуда в Мелекесс и, наконец, на «тройке лошадей добирался до мусульманских деревушек, одну из которых он назвал своей родной деревней» [2].

«Исламская энциклопедия» представляет Халима Сабитова как видного учёного-богослова, издателя и журналиста. Нам же особенно важны

¹ Доклад был представлен на конференции «Итоги краеведческого года» 29.03.2016 г.

факты биографии и творческого пути нашего земляка, его связь с малой родиной. Итак, отца Халима звали Сабирзян, мать Хаят, и в возрасте семи лет его определяют в новометодную школу-интернат г. Самары,¹ где он получил среднее образование. Затем с 1897 г. он обучался в медресе «Халимия» в с. Большие Тарханы, параллельно закончив русскую начальную школу.

В начале 1900-х гг. Халим уезжает в Оренбург и устраивается помощником преподавателя, затем преподавателем в медресе «Хусания», только открытое (1889) оренбургскими купцами братьями Хусаиновыми. Первые статьи Х. Сабит публикует в тифлисской газете «Шарки Рус» в 1903 г. [3].

В 1903 г. Х. Сабит, как и некоторые другие его соотечественники, продолжил образование на теологическом факультете Стамбульского университета «Дар аль-Фунун». В эти же годы печатался в исламских газетах и журналах «Сират-ы мустакийм», «Себильур-Решад» и др.

За неимением фотографии, интересно описание внешнего вида Х. Сабита, данное в материалах А. Биринджи: «Он был среднего роста, с карими глазами и с бледной кожей. Глаза узкие, цветные, здоровые, лицо оканчивалось острым подбородком, жесткие линии щёк, жесткие и прямые волосы, постриженные в стиле "аля-брос". Прямая, белая, накрахмаленная рубашка и зауженные брюки, которые как бы говорили одновременно "не стесняйся" и "не подходи"» [4].

Как было сказано выше, в 1910 г. Халим Сабит отправился в длительное годовое путешествие по местам проживания тюркского населения, чей быт им детально описан в путевых заметках «По дороге в Алтай» (Altaylara Dođru), публиковавшихся затем в течение пяти лет (1912–1917 гг., из 36 частей) в турецком журнале «Тюрк юрду». Это произведение считается первым и самым ярким из путевых заметок, напечатанных на страницах журнала. Можно добавить, что в эти годы редактором журнала был Юсуф Акчура, внук симбирского фабриканта Сулеймана Акчурина.

Во время годового путешествия Халим Сабит посетил Одессу, Симбирск, Уфу, Казань, Челябинск, Омск, побывал на берегах Черного моря, в европейской части России, на Алтае, в Сибири и Туркестане. В путевых заметках он много внимания уделил описанию казахских степей, Алтая и Туркестана. После десятилетнего отсутствия Халим

¹ Биограф Х. Сабита турецкий исследователь А. Биринджи основывается на воспоминаниях внука, незнакомого с российской географией и русским языком, по мнению А. Сибгатуллиной, это медресе Симбирска при соборной мечети.

Сабитов впервые посещает родные места, претерпевшие изменения, по его мнению, далеко не в лучшую сторону. Он пишет, что не заметил серьезных улучшений, а наоборот, увидел в определенной степени упадок. Так, посетив медресе «Мухаммадия» в Казани, Х. Сабит удивляется, что некогда переполненное жаждущими знаний шакирдами, это учебное заведение потеряло былое величие и значимость. Автор подчеркивает, что старшее поколение устало от борьбы за реформы и находится в состоянии застоя. В то же время он надеется, что идущая следом молодёжь сможет возродить силы татарского общества. С особенным интересом он изучал состояние новометодных школ, положительно оценил развитие в них джадидской методики, отметив, что многие преподаватели этих школ все равно остаются консервативными. Примечательно, что в длительном путешествии Х. Сабит женился. Зулейха Абдуразакова оказалась родом из д. Зиябаши (Старотимошкино, Симбирской губернии), а также дальней родственницей Юсуфа Акчуры [5].

По возвращении из поездки Халим Сабит работает в Турции в лицее Гелембеви, а в 1914–1919 гг. преподаёт в Стамбульском университете историю религий. С 1919 г. преподавание религиозных дисциплин в университете было сокращено, и Х. Сабит был вынужден оставить университет и заняться коммерцией. В Турции шёл трудный период внутренней и внешней борьбы, окончившийся падением Османской империи. В 1923 г. произошёл переход к республиканскому правительству К. Ататюрка.

К этому времени Халим Сабит был одним из активных членов «Тюрк оджагы» и секретарем исламского отделения Тюркского научного общества. Он постоянно интересовался проблемами мусульман России и об этом писал в журналах «Себильур-Решад», «Ислам меджмуасы», «Сират-ы мустакийм», «Иджтимахият меджмуасы», «Йени меджмуа», «Тюрк йурду», газетах «Вақыт» и «Джумхурият». Из нескольких книг, написанных Халимом Сабитом в данный период жизни, можно назвать труд в 4-х частях «Ильмихаль» – учебник по религиозному культу для детей школьного возраста (этот труд был отмечен специальным призом турецкой партии «Единение и прогресс»).¹

С 1914 по 1918 г. при финансовой поддержке этой же партии Х. Сабит издавал журнал «Ислам меджмуасы» (вышло 63 номера) [6]. Сам редактор «определял направление журнала как модернистско-исламского,

¹ «Единение и прогресс» – политическая партия турецких буржуазных революционеров – младотурок. Основные цели – смещение режима султана Абдул-Хамида II, восстановление конституции 1876 и созыв парламента.

через прессу пытался придать религиозной жизни общества новый импульс и тем самым активизировать тюркское общество на реформы и обновленчество» [7]. Сотрудничество с младотурками говорит о том, что Х. Сабит разделял их демократические взгляды, которые однако затем поменялись до радикальных в ходе борьбы партии за власть в стране. Связана ли его 20-летняя торговая деятельность в других странах и возвращение в Турцию только в 1939 г. (после смерти К. Ататюрка) с поражением младотурков – пока неизвестно.

Халим Сабит хорошо знал арабский, русский и другие языки, живо интересовался проблемами исламского мира. Участие в жизни татаро-башкирских организаций в Турции, в частности, народных обществ «Тюрк дернеги» (Тюркский кружок), «Тюрк оджакы» (Тюркские очаги) и «Тюрк юрду» (Тюркская родина), говорит нам о тесном сотрудничестве с Юсуфом Акчурой, их фактическим руководителем.¹ Здесь следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX вв. в силу исторических обстоятельств тысячи российских мусульман переселились в Турцию, которая стала второй родиной для ряда видных представителей татарского и башкирского народов. Татары в Турции создавали свои национальные организации, выпускали газеты, журналы и книги. Первым издателем, и редактором выходившего в 1911–1931 гг. в Стамбуле на «тюрки» и широко известного среди мусульманских народов научно-популярного журнала «Тюрк юрду» был Ю. Акчура. На страницах «Тюрк юрду» широко освещались проблемы развития языка, культуры и истории татарского народа. Пик активности татарской интеллигенции, печатавшейся на страницах журнала, пришелся на вторую серию журнала, выходившую с 1924 по 1931 г. в Анкаре. В эти годы для журнала много писали С. Максуди, Г. Исхаки, Г. Батгал-Таймас, З. Кадыри,² Х. З. Кошай и др. На страницах журнала увидели свет два стихотворения известного татарского поэта, нашего земляка Сагита Сунчелея.³ Это стихотворение «Праздник», посвященное окончанию священного месяца Рамазан, и стихотворное обращение «К тюркам» по случаю смерти татарского поэта Габдуллы Тукая.

Ровно 20 лет (1919–1939) Х. Сабит занимался торговлей в европей-

¹ Осталась не напечатанной статья Х. Сабита «После возвращения Ю. Акчуры из Поволжья», написанная им в последние годы жизни.

² Закир Кадыри (1878 Абдуллово, Симб губ. – 1954 Стамбул, Турция) – татарский богослов, переводчик, журналист, общественный деятель. В 1914–1918 гг. издавал в Уфе газету «Тормыш» (Жизнь), с 1922 г. проживал в Турции и Финляндии.

³ С. Сунчелей (1889–1937) – известный татарский поэт, переводчик и общественный деятель начала XX в. Родился в д. Старый Мостяк ныне Старокулаткинского р-на.

ских странах, но поддерживал связи с татарскими эмигрантами, в частности, «в 1923 г. в германской столице собралась значительная группа видных татарских и башкирских белоэмигрантов: из Финляндии, Японии, Парижа, <...> из Турции Закир Кадыри и Халим Сабит... В числе участников был также Ибрагим Акчура» [8]. Одним из вопросов совещания было издание собственного журнала «Милли юл», первый номер которого в связи с недостатком средств вышел только через 5 лет. Об истории создания журнала его редактор Г. Исхаки писал: «Наконец в 1928 г. я объездил все города балтийских стран, где проживают наши собратья, собрал деньги и организовал выпуск "Милли юл". Томимый жаждой чтения наш народ встретил его с большой радостью, наша эмигрантская интеллигенция сплотилась вокруг него. Он занял место единственного руководителя среди рассеявшихся по различным городам Европы, Азии и Америки соплеменников» [9]. Авторский актив журнала главным образом составляли татарские эмигранты, в том числе известные публицисты Закир Кадыри и его супруга поэтесса Сания Гиффат [10]. Так стремление участвовать в жизни своего народа причудливо переплеталось в эмиграции судьбы наших земляков-журналистов, преподавателей, историков, общественных деятелей.

В 1939 г. Х. Сабит вновь возвращается в Турцию и до 1942 г. работает в Бюро Исламской энциклопедии. Исламская энциклопедия была издана в Европе, и Бюро готовило её перевод на турецкий язык. До сих пор остаются актуальными и цитируемыми 8 статей, написанных для неё Х. Сабитом.

Умер Х. Сабит 27 декабря 1946 г. в Анкаре. Его потомки в настоящее время проживают в Турции, Австрии и Канаде. Старший сын Экрем Шибай (1912–1990) выпускал журнал по юриспруденции «Hukuki Bilgeler Mestuası». Второй сын Мехмед Тугрул Шибай (1915–1991) был доктором, умер в Канаде. Дочь Х. Сабита Амина Неййира Тугсавул (1913–1987), юрист и писатель, была замужем за офицером Мухсином Тугсавулом. От их брака родились два сына: Халим Шибай Тугсавул (1950) живет в Анкаре, Мехмет Шибай Тугсавул (1954) живет в Австрии.

Литература

1. AliBirinci-Tuba Çavdar. HalimSabitŞibay // TürkiyeDiyaretVakfı İslam Ansiklopedisi. – İstanbul, 1997. – S. 136.

2. Гечер Г. О., Эшел Г. (Турция). Из Стамбула «По дороге в Алтай»: путешествие по Туркестану / Материалы конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья». Вып. 5 – Казань, 2015. – С. 72–82.

3. Режим доступа: <http://muslem.ru/новая-книга-алтайга-тугры-халима-саб/>

4. Биринджи А. Халим Сабит Шибай // Научный Татарстан. – 2012. – № 4. – С. 52.
5. Сибгатуллина А. «Тюркист в чалме»: Халим Сабит Шибай // Эхо веков. – 2009. – № 2. – С. 247.
6. Подробно творчество Х. Сабита описано в статье А. Биринджи в ж-ле Научный Татарстан, 2012, № 4.
7. Сибгатуллина А. «Тюркист в чалме»: Халим Сабит Шибай // Эхо веков. – 2009. – № 2. – С. 248.
8. Гайнетдинов Р. Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века – 30-е годы. Исторический очерк. – Наб. Челны, 1997. – С. 78, 82.
9. Насыров Т. Татарская эмигрантская пресса // Эхо веков. – 2004. – № 2.
10. Вильданова Р. К. Закир Кадыри и трансформация российского общества в начале XX века. – Ульяновск: УлГУ, 2011. – 158 с.

Т. А. ГРОМОВА

ЛИЧНЫЕ ПЕЧАТИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В ФОНДАХ УЛЬЯНОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ. ОПЫТ АТРИБУЦИИ¹

Коллекция печатей музея, насчитывающая 55 предметов, начала формироваться с первых лет существования музея Симбирской губернской ученой архивной комиссии (СГУАК). Она включает печати учреждений Симбирской губернии и Ульяновской области, также личные печати отдельных лиц, представителей разных социальных слоев российского общества. Особое место в ней занимают печати священнослужителей. Знакомство с ними, а также установление лиц, кому они принадлежали, является целью данной статьи.

В небольшой коллекции хранящихся в музее личных печатей священнослужителей разных конфессий встречаются настольные печати и одна печать-подвеска, которая носилась на шнурке или цепочке, чаще всего у пояса. По материалу, из которого изготовлены печати, их можно разделить на резанные на камне и металле. По принадлежности к вере – три печати православных священнослужителей, одна – католического священника и одна – сына муллы.

Известно, что печати у священнослужителей появились в глубокой древности. Старейшей церковной печатью на Руси является булла киевского митрополита Феопемпта (1037–1043), присланного на Русь из Византии. На одной ее стороне – изображение Иоанна Предтечи (покровитель Константинопольского патриарха, который назначал

митрополитов), на другой – надпись «Господи, помази Феопемпту, митрополиту России».

До 60-х гг. XI в. на ранних печатях русских митрополитов присутствует личная эмблема Константинопольского патриарха, т. е. изображение святого, который ему покровительствовал. Позже будет присутствовать эмблема святого, покровительствующего данному русскому митрополиту. Кроме киевских митрополитов, печати в эти годы появились у епископов и архиепископов. В конце XI–XII вв. традиционным изображением на церковных печатях как митрополитов, так и епископов становится изображение Богоматери. До нашего времени дошли печати епископов Новгорода, Галича, Полоцка, Смоленска. На одной стороне таких печатей – изображение Богоматери, на другой – надпись, которая включает в себя титул и имя. Известны также печати наместников архиепископа: Двинские, Ладожские, Новоторжские. На одной стороне – название с надписью и крест, а на другой – изображение святого.

Позже на печатях священнослужителей появляются изображения Богоматери с младенцем или благословляющей руки от локтя и до кончиков пальцев, на другой стороне печати указаны должность и имя владельца. Такие печати были у русских патриархов. Изображение Богоматери в XIV в. перешло и на печать митрополитов Московских. Эмблема, раз усвоенная, оставалась на церковных печатях очень долго. Тем не менее, с XVI в. эмблемой на печатях священнослужителей все чаще становится и благословляющая рука. В первой половине XIX в. с печатей епископов совсем исчезают Богородица и лики святых, а также длинные пояснительные надписи. Вместо них часто указываются инициалы владельца. В художественном оформлении печатей все больше присутствует предметов церковной утвари и священнического одеяния, а также указываются заслуги самого лица в виде наградных орденов, медалей и т. п.¹

Малое количество дошедших до нас личных печатей, в том числе и священнослужителей, объясняется тем, что по существующим в стране законам, после смерти владельца печати должны были уничтожаться. Но встречались исключения. Так, в нашем музее оказались печати церковных симбирских и сызранских иерархов: архиепископа Феодотия и епископа Гурия, печати священника Д. Л. Жемчужникова, католического епископа Ф. Е. Сенчиковского и печать сына муллы Ахмеда Ахмеда.

Первой по времени поступления в музейную коллекцию следует

¹ Доклад был представлен на конференции «Итоги краеведческого года» 27.03.2015 г.

¹ Лакиер А. Б. Русская геральдика. – М., 1990. – С. 107–110.

Печать епископа
Симбирского
и Сызранского Гурия.
Публикуется впервые

считать печать архиепископа Симбирского и Сызранского **Феодотия** (УКМ 6819).

Феодотий (в миру Фёдор Озеров) родился в 1797 г. в семье священника с. Косиц Верейского уезда Московской губернии. Окончил Московскую семинарию, затем Петербургскую Духовную Академию со степенью магистра богословия. В 1823 г. был посвящен в иеромонахи, назначен на должность инспектора и профессора Вифанской семинарии. С 1828 по 1837 гг. в сане архимандрита был ректором

Уфимской, потом Рязанской духовных семинарий. В 1837 г. Феодотия назначили епископом Стародубским, викарием Новгородской митрополии. В 1842 г. его перевели на Симбирскую кафедру, где оставался до последних лет жизни. 26 августа 1856 г. Феодотий был возведен в сан архиепископа.

Он являлся одним из выдающихся иерархов своего времени и много сделал для Симбирской епархии. Феодотий боролся с расколом, способствовал возведению новых и обновлению старых храмов, заботился о благоустройстве монастырей. Он восстановил Сызранский Вознесенский монастырь, открыл Сызранский Сретенский монастырь, восстановил опустевшую Жадовскую пустынь и установил ежегодное перенесение из Жадовки в Симбирск чудотворной иконы Божией Матери. Благодаря ему в Симбирске был устроен архиерейский дом и при нем домовая церковь. Он добился открытия в городе Епархиального женского училища.

За усердную службу преосвященный Феодотий получил награды: орден Святой Анны I степени, в 1848 г. – орден Святого Владимира II степени, в 1854 г. – панагию, украшенную алмазами. Скончался Феодотий 20 августа 1858 г., погребен в Симбирском Никольском кафедральном соборе¹.

Его родная племянница была женой протоиерея Симбирской духовной семинарии Павла Николаевича Охотина². Их сын Николай Павлович Охотин после открытия в 1895 г. музея СГУАК передал в него несколько предметов, принадлежавших покойному архиепископу Феодотию. Вероятно, в их число попала и его личная настольная печать, сохранившаяся

¹ Симбирские епархиальные ведомости. – Ульяновск. – 1994. № 1. – С. 6.

Панагия – круглый образ Божьей матери или Спасителя, находящийся на груди епископа. Обычно украшается цветными камнями. Панагия надевается вместе с крестом поверх саккоса.

² Симбирские епархиальные ведомости. – 1902. – № 4. – 15 февр.

родственниками после его кончины. Она упоминается в числе музейных предметов в «Каталоге СГУАК за 1905 год».

Личная печать Феодотия сделана из хрусталя, резная. Матрица округлой формы диаметром 25 мм, высота печати 70 мм. На матрице изображено: в центре в овале инициалы «А.Ф.», означающие слова «Архиепископ Феодотий». Овал с инициалами вставлен в ромб с расходящимися в стороны от центра лучами, ромб вписан в квадрат с такой же штриховкой. Сверху над всей композицией перекинут «орарь»¹ со свисающими вниз концами. Над ним митра² епископа. Справа и слева от нее – по одному копия³. Сверху над всей композицией – Всевидящее око⁴ в лучах. Внизу композиции между концами ораря размещены награды архиепископа: орден Святой Анны I степени на ленте, орден Святого Владимира II степени на ленте, крест наперсный, панагия с бриллиантами и др.

Еще одна печать (УКМ № 6806), оформлением матрицы похожая на предыдущую, определена мной по славянским заглавным буквам «Е.Г.» в центре как печать епископа Симбирского и Сызранского **Гурия**. Время поступления ее в музей неизвестно, но принадлежность епископу Гурию очевидна – за всю историю Симбирской епархии только епископ Гурий мог иметь подобные инициалы.

Личная настольная печать епископа Симбирского и Сызранского Гурия медная, овальная с деревянной ручкой. Высота ручки 65 мм, металлической оснастки – 30 мм, общая высота – 95 мм. Матрица в диаметре 35 мм. На матрице во всю ее длину полукругом изображен орарь. В его центре в палице⁵ инициалы «Е.Г.». Сверху над буквами – митра епископа

¹ Орарь – длинная узкая лента, принадлежность богослужебного облачения диакона и иподиакона. Означает Божию благодать, получаемую диаконом в таинстве Священства.

² Митра – головной убор, часть богослужебного облачения в ряде христианских церквей. Митра украшает священнослужителя, поскольку он во время богослужения изображает Царя Христа и одновременно напоминает о терновом венце, которым был коронован Спаситель.

³ Копие – священный сосуд, нож, для вынимания агнца и частиц из просфор.

⁴ Всевидящее око (иногда изображается заключенным в треугольник) является символическим изображением глаза вездесущного Бога, наблюдающего за человечеством. Иное название – Око Провидения – выражение, пришедшее в русский язык из христианской символики, и означающее «промысел Всевышнего, всеведение Божие».

⁵ Палица – предмет облачения священника. Представляет ромбовидный плат с изображением креста или иконы посередине, одним углом прикрепленный к ленте, носится с правой стороны (набедренник в этом случае перевешивается на левый бок). В древности палица была составной частью только епископского облачения. Она имеет то же символическое значение, что и набедренник, но в дополнение символизирует еще и край полотенца, которым Иисус Христос отирал ноги ученикам.

и над ней Всевидящее око. Справа и слева от митры по одной рипиде¹, с левой стороны от рипиды – трикирий, затем лампада, рука в крестном знамении. С правой стороны от рипиды – дикирий², крест восьмиконечный и рука в крестном знамении. Под буквами – изображение панагии с драгоценными украшениями, под орарем с левой стороны – крест трилистниковый, с правой стороны – золотой наперсный крест.

Преосвященный Гурий (в миру Сергей Буртасовский) родился 30 июня 1845 г. в Казани. Окончил в 1868 г. Казанскую духовную семинарию, в 1872 г. – Казанскую духовную академию. В 1871 г. он принял монашество и был рукоположен в иеродиаконы, в 1872 г. – в иеромонахи. В год окончания академии назначен преподавателем Иркутской духовной семинарии, в 1877 г. – смотрителем Иркутского духовного училища. В 1879 г. Гурий был возведен в сан архимандрита. Вскоре его назначили ректором Благовещенской духовной семинарии, а в 1885 г. – епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским. В 1892 г. он присутствовал в Петербурге на заседании Священного Синода. В том же году определен епископом Самарским, а 23 апреля 1904 г. перемещен на Симбирскую кафедру. В его формулярном списке перечислены награды: ордена Святой Анны I и II степеней и Святого Владимира II и III степеней, золотой наперсный крест от Священного Синода и панагия с драгоценными украшениями от Его Императорского Величества государя наследника Николая Александровича. В 1903 г. он был избран почетным членом Казанской Духовной академии³. Скончался епископ Гурий в Симбирске 5 января 1907 г.

На печатях лиц духовного звания низших степеней часто помещались только имя и фамилия владельца и надпись, свидетельствующая о занимаемой должности. Священники заверяли ими свою подпись на церковных метриках, свидетельствах о браке, смерти.

Такова личная печать симбирского священника **Дмитрия Львовича Жемчужникова** (УКМ № 41571). Она попала в музей в 1987 г., была найдена одним из жителей города на площади Гоголя недалеко от ныне восстановленного Германовского храма. Печать круглая латунная, никелированная в диаметре 23 мм, высотой 65 мм. В центре матрицы изображены готические инициалы «Д.Л.», вокруг по краю матрицы надпись «Священник Жемчужников».

¹ Рипида – опахало в виде прикрепленного к рукоятке металлического круга с изображением херувимов. Рипидами во время службы диаконы веют над дарами при их освящении.

² Дикирий и трикирий – выносные подсвечники для двух и трех свечей соответственно. Во время службы дикирием и трикирием архиерей благословляет молящихся.

³ Симбирские епархиальные ведомости. – Ульяновск, 1994. – № 1. – апр. – С. 13.

О владельце печати удалось выяснить совсем немного. Дмитрий Львович Жемчужников, сын священника Льва Александровича Жемчужникова, в конце XIX в. был дьяконом с. Михайловка Сенгилеевского уезда. В марте 1901 г. был определен на вакансию священника в с. Румянцево Карсунского уезда¹. В сентябре того же года он был утвержден в должности законоучителя в школу грамоты Карсунского уезда, на этой должности упоминается и в 1907 г. 2 декабря 1902 г. был избран членом ревизионного комитета по Жадовскому свечному заводу при Жадовской пустыни Карсунского уезда. В 1910 г. среди симбирских священников упоминается его брат Сергей Львович Жемчужников.

В дореволюционной России высшие степени духовной иерархии были доступны лицам разных концессий: образованность и заслуги открывали им путь к высшим почестям и достоинствам. Если священнослужители происходили из такой фамилии, которая имела право на герб, то они сохраняли его и только для показания своего звания прибавляли к родовой эмблеме известные атрибуты. В фондах музея есть одна из таких печатей – личная печать виленского епископа **Фердинанда Евстафьевича Сенчиковского** (УКМ № 6797). Она поступила в Симбирский народный музей (преемник музея СГУАК) в 1922 г. от коллекционера А. В. Жиркевича² с пометкой, что принадлежит «канонику, известному деятелю Белоруссии»³.

Печать виленского епископа Ф. Е. Сенчиковского. Публикуется впервые

На печати Ф. Е. Сенчиковского с деревянной ручкой в форме гриба (общая высота 95 мм), с овальной по ширине медной матрицей (35 мм), с выгравированной на боковой части латинскими буквами надписью «Niderlandy» (вероятно, указывающей страну-производитель заготовки матрицы), в центре находится видоизмененный польский герб «Сле-

¹ Симбирские епархиальные ведомости. – Симбирск. – 1901. – № 5. – С. 58.

² Александр Владимирович Жиркевич (1857–1927), военный юрист, литератор, коллекционер. Из семьи военных. С. 1883 по 1908 г. служил в Виленском военно-судебном ведомстве. Ушел в отставку в знак протеста против введения военно-полевых судов. С 1915 по 1926 г. жил в Симбирске. Участвовал в работе СГУАК. В 1922 г. передал свою коллекцию (около 2 тыс. единиц) картин, графики, старопечатных книг в Симбирский народный музей. Ныне большая часть коллекции хранится в Ульяновском областном художественном музее. Дневники, переписка и прочие документы находятся в Государственном музее Толстого (ГМТ).

³ А. В. Жиркевич в 1911 г. в издании «Минская старина» (вып. 3) опубликовал работу «Из-за русского языка» о жизни Ф. Е. Сенчиковского, удостоенную академической премии имени П. Н. Батушкова.

поврон», что указывает на дворянское происхождение Сенчиковского. В голубом поле серебряная подкова, шипами обращенная вниз; на вершине ее крест, на котором сидит обращенный вправо черный ворон с золотым в клюве перстнем. Тот же ворон с перстнем и на короне. На гербе отсутствует рыцарский шлем и намет, свойственные для данного польского герба¹. Но вместо него сверху над гербом находится галеро – шляпа средневековых католических священников, со спускающимися от нее шнурками с кистями. По их количеству видно, что печать принадлежит епископу (чем больше кистей – выше сан). По бокам от короны вырезаны готические буквы «Ф.» и «С.» соответствующие первым буквам имени и фамилии Фердинанда Сенчиковского. Снизу и с боков герб окружают воинские атрибуты: полковые знамена, артиллерийские стволы, на которых закреплены государственные награды Сенчиковского: с правой стороны печати медаль «За усмирение польского мятежа» 1863–1864 гг., с левой – румынский крест «За переход через Дунай», указывающие на его связь с военным ведомством. В центре – российские награды, судя по очертаниям, орден Святой Анны и два ордена Святого Станислава разных степеней².

Ф. Е. Сенчиковский (1834–1906), католический епископ, помощник управляющего Виленской римско-католической епархией, визиатор римско-католических костелов, являлся неординарной личностью. Будучи сторонником государственной политики Российской империи, он всю свою жизнь активно боролся за утверждение в польских костелах службы на русском языке, или, используя выражение некоторых исследователей, стоял за «располячивание католицизма». Службу Сенчиковский начал военным капелланом. Во время подавления польского восстания (1863–1864) он был награжден медалью «За усмирение польского мятежа»³, позже – крестом «За переход через Дунай»⁴.

¹ Лакиер А.Б. Указ. соч. С. 291.

² Орден был учрежден в 1765 г. польским королем Станиславом Августом Понятовским. После присоединения страны к России (1815) император Александр I вручал эту награду польским подданным. В 1831 г. Николаем I включен в состав российских наград. С 1855 г. к знаку ордена стали добавлять изображение скрещенных мечей. Орден имел три степени. (По материалам Википедии).

³ Медаль Российской империи, которой отмечали участников подавления восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском, Северо-Западном крае и Волыни. Была учреждена императором Александром II.

⁴ Крест «За переход через Дунай» (рум. Сгусае «Тресереа Дунагіи») – румынская награда времен Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Учрежден 25.10.1877 г. князем Румынии Карлом I за форсирование 15 июня 1877 г. Дуная. Этого знака отличия наряду с румынскими были удостоены десятки тысяч русских солдат, офицеров и генералов – участников переправы, боев при Плевне, Шипке, Шейнове и других сражений, а также гражданских лиц, которые своими действиями способствовали ратному делу. (По материалам Википедии).

В 1870-е гг. он служил деканом¹ в Минской губернии.

Известна деятельность ксендза Сенчиковского в Ташкенте, куда он был направлен Военным ведомством по просьбе верующих-католиков постоянным военно-окружным священником, и где в течение двух лет, с августа 1883 г. по 1885 г., проводил мессы в многочисленных пограничных крепостях и гарнизонах, устроенных на покоренных землях, по восемь месяцев в году делая объезды обширного Туркестанского военного округа. В Ташкенте для сосланных туда католиков Сенчиковский обустроил каплицу (часовню). Чтение проповедей и дополнительные службы он проводил на русском языке, почему у каноника вскоре начались конфликты с местным католическим церковным советом. В результате этого Сенчиковский был отозван из Ташкента. Позже он был назначен в Виленскую римско-католическую епархию, где и служил все последние годы жизни².

Из всех музейных печатей священнослужителей самой неизученной является подвесная печать (УКМ 6792) **Ахмади Хабибуллы сына Ахмада.**

Печать в виде перстня в медной оправе размерами 35 x 25 мм. На матрице из красного сердолика овальной формы надпись арабской вязью. Перевод надписи читается как «Раб божий Ахмади Хабибулла сын муллы Ахмада» («Бэндэи Әхмәди Хәбибулла бине мелла Әхмәд»).

Печать Ахмади Хабибуллы сына Ахмада. Публикуется впервые

В Книге поступлений музея о ней малоговорящая запись: «Из старых поступлений». Предположительно, печать поступила в Симбирский народный музей около 1918 г. вместе с материалами известного симбирского фабриканта и коллекционера Хасана Тимербулатовича Акчурина. Сведения об обладателе данной печати пока не обнаружены.

В завершение хочется подчеркнуть, что несмотря на небольшое количество представленного в статье материала, он, несомненно, имеет научное и историческое значение не только для краеведов области, но и для исследователей в области сфрагистики и геральдики.

¹ Декан, или окружной викарий в католической церковно-административной системе выполняет административные и пастырские функции по координации деятельности приходов в определенной части епархии – деканате. Аналогичные функции в Русской Православной Церкви выполняет благочинный. (По материалам Википедии).

² Мазитов Марк. Из истории католической церкви в Узбекистане. Источник: bogoslov.ru/text/1610819.html

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ ИЗ ЭКСПЕДИЦИИ А. И. СВЕЧИНА ПО СИМБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Приступая к истории научного изучения российской провинции, зачастую приходится сталкиваться с тем, что труды предшественников оказываются недоступны для краеведов и местных ученых. Возникают как бы разрывы в преемственности, столь необходимой для всякого научного исследования. Можно ли объяснить этот феномен лишь тем обстоятельством, что провинция отдалена от центра?

Размышляя над этим вопросом, поневоле вспоминаешь Чаадаева, который одним из первых наших философов обратил внимание на роль пространства в истории России: «Всякий народ несет в самом себе то особое начало, которое накладывает отпечаток на его социальную жизнь <...> это образующее начало у нас – элемент географический, вот чего не хотят понять; вся наша история – продукт природы того необъятного края, который нам достался в удел. Это она рассеяла нас во всех направлениях и разбросала в пространстве с первых же дней нашего существования; она внушила нам слепую покорность силе вещей, всякой власти, провозглашавшей себя нашей повелительницей. В такой среде нет места для правильного повседневного обращения умов; в этой полной обособленности отдельных сознаний нет места для их логического развития, для непосредственного порыва души к возможному улучшению <...> Вот почему, насколько велико в мире наше материальное значение, настолько ничтожно все наше значение силы нравственной»¹.

В. О. Ключевский в продолжение темы о значении географического фактора в российской культуре замечал: «Оказалось, что легче было перенести татарское иго, чем собственное величие. Политические и национальные успехи разрушительно подействовали на умственную образованного русского человека: он утратил прежнее смирение и возгордился. <...> во времена Мономахов у него были училища с языками латинскими и греческими, а во время Иоаннов не хватало школ простой русской грамотности – и, однако, он возгордился и возомнил о себе неподобное <...> Москва, до которой не дошел ни один апостол, как-то оказалась третьим Римом <...> а сам московский книжник <...> вдруг оказался единственным блюстителем и истолкователем истинного христианства, весь же осталь-

¹ Чаадаев П. Я. Отрывки и разные мысли // Пространства России. Хрестоматия по географии России. Ред. Д. Н. Замятин. – М., 1994. – С. 26.

ной мир погрузился в непроницаемый мрак неверия и суемудрия <...> в XVI веке на Руси были учителя, которые строго-настроено заповедовали любознательным юношам не читать много книг. Смотрите, говорили они, вот один от книг ума исступил, другой в книгах зашелся, третий в ересь впал <...> Прежде русский книжник любил переведенные с греческого статьи по разным отраслям знания: по минералогии, логике, медицине, риторике <...> Теперь русский книжник неистово кричал: "Богомерзостен перед Богом всяк любяй геометрию; не учен я словом <...> но разум Христов в себе имею". Что же оставалось ученого в этом книжнике и учителе, который так презирал книги и всю книжную ученость? Осталось одно мастерство чтения и письма, насколько оно требовалось в тогдашнем церковном и канцелярском обиходе»¹. Таким образом, величие территории России необходимым образом приводило к рождению провинции как в географическом, так и в оценочном понимании.

От провинциальной гордыни территориального величия до провинциальности как особенности мировоззрения всего один шаг. Очевидно, что огромные размеры российского государства были необходимы в первую очередь для центральных институтов власти, являясь главной предпосылкой экстенсивного роста экономики страны. Провинция традиционно выступала для столиц как источник человеческих и природных ресурсов, а также как место ссылки. При этом государству, как правило, не хватало средств для благоустройства регионов, а потому провинция оказывалась представленной сама себе в своем культурном развитии. Как следствие – довольно распространенное пренебрежительное отношение к научным исследованиям, особенно если они не несли прямой экономической выгоды. Историки и краеведы сплошь и рядом сталкиваются с тем, что во многих провинциальных городах документы и исторические материалы не сохранились или же находятся в ужасном состоянии. Географы, геологи и биологи, изучающие природу края, обнаруживают, что результаты работ многих предшественников потеряны. А потому многие поколения исследователей края вынуждены начинать свои исследования почти с нуля.

Материалы экспедиции Александра Ивановича Свечина, направленного по заданию Правительствующего Сената «для составления описи корабельных лесов и населенных мест» в Нижегородскую, Казанскую и Оренбургскую губернии в 1763–1766 гг., оказались также не опубликованы в свое время. Лишь более чем через столетие появились

¹ Ключевский В. О. Об интеллигенции (1897 г.) // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. – М., 1983. – С. 302–307.

две небольшие публикации, сделанные на основе свечинского отчета в Сенат о проведенной экспедиции¹. В следующем веке краткое описание материалов экспедиции было представлено в книге В. Ф. Гнучевой². Автором этой статьи были опубликованы фрагменты из описания путешествия полковника Свечина по территории современной Ульяновской области³.

Сам Свечин так характеризовал ход и задачи своей экспедиции, посланной для ревизии дубовых рощ и лесов в интересах Адмиралтейства: «... не сделав в порученном мне деле ни малейшей остановки, имея случай во многих местах быть, находившимся по тракту деревням, селам, чьи оные, с показанием числа душ и дворов, между оными верст, качества земли, лесов, гор, вершины и устья рек, в них рыбы, чрез оные перевозов и мостов; а о городах, что разведать мог, прибавя и гисторическое описание, с наблюдением тех мест разных изобилиев, яко то: в плодородии хлеба, скота, пчел, зверей, птицы, художеств и торгов, что собрать успел, в Правительствующий Сенат нижайше взношу»⁴.

Приведем фрагмент из рапорта А. И. Свечина, посвященный Симбирску. «Город Симбирск; поселение сего города состоит в двух местах, первое на высоком косогористом и весьма веселом⁵ месте второе под немалой горой на берегу реки Волги окружающее тремя реками, Волгою, Свягую, и Симбиркой <...> В 17157-м году Богдан Матвеевич Хитрово, з данными ему товарищи, четвероугольное сосновое городское укрепление, имеющее 6 башен, и двои ворота, зделано, коего длина по сту сажень, а поперек по осьмидесяти одной сажени, окружа оной немалой глубиной и шириной рвом <...> От сего города зачалась линия и продолжается до Воронежа, деланная при царе Алексее Михайловиче, а в которех годех жители сего города не знают.

Как от стороны реки Волги с сей горы более пришли иловатые нежели глинистые и крепкие места, к тому ж и весьма частые родники из оной истекают, от чего в 1743 году столь много с своего места тронулась, что

¹ Свечин А. А. Описание развалин г. Болгара в 1765 году. Казань, 1898. Отд. отт. из Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XIV, вып. 5; а также, Зерцалов А. Н. Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половине XVIII века. – Симбирск, 1896.

² Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках. – М. – Л., 1940. – С. 93–95.

³ Гуркин В. А. Симбирская черта. Материалы XVII–XVIII вв. по истории Среднего Поволжья. – М. – Ульяновск, 2000. – С. 145–154.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 3419. Репорт полковника А. И. Свечина в Правительствующий Сенат.

⁵ В значении – живописный.

две каменные церкви повредило, обывательское же поселение, состоящее под сей горой, некоторые переломало, а протчие совсем переиначило; но, несмотря на сие и ныне на сем месте вновь строения приумножаеца. <...>

Купечества и цеху 3190 душ, кои отправляют вниз Волгою рекою до города Дмитревска¹, Царицына, и Астрахани, со всяким хлебом суда, протчие же шелковые и разные мелочные потребные для градских жителей товары имеют, прежде были достаточные, и промыслы свои распространяли с изрядным успехом, но от соляной поставки, за мелкостию тогдашнего времени в Волге воды, все обеднели, большая же часть в совершенное банкротство пришли. До плодovitых садов великие охотники кои содержат в изрядном порядке, продажей яблок, груш, слив, вишен, пользуютца. В мае, в июне, и в июле ярморки бывают в Симбирском же уезде в Карсуне, при Жадовской пустыне, и в селе Новодевичьем. Во оном уезде купца Михаила Воронцова в селе Проломие в изрядном порядке бумажная фабрика.

В сем городе белуги, осетров, шевриг, сомов, белой и красной рыбы, стерледей, щук, лещей, линей, окуней, плотвы, язей, ершей, налимов, раков, и всякой мелкой рыбы весьма довольно, которая по изобилии тамошнего места, и недорого. Диких птиц: гусей, журавлей, разных родов уток, лебедей, чаплей, драхвы, орлов, ястребов, перепелок много, отменных же зверей никаких нет. <...>

Положение места весьма веселое. Строение ветхое, зделанное по старинному обыкновению. Улицы посредственной ширины, имеющие деревянные мосты, к тому ж по высоте места и по скатости оных не весьма грязные.

Близь сего города, по берегу реки Волги находятся немалой величины черные камни, имеющие желтые прореси или жилы², которые столь прозрачны и чисты, что по шлифовке малую розницу з гентарем имеют, также и глина, которая для делания тонкой, крепкой и чистой посуды наиудобнейшая. Но как первое, так и другое по незнанию жителей пропадает втуне»³.

В команде со Свечиным работали несколько опытных картографов и геодезистов, в частности, капитан геодезии Кушников, «морского корабельного флота штюрман» Василий Киприянов и еще пять человек

¹ В 1780 г. Дмитриевск был переименован по указу Екатерины II в Камышин.

² Речь идет о разновидности кальцита. Этот минерал с легкой руки основателя Палеонтологического музея в Ундорах В. М. Ефимова получил название «симбирцит».

³ СПб филиал Архива АН, материалы экспедиции Свечина ф.3, оп.10, д.140, лл. 83–85.

«штюрманов и подштюрманов». В ходе экспедиции была составлена подробная карта лесов всего Среднего Поволжья, копия которой находится в составе Генерального Атласа, «сочиненного из имеющихся при Адмиралтействе чертежной разных годов описей всякого рода лесам 1782 года»¹. В приложении к данной статье мы публикуем фрагмент этой копии, которую любезно предоставили для публикации сотрудники Отдела рукописей Российской национальной библиотеки².

«Лант Карта Казанской, Нижегородской, и Оренбургской губерний, содержит часть реки Волги и впадающую в нее реку Суру, в которой означены подчищенные дубовых рощи и протчия дикия леса, и сколько в которой роще по щету находится дубков под разными номерами как о том значится в экспликации. Сочиненная господином подполковником Александром Свечиным, и геодезии капитаном Кушниковым в 765 году»³. Эта рукописная многоцветная карта на одном листе, размером 95 x 95 см, масштаб: 1 см – 4,44 км. На карте обозначены территории «Кокшайскаго, Цивильскаго, Козмодемьянскаго, Чебоксарскаго, Свяжскаго, Курмышскаго, Алатырскаго, Саранскаго, Пензенскаго, Петрушинскаго (г. Петровск) и Синбирскаго» уездов, где красными чернилами обозначены точки лесных массивов, обследованных свечинской экспедицией.

Как известно, свечинская экспедиция оказала весьма важную услугу для позднейших историков – с помощью портативной камеры-обскуры Свечиным были запечатлены виды многих провинциальных российских городов.

В фонде Канцелярии Академии наук хранится реестр перспективных видов городов⁴, присланных А. И. Свечиным для последующего исправления «по законам перспективы» и гравировки. В реестр рисунков вошли следующие города: Владимир – 2 вида, Муром – 2, Нижний Новгород – 2, Васильсурск – 1, Козьмодемьянск – 1, Чебоксары – 1, Кокшайск – 1, Свяжск – 1, Казань – 2, Елабуга – 1, Елатьма – 1, Кашпир – 1, Бирск – 1, Уфа – 1, Старошешминск – 1, Мензелинск – 1, Майнск – 1 (речь идет о современной Старой Майне Ульяновской обл.), Болгары – 1, Синбирск – 1, Сызрань – 1 (написано в рукописи через ь – Сызрань), Пенза – 1, Саранск – 1, Алатырь – 1, Курмыш – 1. Всего 28 рисунков.

¹ ОР РНБ, Эрмитажное собрание, № 610.

² Более ранний вариант этой карты обнаружен в Казани известным историком архитектуры С. П. Саначиным, который уже много лет занимается исследованием творчества и биографии А. И. Свечина.

³ ОР РНБ, Эрмитажн. Собр., 610, л. 34–43.

⁴ СПб филиал Архива РАН ф. 3, оп.1, д. 290, л. 289.

фрагмент «Лант карты Казанской, Нижегородской и Оренбургской губерний... сочиненной подполковником Свечиным и капитаном геодезии Кушниковым в 765 году»

Однако по указу императрицы от 7 декабря 1765 г. на доработку Махаеву было отдано лишь 14 рисунков, доведенных до совершенства, вероятно, самим Свечиным. Это уже были рисунки, наклеенные на холст и обрамленные алой лентой. Виды большинства городов из этого списка были сделаны Махаевым в течение 1766 г. За этот год им были подготовлены виды Чебоксар, Свияжска, Мензелинска, Кокшайска, Владимира, Саранска, Казани, поручив исполнение вида города Пензы своему ученику Усачеву. О работе над видом Казани и Пензы он пишет в отчете, приводимом петербургской исследовательницей М. А. Алексеевой в ее книге о Махаеве. «...по приказу Канцелярии академии Наук и в художестве директора Якова Яковлевича Господина Штелина вид длины с 50 дюймов (для скромности к сложению в книгу) наполовину, т. е. в 25 дюймов длины, начерно уменьшением окончав, и несколько начисто рисованием зачато. А по несведению мне тех мест сколько мог к лучшему объекты соображать старался. Ученик Усачев от тех же господина Свечина чертежей начисто вид города Пенза выделывает длиною и шириною против прежних, прежде сделанных перспектов в лист любской бумаги»¹. Как продолжает Алексеева: «Художник, как видно из текста рапорта, рассчитывал, что виды городов будут скоро выгравированы, как иллюстрации к книге описания путешествия Свечина. Однако его постигло очередное разочарование. Книга не издавалась, никто не брался за гравирование. Видимо, поэтому исполнение оставшихся четырех рисунков: видов Сызрани, Симбирска, Старошешминска и Кашпира затянулась на полтора года»². Вид Симбирска гравировал в феврале 1770 г. гравер Прокопий Артемьев.

После покойного «перспективы и ландшафтного мастера» Михаила Ивановича Махаева остались «тушеванные разных российских городов проспекты» разной величины, в том числе, наклеенные на холсте 17, на холсте наклеенные, а по краям тафтой обложены разной же величины 14, да 2 на бумаге, не наклеенные на холст» <...> Июня 14-го отдано г. Екзекутову восемь тушеванных проспектов». Далее говорится, что «тушеванные разных российских городов проспекты» в количестве 41 шт. были отданы «по прилагаемой описи» ст. советнику Як. Як. Штелину «для сохранения с прочими рисунками при Гравировальной Палате»³.

Особый интерес представляет указанная опись, в которой перечисляются: «Вид города Казани с северо-западной стороны, г. Симбирск вниз

по р. Волге от Казани во 160 верст с береговой стороны, вид г. Володимера с приезда о Москвы, вид г. Пензы с северной стороны <...> Сызрань с береговой стороны на север представленная, Кашпура с востока...». Это говорит о том, что среди рисунков, которые должен был подготовить Махаев для гравирования, был еще один, пока неизвестный вид Симбирска XVIII в. – «с береговой стороны». В этом списке представлены также виды Санкт-Петербурга, Петергофа, Ораниенбаума, Зилантова монастыря, Астрахани и т. д.

Частично на основе этих рисунков была изготовлена серия гравюр «Собрание Российских и Сибирских городов» (34 листа), изданная Гравировальной Палатой Академии наук в 1771 г. Но дальнейшая судьба самих рисунков неизвестна. Для нас наибольший интерес представляют исходные рисунки, сделанные Свечиным в его экспедиции. Очевидно, что имея оригинальный «проспект», можно было сопоставить то, что было привнесено в общий вид Симбирска Махаевым в 1770 г., а что было зафиксировано «непредвзятым» взглядом камеры обскура в 1765 г. Действительно, как пишет другой петербургский исследователь творчества Махаева К. В. Малиновский, художник вносил порой существенный изменения в исходные рисунки Свечина. При этом важно отметить, что Махаев исправлял не только ошибки перспективы или добавлял детали, оживляющие пейзаж (фигурки людей и животных, повозки и снопы), но также изменял композицию «проспектов» – изображение города им сжималось в центр листа¹. Возможно, именно этот факт махаевской коррекции дал А. Н. Блохинцеву основание предположить, что исходная съемка производилась с нескольких мест².

Алексеева М. А. смогла в ходе многолетних поисков найти только три исходных рисунка, сделанных А. И. Свечиным, два из которых – «вид Чебоксар» и «вид Саранска» – находятся в коллекции Государственного Эрмитажа, а один – «вид Казани» – в Государственном историческом музее³. С. П. Саначин нашел свечинский рисунок Свияжска в фондах Национального музея Республики Татарстан⁴. Возможно, что и рисунок Симбирска также когда-либо будет найден среди неопределенных пока видов городов того времени в одном из собраний центральных музеев.

¹ Малиновский К. В. Михаил Иванович Махаев. – СПб., 2008. – С. 170–171.

² Блохинцев А. Н. Симбирск XVIII века (гравюра по рисунку М. И. Махаева). – Ульяновск, 1985.

³ Алексеева М. А. Михайло Махаев – мастер видового рисунка XVIII века. – СПб., 2003. – С. 240.

⁴ Саначин С. П. Исследования по истории Казанского края, преимущественно Казани. – Казань, 2015.

«СПИСОК ЛИШЁННЫХ ПРАВ»

В Димитровградском краеведческом музее хранится документ, который называется «Список лишённых прав». Он представляет собой амбарную книгу с потрёпанными листами, где перечислены жители Мелекесса, лишённые прав в 1926–1929 гг. и далее в 1930-х гг. В 3-й графе списка перечислены категории лишённых прав. Это, прежде всего, иностранцы, а также лица, прибегающие к наёмному труду с целью извлечения прибыли, торговцы и посредники, и лица, живущие на нетрудовой доход. Общее число внесённых в список – 2188 человек.

Иностранцев записано 98 чел. Эти граждане именуются «иностранец, перебещик из Польши (или другого государства)» или «иностранно-подданный». Большую часть из них представляют выходцы из Польши (59 чел.). 22 чел. обозначено без указания страны, откуда они приехали, указано лишь «иностранно-подданный». Дальше идут 6 чел. из Эстонии, 4 – из Латвии, 3 – из Румынии и по одному человеку из Литвы, Бессарабии и Финляндии. Из 98 чел. женщин всего 11, остальные – мужчины. В списке не указывается национальность граждан, а только страна, откуда они прибыли, поэтому среди «перебежчиков из Польши» встречаются не столько польские фамилии, сколько еврейские, русские и др. То же наблюдается и среди «иностранно-подданных». Людей с одинаковыми фамилиями только 18 чел. (предположительно, 9 пар родственников – либо супругов, либо братьев, либо других родственников).

Причину большого количества поляков, проживающих в Мелекессе в указанный период, мы понимаем из статьи Максима Петрова в аналитической газете «Секретные исследования», № 8 за 2008 г.: «Экономические, социальные, семейные, а также политические обстоятельства обусловили на протяжении многих лет непрерывный поток беженцев из Польши в СССР. Как правило, беженцы относились к беднейшим слоям населения. Перебежчики (в эту категорию включали всех нелегально перешедших на территорию СССР, независимо от того, были они задержаны погранохраной или добровольно заявили о себе) подвергались обязательной проверке.

В ходе ее происходила сортировка: одних отправляли ("перебрасывали") назад в Польшу; других арестовывали по подозрению в шпионаже, контрабанде или иных преступлениях; третьих, членов революционных организаций, имевших соответствующие рекомендации, освобождали и

разрешали им свободное проживание в СССР. Наконец, четвертых (их было больше всего), которые имели право просить убежище в СССР (круг этих людей был широк, сюда входили, например, дезертиры из армии), и притом не имели касательства к революционному движению, расселяли и трудоустраивали в определенных областях. Там они три года находились на оперативном учете (т. е. под наблюдением) в соответствующем органе ОГПУ-НКВД, куда должны были периодически являться на регистрацию, после чего, как правило, с учета их снимали, оформляли советское гражданство, и они могли свободно менять место проживания».

Из предпринимателей, внесённых в «Списки лишённых избирательных прав», наибольшее число с применением наёмной рабочей силы занимались торговлей бакалейными товарами – 48 чел., «кразными товарами» – 47, торговля по патенту – 24.

Торговля продуктами питания имела приоритетное значение. Упомянется торговля съестными припасами – 2 чел. и «съестными продуктами» – 6 чел., «бакалей», а также конкретно – мукой, хлебом, мясом, рыбой, зеленью, сушками, булками, овощами, квасом. Упомянется «колбасное производство и торговля», пряничное производство, «выработка конфет и вафель», владелец крендельной. Крупный хлеботорговец – 1 чел., комиссионер пивзавода – 2 чел. Владельцы пряничной мастерской – 1 чел., крендельной – 2 чел., пивной – 2 чел.

Торговцы скотом и скупщики – 7 чел. Торговлей табачными изделиями и спиртными напитками занимались только по 1 чел., торговля пивом – 1.

Торговля непродовольственными товарами: галантерейными товарами – 15 чел., железо-скобяными – 8 чел., кожевенными изделиями – 7 чел., мануфактурой – 10 чел., игрушками – 3 чел., обувью – 5 чел., фуражками – 2 чел., щепными товарами – 2 чел., дёгтем – 1 чел., шапками и мехами – 1 чел., дровами – 1 чел., железом – 1 чел., ножами – 1 чел.

Производство: слесарное – 1 чел., гончарное – 1 чел., мыловаренное – 1 чел., бондарное – 1 чел., пчеловодство – 1 чел., кузнец – 1 чел., парикмахер – 1 чел., ломовой и легковой извозчик – по 1 чел., портниха – 2 чел., скупщик кожсырья – 2 чел., лесопромышленник – 4 чел., лесоразработчик – 1 чел.

Владельцы: корье-дробильного завода – 1 чел., кирпичного завода – 1 чел., кирпичного сарая – 2 чел., фотографии – 1 чел., магазина – 1 чел., мастерская мер и весов – 1 чел.

Арендаторы: казённых весов – 1 чел., лесозавода – 1 чел., торговой бани – 1 чел., мельницы – 14 чел., водяной мельницы – 2 чел. Торговля

восковыми свечами – 1 чел., овсом и сеном – 3 чел. Содержатели: постоянного двора – 35 чел., пивной – 3 чел., магазина – 3 чел., хлебопекарни – 3 чел., парикмахерской – 3 чел., буфета при станции Мелекесс – 1 чел., галантерейного магазина – 1 чел., торговой бани – 7 чел., чулочной мастерской – 1 чел. Член товарищества «Мука» – 1 чел., квартирмейстер Временного правительства – 1 чел.

Обозначены и просто названия: «торговец», «торговка», «комиссионер», «торговец, пользующийся наёмной рабочей силой» – всего 10 чел.

На одной из страниц «Списка» я обнаружила фамилии своих родственников – братьев моей бабушки Анны Алексеевны Ахматовой, в девичестве Безукладновой: Безукладнова Ивана Алексеевича, «содержателя торговой бани, применяющего наемную рабочую силу»; Безукладнова Николая Алексеевича, «совладельца Безукладнова Ивана – содержателя торговой бани», и Безукладнова Михаила Алексеевича, члена семьи. В этом списке нет моей бабушки, поскольку к этому времени она вышла замуж за Фёдора Ахматова. Братья, видимо, решили, что содержать её теперь должен муж, и лишили доли в семейном деле, приносящем доход, на что бабушка осталась в большой обиде, о чём я неоднократно слышала от бабушки.

Из рассказов бабушки Анны Алексеевны, которая скончалась в 1992 г. в возрасте 86 лет, я записала историю семьи Безукладновых, моих предков по материнской линии. В нашем семейном архиве бережно хранится фотография 1908 г., сделанная в фотоателье И. Г. Букина, на которой изображены некоторые члены большого семейства Безукладновых (фото 1).

Слева сидит глава семьи Василий Леонтьевич, рядом с ним его жена Анна Егоровна. О его плечо оперлась дочь Полина Васильевна, рядом с матерью две замужние дочери – Анна Васильевна с мужем Степаном Николаевичем Головиным и четырьмя детьми и Варвара Васильевна с двумя детьми. Одежда и весь внешний облик изображённых на фотографии говорят о достаточно высоком уровне благополучия, обеспеченности. Дети ухоженные, нарядные, женщины в красивых платьях, у Василия Леонтьевича карманные часы на цепочке.

На фотографии нет сына Василия Леонтьевича – Алексея Васильевича, моего прадеда по материнской линии, который к тому времени уже был женат на Екатерине Ивановне, и у которого было две старшие дочери – Антонина Алексеевна и Анна Алексеевна, моя бабушка. Запись о её рождении я нашла в церковных книгах за 1905 г. Позже появились три сына – Николай, Михаил и Иван.

Фото 1

Алексей Васильевич Безукладнов служил до женитьбы в приказчиках у купца Маркова (какого из них, бабушка мне не рассказывала, скорее всего, не знала). У Марковых работала стряпухой и прапрабабушка, Лукерья Дмитриевна, которую хозяева очень ценили и оказывали ей всяческое уважение. Так, будучи уже старенькой и находящейся «на заслуженном отдыхе», она не отказывала своим прежним хозяевам, когда они просили её помочь в тех случаях, когда в доме Марковых намечалось большое застолье. Тогда, по воспоминаниям Анны Алексеевны, за Лукерьей Дмитриевной присылали экипаж и с почестями доставляли в дом Марковых, где Лукерья Дмитриевна не столько готовила угощение, сколько руководила работой других поваров как опытная стряпуха. Когда прадед женился, хозяин подарил ему на свадьбу общественную баню в районе Нижнего пруда, за Фёдоровыми банями. Так у Алексея Васильевича появилось своё дело и источник существования для всей семьи (жена Екатерина Ивановна, конечно, не работала). Жили они в доме по ул. Неверова (бывшей Пивоваренной). В доме была библиотека, много книг – не случайно на фотографии конца XIX в., сделанной в Самаре, мой прадед стоит рядом с матерью и сестрой, в левой руке держа книгу (фото 2).

Бабушка вспоминала, как она потом жалела, что эти книги братья пу-

Фото 2

стили на самокрутки, и библиотека была утрачена. К счастью, были сохранены семейные реликвии конца XIX – начала XX в., доставшиеся именно ей. Это и фотографии, которые я здесь поместила, и ножная швейная машинка «Зингер», и старинная посуда. Всё это в целости и сохранности находится в нашей семье, а машинка, пережив своих более молодых соперниц, удивляет своим хорошим состоянием и не подводит в работе по сей день.

Трудные времена настали для всех жителей Мелекесса, как и для всех россиян, когда началась Первая мировая война. Об этой странице истории нашей семьи говорит фотография Алексея Васильевича в

форме рядового 5-й Тверской (или Тамбовской) артиллерийской батареи (фото 3).

На нём полушерстяная косоворотка, зимний вариант. На обороте фотографии рукой прадедушки написано: «На добрую память дорогой сестре Поле от брата Алексея Васильевича Безукладнова. Дарю в день моей отправки на театр военных действий 26-го июля 1917 года. Город Павловск Петроградской губернии».

Прадед вернулся с войны домой живым, но жизнь стала совершенно иной, к прежнему благополучию возврата уже не было. Вскоре начались глубокие изменения в социальном укладе жизни. Февральская революция для нашей семьи стала началом катастрофы. Из-за болезней и нужды умирают один за другим в течение двух лет – с 1919 по 1921 г. – все старшие члены семьи: Алексей Васильевич, Екатерина Ивановна и их старшая дочь девятнадцатилетняя девица Антонина (фото 4).

Бабушка Анна, которой на тот момент было всего 16 лет, остаётся не просто сиротой, на её руках трое младших братьев. У бабушки ни образования, ни специальности, ни поддержки от родных. Поэтому вскоре она выходит замуж за Ахматова Фёдора Ивановича, который жил в Большой Кандале с родителями и братьями, где было крепкое хозяйство. Все работали на земле, своим трудом добились довольно

высокого по тем временам благосостояния, но семью раскулачили. По рассказам бабушки, её свёкор не стал ничего скрывать от новых властей, всё золото сдал экспроприаторам, сыновьям ничего не дал, и один из его сыновей, мой дед Фёдор (бабушкин муж, которого я в своей жизни никогда не видела), приехал в Мелекесс и стал работать конюхом. «Выдернутый» из привычного окружения и уклада жизни, лишённый достатка и стабильности, он стал выпивать, и после рождения третьего ребёнка (у бабушки родились сначала две дочери – в 1924 г. тётя Рая, в 1927 г. моя мама, и в 1931 г. сын Юра, который умер от дифтерии в 2-х летнем возрасте), они развелись. Фёдор Иванович уехал в Уфу, связи с семьёй не поддерживал, и только однажды моя мама ездила к нему, уже больному, чтобы помочь материально.

Братья бабушки выжили без родительской поддержки, но благодаря её усилиям. Николай переехал с Куйбышев, работал на заводе, был репрессирован, сидел в лагере, потом реабилитирован. Михаил работал в Мелекессе машинистом на паровозе, поэтому на войну не призывался (фото 5).

Иван уехал на Урал, связи с ним не поддерживали, но недавно я разыскала в социальных сетях его внука Фёдора Безукладнова, очень похожего на всех Безукладновых – крепкого, широколицего. Он живёт в Магнитогорске, работает на метал-

Фото 3

Фото 4

Фото 5

лургическом заводе. Ещё одного родственника по дедушке Ахматову, Сергея Марьина, нашла в Уфе, он живёт по тому же адресу, по которому мама была еще во время войны. Сергей приезжал в прошлом году, когда мама была еще жива, был рад познакомиться.

Историю семьи я сохранила в компьютерной программе «Древо жизни», которая позволяет не только представить всю родословную, собранную в древо, но и занести туда все отсканированные материалы, документы, фотографии, всю информацию, рассказывающую о степени родства. Это древо я показала сыну и буду знакомить с ним внука.

В. Н. ИЛЬИН

УЛЬЯНОВСКАЯ ТОПОНИМИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ¹

И. В процессе работы по краеведческому справочнику-путеводителю «Улицы Ульяновска», который основывается на материалах ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области» и МКУ «Ульяновский городской архив», накопилось достаточно информации для систематизации и анализа наименований улиц и мотивировки их появления. В настоящее время в созданной топонимической базе данных имеется более 1990 наименований элементов городской инфраструктуры. Применительно к Симбирску – Ульяновску встречаются следующие типы этих элементов: бульвар, взвоз, набережная, переулок, площадь, спуск, съезд, тупик, улица, шоссе. Все наши наименования могут быть разделены на несколько категорий:

– по статусу на две основные группы – разные по количеству, но существенные по происхождению:

1) официальные, подтверждённые различными постановлениями и решениями городских властей, постоянно применяемые в официальных документах, включённые в существующий официальный Реестр наи-

¹ Доклад был представлен на конференции «История и современность Симбирского – Ульяновского края. Итоги краеведческого года» 29.03.2016 г.

менований улиц, переулков и площадей г. Ульяновска. Приложение № 1 к постановлению мэра города от 21.05.1999 г. № 1198;

2) неофициальные, существующие в повседневном обиходе, иногда параллельно с официальным названием. Такие названия часто встречаются в границах какого-то одного городского района (участка);

– по временным характеристикам названий: существующие в настоящее время, советские не сохранившиеся, дореволюционные не сохранившиеся, дореволюционные сохранившиеся, дореволюционные возвращённые, планируемые;

– названия улиц (урбанонимы), образованные от имён, прозвищ и фамилий людей, от названий церквей и монастырей (экклезионимы), от названий кладбищ (некронимы), от имён различных поселений (ойконимы), от имён трактов, почтовых дорог (дромонимы), от имён земных природно-физических объектов (геонимы: гидронимы, оронимы и пр.), от названий профессий, по названиям праздников (геортонимы), по названиям этнических групп (этнонимы), а также диалектные названия, символические названия.

Изданный в 2002 г. топонимический лексикон «Симбирские улицы» под общей редакцией А. П. Рассадина (авторы Волошина Т. П., Ильин В. Н., Рассадин А. П.) содержит 696 наименований городских улиц, площадей, переулков и пр. только в рамках «старого города» – городской территории, которая принадлежала г. Симбирску более 100 лет назад, в следующих пространственных координатах: от ул. Новгородской и ул. Тухачевского (район бывших Кирпичных сараев и Куликовки) до ул. Карсунской (район старого ж/д вокзала и слобода Туть) и от р. Свяги (с включением б. Конно-Подгородной слободы) до р. Волги (с включением б. Заволжских слобод: Часовни, Канавы и Королёвки).

Ульяновской топонимией в разное время занимались учёные В. А. Никонов [2] и В. Ф. Барашков [5]. Первые улицы города длительное время не имели официальных названий. Лишь после пожара 1864 г. и получения Высочайше утвержденного 23 октября 1866 г. плана Симбирска Губернское Правление 9 марта 1867 г. предписало: «Городской Думе изготовить и прибить где следует ярлыки, обозначающие названия улиц и площадей» [3], в это же время появилась и нумерация домов, была составлена ведомость всех владельческих мест. До революции названия улиц, в основном, возникали стихийно и лишь спустя некоторое время закреплялись как постоянные. Происхождение названий объяснялось естественными вышеперечисленными причинами. В XX в. имена улицам стала давать власть. Именно с этого

момента появились многочисленные названия, ставшие предметом исследования в данной статье.

II. Современное вышеназванное количество в 1990 названий возникло в результате строительства новых микрорайонов в Ульяновске и включения в состав городского округа Ульяновск нескольких сельских поселений.

В состав Железнодорожного района ныне входят село и разъезд Анненково, сёла Белый Ключ и Луговое, посёлки Загородный, им. Карамзина, Плодовый, Пригородный, дер. Кувшиновка, ст. Белый Ключ, ж/д казарма 880 км, а также планируемый посёлок для «многодетных».

В состав Заволжского района вошёл пос. Ленинский (б. Рыбацкий).

В состав Засвияжского района ныне входят сёла Арское, Баратаевка, Кротовка, пос. Лесная Долина, деревни Отрада и Погребы.

В состав Ленинского района ныне входят сёла Карлинское, Лаишевка, Подгородная Каменка, посёлки Каменка, Новосельдинский, Поливно, дер. Протопоповка, а также ж/д будки 187 км, 188 км, 192 км, 194 км.

В обобщённом виде количество выявленных названий Симбирска – Ульяновска по отдельным категориям можно представить в виде следующих таблиц.

Таблица 1

Названия	Количество	Примечание
Официальные	1913=963 + 950 (по Реестру)	
Неофициальные	22	до 1917 г. – 14

Таблица 2

Временные характеристики	Количество	Примечание
Существующие в настоящее время	1028 + 23 (под ?)	
Советские не сохранившиеся	148 + 10 (под ?)	
Дореволюционные сохранившиеся	8	
Дореволюционные не сохранившиеся	342	
Дореволюционные возвращённые	1	
Планируемые	3 + 90 («посёлок многодетный»)	Фабричная, Александровская + Кибальчича
Не уточнённые	9	

Таблица 3

Урбаноним	Количество	Примечание
Гидронимы	79	вода
Геортонимы	34	дата
Дромонимы	32	дорога
Антропотопонимы	606	имя
Некронимы	8	кладбище
Местное	26	
Ойконимы	199	поселение
Профессия	241	
Дримонимы	124	лес, растительность
Оронимы	14	рельеф
Символическое	291	
Экклезионимы	59	храм
Этнонимы	7	этническое
Годоним	174	положение, размер
Номерные	490	
Неизвестное	40	

III. Из вышеперечисленных категорий в соответствии с темой данной статьи рассмотрению подлежат три категории, наиболее зависящие от волевых решений властей: геортонимы, антропотопонимы и символические названия.

Не следует думать, что влияние городских властей на выбор названия или переименования улиц есть порождение советского строя. Это, видимо, имело место во все времена, и не только в Симбирске. Поскольку первое такое название относится к антропотопонимам, с них и начнём.

1) Дореволюционный период

В 1801 г. симбирским дворянством было принято решение о выделении средств на постройку новой больницы для бедных больных. Устройство больницы началось с покупки в 1801 г. большого сада с домом, которые принадлежали купцу Пустынникову и находились на южной окраине Симбирска. Больницу было решено разместить в этом доме и назвать Александровскою в честь императора Александра I, на что 11.06.1801 г. был получен Высочайший рескрипт с согласием на такое название. После завершения в 1804 г. постройки Александровской губернской, ныне областной, больницы близлежащая площадь без названия стала постепенно называться **Александровской**. Это название, родившееся вначале как проявление желаний симбирского дворянства в

отношении больницы и в процессе повседневной жизни закрепившееся естественным путём за площадью, всё же можно считать одним из первых проявлений верноподданических настроений симбирян – настроений, оставивших свой след на карте города. Одновременно применялось как альтернативное название Больничная площадь.

С такой же мотивацией симбирские власти способствовали появлению в городе улиц с именами других российских императоров.

На ул. 12-го Сентября между улицами Льва Толстого и Карла Либкнехта находится известный всем жителям города «колючий садик». В 1870–1837 гг. на этом месте находился «пустырь со рвом-оврагом». После посещения в 1836 г. Симбирска императором Николаем I этот участок стали называть **Николаевской (Никольской)** площадью. Официально примерно с 1898 г. площадь стала именоваться Покровской, но, возможно, что так она называлась со времени постройки в 1697 г. Покровского монастыря. Последний царь-батюшка Российской империи предположительно тоже имел «свою» улицу в Симбирске. Возникла она после строительства в Симбирске железной дороги и появляется на городском плане 1900 г. как ул. **Николаевская** (1900–1935). На плане 1904/5 гг. это название трансформируется в ул. Никольскую. Поскольку в этом районе не имелось одноимённой церкви, то можно предположить, что название Николаевская/Никольская связано с именем последнего русского императора Николая II – возможно, по аналогии с Николаевской (ныне Октябрьской) железной дорогой. Целых 18 лет после установления советской власти на родине Ленина существовала улица с таким монархическим названием, пока «в осуществление <...> изжития устаревших наименований, Президиум Горсовета» на своём заседании 17 октября 1935 г. не постановил переименовать ул. Николаевскую в ул. Железнодорожников.

Последний всплеск монархических настроений в Симбирске имел место в 1913 г, когда в память 300-летия царствования Дома Романовых старинная ул. Мартыновская (ныне ул. Радищева) была переименована в **Романовскую** улицу. Сведения о согласии императора Николая II на такой акт отсутствуют. Возможно, такие мероприятия проводились во многих городах Российской империи и заранее были санкционированы вышестоящими властями. Через 5 лет с ликвидацией монархии исчезла и Романовская улица.

С именем последнего царя Николая II связана история наименования нашего ж/д моста профессора Н. А. Белелюбского, которая непосредственно к исследуемой теме не относится, но даёт представление о

постоянстве конъюнктуры в топонимии. 12.04.1912 г. Городская управа на очередном заседании Симбирской городской думы предложила Думе «взять на себя почин и возбудить установленным порядком перед ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ всеподданнейшее ходатайство на присвоение новому ж/д мосту через р. Волгу в Симбирске имени ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II. Городская дума единогласно ПОСТАНОВИЛА: возбудить ходатайство...». Закладка «величайшего в Европе моста через Волгу» была осуществлена в год «Романовских торжеств» – 300-летия Дома Романовых, поэтому мост называли Романовским. Через 4 года после почина Городской управы при торжественном открытии моста 05.10.1916 г. гражданский губернатор «А. С. Ключарёв разрезал ленту и поздравил Белелюбского с завершением строительства очередного его моста, а также высказал надежду, что будет получено соизволение царя на присвоение мосту наименования Императорский Его Величества Николая II». Последующие революционные события не предполагают, что эти надежды сбылись. Сведений таких нет. В 1918 г. мост называли как мост Свободы. И всё! Тем более, неприятны и непонятны суетные манипуляции бывших коммунистов, которые через 98 лет, 14.08.2014 г. присвоили ж/д мосту 22-й дистанции Куйбышевской ж. д. название **Императорский**. Видимо, забыв при этом, что от старого «романовского» моста остались только реконструированные мостовые опоры.

Но если присвоение городским улицам имён царствующих особ явно свидетельствует о повсеместном выражении благонадёжности и чинопочитания, то в нашей дореволюционной топонимии есть имена людей, заслуживших уважение соотечественников своими талантами и практической деятельностью. С 1904 г. и до 1933 г. существовало название **Владимирский** спуск. Название закрепилось за спуском в связи с тем, что в его начале находился Владимирский сад, названный так в память о симбирском губернаторе графе Владимире Владимировиче Орлове-Давыдове (1867–1868). При нём продолжилось восстановление Симбирска после пожара 1864 г., был построен первый водопровод, открыта чувашская школа И. Я. Яковлева. Существующий ныне безымянный спуск до революции имел и другие названия: Тутавской, Духовский (Духов, Духовской), а в советские годы – Крутой.

Особое положение занимают названия улиц, носящие имена поэтов и писателей, связанных с нашим краем. Народное почитание и благодарная память – вот причина появления этих имён на карте города. И никакой конъюнктуры. В 1845–1865 гг. в центре города имела **Карамзинская** площадь. Она возникла на безымянной площади после установки на ней

памятника историку и писателю Н. М. Карамзину. В 1865 г. на площади вокруг памятника был разбит сквер, получивший такое же название. С 1900 г. в южной части города появились **Карамзинская** улица и **Карамзинский** переулок. Совершенно по другим мотивам в 2011 г. рядом с Карамзинским сквером появился пер. Карамзина. Чисто волевым решением ульяновских властей ул. Коммунистическая была переименована в пер. **Карамзина**. В этом случае не было никаких «просьб населения».

Очень наглядным примером оценки, хотя и запоздалой, творчества своего земляка стало принятие Городской думой в 1896–1897 гг. решения дать имя поэта Минаева городской улице, что и осуществилось в 1899 г. – через 10 лет после смерти поэта. По невыясненным причинам в период 1902–1913 гг. улица именовалась Солдатской, а затем до 1918 г. снова **Минаевской**. В последующие годы отдельные части современной улицы меняли свои названия, и в 1939 г. Ульяновский Дворец книги обратился с ходатайством в Президиум Ульяновского горсовета о восстановлении названия Минаевской улицы. Это было сделано только в 1947 г., ныне это ул. Минаева.

С 1900 г. и до 1912 г. в южной части Симбирска застраивалась **Гончаровская** улица (но и в 1902 г. эта улица входила в квартал проектируемой застройки). Вероятно, район Южного городского выгона по планам отводился улицам с именами писателей – Карамзин, Гончаров, Пушкин. В связи с грядущим 100-летием со дня рождения И. А. Гончарова назначенная юбилейная комиссия 29.05.1912 г. предложила Городской думе переименовать ул. Большую Саратовскую в ул. Гончаровскую. Это имя улица носила до 1918 г., когда её переименовали в ул. Карла Маркса. Ул. Гончаровская на Южном городском выгоне с 1912 г. и по настоящее время называется как Малосаратовская улица (правда, в сильно изменённом виде).

В эти же годы (1900–1902) в районе Южного городского выгона появляются площадь и ул. **Пушкинская (Пушкина)**. Возможно, образование одноимённых площади и улицы были связаны со 100-летним юбилеем со дня рождения А. С. Пушкина. В процессе жилищного строительства в 1950–1960 гг. площадь в 1963 г. была преобразована в пер. Пушкина, который в 1972 г. был снесён в связи со строительством IV микрорайона по ул. Кирова. Ул. Пушкинская (иногда ул. им. Пушкина) существует и в настоящее время.

2) Советский период

История антропотопонимов советского периода содержит намного большее их количество. Именно эти названия больше соответствуют теме

статьи. В первую очередь рассмотрим названия, ушедшие в историю. Из общего числа советских не сохранившихся названий, указанных в табл. 2, следует остановиться, за редким исключением, на именах политических, государственных деятелей, военачальников, на судьбах которых, в первую очередь, сказывались настроения и взгляды руководства. Когда эти люди были нужны, находились «на коне», то количество улиц, переулков и пр., носивших их имена, иногда превышало разумные пределы для нашего не очень большого города. Имя человека, попавшего в немилость высшей власти, автоматически исчезало с карты города. Делалось это руками местных властей и без всякого обсуждения – в этих случаях «народ безмолвствовал». Через несколько десятилетий новые поколения руководителей и городского населения с такими же эмоциями «восстанавливали историческую справедливость», и в Ульяновске вновь появлялась улица или переулок с забытым именем. Чаще всего, в совершенно другом месте. Исчезают не только имена людей, попавших в опалу, но и тех, кто не востребован или просто забыт. Высказываться в таком духе позволяют решения и постановления Ульяновского горисполкома, в которых в большинстве случаев отсутствуют мотивировка или какие-либо объяснения переименований. Мол, и так всё ясно! Для наглядности сведения по таким персоналиям сведены в табл. 4.

Таблица 4

Имя	Тип, кол-во	Район	Годы	Другие названия	Примечание
Адлер Ф.	Улица	Центр	1918–1928	Буинская, Казанская малая (Мало-Казанская), Красногвардейская	
Алиев Г. А.	Улица	Засвияжье	С 2009		
Бакунин М. А.	Улица	Центр	1918–1940	Казанская, Казанская старая (Старо-Казанская), Прогонная, Красноармейская	Несмотря на упорные доводы некоторых старожилов, это название, вероятно, ошибочное вместо другой улицы: Бакинской
Бедный Демьян	Улица	Северный выгон	1926–19??		
Берия Л. П.	Улица – 2	Куликовка	1946?–1953	1-, 2-я Попова	

Имя	Тип, кол-во	Район	Годы	Другие названия	Примечание
Буденный С. М.	Переулок – 2	Володарка	1948–195?		
	Переулок – 1	Канава	~193?–~1953		
	Переулок – 4	Куликовка	193?/1956–1957	1-, 4-й Омский	
	Улица	Володарка	1948–1957	Заречная	
	Улица	Канава	1948–~1953		
	Улица	Куликовка	1935–19??	4-я ул. Куликовки, Омская	
Варга Д. А.	Улица	Центр	1968–19??	Лесная	
Варейкис И. М.	Улица	Центр	1933–1938	Миллионная, Меленная, им. Н. Островского	В 1963, 1968, 1979 гг. в Киндяковке появлялись и переименовывались его именем улица, проезд, проспект
Вильямс В. Р.	Улица	Север	19??–1962	Космонавтов	
	Переулок	Север	19??–1962	Космонавтов	
Володарский М. М.	Переулок – 2	Канава	До 1923–~1955	1-, 2-й Патронный	
	Улица	Канава	~1918–~1955		
	Улица	Подгорье	192?–1960		
	Переулок	Подгорье	1935–1949	Введенский, Загоровский, Зелёный	
	Спуск	Подгорье	После 1918–1949	Маковский, Введенский, Рабочих (Рабочий)	
	Улица	Центр	1918–1933	Большая Солдатская, Солдатская, Минаевская, Минаева	
Воробьев А. Е.	Улица	Центр	1933	Всесвятская, Малая Конная	
Воровский В. В.	Улица	Северный выгон	1926–1930-е	Ворошилова, Бакинская	В 1959 г. на Опытном поле возникли 4 переулка Воровского
Ворошилов К. Е.	Улица	Северный выгон	1926 – после 1947	Воровского, Бакинская	

Имя	Тип, кол-во	Район	Годы	Другие названия	Примечание
	Улица	Володарка	1948–1957	Кронштадская	
Гай Г. Д.	Улица	Канава	1930–193?		В 1957 г. на Опытном поле возникла улица, а в 1967 г. в Киндяковке – проспект Гая
	Улица	Центр	1928–1936	Глазовая, Комиссариатская, Троцкого, Кузнецова	
Дзержинский Ф. Э.	Улица	Северный выгон	С 1926		
	Переулок	Север	С 1953		
Жданов А. А.	Улица	Север	19??–1989	Архангельского	
	Переулок	Север	19??–1989	Архангельского	
Калинин М. И.	Улица	Северный выгон	1926–1960	Скринского	
	Улица	Кара-сёвка	С 1940-х		
Киров С. М.	Улица	Канава	~1934–1953	Береговая, Маришка	С 1934 г. в центре города существует ул. Кирова, с 1960/1 г. – 3 переулка Кирова
	Улица	Сельдь	19??–1976	Ученическая	
Котовский Г. И.	Улица	Засвияжье	19??–1956	Рузаевская	
	Улица	Киндяковка	1952–1956	Дружбы	
	Улица	Верхняя Терраса	С 1953		
	Переулок	Верхняя Терраса	С 1953		
	Переулок	Автозавод	С 1948		
	Переулок	Киндяковка	1952–1956	Дружбы	
Кривоносовцев	Переулок	Киндяковка	19??–1963	Швера	Загадочный пер. Кривоносовцев в 1963 г. был переименован в пер. Швера
Куйбышев В. В.	Улица	Часовня	1935?–1955		С 1935 г. в центре города существует ул. Куйбышева
	Улица	Сельдь	19??–1976	Старосельдинская	

Имя	Тип, кол-во	Район	Годы	Другие названия	Примечание
	Переулок	Часовня	1939–1955 ?		
Лазо С. Г.	Переулок	Верхняя Терраса	19??–1960	Кольцевой	
	Переулок – 2	Север	С 19??		
Лассаль Ф.	Улица	Центр	1918–1940	Мясницкая, Дворцовая, Карла Маркса	
Либкнехт К.	Улица	Центр	С 1918	Покровская, Лисиная	
Люксембург Р.	Улица	Север	С 19??		
Лысенко Т. Д.	Переулок	Связь	1951–1956	Майнский	
Марат Ж.-П.	Площадь	Центр	1918–1951	Ярмарочная	С 1951 г. площадь была преобразована в одноименную улицу
Маркс К. Г.	Улица	Центр	1918–1940	Саратовская, Большая Саратовская (Большая), Гончаровская, Гончарова	
	Улица	Центр	С 1941	Мясницкая, Дворцовая, Лассалья	
	Улица	Часовня	~1918–1955	Большая Часовенская	
Молотов В. М.	Улица	Автозавод	1948–19??		
Нариманов Н. К. Н-оглы	Тракт	Север	1926–1960-е	Казанский	
	Улица	Север	1947–1967	Гафурова	
	Проспект	Север	С 1960-х		
	Переулок – 5	Север	С 1950-х		
Перовская С. Л.	Спуск	Подгорье	1918–1957	Смоленский (взвоз, пер., спуск), Буинский (спуск)	
Плеханов Г. В.	Улица	Центр	С 1918	Тихвинская верхняя, Тихвинская, Тихвинский	
Разина Стеньки	Улица	Подгорье	1918–~1925	Петропавловская (ул., дорога), Петропавловский (съезд)	С 1925 г. улица стала называться спуском Степана Разина

Имя	Тип, кол-во	Район	Годы	Другие названия	Примечание
	Переулок	Подгорье	1928 г.		
Робеспьер М.	Улица	Центр	С 1918	Инвалидная, Всевятская	
	Переулок – 2	Центр	После 1925/1934–~1957	Канатный (ошибочно), Всехвятский, Робеспьера	
	Спуск	Центр	1940–1985		
Рылеев К. Ф.	Тупик	Центр	1966		
	Улица	Центр	С 1918	Смоленский (часть пер.), Смоленская	
Самойлов Н. Г.	Переулок (тупик)	Центр	С 1933	Тетюшская (Тетюшская), Смоленский малый, Собачий	
	Улица	Часовня	192?–1955	Городская (Городок, Городищенская)	
Сахаров А. Д.	Улица	Нижняя Терраса	С 2000	1-го Мая, Парковая	
Свердлов Я. М.	Переулок	Карасёвка	С 1940-х		
	Улица	Карасёвка	С 1940-х		
Скочиллов А. А.	Улица	Север	С 2006		
Спартак	Улица	Конно-Подгородная	1961 – до 1966? г.	12-го Сентября	
Троцкий Л. Д.	Улица	Канавы	1918–1928 ?		
	Улица	Центр	1918–1928	Глазовая, Комиссариатская, им Гая, Кузнецова	
Тухачевский М. Н.	Улица	Туть	1933–1937	1-я Старая Инвалидная, 1-я Инвалидная, Старая Инвалидная, Победы, Южная	С 1963 г. в центре возникли улица и тупик Тухачевского (была переименована ул. Слободская)
	Переулок	Туть	1933–1937	2-й Инвалидный, Суворова	
Урицкий М. С.	Улица	Центр	1918–1925	Казанская новая (Ново-Казанская), Пищевиков, Гагарина	С 1953 г. на севере возникла ул. Урицкого
Халтурин С. Н.	Спуск	Центр	С 1918	Петропавловский, Тихвинский	

Имя	Тип, кол-во	Район	Годы	Другие названия	Примечание
Чичерин Г. В.	Улица	Северный выгон	1926–19??		
Энгельс Ф.	Улица	Центр	С 1918	Панская, Польская	

Особо следует отметить количество улиц, связанных с именем семьи Ульяновых. В знак уважения к бренду нашего города эти названия выделены в отдельную табл. 5.

Таблица 5

Название	Тип, кол-во	Район	Годы	Другие названия	Примечание
Ленина	Улица	Центр	С 1918	Большая Свяжская, Московская	
	Улица	Королёвка	~1926 – до 1954	Береговая	
	Площадь	Центр	С 1940	Соборная, 1-го Мая	
	Улица	Карасёвка	1943 – после 1948		
	Переулок (поворот) – 2	Вырыпаевка	19??–1966	1-й Самарский	
	Улица	Вырыпаевка	19??–1966	Самарская	
	Улица	Винновка	19??–1966	Соловьёва З. П.	
Улица	Белый Ключ				
Ленинский	Посёлок	Новый город	С 2009		
Дмитрия Ульянова	Улица	Центр	С 1974	Сенная, Труда	
Ульянова	Улица	Центр	1940–1967	Никольская, Стрелецкая, 25-го Октября, им 100-летия со дня рождения В. И. Ленина (пл.) + эспланада	
	Улица	Вырыпаевка	19??–1966		
Ульяновская	Улица	Центр	С 1933		
Ульяновский	Переулок	Центр	~ с 1935		
	Переулок	Вырыпаевка	19??–1966	2-й Красноярский	
	Проспект	Новый город	С 1979		

Даже в таком изученном вопросе, как жизнь семьи Ульяновых, товарищи идеологи прошлых лет не могли однозначно указать: кому из многочисленных членов семьи Ульяновых посвящена улица – улицы

Ульянова в центре и Вырыпаевке. Озарение пришло только в 1974 г. при переименовании ул. Труда в ул. Дмитрия Ульянова. Кроме перечисленных в таблице 5, с именем Ленина косвенно связаны несколько других названий: ул. Ленинградская на Володарке (с 1948 г.), ул. Ленинградская в районе автозавода (1948–1960), пр. Ленинского Комсомола в Новом городе (с 1979 г.).

При обилии на карте города имён революционеров и государственных деятелей разного уровня удивляет отсутствие имени «вождя народов» – И. В. Сталина. В Ульяновске в 1942–1958 гг. имелся административный Сталинский район. В предвоенные и послевоенные годы работали артель инвалидов им. Сталина, артель им. Героев Сталинграда, завод им. Сталина, школа № 6 ФЗУ им. Сталина. По Генеральному плану 1945 г. развития г. Ульяновска предполагалось строительство большой магистрали, которая должна пройти по Московскому шоссе, перспективному мосту через р. Свягу, по улицам Минаева и Кузнецова. Она должна была соединить две площади: существовавшую пл. Ленина и планируемую пл. Сталина около проходной автомобильного завода им. Сталина. Но всё осталось на бумаге.

Смена названий или их восстановление часто зависят от решений каких-то руководителей или комиссий, мягко говоря, не достаточно подготовленных для принятия таких решений. Примером поверхностного подхода могут быть следующие антропотопонимы.

На плане Симбирска 1913 г. на территории Северного выгона планировалась ул. Бородинская. За год до этого исполнилось 100 лет с начала Отечественной войны 1812 г. И вопросов не возникало о мотивировке этого названия. Но в советское время какой-то чиновник применил название «ул. Бородина», таким образом, совершенно изменив первоначальный смысл – название битвы, в которой принимали участие симбирские ополченцы, сменила фамилия композитора-химика, не имевшего никаких связей с нашим городом. Потом менять было поздно – люди привыкли к композитору.

В 1926 г. на этом же Северном выгоне в числе новых строящихся улиц возникла ул. Ярославская без всяких объяснений: или по названию поселений – рядом улицы Поливенская и Хвалынская, или в память советских деятелей – тут же улицы Воровского, Ворошиловская, Дзержинского, Калининская, Чичеринская. С годами часть названий исчезла, но в 1959 г. в диаметрально противоположном месте, на Опытном поле возникли улица и два переулка Ярославского. При изучении ульяновской топонимии данный факт объяснить не удалось – остались только вопросы:

Таблица 6

была ли здесь какая-то преемственность названий? логический подход в выборе? почему из всех забытых деятелей вспомнили Е. М. Ярославского (известного ещё как М. И. Губельман), да ещё через 13 лет после его кончины? может быть, он что-то сделал для Ульяновска очень важное, но забытое горожанами? Ответа нет, и, похоже, не будет.

Из 383 именных названий существующих улиц в рассматриваемую категорию попадают только три: ул. Сахарова на Нижней Террасе, ул. Скочилова на севере города и пл. Гейдара Алиева в Засвияжье. Время определит действительную необходимость или конъюнктурность присвоения этих имён новым улицам.

IV. Второй категорией названий, которая появилась в революционные годы и продолжает существовать в наши дни, являются геотопонимы, возникшие от собственных имён праздников, памятных дат и торжеств. Все приведённые названия по своей сути исторически понятны и приняты народом как близкие по духу, но сами названия трудно применять в повседневной жизни вместо привычных слов с окончанием на «-ая».

Из 34 названий, приведённых в таблице 6, ныне существуют 19. Несколько слов следует сказать о пер. 5-го Декабря, который существовал в районе ж/д станции ныне затопленной Нижней Часовни. Практически это название никто уже не помнит, но почти 30 лет жители этого небольшого переулочка постоянно включались в избирательные списки всех выборов в Советы рабочих, крестьянских и красноармейских (а позднее, народных) депутатов вплоть до Верховного Совета СССР. Переулок и название были, а вот что произошло в этот день, забылось. 5 декабря 1936 г. на VIII Всесоюзном чрезвычайном съезде Советов была принята Конституция СССР (неофициальные названия: «Сталинская конституция», реже – «Конституция победившего социализма»), которая действовала (с изменениями и дополнениями) до 1977 г. По имеющимся частным сведениям, переулок с таким названием существовал не только в Ульяновске, но и в Свердловской обл.

Название	Тип	Район	Годы	Другие названия	Примечание
1-го Мая	Площадь	Центр	1918–1940	Соборная, им В. И. Ленина	День международной солидарности трудящихся
	Улица	Центр	1918–19??	Зборная, Сборная, Кобозева	
	Улица	Конно-Подгородная	192?-е – 1961	Весенняя	
	Переулок	Кара-сёвка	До 1939?		
	Улица	Кара-сёвка	До 1939		
	Улица	Володарка	До 1939 – не позже 1957	Парковая, Академика Сахарова	
5-го Декабря	Переулок	Часовня	1938–1955?		День принятия Сталинской конституции в 1936 г.
Им. 8 марта	Улица	Север	192?–1960	Красноармейская	Международный женский день
	Улица	Связь	19??–1956	Орловская	
8-го Марта	Улица	Конно-Подгородная	19(2)??–1961	Ключевая	
	Улица	Центр	~192?-е –1960	Красноармейская	
8-е Марта	Улица	Верхняя Терраса	С 1953		
9-го Мая	Переулок 1-й	Верхняя Терраса	С 1960	1-й Киевский	День Победы
	Переулок 2-й	Верхняя Терраса	С 1960	Калининградская	
	Переулок 3-й	Верхняя Терраса	С 1977		
	Переулок 4-й	Верхняя Терраса			
	Улица	Верхняя Терраса	С 1960 ?		
Им. 9 января	Переулок	Связь	19??–1956	Тагайский	«Кровавое воскресенье»
9-е Января	Переулок	Верхняя Терраса	С 1953		
12-го Сентября	Улица	Центр	С 1918	Сызранская, Сызранский	День освобождения Симбирска от белогвардейцев

Название	Тип	Район	Годы	Другие названия	Примечание
	Улица	Конно-Подгородная	После 1918–1961	Спартак	
	Переулок	Часовня	После 1918–1955	Никольский, Церковный, Павших Героев (пер.) (возможно)	
Им. 12-го Декабря	Переулок	Часовня	1938–1955	Самойловский	День проведения первых всесоюзных выборов в Верховный Совет СССР в 1937 г.
25-го Октября	Улица	Центр	1918–1940	Никольская, Стрелецкая, Ульянова, им. 100-летия со дня рождения В. И. Ленина (пл.) + эспланада	День социалистической революции в России (25 октября 1917 г. по старому стилю)
40 лет Октября	Улица	Верхняя Терраса	С 1957		
30-летия Победы	Площадь	Центр	С 1975		
35-летия Победы	Проспект	Новый город	С 1980		День Победы
40-летия Победы	Улица	Новый город			
50-летия Победы	Площадь	Новый город			
40 лет Комсомола	Улица	Верхняя Терраса	С 1958		
40 лет Комсомола	Переулок	Верхняя Терраса	С 1960	2-й Киевский	День образования РКСМ/ВЛКСМ
50 лет ВЛКСМ	Улица	Белый Ключ			
Им. 50-летия ВЛКСМ	Проспект	Засвияжье	С 1968	Восточный бульвар	
Им. 100-летия со дня рождения В. И. Ленина	Площадь	Центр	С 1970	Никольская, Стрелецкая, 25-го Октября, Ульянова	100-лет со дня рождения В. И. Ленина

V. Третья категория названий, которая также появилась в революционные годы и в табл. 3 по их количеству занимает почётное третье место, являются символические названия. Как правило, такие урбанонимы не отражают каких-либо особенностей называемых объектов и являются, как отмечал топонимист В. Барашков, чисто условными обозначениями последних, служат часто выражению определенных символов-идей. Например, идеи коммунизма (ул. Коммунистическая), идеи мировой

революции (пл. Революции), символа весны (ул. Весенняя), памяти (ул. Павших Героев) и т. д. Из 291 названия, приведённого в табл. 3, ныне существуют 161. В табл. 7 приведены существующие названия городских объектов (не только улиц), которые без ущерба для исторической памяти города могли бы и не появиться на его карте. Таких немного, включение их в этот список носит субъективный характер и может быть оспорено.

Таблица 7

Название	Тип	Район	Годы	Другие названия	Примечание
Им. XIX партсъезда	Улица	Верхняя Терраса	С 1953		
XIX партсъезда	Переулок	Верхняя Терраса	С 1960	Деева	
ДМГ МОРИ	Улица	Новый город	С 2015	17-й Инженерный проезд	В честь немецкой станкостроительной компании ДМГ Мори Сейки
Президентский	Мост	акватория	С 2010		В честь президента Медведева Д. А.
Императорский	Мост	акватория	С 2014		В честь неизвестного императора

VI. В завершение рассмотрения данной темы следует высказаться по вопросу, который периодически поднимается как якобы самый насущный и своевременный. Это имя нашего города. Это не первая попытка такого рода, но в наши дни она имеет обратный вектор. 6 ноября 1923 г. на торжественном заседании Симбирского горсовета совместно с представителями партийных и профсоюзных организаций и красноармейских частей Симбирского гарнизона присутствующие единогласно постановили «возбудить ходатайство перед ВЦИК о переименовании Симбирской губернии в Ленинскую и г. Симбирск в г. Ленинск». Но после кончины Ленина Симбирск 9 мая 1924 г. был переименован в Ульяновск. Современные попытки бывших «солдат ленинской партии» инициировать ликвидацию существующего названия, прежде всего свидетельствуют о потере чувства реальности у этих граждан. Давно уже нет старого Симбирска. Руками предшественников этих «солдат» уничтожено всё то, что создавало самобытный облик города. Сменилось уже несколько поколений жителей Ульяновска с совершенно иными менталитетом и взглядами на окружающую действительность. Поэтому, прежде чем порождать новую проблему, следует ответить на вопрос: зачем и кому это нужно? Если уж рассматривать кандидатов на переименование, то первыми кандидатами должны стать не имевшие никаких связей с Сим-

бирском – Ульяновском иностранные подданные Либкнехт и Люксембург, Маркс и Энгельс, Марат и Робеспьер. Не избегнут этой участи и народные герои: Степан Разин, который сжёг почти половину нашего города, и Степан Халтурин, являющийся по современным понятиям обычным террористом. Примером чисто конъюнктурного подхода являются переименование в 2011 г. вышеупомянутой ул. Коммунистической в пер. Карамзина и возвращение ул. Советской дореволюционного названия ул. Спасской с последующей запоздалой идеей возрождения Спасского монастыря и, конечно, без выявления мнений жителей города.

Кроме того, нельзя не отметить неаккуратную установку на угловых домах табличек (аншлагов) с наименованием конкретной улицы. Отсутствие таких аншлагов или их непроверенный текст, а иногда просто неграмотный, свидетельствует о равнодушии городских организаций к этой теме. Кратковременные движения соответствующих органов начинаются только с приближением какого-либо юбилея или после получения руководящих указаний. Достаточно привести два примера. На домах по ул. Гагарина не один год висят таблички с якобы первоначальным названием этой улицы – «улица Мало-Казанская», несмотря на неоднократные обращения о замене на правильное название «Ново-Казанская». Проходя по ул. Красноармейской, можно встретить три варианта написания её дореволюционного названия: Старая Казанская, Староказанская и Старо-Казанская. И совсем ставит в тупик появление на современной ул. Федерации аншлагов с названием «бывшая Лосёвая». Еще в 1843 г. на карте Симбирска появилась ул. Лосевая, мотивировка названия которой до сих пор точно не определена: или это фамилия какого-то домовладельца, или констатация появления на этой улице в былые годы представителей парнокопытных из семейства оленей. Данный факт можно рассматривать и как историческую неграмотность, и как полное равнодушие к этой теме городских властей, или, говоря современным сленгом, как прикол местных юмористов-коммунальщиков. Можно жить, не обращая внимания на эти филологические и краеведческие мелочи. Можно, но не нужно.

VII. Выводы

Сравнительный анализ причин появления и исчезновения названий ульяновских улиц, площадей, переулков и пр., а также ознакомление с существующим в настоящее время порядком работы комиссии по наименованию улиц, площадей, переулков и других составляющих города Ульяновска приводят к таким выводам.

Чтобы избежать принятия отдельных сиюминутных, конъюнктурных решений в части городской топонимии необходимо:

1) изменить состав вышеуказанной комиссии, увеличив количество специалистов из числа филологов, историков, архивных и музейных работников, краеведов за счёт снижения числа представителей различных отделов администраций города и городских районов;

2) решения обновлённой комиссии являются определяющими;

3) пересмотреть условия и правила присвоения наименований, переименований или возвращения прежних названий улицам Ульяновска;

4) решения по переименованию улиц или возвращению им старых названий принимать только после выявления мнений жителей конкретного административного района с предварительным широким освещением в средствах массовой информации необходимости и мотивировки этих решений;

5) решение по возвращению г. Ульяновску прежнего названия Симбирск возможно только после предварительного широкого освещения в средствах массовой информации необходимости и мотивировки этого решения и с учётом мнения жителей всей Ульяновской области;

6) произвести ревизию и привести в соответствие с историческими фактами и современными нормами русского языка тексты уличных аншлагов.

Литература

1. Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. – Симбирск, 1898.
2. Никонов В. А. Названия улиц в Симбирске – Ульяновске // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 226–234.
3. Симбирские улицы. Топонимический лексикон. / под общ. ред. А. П. Рассадина. – Ульяновск, 2002.
4. Город Ильича в названиях улиц: Библиогр. Указ. Лит. – Ульяновск, 1990.
5. Барашков В. Ф. По следам географических названий Ульяновской области. – Ульяновск: Симб. Книга, 1994.

**ФОРМИРОВАНИЕ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ
И ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ
НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОГО ОКРУГА
КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941 г.¹**

22 июня 1941 г. фашистская Германия без объявления войны напала на границы советского государства, вызвав тем самым массовую военную мобилизацию. Как и во многих других регионах РСФСР, на территории Куйбышевской области уже 23 июня 1941 г. появились первые сводки о количественном и качественном составе мобилизованных. Мелекесский горком сообщал: «С момента объявления мобилизации подано заявлений добровольно идти сражаться на фронт 17 чел.: коммунистов – 9, комсомольцев – 4, беспартийных – 4, женщин – 4» [1, л. 189]. В мае 1945 г. Ульяновским горкомом ВКП(б) отмечалось, что всего за годы Отечественной войны на фронт было отправлено 2825 чел. [2, л. 16].

Призыву в ряды действующей армии, на фронт, прежде всего, подлежали военнообязанные 1905–1918 гг. р., у остальных же, так называемых допризывников, была возможность помочь Родине, вступив в народное ополчение [8, с. 5].

4 июля 1941 г. было издано Постановление Государственного Комитета обороны о создании дивизий народного ополчения. Согласно его положениям, формирование дивизий производилось за счет мобилизации трудящихся от 17 до 55 лет. От мобилизации освобождались военнообязанные 1-й категории призываемых возрастов, имеющие на руках мобилизационные предписания, а также рабочие, служащие заводов Наркомавиапрома, Наркомата вооружения, Наркомата боеприпасов, станкостроительных заводов и рабочие некоторых, по усмотрению районной тройки, предприятий, выполняющих особо важные оборонные заказы. Рядовой состав, младший состав, 50 % командиров взводов, до 40 % командиров рот, медсостав и весь политический состав формируемой районом дивизии комплектовался из рабочих, служащих и учащихся района, остальной начсостав предписывалось комплектовать за счет кадров РККА [6]. Однако при изучении состава подразделений ополчений в различных районах Куйбышевской области обнаруживается отсутствие должного количества профессиональных военных. В связи с тем, что формирование ополчений шло параллельно с мобилизацией по призыву,

¹ Доклад был представлен на конференции «Итоги краеведческого года» 27.03.2015 г.

военные кадры преимущественно отправлялись на фронт. В ополчении же военные составляли лишь комсостав. Остальные, имеющие хотя бы небольшой опыт медицинской или оборонной работы, путем личной беседы выявлялись среди обычного населения.

Во исполнение данного распоряжения бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) и исполком облсовета депутатов трудящихся постановляли: обязать горкомы, райкомы, первичные парторганизации и исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся создать при всех предприятиях, учреждениях, колхозах, МТС и совхозах части народного ополчения из граждан способных носить оружие; предложить горкомам, райкомам ВКП(б) совместно с горрайвоенкоматами подобрать и утвердить командиров взводов, рот, батальонов, полков народного ополчения и их заместителей по политической части из числа командного состава запаса, партактива, красногвардейцев и партизан, организовав обязательное проведение военных занятий с добровольцами народного ополчения 3 раза в неделю не менее одного часа в день и в выходные дни по программам ВС I степени для не служивших в армии, в ВС II степени для служивших и имеющих соответствующую военную подготовку, используя для обучения материальную базу и лагерь ОСОВИАХИМа; практиковать с добровольцами народного ополчения проведение ночных учений по тревоге, по борьбе с парашютными десантами противника, проведение походов с выполнением тактических задач [3, л. 1].

Основной целью создания народного ополчения в тыловых регионах являлась охрана важнейших объектов, имеющих оборонное и государственное значение в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте, поддержание общественного порядка. Подразделения народного ополчения несли ночные дозоры, осуществляли охрану полей, мостов, электростанций и т. д. Руководство же батальонами народного ополчения было возложено на горкомы, райкомы ВКП(б), первичные парторганизации и исполкомы районных организаций и городских советов депутатов трудящихся.

Вместе с тем в начальный период войны основное внимание партийных, военных и общественных организаций было направлено лишь на первоочередной призыв по мобилизации. Поэтому в различных районах области отмечалось отвлечение от проведения оборонной работы и мероприятий по созданию народного ополчения. По сведениям Мелекесского райкома ВКП(б), во многих организациях района батальоны не были созданы, учеба не была организована, а в ряде созданных подразделений имела низкая посещаемость занятий и отсутствовала воинская дисциплина.

плина. Вероятно, это было связано с тем, что основные ресурсы и силы страны были направлены на помощь войскам и населению, находившихся в тот момент в прифронтовых районах, а также на экстренную эвакуацию особо важных промышленных объектов на восток РСФСР.

На 1 августа 1941 г. в Ульяновске располагалось народное ополчение численностью 2500 чел., из которых женщины составляли 400 чел. [4, л. 29].

В Барышском районе на 1 августа 1941 г. добровольцев в народное ополчение вступило 737 чел., в том числе коммунистов 319 чел., комсомольцев 153 чел., кроме того, женщин вступило в народное ополчение 180 чел. В районе был создан один стрелковый батальон с количеством в нем добровольцев народного ополчения 451 чел., в том числе в нем коммунистов 201 чел., комсомольцев 71 чел. Кроме того, создано две стрелковые роты с количеством 71 чел., две стрелковые роты с количеством 286 чел. Планирование военной учебы с бойцами народного ополчения проводилось командирами рот и взводов по указанию военного отдела. Сроки прохождения программы подразделений народного ополчения по району определялись преимущественно до 5 декабря с.г. Каждое нарушение дисциплины или срыв занятий предписывалось рассматривать как серьезный недостаток, к виновным немедленно применять меры через партийно-комсомольские организации командиров, политработников подразделений народного ополчения. Дела о преступлениях добровольцев, состоящих в частях народного ополчения, рассматривались военными трибуналами. Согласно Постановлению пленума Верховного Суда СССР от 28 августа 1941 г., граждане, состоящие в частях народного ополчения, за преступления против установленного порядка несения службы несли ответственность в соответствии с нормами Положения о воинских преступлениях. Например, неисполнение отданного в порядке службы приказа влекло за собой лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой на срок до 2 лет [7].

Для охраны важнейших государственных объектов Барышского района – 4-х текстильных фабрик, одной бумажной фабрики, 2-х лесопильных заводов, 4-х ж/д станций, нефтебазы, колхозных зернохранилищ, животноводческих ферм – были привлечены 274 чел. добровольцев народного ополчения. Каждый командир подразделения обязан был составить наряд для ночной охраны. Бойцы народного ополчения в наряде находились 3–4 часа. Оборонного имущества в районе имелось: винтовок учебных, 34 шт., в разрезе 4-х шт. винтовок м/к. 87 шт., ручных пулеметов, учебных 3 шт., учебных станковых пулеметов пулеметов 2, учебных гранат 26,

саперных лопат 26, в районе в первичных организациях имеется гранат учебных 115 шт., саперных лопат 8 шт., м/к винтовок в средних школах 15 шт., противогазов 350 шт. [5, л. 65].

В Мелекесском районе к 17 июля 1941 г. был создан отряд народного ополчения численностью 143 чел., состоящий из 3-х взводов.

Народные ополчения создавались при различных организациях области. Например, в г. Мелекесе при ГорОСОВИАХИМе был создан отряд народного ополчения в количестве 143 чел., состоящий из 3-х взводов. При Мулловской фабрике промсовхозкомбината была создана 1 ополченская рота из 247 чел., из которых 115 чел. были женщинами. Уже в августе 1941 г. бойцы закончили обучение по противовоздушной и противохимической обороне (ПВХО) и приступили к охране предприятия. Согласно Постановлению Куйбышевского обкома ВКП(б), из женщин, вступавших в народное ополчение, рекомендовалось создавать санитарные отделения ПВХО или отделения связистов. Так, при Мулловской фабрике была создана группа медсестер в количестве 60 чел. Также создано было народное ополчение и при Ульяновском пединституте численностью 37 женщин в возрасте от 20 до 50 лет.

Таблица 1

Предприятия и учреждения г. Ульяновска, создавшие народное ополчение (чел.) [4, л. 30–32]

№№	Наименование предприятий и учреждений	Количество ополченцев
I рота		
1.	Пединститут	37
2.	Средняя школа № 1	17
3.	Средняя школа № 16	4
4.	Дворец пионеров	3
5.	Гороно	24
6.	Горторг	54
7.	ФЗО № 23	17
8.	Госбанк	11
9.	Суд и прокуратура	8
10.	Городское добровольное пожарное общество	10
11.	Прядильная фабрика	17
12.	МИЗ одежды и обуви	8

13.	Промкомбинат	32
14.	Швейфабрика	17
15.	Дворец книги	7
16.	Горфо	15
17.	Профтехшкола	7
II рота		
18.	Многпромсоюз	216
19.	Арт. Кр. Кооператор и Коммунар	15
20.	Швейкомбинат	6
21.	Артель им. Коминтерна	18
22.	Горкино	23
23.	Трест общественного питания	27
24.	Артель «Велочас»	19
III рота		
25.	Горжилуправление	12
26.	Дормехтехникум	24
27.	Военстрой	14
28.	Редакция «Пролетарский путь»	26
29.	Горкомхоз	45
30.	Мелиоводстрой	7
31.	Водоканал	15
32.	Управление ранками	13
33.	Плодовинзавод	35
34.	Артель «Кр. звезда»	21
35.	Артель «Ударник»	9
36.	Гормельница	16
37.	Контора связи	27
38.	Нефтебаза	14
38.	Артель «Кр. партизан»	8
IV рота		
39.	Ликеро-водочный завод	23
40.	Спиртзавод	13
41.	Мясокомбинат	13
42.	Пивзавод	24
43.	Хлебозавод	38
44.	Завод «Металлист»	32
45.	Пристань	55

46.	Торгречтранс	5
47.	Электростанция	25
48.	Росглавлегсбыт	7
49.	Артель им. Халтурина	12
50.	Гидрологическая станция	4
51.	Больница	10

Особой формой народного ополчения являются истребительные батальоны – военизированные добровольческие формирования советских граждан с целью охраны военных объектов и для борьбы с диверсионными, парашютно-десантными вражескими группами. Первоначально истребительные батальоны создавались лишь в западных областях СССР, но позднее данная практика распространилась и на другие районы страны. В каждом административном районе создавался один истребительный батальон численностью в среднем 100–200 чел.

20 октября 1941 г. Куйбышевским областными комитетом ВКП(б) для горкомов и райкомов ВКП(б) было направлено временное положение об истребительных батальонах, а также программа военной подготовки для бойцов.

Согласно положению, во главе истребительного батальона стояли командир и комиссар батальона, кандидатуры которых подтверждаются горкомами и райкомами ВКП(б), из числа командно-политического состава запаса РККА. Каждый батальон должен был состоять из: А) 2–5 истребительных групп численностью 30–35 чел.; Б) отделения связи и оповещения в 10–15 чел.; В) отделения разведки и наблюдения в 10–15 чел.; Г) санитарного отделения в 5–7 чел.

Командиры истребительных групп, равно как и командиры отделений связи и оповещения, разведки и наблюдения и санитарного отделения, подбирались из состава запаса райкомами ВКП(б) и начальниками РО НКВД и подчинялись командиру и комиссару истребительного батальона.

Комплектование истребительных батальонов предписывалось производить горкомам и райкомам ВКП(б) совместно с начальниками районных отделений НКВД из числа партийно-советского, комсомольского, профсоюзного актива, преимущественно забронированных, находящихся на специальном учете военнообязанных рядового и командного состава и не состоящих на военном учете, но способных владеть оружием и выполнять боевые задания. Возраст бойцов устанавливался от 18 до 45 лет. Каждый боец был обязан всегда иметь наготове: вещевой

мешок с запасом продуктов, пару теплого белья, кружку и ложку, лыжи, противогаз, лопату и белый маскировочный халат.

Бойцы истребительных батальонов проходили учебу по 60-часовой программе из расчета 2 раза в неделю по 2 часа в дни и часы, установленные райкомами, горкомами ВКП(б) и РО НКВД. В программу входило изучение современных парашютных десантов и борьба с ними, строевая, лыжная, огневая подготовка, тактика. Предполагалось, что каждый боец должен был знать разновидности сбрасываемых десантов, их вооружение, численности, возможные задачи, особенности их действий в тылу, владеть техникой переползания по-пластунски в полном боевом снаряжении на дальних расстояниях с применением мер маскировки, уметь метко стрелять из винтовки, нагана и др. В целях проверки боевой готовности батальона командир и комиссар проводили учебные тревоги, предварительно согласовав их проведение с начальником РО НКВД, секретарем райкома ВКП(б) и начальником гарнизона.

Оснащение истребительных батальонов оружием и боеприпасами возлагалось на начальников РО НКВД или соответствующих гарнизонов в момент боевых тревог. Кроме того, за каждым истребительным батальоном по решению исполкома районного или городского Совета депутатов трудящихся закреплялся автомобильный и гужевой транспорт из расчета 1 лошадь в упряжи на 3 бойцов, 1 автомашин на 15 чел. Необходимое количество медикаментов и перевязочных средств должно быть забронировано местными органами власти и храниться в подготовленных сумках, вручаемых в момент тревоги командиру санитарного отделения [4, л. 71–74].

Таким образом к августу 1941 г. в Ульяновске был создан истребительный батальон численностью 164 чел. в возрасте от 19 до 50 лет. Истребительный отряд парторганизации завода им. Володарского составляли 45 чел., мужчины от 26 до 47 лет. Аналогичные батальоны создавались во всех районах области. Ко 2 декабря 1941 г. в Барышском районе был создан истребительный батальон численностью 220 чел.: 70 чел. (с. Барыш); 50 чел. (с. Гурьевка); 40 чел. (с. Ленина); 30 чел. (с. Измайловка) [5, л. 91].

В соответствии с количеством привлеченного состава было создано 5 истребительских групп, 2 отделения связи и оповещения, 1 отделение разведки и наблюдения, 1 санитарное отделение.

Очевидно, что возрастной ценз при вступлении в батальон или ополчение не являлся определяющим.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что не-

сомненной особенностью в деле формирования подразделений народного ополчения и истребительных батальонов является высокая роль партийных организаций. Осуществляя руководство процессом комплектования личного состава ополченческих частей и соединений, партийным комитетам приходилось также решать вопросы вооружения и материально-технического снабжения. Однако не стоит забывать о том, что формирование дивизий народного ополчения проходило одновременно с мобилизацией населения в регулярные войска. По этой причине штаб не мог сразу полностью обеспечить ополченцев оружием и боеприпасами, хотя это и предусматривалось положениями нормативно-правовой базы.

Что же касается состава ополчения и истребительных батальонов, не представляется возможным абсолютно уверенно говорить о высоком уровне их военной подготовки и боевой эффективности. Курс обучения бойцов истребительных батальонов составлял лишь 60 часов, в то время как программа обучения ПВХО простого населения была рассчитана на 110. Кроме того, возрастной и профессиональный состав часто не соответствовал предъявляемым требованиям, что еще раз подтверждает стихийность процесса формирования народных дружин, подкрепленного чувством патриотизма и сплоченности перед лицом общего врага.

Примечания

1. ГАНИ УО. Ф. 919. Оп. 1. Д. 108.
2. ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2226.
3. ГАНИ УО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 6.
4. ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1928.
5. ГАНИ УО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 325.
6. Постановление ГКО № 10 от 04.07.1941. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ГКО_№_10_от_4.07.41 (дата обращения 15.03.2015). - 9
7. Постановление СНК СССР от 27 июля 1927 г. Положение о воинских преступлениях URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17189> (дата обращения 21.03.2015).
8. Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сост. Хренов Н. И., Белов Г. И. и др. – Саратов: Приволж. кн. изд-во (Ульновск. отд-ние), 1974. – 305 с.

ГОНЧАРСТВО СЕЛА СУХОЙ КАРСУН¹

Зачем изучать гончарные традиции, существующие на территории нашего региона? Помимо кладези информации по этнографии, истории и культурологии, собранные сведения могут служить основой для археологического исследования. Этнографические данные по гончарству изучаются в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским в 1950–1970-е гг. Им был собран огромный этнографический материал из очагов современного гончарного производства. Эти данные послужили основой для культурной интерпретации данных о древнем гончарстве. Исследование показало, что в некоторых областях СССР на момент сбора информации сохранились архаичные традиции гончарного промысла, были выяснены пути передачи опыта, время бытования различных навыков и период, за который эти навыки меняются в рамках одной семьи.

В данной статье будут описаны гончарные традиции с. Сухой Карсун. Гончарный промысел Сухого Карсуна уже не раз становился предметом исследований различных специалистов в области истории, этнографии и филологии [1, с. 303–332]. Последняя работа, посвященная гончарству Сухого Карсуна, вышла в 2012 г. [2, с. 37–44], и мы должны обратить внимание на то, что с момента выхода работы произошли некоторые изменения, а также был замечен ряд неточностей, полученных нами в ходе общения с гончарами и их семьями в сентябре 2015 г. В частности, в работе говорится о том, что ассортимент продукции практически не изменился с начала XX в., хотя при общении с гончаром В. А. Чекуряевым выяснилось, что в середине XX в. произошли изменения в ассортименте, связанные с заказом на поставку цветочных горшков для магазина, располагающегося на центральном рынке. Также В. А. Чекуряев рассказал, что в середине XX в. и ранее изготавливали большие по размеру формы. Это было обусловлено тем, что в деревнях были большие семьи и требовалась крупная посуда для приготовления пищи на всю семью. На сегодняшний день основной ассортимент состоит из той посуды, которая пользуется наибольшим спросом: горшки для приготовления в печи, цветочные горшки, крынки для молока и др.

Также информацию, связанную с гончарным промыслом с. Сухой Карсун, можно увидеть в различных работах, посвященных промыслам

¹ Доклад был представлен на конференции «Итоги краеведческого года» 29.03.2016 г.

Симбирской губернии, и газетных статьях. Некоторые сведения, связанные с распространением продукции в других регионах, можно увидеть в работах, содержащих сведения, собранные А. А. Бобринским [3, с. 97].

Село Сухой Карсун находится в Карсунском районе Ульяновской области, было основано в середине XVII в. Некоторые исследователи полагают, что гончарство здесь существует с момента основания села [4, с. 313].

Современное состояние гончарства в с. Сухой Карсун анализировалось по опроснику, который был составлен А. А. Бобринским в начале 1960-х гг. В нём представлено 9 вопросов, которые затрагивают основные стороны гончарного производства: кто и как производит, какое сырьё используют и где его добывают, местные особенности терминологии и возможные скопления керамики в близлежащей местности.

Сегодня Сухой Карсун по-прежнему является центром гончарства в Ульяновской области, но количество гончаров заметно сократилось (на всё село три гончара, при том, что работает и обучает подрастающее поколение всего один). Сосредоточено производство в «Доме гончарного промысла» – здесь и музей, где представлены работы местных гончаров, и мастерская.

Исходное сырьё – красную глину, как и в более древние времена, готовят в селе заранее. Поздней осенью выезжают на глинище, расположенное в 2 км от села. Для добычи на месте используют лопаты. Глину берут только местную. Привозили раньше её на лошадях, сейчас же возят на личном автотранспорте. В доме глину укладывают в ящики, которые называются глинниками, по 4 кома (1 ком примерно равен 16 кг). Зимой для работы глину вносили в дом, где она оттаивала. Месили глину преимущественно дети и женщины, положив при этом на пол полук. Примесей никаких не использовали. Глина в Сухом Карсуне пластична, легко поддаётся рукам мастера. Также около села имеются месторождения «пестрой» глины, которая используется при строительстве печей, но для изготовления посуды используется редко.

«Испокон веков, – говорит А. Н. Ларина (вдова гончара Н. Н. Ларина), – жители села использовали гончарный круг ножного типа. Он состоял из двух кругов: верхний был меньшего диаметра, чем нижний. Ось, соединяющая два диска, металлическая. Круг вращается при помощи ремня и небольшой доски – своеобразная педаль, которая расположена по левую сторону от сидящего ремесленника. Для удобства под правую ногу изготовлена скамья. Современные круги не отличаются от прежних. Глину вытягивают на круге из цельного комка. Формы из-

делий различны – крынки, корчаги, горшки и т. д.: но традиционными формами являются плоски, интересны плоски-тройники. Закончив работу на круге, посуду оставляют сушить на три дня. В ночь необходимо изделия переворачивать. Часто горшки выставляют сушиться на русскую печь».

Работают за кругом в основном только мужчины. Женщинам физически было сложно управляться им, поэтому они принимали участие в оформлении изделий. Жена гончара В. А. Чекуряева занимается покраской горшков, используя для этого свинцовую глазурь.

За зиму гончар успеваешь наделать не одну сотню горшков. Обжиг происходит весной, «пока не жарко». Горн располагается на окраине села. Изготовлен из кирпича, внизу – печь для дров, топочный канал, а сверху – кирпич, и поверх него металлическая решётка, на которую укладывается посуда. В горн закладываются 800 горшков, накрываются битыми остатками «производственного брака» с прошлого обжига, и в течение суток при температуре 1200 °С изделия приобретают уже завершённый вид.

Традиции в гончарном производстве можно наблюдать не только в форме или особенностях горшков, они заметны и в самом профессиональном лексиконе. Здесь и глинный, и глинище, и полок. Если непосредственно говорить о самом процессе, то гончар использует мозилку – небольшая тряпочка, для заглаживания и удаления лишней глины; для смачивания мозилки и рук использует мокульник – чашу; для выравнивания изделия – подёнок – кленовую пластинку. Орнаменты в Сухом Карсуне называются писулькой.

Готовые изделия выставляются и продаются на ярмарках и на больших праздниках.

Если говорить о преемственности традиций, ныне в «Доме гончарного промысла» работает и обучает детей В. А. Чекуряев. Детей, которые заинтересованы ремеслом, на всё село немного, человек пять. Под чутким руководством мастера они изучают гончарные традиции и воплощают свои творческие идеи в жизнь. Изготовленные горшки и игрушки охотно расходятся на ярмарках. Благодаря деятельности таких энтузиастов, преемственность традиций существует и сегодня.

Таким образом, этнографические данные позволяют сделать нам следующие выводы: в с. Сухой Карсун сохраняются традиции использования ножного гончарного круга с момента появления гончарного промысла на данной территории; сохраняется преемственность традиций, однако промысел утрачивает свое первоначальное назначение – изготовление

посуды в утилитарных целях; в условиях развивающегося мира гончарная продукция воспринимается больше как предмет декоративно-прикладного искусства.

Литература

1. Гончарова Л. Н. Художественные промыслы Ульяновской области (по материалам экспедиции НИИ художественной промышленности ММП РСФСР) // Краеведческие записки. Вып. III. – Ульяновск, 1971.
2. Анисимова Е. Ю. Преемственность традиций в материальной культуре (на примере гончарного промысла с. Сухой Карсун Ульяновской области) // Географическая наука и образование: интеграция теории и практики. Сб. материалов I междунар. заочной науч.-практической конф. – Ульяновск, 2012.
3. Цетлин Ю. Б. Гончарство Мордовии по этнографическим данным // Самарский науч. вестник. 2015. № 4.
4. Ермаков С. Ф. Гончарство с. Сухой Карсун Ульяновской области // Краеведческие записки. Вып. VII. – Самара, 1995.

Е. Б. КЛЕВОГИНА

БЕСЕДКА-ПАМЯТНИК И. А. ГОНЧАРОВУ. 100 ЛЕТ СПУСТЯ¹

В 2012 г. в Ульяновске прошли торжества, посвящённые 200-летию со дня рождения нашего великого земляка И. А. Гончарова. В этом же году свой 100-летний юбилей отметила Беседка-памятник И. А. Гончарову в Винновской роще. Эти знаменательные даты, а также 145-летие романа И. А. Гончарова «Обрыв», которое мы отмечали в 2014 г., стали поводом для того, чтобы в очередной раз обратиться к истории памятника писателю, само создание и архитектурное решение которого тесно связаны с символикой последнего гончаровского романа. Тем более что совсем недавно в преддверии названных юбилеев мы стали свидетелями событий в истории Беседки, которые нельзя обойти вниманием.

Напомним, что Беседка-памятник И. А. Гончарову была установлена в 1912 г. по инициативе и на средства последней из симбирского рода Киндяковых Е. М. Перси-Френч на территории её симбирского имения (в южной части) в память о том, что эти места вдохновили И. А. Гончарова на создание романа «Обрыв», их он описал в романе. Автором проекта выступил известный симбирский архитектор А. А. Шодэ.

¹ Доклад был представлен на конференции «История и современность Симбирского – Ульяновского края. Итоги краеведческого года» 28.03.2014 г.

Очевидно, что памятник в форме беседки-ротонды должен был стать напоминанием о той самой беседке, в которой встречались герои «Обрыва» Вера и Марк Волохов. И хотя романная беседка была деревянной, А. А. Шодэ, проектируя памятник, конечно, должен был увековечить память о Гончарове и его романе во времени. А потому материал для памятника был выбран более прочный – кирпич, тем более что строительство каменных беседок в старинных дворянских усадьбах было распространено в XVIII–XIX вв. И сегодня в разных городах России можно увидеть сохранившиеся каменные беседки-ротонды, памятники усадебной культуры XIX в.

К сожалению, проекта беседки-ротонды, выполненного Шодэ, на сегодняшний день не обнаружено. О том, каким задумывался памятник, можно судить по заметке, опубликованной в газете «Волжские вести», описывающей события открытия Беседки 6 июня 1912 г.: «Памятник еще не <...> готов. Но все же <...> публика могла видеть вчерне то, что здесь предполагалось. Классическая балюстрада будет окружать пьедестал с бюстом писателя, причем сама балюстрада будет покрыта стильным навесом»¹.

Когда памятник Гончарову был построен, он вызвал восхищение современников. Так, например, М. Н. Поливанова писала Е. М. Перси-Френч в 1914 г.: «Я любовалась чудным мавзолеем Гончарова, построенным тобой в Киндяковке. Он замечательно удался по мысли и по местоположению. Bravo, прекрасная архитектура!»².

Как выглядела тогда беседка, мы можем наблюдать на сохранившихся фотографиях, среди которых в первую очередь нужно назвать фото М. Каганина 1912 г.³. Беседка Шодэ была выполнена в дорическом ордере с соблюдением всех пропорций и правил, изготовлена из специального фасонного кирпича, оштукатурена и побелена. На круглой площадке цоколя было установлено 8 колонн, поддерживающих купол и антаблемент. Антаблемент – верхняя, несомая часть архитектурного ордера – в средней части украшен декоративной композицией, которую образуют, чередуясь с гладкими в нашем случае (без рельефных украшений) плитами-метопами, триглифы – вертикально стоящие плиты с

¹ Цит. по: Касаткина С. С., Свешникова О. А. Август Шодэ. Мастера архитектуры Симбирска. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2009. – С. 61.

² Цит. по: Смирнова И. В. Е. М. Перси-Френч. Последняя из симбирских Киндяковых // Симбирский вестник. Историко-краеведческий сборник. Вып. III. – Ульяновск: Симбирская книга, 1996. – С. 179.

³ УКМ 40781. Здесь и далее рассматриваются фотографии из собрания Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова.

продольными желобами. Под триглифами ниже полочки расположено по 5 «капелек» – гутт. Колонны беседки установлены на квадратные в сечении пьедесталы и соединены попарно балюстрадами. В каждой по 3 полных балясины и 2 полубалясины, примыкающие к колоннам. Беседка имела 4 входа. Под куполом в центре площадки был сооружен квадратный в сечении обелиск на пьедестале. На обелиске – 2 бронзовые мемориальные доски. Одна представляла собой барельефный портрет И. А. Гончарова работы З. Цейдлера. На второй доске была сделана надпись: «Памяти И. А. Гончарова. 1812–1891. Сооружен в день столетия в 1912 году».

Беседка-памятник И. А. Гончарову. Фото М. Каганина. Симбирск. 1912 г. УКМ 40781

Также в фондах Ульяновского областного краеведческого музея сохранилось несколько фотографий Беседки-памятника И. А. Гончарову до 1967 г. На фото 1936 г.¹ заметны следы разрушения фундамента и обелиска, местами облетела штукатурка, обнажился кирпич, утрачены лестница, отдельные балясины и целые балюстрады. На нескольких фотографиях мая 1959 г.² виден результат реставрационных работ начала 1950-х гг.: восстановлены балясины (правда, не в том количестве – по две полных в балюстраде вместо трех, как было в 1912 г.), установлена новая архитектурная ограда, уже не деревянная, а металлическая на каменном фундаменте. Сохранилась фотография обрушения ограды памятника на краю обрыва в 1959 г.³

Мы не будем подробно останавливаться на состоянии Беседки-памятника и истории его сохранения в XX в. Об этом детально писала И. В. Смирнова⁴. Напомним лишь о том, что в июне – октябре 1967 г. Беседка-памятник И. А. Гончарову была перенесена на новое место, высокий холм на берегу волжского водохранилища севернее с. Винновка, где в своё время располагался барский дом Киндяковых. Причиной тому

¹ УКМ 31170.

² УКМ 35899, 35900.

³ УКМ 35901.

⁴ Смирнова И. В. История создания и сохранения Беседки-памятника И. А. Гончарову // Вестник музея-мемориала В. И. Ленина. Вып. 6. – Ульяновск, 2004. – С. 116–125.

Беседка-памятник И. А. Гончарову.
1936 г. УKM 31170

Беседка-памятник И. А. Гончарову.
1959 г. УKM 35899

стали размыв волжского берега, оползни и образование глубокого оврага, создавшего угрозу разрушения памятника.

По поводу нововыбранного места Беседки-памятника И. А. Гончарову мнение было единодушным – оно удачно, на возвышенности, хорошо просматривается. Что же касается самого памятника, поскольку существовавшая с 1912 г. беседка была выполнена из кирпича и её перенос на новое место был невозможен, подлинная беседка Гончарова тогда была фактически уничтожена и сооружена заново. Причем материалом для нового памятника послужил не кирпич, а железобетон. Кроме того, несмотря на намерения «Основные габариты и архитектурное оформление ротонды-памятника <...> восстановить по существующему»¹, «строго по чертежам с точностью до миллиметра»², «В процессе работ, – как пишет известный ульяновский краевед А. Н. Блохинцев, – было допущено некоторое отступление от стройности и строгости архитектурного стиля»³, «низкая квалификация работников <...> и отсутствие авторского

¹ Архитектурно-планировочное задание на перенос беседки-памятника И. А. Гончарову. Июль 1961 г. Цит. по: Родина Гончарова (к 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова): Сб. документов и материалов. – Ульяновск: ООО «Регион-Инвест», 2012. – С. 65–66.

² Строительная часть к проекту переноса беседки-памятника И. А. Гончарову. Не ранее 1961 г. Цит. по: Родина Гончарова. С. 66.

³ Блохинцев А. Н. Заметки о памятниках. Мемориальная беседка И. А. Гончарова. Машинопись. 1969 г. // Отдел краеведения Ульяновской областной научной библиотеки им. В. И. Ленина.

Беседка-памятник И. А. Гончарову.
1959 г. УKM 35900

Обрушение изгороди Беседки-памятника И. А. Гончарову.
1959 г. УKM 35901

надзора привели к некачественному выполнению и нарушению стройности стиля, что делает необходимым производство дополнительных работ по замене "балюсадов", выправлению колонн и рисунка антаблемента, кроме перемещения обелиска, поставленного не точно, что исправить, вероятно, не представляется возможным»¹.

Дополнительные работы, о которых пишет Блохинцев, были в какой-то степени проведены летом 1974 г. Тогда, например, «верх беседки – купол и антаблемент [были] сделаны почти заново. До этого купол имел эллиптическую форму вместо формы круга. Тяги <...> триглифы – все это сделано совершенно заново»². Причем сделано «с оценкой отлично», как напишет Блохинцев в «Памятной записке о реставрации Гончаровской беседки в 1974 г.»³. Хотя и тут не обошлось без ошибок, например, тот же Блохинцев отметит: «Под триглифами вместо пяти сделано по четыре "капли". Это сделал В. Г. Попов [форматор Художественного фонда. – Е. К.]. А все проглядели это, в т. ч. и я»⁴.

В 2004 г., заканчивая свою статью «История создания и сохранения Беседки-памятника И. А. Гончарову», И. В. Смирнова пишет, имея в виду, конечно, в первую очередь перенос памятника: «Отрадно отметить, что беседка-памятник И. А. Гончарову пережила самые сложные времена в своей истории, в прошлом году отметила своё девяностолетие и по-

¹ Блохинцев А. Н. Описание мемориальной беседки И. А. Гончарова. 6 сентября 1968 г. Цит. по: Родина Гончарова. С. 67.

² Записи А. Н. Блохинцева на обороте фото Г. А. Сазонтова с общим видом беседки, стоящими рядом людьми и лежащими рядом снятыми строительными лесами. 30 июля 1974 г. Цит. по: Родина Гончарова. С. 70.

³ Памятная записка А. Н. Блохинцева о реставрации Гончаровской беседки в 1974 г. Цит. по: Родина Гончарова. С. 70.

⁴ Записи А. Н. Блохинцева на обороте фото Г. А. Сазонтова. С. 70.

прежнему остаётся символом гончаровского романа...»¹. Кто тогда мог предположить, что пройдет всего 4 года, и в октябре 2008-го одному из самых любимых памятников И. А. Гончарову в Ульяновске доведется пережить новое серьёзное потрясение.

В 2007 г. в рамках подготовки к приближающемуся 200-летию писателя власти г. Ульяновска приняли решение о реставрации Беседки-памятника И. А. Гончарову. В декабре 2007 г. на основании задания на проектирование, выданного Управлением архитектуры и градостроительства мэрии г. Ульяновска, Средневолжским филиалом ФГУП института «Спецпроектреставрация» были проведены предварительные работы, в том числе составлен «Акт технического состояния по объекту культурного наследия "Беседка-памятник писателю Гончарову Ивану Александровичу. 1912 год" по адресу: г. Ульяновск, Железнодорожный район, парк «Винновская роща». Согласно Акту, в декабре 2007 г. общее состояние Беседки было признано неудовлетворительным: «Беседка выполнена из железобетона, оштукатурена и покрашена фасадной краской. В результате ежегодных ремонтов штукатурный слой получил ломаные криволинейные очертания, профили карниза, поручней балюстрад, балясин сгладились. Сохранилась одна деревянная балясина в балюстраде (возможно это подлинная балясина), остальные балясины бетонные, выполнены с искажением. По колоннам видны вертикальные трещины. Весь объем беседки отклонился от вертикали в юго-западном направлении»².

По итогам натурных исследований, выполненных вскоре же, в декабре 2007 г., было определено: «Состояние несущих конструкций беседки по деформациям неудовлетворительное и не обеспечивает безопасную для жизни и здоровья людей эксплуатацию объекта в целом»³. Неудовлетворительными были названы состояние фундаментов, несущих элементов ограждения, несущих элементов покрытия и отделочных материалов ротонды. Одна сохранившаяся деревянная балясина и та, как оказалось,

¹ Смирнова И. В. История создания и сохранения Беседки-памятника И. А. Гончарову // Вестник музея-мемориала В. И. Ленина. Вып. 6. – Ульяновск, 2004. – С. 124.

² Восстановление беседки-памятника И. А. Гончарову и территории парка «Винновская роща» в Железнодорожном районе г. Ульяновска. Научно-проектная документация. Предварительные работы. Ульяновск, 2007 // Архив Средневолжского филиала ФГУП института «Спецпроектреставрация».

³ Восстановление беседки-памятника И. А. Гончарову и территории парка «Винновская роща» в Железнодорожном районе г. Ульяновска. Научно-проектная документация. Натурные исследования. Ульяновск, 2007 // Архив Средневолжского филиала ФГУП института «Спецпроектреставрация».

«поражена белой мраморной гнилью листовых пород, вызванной грибом "Фомесфоментариус"»¹.

Параллельно с натурными исследованиями специалистами института «Спецпроектреставрация» были проведены историко-архитектурные изыскания. За основу взяли вышеназванные фотографии Беседки-памятника И. А. Гончарову 1912, 1936, 1959 гг. и обмерочные чертежи, сделанные Облпроектом в июле 1950 г.² – т. е. до переноса 1967 г. Было выявлено, что в результате переноса в 1967 г. Беседка-памятник утратила свой первоначальный облик: «Было допущено некоторое отступление от архитектурного стиля: колонны дорического ордера заменены на другие, которые ближе к тосканскому ордеру»³, «изменились некоторые детали декора и общие пропорции, например тригиф имеет 4 капельки, а по фотографиям 5 капелек. В каждом звене балюстрады в настоящее время по 2 целых балясины и по 2 половинчатых балясины, а по фотографиям 3 целых балясины и 2 половинчатых балясины. Также утрачены все профили постаментов и поручней балюстрад»⁴. Кроме того, отмечалось, что бронзовые мемориальные доски, перенесенные на обелиск в 1967 г., были воссозданы в 1950-е гг. с использованием в надписях новой орфографии в связи с утратой 1940-х гг. Воссоздавали мемориальные доски и в начале 1990-х гг., также по причине утраты.

«В связи с утратой первоначального облика памятника и недопустимого состояния конструкций» проектным решением 2007 г. была предложена замена существующей железобетонной беседки на новую – «в историческом облике по сохранившимся фотографиям за 1912, 1936 г. и обмерочным чертежам за 1950 г.»⁵. Причем в эскизном проекте предлагалось 2 варианта беседки: «1 вариант – стилабат беседки, входы выполнить из ж/бетона с облицовкой гранитной плиткой. Детали беседки выше нулевой отметки выполнить из мрамора. 2 вариант – все элементы

¹ Там же.

² Проект реконструкции беседки-памятника И. А. Гончарову. Архитектор В. К. Владиславлев. 14 июня 1950 г. // ГАУО. Ф. Р-2509. Оп. 4. Д. 23.

³ Задание № 4 от 30 октября 2008 г. на разработку научно-проектной документации для реставрации недвижимого памятника истории и культуры объекта культурного наследия федерального значения – Памятник-беседка Гончарову Ивану Александровичу // Архив Средневолжского филиала ФГУП института «Спецпроектреставрация». Восстановление беседки-памятника И. А. Гончарову и территории парка «Винновская роща» в Железнодорожном районе г. Ульяновска. Проектная документация. Рабочий проект. Архитектурно-строительное решение. Ульяновск, 2009.

⁴ Объект культурного наследия – «Беседка-памятник писателю Гончарову Ивану Александровичу. 1912 год». Научно-проектная документация. Эскизный проект. Ульяновск, 2008 // Архив Средневолжского филиала ФГУП института «Спецпроектреставрация».

⁵ Там же.

беседки выполнить из железобетона с последующей покраской фасадной краской на акриловой основе "CAPAROL"»¹.

Эти предложения были поддержаны на техническом совещании по разработке ПСД на реставрацию Беседки-памятника И. А. Гончарову 18 января 2008 г. Два варианта восстановления Беседки-памятника – из бетона или из мрамора – приняли «для дальнейшего обсуждения и согласования»². Вскоре же, в феврале 2008 г., с выбором определились: все детали беседки выше нулевой отметки решили выполнить из мрамора кальцитового белого цвета месторождения «Челябинскмрамор»³. Остановили свой выбор на мраморе из-за его красоты и долговечности.

Что происходило далее, многие ульяновцы хорошо помнят. После проведения тендера на производство работ по восстановлению Беседки-памятника И. А. Гончарову, определились с генеральным подрядчиком – ОАО «Ульяновскпроектреставрация», которое, в свою очередь, заключило договор с субподрядчиком ООО «Услуги». 17 октября 2008 г. приступили к работам – подогнали специализированную технику, и существующая Беседка-памятник И. А. Гончарову была снесена. Такие решительные действия сразу и справедливо вызвали волну возмущений на самых разных уровнях, начиная с Губернатора – Председателя Правительства Ульяновской области С. И. Морозова. Его открытое обращение по этому поводу⁴ поддержали и Комитет Ульяновской области по сохранению объектов культурного наследия, и мэрия г. Ульяновска, и Общественная Палата Ульяновской области. Оказалось, что демонтаж беседки был произведен без согласования на начало работ, в отсутствие полного пакета разрешительной документации. Работы были приостановлены, проведено расследование и назначены кратчайшие сроки восстановления беседки – до 31 декабря 2008 г. Все дальнейшие работы по восстановлению памятника проводились под надзором и Комитета

¹ Там же.

² Протокол технического совещания по разработке ПСД на реставрацию беседки-памятника И. А. Гончарову в Винновской роще Железнодорожного района г. Ульяновска. 18 января 2008 г. // Архив Средневолжского филиала ФГУП института «Спецпроектреставрация». Восстановление беседки-памятника И. А. Гончарову и территории парка «Винновская роща» в Железнодорожном районе г. Ульяновска. Проектная документация. Научно-реставрационный отчёт. Ульяновск, 2009.

³ Восстановление беседки-памятника И. А. Гончарову и территории парка «Винновская роща» в Железнодорожном районе г. Ульяновска. Проектная документация. Общая пояснительная записка. Ульяновск, 2008 // Архив Средневолжского филиала ФГУП института «Спецпроектреставрация».

⁴ Обращение Губернатора Ульяновской области С. И. Морозова. 21 октября 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ulgov.ru/news/important/48fd8cc50b50d/>

Ульяновской области по сохранению объектов культурного наследия, и института «Спецпроектреставрация» – автора проекта. Так, например, в декабре 2008 г. работы были вновь приостановлены из-за несоответствия проектной документации, «а именно: не соответствия мраморных баясин, поручня и цоколя балюстрады шаблонам утверждённого проекта»¹. Было принято решение разобрать уже смонтированные элементы беседки и выполнить по проекту². В результате сроки сдачи объекта сдвинулись. Но власти пошли на это, т. к. главной задачей видели не открыть беседку к какой-то точной дате, а восстановить её в соответствии с проектом, т. е. с её историческим обликом. В феврале 2009 г. в связи с непоставкой крупногабаритных заготовок мрамора для изготовления верхней части беседки с целью своевременной сдачи объекта было принято решение изменить конструктив и выполнить купол беседки не из 4 частей, а из 8, антаблемент с карнизом из 24 частей³. В результате была проведена корректировка рабочего проекта, разработано новое конструкторское решение сборки верхней части беседки, предусматривающее металлический каркас для опирания и обеспечения жесткости 32 деталей купола. Полный комплекс восстановительных работ был завершён к 29 апреля 2009 г. А 30 апреля обновленная Беседка-памятник И. А. Гончарову была торжественно открыта.

Что же в итоге мы получили? По сути, история повторилась. Так же, как и в 1967 г., в результате последних реставрационных работ существующий памятник был полностью разрушен и восстановлен как новодел, несмотря на то, что новый памятник оказался в большей степени приближен к оригиналу 1912 г. Так же, как и в 1967 г., единственно уцелевшими

¹ Комитет Ульяновской области по культурному наследию. Предписание № 55 об устранении выявленных нарушений требований сохранения, использования и охраны объекта культурного наследия (памятника истории и культуры), выявленного объекта культурного наследия и его территории. 23 декабря 2008 г. // Архив Средневолжского филиала ФГУП института «Спецпроектреставрация». Восстановление беседки-памятника И. А. Гончарову и территории парка «Винновская роща» в Железнодорожном районе г. Ульяновска. Проектная документация. Научно-реставрационный отчёт. Ульяновск, 2009.

² Восстановление беседки-памятника И. А. Гончарову и территории парка «Винновская роща» в Железнодорожном районе г. Ульяновска. Журнал авторского надзора за строительством. Ульяновск, 2008–2009. Запись от 25.12.08 // Архив Средневолжского филиала ФГУП института «Спецпроектреставрация».

³ Протокол технического совещания по корректировке ПСД объекта «Восстановление беседки-памятника И. А. Гончарову и территории парка "Винновская роща"». 9 февраля 2009 г. // Архив Средневолжского филиала ФГУП института «Спецпроектреставрация». Восстановление беседки-памятника И. А. Гончарову и территории парка «Винновская роща» в Железнодорожном районе г. Ульяновска. Проектная документация. Научно-реставрационный отчёт. Ульяновск, 2009.

Беседка-памятник И. А. Гончарову.
2009 г.

при реставрации оказались две мемориальные таблички, которые сняли с разрушенного памятника и установили на новый мраморный обелиск (однако, как отмечалось выше, они тоже являются новоделами). Ни реставраторы 1967 г., ни реставраторы 2008 г. не обратились к материалу оригинала памятника – фигурный кирпич.

И, конечно, неслучайно сразу после завершения работ по восстановлению беседки встал вопрос: останется ли реконструированная Беседка-памятник И. А. Гончарову в федеральном реестре особо охраняемых государством памятников истории и культуры? Вот как ответил на этот вопрос Александр Владимирович Кибовский, в 2008–

2010 гг. руководитель Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия: «По закону, памятником может быть признан объект, имеющий возраст более 40 лет, за исключением ситуаций, связанных с воссозданием. Определяющим здесь является мнение региональных властей, совокупное с мнением общественности и специалистов»¹. Свое мнение Кибовский высказал в интервью 21 мая 2009 г.: «Ваш памятник – незаурядный и для города, и для региона. Он воссоздан в другом материале, но оказался в итоге даже более аутентичным, чем памятник, стоявший здесь до октября 2008 года <...> в отдельных случаях более правильным является решение оставлять новоделы в качестве памятников как признание духовной нагрузки данного объекта. Да, не в том материале, но сама аура, само отношение к нему, почитание этого места, оно же никуда не делось! Это место все равно связано с памятью Гончарова. В мире много таких мест, которые связаны с великими людьми, но в большинстве своем – по тем или иным причинам – являются новоделами. Например, домик Гете в

¹ Гончаровская беседка по-прежнему памятник. 22 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ulpressa.ru/news/2009/05/22/article83182/>

Германии <...> Или станция Ясная Поляна»¹. Напомнил Кибовский и о приближающемся юбилее И. А. Гончарова и, ещё раз обозначив право инициировать исключение из федерального реестра за регионом, заверил: Росохранкультура в данном случае настаивать не будет. Как известно, ни региональные власти, ни общественность города с такой инициативой не выступили, и это было понятно и правильно. Сегодня реконструированная к юбилею писателя Беседка-памятник И. А. Гончарову по-прежнему является памятником истории и культуры федерального значения и стоит в Винновской роще как памятник и великому писателю-земляку, и его знаменитому роману.

Ю. В. КОЗЛОВ

БИБЛИОТЕКА ДЕНИСА ДАВЫДОВА

Денис Васильевич Давыдов был заядлым книголюбом, за 30 лет службы принял участие «во всех войнах России» и умудрился собрать прекрасную библиотеку.

«С семилетнего возраста, – расскажет сам Давыдов, – я жил под солдатской палаткой <...> Забавы детства моего состояли в метании ружьем и в маршировке, а верх блаженства в езде на казачьей лошади» [1]. В 1793 г. будущему генералу удалось увидеться и говорить с А. В. Суворовым. Прославленный полководец при осмотре Полтавского легкоконного полка, находившегося под командованием отца Дениса, заметил резвого ребенка и благословил его на боевые подвиги.

«Маленький повеса бросил псалтырь, замахал саблей, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека, – отметит Денис Васильевич в автобиографии, написанной от третьего лица. – Розга обратила его к миру и к учению. Но как тогда учили! Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствий, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке; тому же учился и Давыдов до тринадцатилетнего возраста. Тут пора было подумать и о будущем: он сел на коня, захлопал арапником, полетел со стаей гончих собак по мхам и болотам – и тем заключил свое воспитание» [2].

В один из своих зимних приездов в Москву юный Давыдов позна-

¹ Ямина С. Гончаровская беседка: быть или не быть? 21 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ulpressa.ru/news/2009/05/21/article83046/>

комился с воспитанниками университетского Благородного пансиона. Новые товарищи дали ему почитать бывший тогда в большом ходу «Аониды, или сборник разных новых стихотворений», издаваемый Н. М. Карамзиным. Знакомые имена, встреченные Денисом в сборнике, навели его на мысли испробовать свои силы на литературном поприще. Конечно, первые опыты были неудачны: мысли не укладывались в должной последовательности, не давалась и рифма. Тем не менее, Давыдов не падал духом, продолжал писать стихи и прозу, в результате этого появилась небольшая пьеса «Пастушка Лиза» в сентиментальном духе.

Среди занятий литературой подошло время поступать в военную службу, о которой мечтал юноша. В начале 1801 г. Денису Давыдову дали в руки 400 руб. ассигнациями и отправили в Санкт-Петербург. В сентябре недоросль, несмотря на малый рост, поступил эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк. И поспешил к двоюродному брату, бывшему адъютанту Суворова А. М. Каховскому, чтобы поделиться своей радостью. Однако встретил неожиданный прием!

«Вместо поздравлений, вместо взаимных с ним восторгов этот отличный человек осыпал его язвительными насмешками и упреками за вступление на службу неучем. "Что за солдат, брат Денис, – заключил он поразительный монолог свой, – что за солдат, который не надеется быть фельдмаршалом! А как тебе снести звание это, когда ты не знаешь ничего того, что необходимо знать штаб-офицеру?" Самолюбие Давыдова было скорбно тронуту, и с того времени, гонимый словами Каховского, подобно грозному призраку, он не только обратился к военным книгам, но пристрастился к ним так, что не имел уже нужды в пугалищах, чтоб заниматься чтением» [3].

Его опыты стихосложения продолжались во время дежурств в казарме, в госпитале и даже в эскадронной конюшне. Так появились политические басни «Голова и Ноги», «Река и Зеркало», «Орлица, Турухтан и Тетерев». Первую из них завершали такие строки:

«...Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись, – как же быть, –
Твое величество об камень расшибить» [4].

Прямых доказательств, что автором распространяемых в списках басен является Давыдов, у власть предержащих не оказалось. Тем не менее его перевели из гвардии ротмистром в Белорусский гусарский полк, стоявший в Киевской губернии. В дальнейшей поэтической биографии ведущую роль занял молодой герой с «призывами на пунш», гусарскими

песнями, посланиями и эпиграммами, а также рыцарски возвышенная, но не без озорства любовь. Кроме оригинальных произведений, у Давыдова были и переводные – из Арно, Виже, Делиля, и подражания Вольтеру, Горацио, Тибуллу. Однако политики он больше не касался.

В 1807 г. молодой офицер принял боевое крещение в Пруссии, позднее с «эскадроном гусар летучих» успешно воевал против шведов и турок. В 1812 г. при нападении Наполеона подполковник Давыдов возглавил один из первых армейских партизанских отрядов. Его служебный формуляр гласит: «Со 2 сентября по 18 октября командовал партией наездников в окрестностях Вязьмы, Дорогобужа и Гжатска; в течение сего времени взял в плен 3.560 нижних чинов, 43 штаб и обер офицеров и много транспортов, снарядов и продовольствия, за что награжден чином полковника» [5]. Победу он встретил спустя два года в Париже, был «за отличие награжден чином генерал-майора».

После Отечественной войны в стихах Давыдова с присущими им раскованностью и независимостью стала все заметнее пылкая любовь к России. Все больше времени он отдавал военным сочинениям, начатым с «Военных записок» еще во Франции. В 1815 г. Давыдова приняли в только что созданное литературное общество «Арзамас». Молодые люди, связанные между собой живым чувством любви к родному языку, литературе и истории, собирались вокруг Н. М. Карамзина, которого они признавали своим вождем. Бессменным секретарем общества и его душой был В. А. Жуковский, в его квартире Денис Васильевич познакомился с юным А. С. Пушкиным, оценил блестящий ум П. А. Вяземского.

В феврале 1818 г. генерал-майор Давыдов был назначен начальником штаба пехотного корпуса, расположенного в Кременчуге. Новая должность не удовлетворяла его энергичную натуру, но давала много свободного времени. Чувствуя пробел в своем образовании, Денис Васильевич покупал книги по разным отраслям знаний и серьезно принялся за чтение. Поскольку средства были ограничены, он решил экономить на пересылке книг и напишет одному из приятелей, генерал-адъютанту А. А. Закревскому: «Я имею переписку в Петербурге с книгопродавцом Сен-Флораном, чрез которого я выписываю книги; а так как ужасно дорог перевод по почте, то позволь мне чтобы он адресовал посылки его в канцелярию твою, где прикажи принимать их вместе с посылаемыми в 1-ю армию. Я боюсь только, чтобы посылки эти не были задерживаемы в Главной квартире...» [6].

Весной 1819 г. Денис Васильевич оказался в Москве, выхлопотав с помощью высокопоставленных друзей трехмесячный отпуск «для

женитьбы». В апреле 34-летний Давыдов обвенчался с дочерью генерал-майора Софьей Николаевной Чирковой, которая была на десять лет моложе. В качестве приданого она принесла супругу большое состояние, в том числе несколько тысяч десятин земли и полтысячи крепостных в с. Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии. Семейная жизнь не отвратила его ни от чтения, ни от литературных занятий. В 1821 г. он издал отдельной книжкой «Опыт в партизанах» и передал экземпляр императору для ознакомления. Подобные сочинения требовали от автора не только боевого опыта, но и широких познаний.

«Ко мне прислали на тысячу рублей книг, – сообщит Денис Васильевич другому армейскому товарищу, графу П. Д. Киселеву. – Я теперь весь зарыт в них и предпринял курс фортификации в Бусмаре, государственное хозяйство в Сее и *politique constitutionelle* в Benjamin Constant Bentham, коих у меня полные сочинения. Времени много перед руками; давай учиться...» [7].

Московский дом, в котором Давыдов родился, располагался под № 13 по ул. Пречистенке. Вернувшись в Москву уже в генеральском чине, он поменял несколько адресов, пока не приобрел «величавые палаты» по соседству с домом детства, на Пречистенке, 17. Библиотека поначалу разместилась в его кабинете, но по мере получения новых книг и журналов для нее отвели отдельное помещение. Нет никаких сомнений, что там была «История государства Российского», многолетний труд Н. М. Карамзина. 8 томов «Истории» поступили в продажу 28 января 1818 г. в количестве 3000 экз. и разошлись за один месяц. Сразу же потребовалось второе издание, это был огромный успех историографа.

Еще в 1803–1804 гг. Николай Михайлович осуществил в Москве первое издание своих поэтических и прозаических «Сочинений» в восьми томах. Позднее он дополнил их и дважды, в 1814 и 1820 гг., переиздал уже в девяти томах. Видимо, одно из упомянутых изданий тоже оказалось в библиотеке Дениса Васильевича, который почитал Карамзина как «разработчика» русского языка.

Старший сын Давыдова Василий Денисович вспоминал: «Несмотря на прозаический и поэтический талант моего отца, он далеко не был тверд ни в русской грамматике, ни в правописании; за то историю как древнюю, так и новейшую он знал в совершенстве, особенно историю войн от самых древнейших времен, и удивлял всех памятью на числа и годы исторических событий» [8].

Летние месяцы Давыдов с семьей обычно проводил в селе Приютово, в 70 верстах от первопрестольной, «в местах прелестных, с домом, садом

и со всеми принадлежностями». Позднее Денис Васильевич в теплое время года жил в с. Мышецкое, которое приобрел в 1822 г. Отсюда генерал выезжал осматривать имение Верхняя Маза под Сызранью. Приходилось навещать и имение в Бугульминском уезде Оренбургской губернии, где имелись 402 крепостных и винокуренный завод.

Несмотря на многочисленные семейные заботы и хлопоты с имениями, Денис Васильевич по-прежнему много писал. Его прозаические работы можно разделить на две категории: статьи, носящие характер личных воспоминаний, и статьи историко-полемические. Из первых наибольшую известность получили «Встреча с великим Суворовым», «Тильзит в 1807 году» и «Дневники партизанских действий», долгое время служившие важным источником для истории войн. Ко вторым относились «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?», «Переписка с Вальтер-Скоттом», «Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона».

Записки сочинил французский император в ссылке на острове святой Елены, издали их после смерти его генералы Гурго и Монтолон. Когда отдельное издание записок в 1825 г. появилось в Москве, Денис Васильевич обнаружил там немало вымыслов в адрес партизан и решил опровергнуть их.

«...Но где для этого найти документы? – задумывается он. – Попробуем отыскать их в бюллетенях французской армии, сочиненных как известно самим Наполеоном; в Монитере, в этом единственном официальном журнале французского правительства; в письмах маршала Бертье к начальникам корпусов большой армии; в отбитых у неприятеля бумагах, хранящихся в главном штабе государя императора, и в тех описаниях кампаний 1812 года, автором которых нельзя упрекнуть в пристрастии к нашему войску» [9].

При подготовке к публикации статьи «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?» редактор журнала «Библиотека для чтения» запросил в Виленском университете и гимназиях тех губерний, через которые Наполеон отступал из Москвы, точные сведения о температуре воздуха во второй половине 1812 г. Метеорологические книги из обсерваторий учебных заведений подтвердили, что в Вильно, Вязьме и Смоленске «положение воздуха не доходило до той смертоносной стужи, о какой чужеземцы стараются разглашать по всему свету» [10].

Со знаменитым романистом Вальтером Скоттом из Шотландии, который оказался поклонником его военных и поэтических талантов, Давыдов познакомился при посредничестве своего молодого родствен-

ника графа В. П. Орлова-Давыдова. «Если можешь сделать чтобы он мне написал хоть две строчки и прислал бы свой портрет с надписью своей руки, – уверяет он весной 1826 г. графа, который учился в Эдинбургском университете и бывал в доме Вальтера Скотта, – то я был бы наисчастливейший человек и эти строки и этот портрет перетек бы в мое потомство как святые вещи» [11].

Автор 74 исторических романов, среди которых в России наибольшей известностью пользовался «Айвенго», заказал граверу портрет поэта-гусара для своего кабинета с богатой коллекцией оружия, а Денису Васильевичу передал на память свой портрет с собственноручной подписью под ним: «Walter Scott for Denis Davidoff». И попросил «черного капитана», как называли Давыдова англичане, в знак особенного к нему расположения прислать военные очерки, написанные им в последнее время. В качестве ответного жеста, помимо стихотворения «Полусолдат» и нескольких статей, Денис Васильевич отправил через английское посольство «курдскую пику и персидский кинжал», отбитые бывшим под командой Давыдова отрядом в бою, а также «черкасский лук и с колчаном, полным стрел».

Помимо ставших популярными романов сэра Вальтер Скотт написал несколько прекрасных биографий, в том числе Драйдена и Свифта. В 1827 г. в Париже на французском языке вышла его «История жизни Наполеона». Когда же ее издали на русском языке, то автор попросил Давыдова дать замечания об описанной там войне 1812 г. Ознакомившись с присланной книгой, Денис Васильевич обнаружил немало погрешностей.

«Я не без робости повинуюсь вашей воле, ибо должен заблаговременно признаться вам, что их будет не малое число, потому что документы, коими вы руководствовались при составлении описания этой войны, были, по-видимому, доставлены вам людьми малосведущими и подвластными пристрастию, которое неминуемо должно было, не смотря на любовь вашу к истине, отзываться и в той части сочинения вашего, где идет речь о России, – сообщил он Вальтеру Скотту. – Простите моей солдатской откровенности, но я не был бы достоин благосклонного внимания вашего, если б осмелился платить вам за него лицемерием, мне вовсе не свойственным, и преступным молчанием; прочитав описание ваше о некоторых действиях наших армий и о полководце, глубокими соображениями которого было спасено мое отечество, и чье имя для нас русских и драгоценно и священно, я не могу оставить без возражений некоторых ошибочных показаний ваших» [12].

Лавры шотландского романиста не давали покоя многим отечественным литераторам. Один из них, М. Н. Загоскин, начал литературную деятельность в 1815 г. с комедии «Проказник», затем сочинил еще с десяток пьес. С 1827 г. он начал писать романы, и первый из них, «Юрий Милославский», имел необыкновенный успех и принес автору широкую известность. Задумав очередной роман, Загоскин обратился к Денису Васильевичу с просьбой рассказать ему о партизанском вожаке 1812 г. А. С. Фигнере, который наводил такой страх на французов, что голова его была оценена в немалую сумму Наполеоном. Давыдов не заставил долго ждать и 6 марта 1830 г. отправил из Мазы обстоятельное письмо с красноречивыми примерами подлости и варварства Фигнера, «когда, ставя рядом до ста человек пленных, он своей рукой убивал их из пистолета, одного после другого» [13].

«... Вот все, что я вам могу сказать о Фигнере, любезнейший Михаил Николаевич – заметит Давыдов в заключение. – Желаю, чтоб это вам послужило для вашего нового романа; я не менее желаю, чтоб он принес нам столько же удовольствия, как "Юрий Милославский", который я во второй раз уже читаю» [14].

Новый роман Загоскина «Рославлев, или русские в 1812 году» вышел из печати в конце 1830 г. Вне всякого сомнения, Давыдов ознакомился с новинкой и был разочарован. Действительно, следующие романы и повести Загоскина, начиная с «Рославлева», ничего не прибавили к его славе.

В автобиографии Давыдов отметит, что «до 1831 года он заменяет привычные ему боевые упражнения занятиями хозяйственными, живет в своей приволжской деревне, вдали от шума обеих столиц, и пользуется всеми наслаждениями мирной, уединенной и семейной жизни» [15]. Там Денис Васильевич сочинил «Бородинское поле» и «Душеньку», продолжил работу над военными очерками. Собранные для этой цели книги и документы пришлось переправить в Верхнюю Мазу, чтобы всегда были под рукой.

При восстании Польши, уже имея шестерых детей, Давыдов попросился в действующую армию. Его стремление участвовать в подавлении мятежа вскоре сменилось намерением вернуться к семье. «Дай Бог скорее быть в Мышецком или в Мазе возле тебя, моего единственного друга, – напишет он в апреле 1831 г. жене. – Повторяю как тебе, так и здесь всем, что это моя последняя кампания – даю тебе в том честное слово. Пора на покой: 15-я кампания не 15-й вальс или котильон! Пора! пора на печку!..» [16].

За польскую кампанию Денис Васильевич получил чин генерал-лейтенанта и в этом звании навсегда покинул армию. В октябре он прибыл в Москву, где застал жену и детей здоровыми и веселыми. Теперь, когда появилось не только свободное время, но и достаточные средства, можно было приобрести еще больше книг и журналов.

К весне Давыдовы решили оставить шумную Москву и перебраться на постоянное жительство в Верхнюю Мазу. В то время как в Симбирске, так и в Сызрани еще не было железной дороги, поэтому длинный путь надо было преодолеть в конных экипажах. Большое семейство сопровождали полдюжины слуг, нянек и гувернеров, за которыми следовали бесчисленные сундуки и корзины. Немалую часть багажа занимали книги и журналы.

Здешний деревянный дом с мезонином был невелик по сравнению с каменным двухэтажным «дворцом» в Москве. Кабинет Дениса Васильевича, как впоследствии вспоминал его внук Н. Н. Давыдов, располагался справа от входа и имел три окна [17]. Там находилась уже немалая к тому времени библиотека, вдоль глухих стен были устроены деревянные полки для книг. В углу стояла библиотечная лестница-стремянка, также деревянная, поскольку потолки были довольно высокие, а хозяин кабинета ростом невелик.

В Мазе Давыдов поселился почти безвыездно, изредка посещая Петербург, Москву, Саратов, Симбирск и Пензу, где всюду у него был обширный круг знакомых. Возвращался обычно с новыми книгами и свежими номерами журналов, в которых были напечатаны его собственные сочинения или произведения друзей. В деревне главным его занятием было чтение, литературные труды и переписка по поводу их с друзьями и издателями; отдыхом ему служила псовая охота, любовь к которой он сохранил до самой смерти.

В это время бывшим партизаном была написана большая часть его прозаических сочинений, носящих характер мемуаров. Тогда же ему удалось собрать воедино и в 1832 г. издать в Москве небольшую книжку с неприятным заглавием «Стихотворения Дениса Давыдова», состоящую из 36 произведений и автобиографии. Последняя под названием «Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова» была опубликована анонимно, позднее он объявит ее автором генерала О. Д. Ольшевского, вместе с которым служил.

На следующий год в Петербурге вышел первый сборник его собрата по перу Н. М. Языкова, в который автор отобрал 116 стихотворений. Николай Михайлович не забыл подарить экземпляр Давыдову. «Не

знаю, как и благодарить душевного моего поэта за присылку стихотворений его и вместе с ними лихого его послания, – радуется за друга Денис Васильевич. – Что за язык! Что за поэзия! Что за возвышенность чувств – это очарование!.. Что мои хмельные стихи против этих? Сивуха перед шампанским» [18].

В сентябре 1833 г. в Симбирске проездом в Оренбургскую губернию и обратно побывал А. С. Пушкиным. Заехал он и в с. Языково, лежавшее в 55 верстах от губернского города, чтобы повидаться с Николаем Михайловичем и его братьями. Давыдов связал визит дорогого гостя с его работой над новым историческим романом, о чем сообщит Языкову.

«...Знаете ли, что я слышал от людей, получивших письма из Казани? В Казани были Пушкин и Баратынский, отыскивающие сведения о Пугачеве. Из этого я заключаю, что они в союзе для сочинения какого-нибудь романа, в котором будет действовать Пугачев. Итак, вот решение загадки появления Пушкина в нашей и в Оренбургской губерниях. Если это правда, то дай Бог! Авось мы увидим что-нибудь близкое к Вальтер-Скотту; по сю пору мы не избалованы качеством, но задушены количеством романов. Судите, что я на днях прочел в объявлении о появлении нового романа Загоскина ("Аскольдова могила" была издана в Москве в 1833 г. – Ю. К.)? "Романы Загоскина сделались уже народной гордостью". Каково? Да за кого же г. объявитель русский народ принимает?» [19].

Денис Васильевич оказался провидцем. После выхода в свет «Истории Пугачевского бунта» Пушкин лично передал ему экземпляр, приложив посвященное Давыдову стихотворение с такой концовкой:

Вот мой Пугач; при первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой;
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой [20].

Между тем, годы брали свое, Давыдов начал прихварывать. Однако по-прежнему работал над пользующимися успехом статьями, много читал, переписывался с друзьями, литераторами, издателями. К примеру, он с ностальгией напомнит В. А. Жуковскому о ранее подаренном двухтомнике и памятной встрече в столице: «Любезнейший друг Василий Андреевич! У меня есть экземпляр сочинений твоих самого первого издания, подаренный мне тобою и с подписью твоей руки <...> Я не могу забыть приятнейшего вечера и утра, проведенных у тебя, и вообще краткого, но и веселого пребывания моего в Петербурге. Я как будто снова отскочил в прошедшее, встретясь с тобой и Вяземским, товарищами лучших дней моей жизни!..» [21].

«Стихотворения Василия Жуковского» были изданы в Петербурге в 1815–1816 гг. и содержали в двух частях около 80 произведений, в том числе элегию «Славянка», один из шедевров романтической лирики. Кстати, члены общества «Арзамас» носили прозвища, взятые из баллад Жуковского. Так, Давыдов получил прозвище Армянин, Вяземский – Асмодей, Пушкин – Сверчок, а сам Жуковский – Светлана. С 1826 по 1841 гг. Василий Андреевич был наставником наследника российского престола, будущего императора Александра II, освободившего крестьян от крепостной зависимости.

После прочтения книги Языкова, Пушкина и Жуковского заняли самое почетное место в библиотеке Дениса Васильевича.

Давыдов поддерживал дружеские отношения и обменивался книгами с корифеем российской поэзии, уроженцем с. Богородское Сызранского уезда Симбирской губернии И. И. Дмитриевым. Иван Иванович начал службу рядовым в гвардии, на исходе XVIII в. вышел в отставку полковником и издал 2 сборника – «Мои безделки» и «Карманный песенник». В начале XIX столетия занимал высокие посты министра юстиции и члена Государственного совета, выпустил полное собрание сочинений в трех частях. Последние годы жизни он провел почти безвыездно в Москве, отлучаясь лишь на короткое время на родину.

В ноябре 1836 г., незадолго до своей кончины, Дмитриев писал из первопрестольной: «Готов служить вам, милостивый государь Денис Васильевич, и впредь книгами, лишь бы получать замечания ваши на каждую. Я и не ожидал ничего доброго от Салтыка; да и чему дивиться, когда мы сами шепчем про себя, или, что и того хуже, увлекаемся нашими недоброхотами. Спасибо вашему Русскому сердцу! Да здравствует Доблестный Русский Поэт и воин! Преданный ему всею душою И. Дмитриев» [22].

Много времени Давыдов уделял воспитанию подраставших детей. Будучи, по свидетельству старшего сына, примерным семьянином и любящим отцом, Денис Васильевич не щадил усилий, чтобы дать детям хорошее образование. Старшего сына он надеялся поместить в Институт инженеров путей сообщения, второго готовил в Училище правоведения. Ему пришла в голову мысль все заработанные литературным трудом деньги употреблять на покупку книг детям и на жалованье учителям. Среди книг, помимо грамматики и арифметики, несомненно были знаменитые басни И. А. Крылова и прелестные сказки А. С. Пушкина, а также его «Капитанская дочка».

«Мне хочется, – признается он военному писателю и историку

А. И. Михайловскому-Данилевскому, – чтобы в совершенном возрасте сыновей моих они знали, что на воспитание их употреблены были не одни деньги пшеничные, но и те, которые я приобретал головою» [23].

Библиотекой Давыдова пользовались не только хозяин с супругой и старшие сыновья, но также домашние учителя, включая французов. Денис Васильевич обменивался книжными новинками с некоторыми просвещенными помещиками, жившими неподалеку. С особой теплотой относился он к братьям Бестужевым, в их имении Репьевка была создана замечательная порода крупного рогатого скота, получившая известность как «бестужевская». Дружил с одним из братьев, Алексеем Васильевичем, человеком весьма образованным, несколько трехлетий подряд избираемым предводителем дворянства Сызранского уезда. Сближали этих людей как любовь к чтению, так и увлечение гончими. Недаром одно из писем в Репьевку Давыдов начнет с такой фразы: «Благодарю за книги, любезнейший Алексей Васильевич» [24].

Наведываясь в родовое имение братьев Языковых, Давыдов по доброму завидовал их богатейшей библиотеке с редкими изданиями. В один из мартовских дней, с трудом дотащившись из Языкова в санях по весенней распутице в родную Мазу, Денис Васильевич сообщит: «...Я нашел здесь кипу номеров "Journal des Debats", "Инвалида" и экономических журналов, меня дождавшихся, – но "Наблюдателя" не нашел; видно почтамт ошибкою доставляет его в другое место. Также не нашел и "Библиотеки для чтения": я полагаю, что Сенковский с сердцов за мои на него выходки, не хочет присылать; ибо прежде журнал этот присылал мне даром» [25].

У Давыдова, как «следствие бивуачной жизни», обострился застарелый ревматизм и проявилась астма. Денис Васильевич был вынужден посещать опытных докторов в Москве, ездить в Пензу к славившемуся там гомеопату Петерсону и к его коллеге Клейнеру в Саратов. С Языковым, у которого, несмотря на сравнительно молодой возраст, тоже резко пошатнулось здоровье, они обменивались медицинскими новостями из гомеопатии. Этот способ лечения болезни заключался в применении малых доз тех лекарств, которые в больших дозах вызывают у здорового человека признаки данной болезни. Николай Михайлович, большой знаток немецкого языка, пытался переводить некоторые из сочинений на указанную тему.

В середине ноября 1835 г. Денис Васильевич напишет ему из Мазы: «Что наши заграничные гомеопаты? Мне кажется, что *ladiscoog-deestaucamp*. По крайней мере наука не подвигается, а остановилась.

Мне Бюллюзар наслал кипы гомеопатических книг и я в них копаюсь с любовью» [26].

Помимо присланных книг, Давыдов не без помощи Языкова приобрел еще две, переведенные с немецкого языка: К. Гартлауб. Краткое начертание способа гомеопатического лечения болезней. Санкт-Петербург. 1832; Ф. Гартман. Терапия острых болезней по гомеопатической системе. Москва. 1835.

Таким образом, в его библиотеке рядом с собственными сочинениями и произведениями друзей-литераторов, мемуаров французских и отечественных военачальников, увлекательных романов и веселых комедий, появилась специальная литература по гомеопатии. Там же разместились альманахи и журналы, которые выписывал хозяин в 1820-е и 1830-е гг. Среди них были издаваемый Н. И. Гречем «Сын Отечества» за 1823–1828 и 1832 гг., «Литературный листок» Ф. Б. Булгарина за 1824 г., «Московский вестник» М. П. Погодина за 1829 г., а также несколько номеров журналов «Атеней», «Телескоп», «Библиотека для чтения» и, конечно же, пушкинский «Современник».

Книжное собрание Давыдова было известно не только помещикам из близлежащих сел, его книгами интересовались представители высших слоев общества из больших городов. 23 декабря в письме, отправленном из Мазы своему другу, саратовскому губернскому предводителю дворянства князю А. Б. Голицыну, Денис Васильевич, в частности, заметит: «На последней почте я послал тебе и К. Яблоновскому Бурьена и несколько книжек моего разбора. Получил ли ты все это? Когда прочтешь Бурьена, то пожалуйста немедленно возвратите» [27].

1 февраля, собираясь по делам в Москву, в другом послании князю Голицыну Давыдов делает любопытную приписку: «Скажи Софье Александровне, чтобы романы мною ей присланные они у себя хранили до моего приезда. Переписка стихов моих еще не кончена, по приезде кончу и ей доставлю» [28]. Упомянутой саратовской красавицей С. А. Кушкиной поэт был некоторое время увлечен и посвятил ей ставшее известным стихотворение «Душенька».

К первой годовщине скоропостижной кончины Дениса Васильевича, случившейся 22 апреля 1839 г., в столице были изданы его «Сочинения в стихах и прозе». Издание в трех частях оказалось не полным, отсутствовали последние статьи. Две большие тетради и отдельные листы, на которых они были написаны, напоминали «иероглифы по трудности их чтения от беспрестанных помарок» автора. Времени для переписывания набело просто не хватило.

Вдова Давыдова еще долго жила в Верхней Мазе, пока не подросли младшие дети. В 1845 г. Софья Николаевна построила в селе взамен старой и ветхой деревянной церкви каменный храм на три престола. Один из престолов, в правом теплом приделе, освятили во имя святой мученицы Софии и трех ее дочерей Веры, Надежды и Любви. Сохранением семейного архива озаботился старший сын, штабс-капитан Василий Денисович Давыдов, сложивший все бумаги в сундук «до поры, до времени». В 1860 г. ему вместе с братом, полковником Денисом Денисовичем Давыдовым, удалось подготовить и издать в трех томах сочинения отца.

Несколько книг со стихами и прозой отца братья Давыдовы прислали в Симбирск для пополнения открытой в 1848 г. Карамзинской общественной библиотеки. Комитет библиотеки во главе с председателем А. П. Языковым, племянником поэта, распорядился поместить их в «особом приличном шкапу» рядом с произведениями других писателей-симбирян: С. Т. Аксакова, И. А. Гончарова, Д. Д. Минаева, Н. М. Карамзина, Н. М. Языкова [29].

Василий Денисович Давыдов активно сотрудничал с историческим журналом «Русская старина», который в 1870 г. начал издавать в столице М. И. Семковский. В июньском номере журнала за 1871 г. появились «памятные записки» В. Д. Давыдова, слышанные им как от отца, так и самолично, и «весьма характеризующие нравы и обычаи времен царствования Елизаветы Петровны и Павла Петровича» [30]. Спустя год в набиравшем популярность журнале были опубликованы «Воспоминания» о польских событиях Д. В. Давыдова и его биография, автор которой постарался «рельефнее очертить как литературные, так боевые труды <...> отца» [31]. Опубликованные Василием Денисовичем в «Русской старине» материалы посылались автором на родину, в Верхнюю Мазу. Летом 1884 г. в журнале появилась большая статья «Памяти Дениса Васильевича Давыдова», посвященная 100-летию со дня его рождения. В том же номере была напечатана подборка писем поэта-гусара к братьям Языковым, которые заботливо сохранил старший сын.

Еще раньше по настоянию матери в верхнемазинском доме поселился и занялся управлением всеми именьями Давыдовых второй по старшинству брат, Николай Денисович Давыдов, вместе с женой Софьей Петровной, урожденной Бестужевой, и детьми. Здесь часто бывали многочисленные родственники, приезжала и сама Софья Николаевна. Для гостей устраивали спектакли в саду, иллюминации, декламацию стихов, так что библиотека оказалась как нельзя кстати. Однако счастли-

вые дни нежданно-негаданно обернулись в тревожные. При очередных родах Софья Петровна сильно испугалась, с ней сделался припадок. Ее пытались лечить, возили к столичным докторам и за границу на морские курорты, но самое страшное все-таки случилось в июне 1877 г.

«Я в тот день читала с ней на балконе Мазинского дома вслух "Горе от ума", когда она почувствовала себя нехорошо, – вспоминала одна из дочерей. – Она послала меня за горничной Машей, у которой были капли, которые иногда останавливали припадок. Помню как я, не добежав до ее комнаты, услышала раздирающий душу крик... и я замерла на месте. Мимо меня пробежала Маша, старушка няня, не помню кто еще; побежали за моим отцом, который купался с братьями в саду; потом кошмарное ожидание и наконец слезы отца, принужденного нам сказать, что мать скончалась...» [32].

Эту известную комедию в стихах, во время чтения которой в Мазе случилась трагедия, писатель и дипломат А. С. Грибоедов сочинял несколько лет и в нескольких редакциях. Завершить ее удалось летом 1824 г., когда он, будучи секретарем по иностранной части при главнокомандующем А. П. Ермолове на Кавказе, отпросился в длительный отпуск. Однако сценическое исполнение комедии было запрещено цензурой, лишь разрешили напечатать несколько отрывков в альманахе «Русская Талия». Первое издание «Горя от ума» вышло в 1833 г. в Москве, когда автора уже три года не было в живых. Александр Сергеевич служил посланником при дворе шаха в Тегеране и своими не вполне продуманными действиями вызвал негодование персов. Возмущенные фанатики зверски убили Грибоедова и еще около сорока человек, ворвавшись в посольство.

«Так окончил жизнь наш знаменитый писатель, который мог еще долго и с большой пользой подвизаться на литературном поприще, – заметит впоследствии Давыдов, находившийся с Грибоедовым в близких отношениях и хорошо знавший его военные статьи, стихи и пьесы. – Грибоедов, терзаемый под конец своей жизни бесом честолюбия, заглушил в сердце своем чувство признательности к лицам, не могшим быть ему полезными; но за то он не пренебрег никакими средствами для приобретения полного благоволения особ, кои получили возможность доставить ему средства к удовлетворению его честолюбия; это не мешало ему, посещая наш круг, строго судить о своих новых благодетелях. Тяжело разочароваться насчет кого бы то ни было, но еще более относительно личностей, столь щедро одаренных природой!» [33].

После похорон супруги Николай Денисович Давыдов как-то сразу

постарел и не находил себе места. Бабушка, Софья Николаевна, взяла четверых оставшихся без матери внуков под свое покровительство и сняла им квартиру рядом с собой, на Невском проспекте. Николай Денисович остался жить в Мазе, лишь изредка навещая родных в Петербурге. После кончины в 1885 г. его упокоили рядом с женой в склепе, находящемся в ограде Покровской церкви. Барский дом несколько лет пустовал, лишь изредка приезжали в Мазу уже повзрослевшие дети, чтобы навестить последний приют родителей. По их распоряжению зимой в доме обязательно топили печи, дабы не испортились книги, мебель и обои.

В 1890 г. состоялся раздел наследственного имущества между двумя сыновьями и двумя дочерьми, внуками Дениса Васильевича. Верхнемазинское имение, включающее в себя 6061 десятину 1306 сажень земельных угодий с домом, водяной мельницей и другими постройками унаследовал поручик Николай Николаевич Давыдов. Поручику Петру Николаевичу Давыдову отошло имение при селе Благодатное Хвалынского уезда Саратовской губернии, состоящее из 4235 десятин 200 сажень земли с домом и хозяйственными заведениями. Вскоре братья женились и оставили военную службу, заделавшись успешными помещиками.

В обществе братья Давыдовы пользовались уважением. Так, Николай Николаевич несколько трехлетий избирался сызранским уездным предводителем дворянства, а Петр Николаевич – предводителем дворянства Хвалынского уезда и даже, как заверяла его сестра Софья Николаевна Буторова, в девичестве Давыдова, саратовским губернским предводителем дворянства. В 1911 г. действительный статский советник Н. Н. Давыдов был представлен к ордену святого Владимира 3-й степени. На следующий юбилейный год ему как потомственному дворянину, предки которого принимали участие в войне 1812 г., были выделены казенные средства на ремонт дома в Верхней Мазе [34].

После смерти Василия Денисовича Давыдова о семейном архиве заботился сын его, Денис Васильевич, скончавшийся в 1897 г. Его вдова передала весь материал двоюродному брату покойного, вышеупомянутому Петру Николаевичу Давыдову в с. Благодатное, который пополнил архив еще многими письмами и документами. Библиотека, как и прежде, находилась в Верхней Мазе у Николая Николаевича Давыдова, и делилась на 8 отделов с 9 подотделами. Причем 1540 имевшихся книг распределялись следующим образом: «Во французском историческом отделе – 237, во французском военном – 43, русских исторического и духовного содержания – 62, и прочее» [35].

ЕЩЕ РАЗ ОБ УБИЙСТВЕ ГУБЕРНАТОРА К. С. СТАРЫНКЕВИЧА¹

1 октября в Верхней Мазе с давних пор отмечали престольный праздник с торжественным богослужением и веселым застольем. Однако революция 1917 г. внесла в деревенскую жизнь свои ужасные перемены. На следующий год на Покров местные крестьяне, поощряемые новой властью, сначала разграбили дом Давыдовых, а потом сожгли его вместе с остатками библиотеки и мебели...

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 194. Оп. 1. Д. 71. Л. 2.
2. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. I. – Санкт-Петербург, 1893. – С. 1.
3. Там же. С. 2–3.
4. Там же. С. 13.
5. Жерве В. В. Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. Очерк его жизни и деятельности 1784–1839 гг. По материалам семейного архива и другим источникам. – Санкт-Петербург, 1913. – С. 75.
6. РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 107. Л. 50 об.
7. Жерве В. В. С. 101.
8. Русская старина. 1872. Кн. IV. С. 638.
9. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 41. 10 Там же. С. 36.
11. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОН). Ф. 219. Оп. 45. Д. 10. Л. 1.
12. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 79.
13. Там же. С. 173.
14. Там же. С. 176.
15. Там же. Т. I. С. 6–7.
16. РГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 65. Л. 23.
17. Жерве В. В. С. 139.
18. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 182.
19. Там же. С. 186.
20. Жерве В. В. С. 143.
21. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 217.
22. РГБ ОР. Ф. 479. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
23. РГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 71. Л. 45.
24. Русская старина. 1891. Т. 71. С. 376.
25. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. III. С. 185.
26. Там же. С. 209.
27. РГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 67. Л. 13.
28. Там же. Л. 13 об.
29. Библиотека в документах, письмах, воспоминаниях 1848–1990 гг. – Ульяновск, 2008. – С. 166.
30. Русская старина. 1871. Т. VI. С. 782.
31. Там же. 1872. Т. IV. С. 624.
32. Бузаев Д. Е. Очерки по истории села Верхняя Маза Сызранского уезда (кон. XVII – нач. XX вв.). – Ульяновск, 2014. – С. 92, 93.
33. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. II. С. 195, 196.
34. ГАУО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 517. Л. 176.
35. Жерве В. В. С. 120.

Покушение на К. С. Старынкевича хорошо известно и описано в краеведческой литературе. 21 сентября 1906 г. неизвестный бросил в Константина Сократовича бомбу, 23 сентября губернатор умер. Кто же совершил данный теракт? Официальное следствие оказалось безрезультатным. В советском краеведении утвердилось мнение, что убийцей был эсер М. Зефиров. Единственным источником этого явились мемуары одного из руководителей симбирской группы РСДРП в 1904–1906 гг. В. В. Рябикова, напечатанные в 1925 г., где в качестве убийцы губернатора называется М. Зефиров («удачно брошенной студентом Зефириным бомбой наш Симбирский помпадур Старынкевич был обращен в котлету») [1, с. 55]. При этом в мемуарах отмечается, что М. Зефиров, скрываясь от властей, уезжал из Симбирска на том же пароходе, что и В. В. Рябиков, то есть оба революционера виделись лично.

Комплекс документов, прежде всего, архивных, позволяет реконструировать события, связанные с убийством, при этом возможными убийцами оказываются другие лица. Картина рисуется следующая.

Орудие убийства, самодельную бомбу, заблаговременно доставили в Симбирск из Казани. Сделать эффективную бомбу собственного приготовления оказалось делом весьма сложным и опасным. Одновременно с эсерами собственные бомбы изготавливали социал-демократы, значительно преуспевшие в этом деле. Член РСДРП Б. А. Кабанов вспоминал: «Оболочки к бомбам были приготовлены на заводе Соколова самими рабочими без ведома хозяина, взрывчатые вещества приготавливал Кролюницкий на своей квартире <...> Бомбы пробовали. Они оказались страшной силы» [2, с. 23].

Затем инициативу в деле создания бомб перехватывают эсеры, с которыми социал-демократы поделились рецептом [1, с. 52]. Однако собственную бомбу эсерам в Симбирске сделать так и не удалось. Помог их товарищ по партии М. Зефиров, обучавшийся в Казани. На квартире, которую он снимал в Суконной слободе, он устроил целую мастерскую по производству этих смертоносных снарядов [3, ф. 76, оп. 1, д. 764,

¹ Доклад был представлен на конференции «История и современность Симбирского-Ульяновского края. Итоги краеведческого года» 28.03.2014 г.

л. 57]. Изготовленную им бомбу привезла в Симбирск его сожительница молодая эсерка Роза.

Испытание бомбы, проходившее за р. Свягой в августе 1906 г., закончилось гибелью Розы. Это не остановило эсеров. М. Зефиров в Казани изготовил новое орудие убийства. 21 сентября произошло покушение.

Начальник ГЖУ полковник Ловягин совершенно не владел ситуацией и не мог дать реальные сведения о планах революционеров губернскому руководству. Неудивительно, что вице-губернатор А. М. Арцибашев в донесении П. А. Столыпину, отправленному 22 сентября, писал, что «не было никаких оснований предполагать покушения» [3, ф. 76, оп. 7, д. 309, л. 7.]. В день убийства власти провели многочисленные обыски, арестовали 6 подозреваемых, но улики против них не смогли отыскать практически никаких. Сады по склону Волги, куда бежал убийца, срочно оцепили полиция, солдаты и кавалерия, но безрезультатно.

5 ноября 1906 г. в Карсунском уезде арестовали эсера Н. А. Назарова, имевшего раны, похожие на те, которые мог бы получить террорист от взрыва своей же бомбы. Известно было, что он с октября 1906 г. состоял в боевой дружине. Это, характер ран, а также внешность, похожая на боевика, заставило власти предъявить ему обвинение в убийстве. Для опознания Н. А. Назарова предъявили городовому, бывшему на месте преступления. Тот дал двойные показания. С одной стороны он заявил, что убийца был совершенно белокур, а этот темно-русый, у того чуть пробивающаяся борода, а у этого бороды нет совсем. Однако ж по фигуре обвиняемый похож на убийцу и одного с ним возраста [3, ф. 76, оп. 1, д. 109, л. 18 об.]. В итоге власти не смогли доказать вину Н. А. Назарова, но по другим обвинениям его все же осудили и он находился в тюрьме еще в 1911 г.

Не смотря на то, что преступление произошло в центре города, среди бела дня, при свидетелях, боевика так найти и не удалось. До 1917 г. никаких официальных или иных публикаций, проливающих свет на проблему, не появлялось. Как уже отмечалось, в 1925 г. В. В. Рябиков в качестве убийцы назвал М. Зефирова. Насколько верны слова В. В. Рябикова?

Михаил Зефиров, сын карсунского протоиерея, в 1906 г. учился в Казанском университете. В августе 1906 г., спасаясь от ареста, М. Зефиров скрылся, перейдя на нелегальное положение. В сентябре 1907 г. он находился на свободе и вполне мог проживать в Симбирске. Так же допустимо, что В. В. Рябиков и М. Зефиров вместе уезжали из города на пароходе. Однако производство бомб являлось делом сложным, их

изготовление порою приводило к тому, что взрывались сами «умельцы». Настоящих специалистов ценили. М. Зефиров относился к их числу. Поэтому маловероятно, что он лично являлся исполнителем теракта. В. В. Рябиков мог спутать «убийцу Зефирова» – бомбометателя и также фактически убийцу Зефирова – изготовителя бомбы. Как увидим позднее, не упоминается М. Зефиров и в агентурных донесениях. Может быть, каким-то образом из воспоминаний В. В. Рябикова выпало слово «изготовленной» и нужно читать «удачно брошенной изготовленной студентом Зефировым бомбой». М. Зефиров вскоре погибнет в Казани при взрыве изготавливаемой им новой бомбы.

Между тем, в фондах симбирского губернского жандармского управления есть дела, позволяющие, на наш взгляд, по-новому посмотреть на проблему идентификации убийцы. Но вначале – вот о чем. Вскоре после убийства К. С. Старынкевича в городе сменилось два начальника жандармского управления. С осени 1907 г. им стал полковник Шабельский. Он, специально не занимаясь убийством 21 сентября 1906 г., тем не менее, через агентуру отслеживал данные о том преступлении. Жандармские управления соседних губерний также держали в уме данное деяние. Первые агентурные сведения о том убийстве получил начальник самарского жандармского управления М. П. Бобров, который еще весной 1907 г. доносил коллегам в Симбирск, что в убийстве К. С. Старынкевича участвовали три человека: некто по кличке Козырь, Буреев по кличке Некормленный и Петр [3, ф. 855, оп. 1, д. 774, л. 6.].

Кто такие эти лица? Все трое – уроженцы с. Засарье Алатырского уезда Симбирской губернии, ранее находившиеся в сфере внимания жандармерии. Козырь – это Андрей Никитич Антонычев, который весной 1907 г. сидел в симбирской тюрьме по обвинению в поджоге дома в соседнем с. Сара и убийстве на пожаре одного из крестьян. Дело было заведено 19 октября 1906 г., а сами события, повлекшие арест, произошли 2 октября. Кроме А. Н. Антонычева, как члены одной преступной группы в деле упоминалось еще несколько жителей Засарья, в том числе Александр Афанасьевич Завалев [3, ф. 76, оп. 9, д. 73, лл. 5, 21–22]. Молодые засарские крестьяне во главе с проживающим в Промзино Алатырского уезда Потапом Григорьевичем Скородумовым еще в 1905 г. организовали устойчивую эсеровскую группу, на счету которой было несколько вооруженных грабежей окрестных сельчан. В сентябре того же года П. Г. Скородумова арестовали в Тамбове и с октября руководство взял на себя А. А. Завалев. Группа отличалась сплоченностью, решительностью и жестокостью, они держали в страхе целые деревни. Это сообщество

или несколько его членов вполне могло быть привлечено городскими эсерами для осуществления убийства губернатора. Некормленный – это Иван Бурев, работавший учителем школы грамоты в Цыгановке, пока за революционную пропаганду крестьян не был арестован, после чего просидел 4 месяца в тюрьме Алатыря. Петр – Петр Павлович Скамиров, также работавший учителем (с. Налитово). Во время совершения убийства К. С. Старынкевича все трое, упоминавшиеся М. П. Бобровым, находились на свободе.

Новая подвижка в раскрытии преступления имела место в июне – июле 1907 г. В мае 1907 г. упоминавшийся Александр Завалаяев на территории с. Засарья убил урядника и по горячим следам был арестован. При аресте у него нашли самодельную бомбу, а наличие бомб было редкостью для уездных эсеровских групп. Вместе с ним власти схватили его сожительницу Надежду Кантышеву, которая начала давать показания. Она рассказала, что А. А. Завалаяев состоял членом партии эсеров и что существовала шайка в составе ее сожителя, его брата Сергея, Андрея Антонычева по кличке Козырь, Александра Каранова (все из Засарья), и жителей соседних населенных пунктов Ивана Буреева, Ивана Панферова, Потапа Скородумова, Якова Кузнецова и Федора Лушников [3, ф. 76, оп. 6, д. 294, лл. 9, 9 об].

Дальше – больше. Будучи пьяной, Кантышева разговорилась со своими сокамерницами и поведала им, что бомбу в губернатора бросил ее сожитель. Происходил этот разговор в июне 1907 г., а в августе Н. Кантышеву выслали на 3 года в Тобольскую губернию. И. Бурев бежал из-под стражи. А. Н. Антонычева арестовали вскоре после убийства К. С. Старынкевича, и Казанский военно-окружным суд в ноябре 1907 г. приговорил его к 20 годам каторжных работ. В конце 1907 г. по приговору того же суда повесили А. А. Завалаяева. Участие в убийстве губернатора не фигурировало в списке его преступлений. Основания к выдвижению обвинения были недостаточны.

В сентябре 1907 г. тогдашний руководитель эсеров Симбирска М. Филиппов в разговоре сказал своему товарищу по партии М. Меркулову (он же тайный осведомитель жандармерии по кличке Иванов), что убийца К. С. Старынкевича сидит в тюрьме по обвинению в ограблении какой-то лавки [3, ф. 855, оп. 1, д. 772, л. 18.]. Среди других возможных убийц губернатора лишь А. А. Завалаяев и А. Н. Антонычев сидели тогда в тюрьме.

Долгое время новых сведений не появлялось, на отдельных обрывочных сведениях трудно было строить какие-либо утверждения. Но вот в 1910 г. раскаялся и стал давать показания содержавшийся в Казанской

тюрьме боевик регионального масштаба А. А. Никольский, уроженец Симбирска, начинавший здесь свою революционную деятельность. По поводу убийства К. С. Старынкевича он показал следующее: «Осенью, в сентябре, числах 4–5 ...обсуждали план убить губернатора Старынкевича, были нас я, П. Н. Пятницкий, Козел, Алексей-слесарь, М. Петров и двое семинаристов, один высокий, звать Фаддей <...>, другого звали Василий <...> От одного чиновника, служащего в канцелярии губернатора, Пятницкий узнал, что губернатор скоро должен быть в Губернском присутствии на заседании, и около здания Присутствия можно его хорошо без потери убить. Но так как в то время состоял я на должности писцом в Симбирском губернском правлении и не мог отлучиться, то я отказался, но слышал, что приехали новые дружинники, крестьяне Симбирской губернии <...>, во главе начальник – кличка Некормленный, а других звали, кажется, Александр, Федор, Сергей и Федор, после чего, то есть 22 сентября был убит губернатор» [3, ф.855, оп. 1, д. 994, лл. 23–24.]. Необходимо отметить, что вне зависимости от данного фрагмента, прочие показания экс-террориста, касающиеся тех дел, к которым он имел отношения, соответствуют действительности.

Данные 1907 и 1910 гг. довольно близки друг к другу. И там, и там убийство связано с боевиками из Засарья. Приводимые Никольским имена можно соотнести с участниками той группы. Александр – это А. А. Завалаяев, Федор – это Лушников, Сергей – это С. А. Завалаяев. При этом хочется отметить, что руководитель террористической группы именно руководит, а не является непосредственным исполнителем, так что И. Буреева (Некормленный) вряд ли можно считать тем самым бомбистом.

Откровения А.А. Никольского не были новостью для полковника Шабельского. Используя, вероятно, устные показания агентуры, он рисует начальнику ГЖУ Казанской губернии такую картину убийства. Главные участники убийства – А. А. Завалаяев, П. Пятницкий (убежавший за границу и в Симбирск более не вернувшийся) и А. Н. Антонычев – Козырь. Бомбу бросил А. А. Завалаяев, который был сам ранен осколком, и, поддерживаемый П. Пятницким и А. Н. Антонычевым, бежал в находящийся рядом архиерейский сад. Бомбу изготовил в Казани, в подпольной лаборатории в Суконной слободе студент Михаил Зефирин.

А несколько десятилетий спустя после убийства губернатора житель с. Засарье С. Мазанов, не знакомый с названными архивными делами, рассказал корреспонденту районной газеты «Голос колхозника» о том, что К.С. Старынкевича убил А. Н. Антонычев, а ближайшим помощни-

ком его был И. Бурев [4, 1991 г., 3 сент.]. Их односельчанин безусловно мог знать какие-то подробности, встречаться после 21 сентября 1906 г. с теми же А. Н. Антонычевым, И. Буреевым, А. А. Завалеевым, а после февраля 1917 г. с приехавшим на родину Козырем. Он верно назвал среди участников покушения обоих эсеров, но их же было не двое, а больше. Прочие названы не были. Среди них был и А. А. Завалеев.

Все приведенные независимые друг от друга сведения из Самары, Казани, Симбирска и Засарья сходятся в главном – осуществили убийство боевики из Алатырского уезда, среди которых были жители Засарья. Вероятный убийца – член этой группы А. А. Завалеев.

Источники

1. Рябиков В. В. Симбирские большевики в 1903–1906 гг. // 1905 год в Симбирске. – Симбирск, 1925.
2. т. Борис (Кабанов Б. А.) Симбирская группа РСДРП // Красная летопись – Симбирск, 1923.
3. Государственный архив Ульяновской области.
4. Сурская правда.

А. В. ЛОБКАРЁВА

НОВЫЕ ВЕТВИ РОДА ГОНЧАРОВЫХ

Традиционно живущие в родном городе И. А. Гончарова исследователи его жизни и творчества собирали материал о близких родственниках писателя. М. Ф. Суперанский (1864–1930), видный историк Симбирского края, один из первых биографов писателя, ввел в научный оборот «Автобиографию» И. А. Гончарова 1867 г., описал «Летописец» семьи Гончаровых, впервые опубликовал многие письма И. А. Гончарова. М. Ф. Суперанский разыскал лиц, близких Гончарову, и под его влиянием они написали воспоминания, которые он опубликовал в толстых столичных журналах 1900-х гг. Суперанский же стал собирать документы о брате и сёстрах Гончарова.

Эту традицию продолжил П. С. Бейсов (1906–1976) – доцент кафедры литературы Ульяновского пединститута, известный ульяновский литературовед и краевед. Ему принадлежит авторство книги «Гончаров и родной край», которая выдержала два издания и известна сегодня гончарововедам во всём мире. В своей книге П. С. Бейсов посвятил отдельные главы брату писателя Николаю Гончарову и его сёстрам: Александре Кирмаловой и Анне Музалевской.

Большой вклад в составление родословной Гончаровых, выявление и сбор материалов о разных поколениях членов этой семьи внесла Ю. М. Алексеева (1945–2013), научный сотрудник музея И. А. Гончарова, созданного в Ульяновске в 1982 г. Она установила и поддерживала самые тесные контакты с современными потомками Гончаровых.

С чувством глубокой признательности следует отметить, что все поколения родственников писателя принимали активное участие в увековечивании памяти И. А. Гончарова. Переданные ими родному городу документы, письма, вещи составили основу коллекции гончаровских реликвий, которой по праву гордятся земляки романиста. Родственники писателя принимали прямое участие в подготовке 100-летнего юбилея И. А. Гончарова на его родине в 1912 г. А их потомки помогали создавать экспозицию музея И. А. Гончарова и участвовали в торжествах, посвящённых 200-летию писателя.

Ещё в начале XX в. представители семьи Гончаровых жили в Симбирской губернии. Дети сестры писателя Александры Кирмаловой, владелицы с. Хухорево Ардатовского уезда Симбирской губернии, жили в родном имении до 1917 г. Племянники И. А. Гончарова Виктор и Владимир Кирмаловы были чиновниками в Симбирской губернии. Сохранились письма И. А. Гончарова к семье Кирмаловых, полные заботы и добрых чувств. Сегодня потомки этой ветви рода Гончаровых живут в Москве, Петербурге, Н. Новгороде. Когда в Симбирске возникла мысль о создании музея писателя на его родине, Кирмаловы передали родному городу бесценные для музея документы и вещи.

В 1991 г. сотрудники музея И. А. Гончарова после долгих поисков нашли потомков старшего брата писателя Николая. Дети его, сыновья Александр и Владимир, служили в Поволжье – Самаре, Казани, Н. Новгороде. Единственная внучка Н. А. Гончарова Елизавета Александровна Гончарова училась в университете Нанси (Франция) и в 1907 г. вышла замуж за профессора математики Поля Симона. В наши дни во Франции живут многочисленные потомки их сыновей: Александра, Луи, Бориса и Романа.

Младшая сестра писателя Анна Музалевская с мужем и дочерью уехала из родного города в 1864 г. в Москву, где и сегодня живут её потомки. Единственная дочь Музалевских Евдокия Петровна вышла замуж за московского врача Юлия Александровича Левенштейна. В их семье было семеро детей: три дочери – Анна, Екатерина, Елизавета и четыре сына – Александр, Михаил, Пётр, Владимир. Буквально до 2010 г. сотрудники музея знали только о потомках Музалевских по линии Владимира

Анна Александровна
Музалевская

Михаил Юльевич
Левенштейн

Петр Юльевич
Левенштейн

Юльевича и Елизаветы Юльевны (в замужестве Клумовой), живущих в Москве. Владимир Юльевич был военным, принимал участие в войне 1914 г., когда из патриотических чувств он сменил фамилию Левенштейн на Музалевский. Его сын Владимир Владимирович Музалевский передал музею Гончарова подлинное письмо писателя к сестре Анне Александровне, живописные портреты Анны Александровны и её мужа Петра Авксентьевича Музалевских, вещи из дома Музалевских, где писатель останавливался во время приезда в Симбирск в 1862 г. и работал над романом «Обрыв».

В 2010 г. после размещения сотрудниками музея в интернете информации о родословной Гончаровых в музей обратилась Екатерина Маратовна Панфилова, праправнучка Евдокии Петровны и Юлия Александровича Левенштейнов. Сотрудникам музея было известно, что один из сыновей Левенштейнов – Михаил Юльевич – умер в 1920 г., и думали, что у него не было детей. Михаил Юльевич – был врач-психиатр, имел в Петровско-Разумовском психиатрическую больницу. После революции передал её государству. В период гражданской (и Первой мировой войны) находился на фронте и умер от тифа, будучи военврачом.

Жена Михаила Юльевича актриса Екатерина Викторовна Неелова происходила из семьи театральных деятелей. Оказалось, у них была единственная дочь Елена (1902–1976). Сейчас в Москве живут правнучки Елены Михайловны Елена Игоревна Панфилова и Василий Анатольевич Сахновский, которые продолжают театральную традицию семьи.

Екатерина Маратовна – дочь Елены Игоревны Панфиловой. Панфиловы передали в музей копии фотографий сестры писателя Анны Александровны, её дочери, зятя и детей. Сейчас многие из переданных фотографий представлены в экспозиции ИМЦМ И. А. Гончарова.

Особенно ценными являются фотография Анны Александровны, сестры Гончарова, в старости и фотографии её дочери Евдокии Петровны в юности. Стали известны музею и новые сведения о представителях этой семьи.

Гончаров был дружен с младшей сестрой и переписывался с ней буквально до последних дней жизни. Он также хорошо знал дочь Анны Александровны Дунечку. Евдокия Петровна в своих воспоминаниях о писателе рассказала о его приездах в Симбирск: «Первые мои воспоминания о моём дяде относятся к 1855 г., когда мне было всего семь лет. Он тогда вернулся после своего кругосветного путешествия в свой родной город Симбирск, чтобы повидаться со своими родственниками. Я его видела тогда у моих родителей, и в моей памяти сохранились лишь кое-какие отрывочные воспоминания о нём. Помню только, что он много рассказывал о своём путешествии, из которого привёз всем нам подарки, между прочим, замечательные японские картинки на рисовой бумаге. Он был в очень хорошем настроении, был любезен и внимателен ко всем. <...> могу упомянуть <...> о втором его [И. А. Гончарова] приезде, в 1862 г., когда мне было почти четырнадцать лет. Он тогда приехал летом в Симбирск из Петербурга, предварительно предупредив мою мать, что в этом году он не намерен отправиться за границу, <...> а думает на досуге работать в Симбирске над новым романом (утвердительно не могу сказать, но, мне кажется, над "Обрывом"); он спросил мою мать, можно ли будет ему провести у неё лето, чему она, конечно, весьма обрадовалась, так как они с малолетства были между собой очень дружны. Ему, разумеется, отдали самую лучшую комнату в доме и предоставили сад, в котором он проводил большую часть времени, беспрепятственно работая в беседке. Он был очень доволен всем, говоря, что не столько дорожит комфортом, сколько тишиной и свободой для своей работы, что нелегко для него получить в Петербурге. <...>

Он просил, чтобы к нему никого не допускали <...> Это немало огорчало мою мать, которая любила брата и гордилась им».

Немногочисленные сохранившиеся письма Гончарова к сестре свидетельствуют, что он был в курсе жизни семьи сестры и племянницы. В 1877 г. он пишет овдовевшей Анне Александровне «Я за тебя благодарю Бога, что у тебя есть дочь <...> Я верю, что благородное и благодарное

сердце ея и мужа ея, вся семья их – ласками и попечениями поможет тебе успокоиться!».

Благодаря семье Панфиловых, сотрудники музея познакомились с правнуками ещё одного сына Левенштейнов – Петра Юльевича – Ольгой Юрьевной и Евгением Юрьевичем Рябенко. Они живут в Казани и также передали музею электронные копии фотографий и документов о своей семье. Пётр Юльевич (05.10.1872–1933) по образованию юрист. В 1914 г. был призван в действующую армию офицером. В 1915 г. получил чин штабс-капитана. Попал в плен к австрийцам. Сохранилось предание, что когда его вели в плен, он бросил с мостика в воду планшет и револьвер, «чтобы не достался врагу». После революции вернулся на родину, служил юрист-консультантом в кооперации. Пётр Юльевич был дважды женат. В первом браке с Софьей Владимировной Клумовой у него была дочь Наталья; во втором браке с Софьей Михайловной Павловой родился сын Борис. Ольга Юрьевна и Борис Юрьевич Рябенко внуки Бориса Петровича Левенштейна.

Особый интерес представляет формулярный список Ю. А. Левенштейна, мужа Евдокии Петровны. Формулярный список был выдан Левенштейну Московским врачебным управлением в июле 1889 г. Левенштейн происходил из Курляндии, образование получил в Московском университете. Служил лекарем в Преображенской больнице с 1863 г. В ноябре 1870 г. по семейным обстоятельствам ушёл в отставку. В 1879 г. учредил в Москве частную лечебницу для душевнобольных. Ю. А. Левенштейн был знаком с И. А. Гончаровым. О встрече писателя с супругами Левенштейн за границей в Баден-Бадене рассказала Евдокия Петровна в своих воспоминаниях. Правда, в воспоминаниях она пишет, что встреча состоялась летом 1867 г., в формулярном списке указан только один заграничный отпуск Ю. А. Левенштейна – с 11 мая по 11 августа 1868 г. «Радужно и вполне по-родственному встретил он нас, – рассказывала Евдокия Петровна, – по-прежнему называя меня Дунечкой <...>». Она вспоминает, что они провели с Гончаровым почти весь день. Писатель угостил Левенштейнов кофе, показал им достопримечательности и даже «на счастье Дунечки» поставил несколько золотых в рулетку и проиграл их. По словам Евдокии Петровны: «этот день оставил <...> воспоминание чего-то светлого, приятного, родного». Однако Евдокия Петровна также отметила быструю смену настроения Гончарова, которая поразила Левенштейнов. После обеда они втроем гуляли в парке. Внезапно тёмные тучи заволокли небо, почувствовался холодок и сырость, писатель стал молчаливым и напряжённым. Это был период напряжённой работы

Гончарова над романом «Обрыв», и он, если судить по письмам, переживал особенное нервное состояние. Воспоминания Е. П. Левенштейн подтверждают это.

В настоящем сообщении представлена только самая общая характеристика новых материалов в фондах музея о двух выявленных новых ветвях рода Гончаровых. В планах музея Гончарова более детальная научная проработка этих материалов.

Литература

1. Суперанский М. Ф. И. А. Гончаров и новые материалы к его биографии. // Вестник Европы. – СПб. 1907. – № 2. – С. 567–590; 1908. – № 11. – С. 5–48; – № 12. – С. 417–460.
2. Бейсов П. С. Гончаров и родной край. Изд. 2 е. – Куйбышев, 1960.
3. Алексеева Ю. М. Три письма И. А. Гончарова к сёстрам. // Материалы междунар. конф., посв. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск, 1994.
4. Каталог основного фонда музея И. А. Гончарова. – Ульяновск: Дом печати, 1997.
5. Левенштейн Е. П. Воспоминание об И. А. Гончарове. // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. – Ульяновск, 2012. – С. 22–27.
6. Информация на сайте: <http://baza.vgdru.com/1/19029/>

А. С. ЛЯМИН

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АВТОСПОРТА НА ВОЛЖСКОМ АВТОМОБИЛЬНОМ ЗАВОДЕ: 1966–2016 гг.

С 1966 г. на строительство автомобильного предприятия в г. Тольятти начинают приезжать специалисты со всех уголков Советского Союза, среди которых были уже опытные гонщики, принимавшие участие в различных соревнованиях по автомобильному спорту.

В 1967 г., дождавшись вызова, в г. Тольятти из г. Горького уехала целая команда водителей-испытателей КЭО ГАЗ (конструкторско-экспериментальный отдел Горьковского автомобильного завода): Э. Пистуневич, М. Максимов, В. Медянцева, В. Фатеев, Г. Иванов, И. Пугачёв, Н. Сорокин, В. Зимняков, Я. Лукьянов и другие [1, с. 129]. Многие из них уже принимали участие в различных соревнованиях по автоспорту. Например, горьковчанин Николай Сорокин, работавший в управлении главного конструктора (УГК) ВАЗа, был призером чемпионата СССР по линейным гонкам в 1950 г. [2].

Однако, по воспоминаниям конструктора Волжского автозавода Владимира Федоровича Барановского, основателем автоспорта на предприятии по праву можно считать инженера-конструктора, начальника

конструкторского бюро перспективного проектирования (в будущем – общей компоновки) автомобилем УГК Льва Петровича Шувалова. Именно Шувалову с присущим ему энтузиазмом и настойчивостью удалось убедить руководство в важности развития автоспорта на заводе [1, с. 118].

Энтузиазм молодежи, поддерживаемый генеральным директором В. Н. Поляковым и парткомом завода, стремление испытать создаваемую технику и свое мужество позволили во многих структурных подразделениях иметь секции автоспорта [3].

До того момента, как в состязаниях начали принимать участие «Жигули», в распоряжении гонщиков Волжского автозавода находились автомобили различных советских автопроизводителей: гоночная версия автомобилем «Москвич-412» и «Запорожец» (для участия в авторалли), гоночные автомобили «Эстония-15» и «Эстония-16» (для участия в шоссейно-кольцевых гонках). Причем стоит отметить тот факт, что для подготовки к международным соревнованиям по шоссейно-кольцевым гонкам в г. Минске, которые состоялись в мае 1971 г., два автомобиля «Эстония-16М» секции автоспорта ДОСААФ ВАЗа были оборудованы двигателем, сцеплением и некоторыми другими узлами от автомобиля «ВАЗ-2101». В заездах участвовали два гонщика с Волжского автозавода – мастер спорта Лев Шувалов и перворазрядник Виктор Савостин. По итогам соревнований вазовские пилоты не смогли попасть на пьедестал, но выступление на гоночных автомобилях с двигателями от «ВАЗ-2101» в целом было признано удачным [1, с. 118, 174].

Началом славной истории автомобильного спорта на ВАЗе стал апрель 1970 г. Именно тогда команда автогонщиков Волжского автозавода впервые приняла участие в традиционных авторалли «Зори Кубани-70». Экипаж в составе Якова Лукьянова (водитель) и Льва Шувалова (штурман) стал абсолютными чемпионами Северного Кавказа по авторалли. Выступления состоялись на восстановленных автомобилях «Москвич-412», переданных в управление главного конструктора (УГК) ВАЗа по указанию В. Н. Полякова из спорттехклуба ДОСААФ [4, с. 209]. А уже в январе 1971 г. команда автогонщиков ВАЗа впервые выступила в зимнем первенстве СССР по авторалли, которое проходило в г. Риге [4, с. 256].

Дебют гонщиков автозавода уже на автомобилях «Жигули» состоялся в феврале 1971 г. на командном Чемпионате СССР по авторалли «Прибалтика-71» [4, с. 259]. После этого тольяттинские гонщики выходят на международную арену автоспорта. В октябре 1971 г. командой водителей-испытателей «ВАЗ-Автоэкспорт» на автомобилях «ВАЗ-2101»

в соревнованиях ралли «Тур Европы-71» был завоеван главный командный приз – «Серебряный кубок». А два экипажа команды (К. Гирдаускас – У. Мадревиц и Я. Лукьянов – А. Карамышев) стали призерами в личном зачете. В феврале 1972 г. в шведском г. Карлштадте проходили традиционные авторалли «Швеция-73», где в клубном зачете первенство завоевали пять автомобилем «Жигули» марки «ВАЗ-2101» [4, с. 293]. Также стоит отметить, что команда раллистов Волжского автозавода была включена в состав сборной СССР на традиционных международных автогонках «Тур Европы-73», где также была одержана победа [4, с. 372].

Не стоит забывать о достижениях вазовских пилотов и на отечественных треках в командных и личных зачетах. В феврале 1973 г. на зимнем командном первенстве СССР по авторалли в г. Вильнюсе команда Волжского автозавода в составе 3-х экипажей водителей-испытателей (Козырчиков А. Н. – Кривоусков Г. М.; Пистунович Э. Н. – Аникин С. Г.; Шустов Р. В. – Селга Л.) в зачете автозаводов заняла первое место и третье место в абсолютном зачете. В июле того же 1973 г. на чемпионате РСФСР по шоссейно-кольцевым гонкам в г. Ленинграде первую золотую медаль чемпиона Российской Федерации завоевал на автомобиле «ВАЗ-2103» водитель-испытатель ВАЗа мастер спорта Эдуард Пистунович [4, с. 352].

29 апреля 1977 г. с целью упорядочения организации автоспорта на Волжском автомобильном заводе и повышения результативности выступления сборной команды ВАЗа на международных и внутрисоюзных соревнованиях генеральным директором Волжского автозавода Анатолием Анатольевичем Житковым был подписан приказ-постановление № 124/46 о создании на предприятии специальной лаборатории по спортивно-гоночным автомобилям (ЛСГА). Главным инициатором создания ЛСГА был заместитель генерального директора автозавода по транспорту Владимир Иванович Беляков. Лаборатория была создана в составе транспортного управления (ТУ) Волжского автозавода со штатом ИТР (инженерно-технические работники) и водителей-испытателей. Появление в структуре ВАЗа новой лаборатории вывело заводской автоспорт на качественно новый этап развития.

Согласно тому же приказу-постановлению на предприятии был создан совет по автоспорту, который возглавил Владимир Иванович Беляков. В состав совета также вошли главный конструктор Г. К. Мирзоев, начальник производственного управления «АвтоВАЗтехобслуживание» Р. Д. Кислюк, заместитель секретаря парткома ВАЗа К. Г. Сахаров и

другие. Всего в составе находилось 14 человек. Обязанностью совета являлось руководство деятельностью всех автосекций завода, составление ежегодных планов проведения соревнований по автототоспорту, утверждение состава сборной команды ВАЗа по автототоспорту [5, с. 97; 6, л. 169–170].

Наивысшее развитие ЛСГА получила в 1985–1986 гг., когда на балансе лаборатории имелось 84 транспортные единицы, из них 49 автомобилей для спортивных состязаний (в том числе 2 автомобиля «Формула» и 13 автомобилей «Багги»). Кроме того, имелось 13 транспортных средств, используемых в качестве техничек-тягачей, а также 22 грузовых автомобиля [3].

После создания ЛСГА в июне 1978 г. была создана лаборатория специальных испытаний и технической рекламы также при ТУ ВАЗа на базе секции «Автородео-ВАЗ». Создателем лаборатории и руководителем группы «Автородео-ВАЗ» являлся техник-механик ТУ автозавода Луковников Вячеслав Кузьмич [5, с. 147, 642; 3].

Главными задачами этой лаборатории были специальные испытания автомобилей Волжского автозавода в экстремальных условиях, а также реклама и популяризация автомобилей ВАЗ перед населением.

Первое выступление группы специспытаний и технической рекламы «Автородео-ВАЗ» состоялось в октябре 1979 г. в рамках культурной программы на днях ВАЗа на ВДНХ СССР в г. Москве. А в 1982 г. группа выступила на выставке научно-технического творчества молодежи (НТТМ-82) также на ВДНХ СССР. Некоторые участники, выступая на этой выставке, стали её лауреатами и были награждены медалями. В. К. Луковников был награжден серебряной медалью, а Н. Г. Кот, Г. И. Клевакин, А. В. Витовтов, Н. Г. Лобода – бронзовыми медалями [5, с. 197; 3].

Для воспитания молодого поколения спортсменов на предприятии была создана своя секция картинга. Руководителем секции на протяжении нескольких десятилетий был многократный чемпион и призер чемпионатов СССР и России по картингу, мастер спорта международного класса Анатолий Александрович Синегубов [7].

Начиная с 1980-х гг., пройдя несколько этапов своего развития – от труда энтузиастов до появления специальной профильной лаборатории, автоспорт на Волжском автозаводе продолжает занимать лидирующие позиции на отечественной и мировой арене за счет модернизации и смены модельного ряда своей продукции.

В 1980 г. с вазовского конвейера начинают сходить автомобили

«ВАЗ-2105» с кузовом «седан». Более современные «пятерки» довольно быстро сумели вытеснить автомобили семейства «ВАЗ-2101» не только из обычной эксплуатации, но и из большого спорта. Специально подготовленные «ВАЗ-2105» очень успешно выступали как в отечественных соревнованиях самого различного ранга, так и в международных [8, с. 34, 38].

Полноприводный автомобиль повышенной проходимости «ВАЗ-2121» «Нива» также принимал участие в соревнованиях по автоспорту различного ранга. Дебютировали «Нивы» в чемпионате страны по автокроссу в сентябре 1978 г. Далее в 1980 и 1981 гг. автомобиль становится серебряным призёром чемпионата СССР по автокроссу, а в 1983 г. – золотым. В это же время состоялся уверенный выход «Нивы» на мировую спортивную арену. В 1981 г. автомобиль участвовал в престижном ралли-рейде «Париж – Дакар», где гонщики стали бронзовыми призерами этого труднейшего соревнования. Впереди были новые награды и победы: золотые медали в ралли-рейдах «Париж – Тунис» и «Алжир» (1981), первенство в ралли «Алжир» и «Ралли фараонов» (1982). В 1985 г. вазовский внедорожник одержал верх в ралли «Камерун», ралли «Алжир», а также в австралийском ралли-рейде «Маквей-1000» [9].

Новой вехой вазовского автоспорта второй половины 1980-х – 1990-х гг. стал выпуск автомобилей семейства «Лада Самара» – «ВАЗ-2108», «ВАЗ-2109». Значительная часть доводочных работ по автомобилям данного семейства проводилась совместно с фирмой «Porsche», благодаря чему машина приобрела настоящий спортивный характер, пришедший по вкусу даже самым активным водителям. Да и в различных видах соревнований специальные гоночные модификации «ВАЗ-2108» добились весьма впечатляющих успехов, очень быстро и практически полностью вытеснив со спортивных трасс заднеприводные модели. Специально разработанный спортпрототип «LADA Samara T3» показывал хорошие результаты в самых сложных в мире супермарафонах «Париж – Дакар» и «Париж – Москва – Пекин». А специально подготовленные автомобили «Лада Самара» на базе «ВАЗ-2108» стали первым в истории вазовского спорта моноклассом, получившим название «Кубок LADA».

В 1990-х гг. спортивные состязания на гоночных треках были отмечены участием спортивных автомобилей на базе микролитражки «ВАЗ-1111» «Ока». Электромобиль «ВАЗ-1111Э», разработанный и успешно прошедший испытания на ВАЗе, удачно выступал в ралли электромобилей в Краснодаре (1993), Монте-Карло (1995), Италии (1996) и Дании (1997).

На рубеже двух веков на арене автомобильного спорта появляется новое детище АвтоВАЗа – автомобили семейства «ВАЗ-2110». Отлично «десятки» зарекомендовали себя в различных соревнованиях. Еще в 1998 г. на раллийные трассы вышла оригинальная модель «LADA 110 2.0 Rally», сумевшая составить реальную конкуренцию машинам самых знаменитых мировых брендов. В дальнейшем гамма спортивных версий этого семейства стала весьма широкой – от «LADA 112 Стандарт», предназначенной для тех гонщиков, которые делали свои самые первые шаги в автоспорте, до «LADA 112 VK Super 2000» и «LADA 110 WTCC» [8, с. 44, 52, 62].

В 2000-е гг. после начала выпуска автомобилей семейств «LADA Kalina», «LADA Priora», «LADA Granta» [10, с. 603, 688; 8, с. 98] началась новая эпоха в истории автоспорта на Волжском автозаводе. Например, с 2006 г. в чемпионате России по кольцевым гонкам стартовал новый монокласс – «Кубок LADA Kalina», для которого в управлении форсированных испытаний дирекции по техническому развитию ОАО «АВТОВАЗ» была специально разработана модель «Kalina Sport». Этот автомобиль оснащен встроенным каркасом безопасности, подвеской увеличенной жесткости, новым двигателем рабочим объемом 1,4 л с измененной размерностью цилиндра-поршневой группы, усиленными приводами колес, а также доработанными коробкой передач и тормозной системой [8, с.84].

В мае 2008 г. впервые за всю историю вазовского автоспорта российская команда на автомобилях LADA вышла на трассу престижного соревнования в мировом автоспорте – кузовного чемпионата WTCC (World Touring Car Championship). Дебют россиян в составе команды со звучным названием «Русские медведи» («Russian Bears») состоялся на испанской трассе в г. Валенсии.

К первому выходу в рамках мирового чемпионата «Русские медведи» подготовили две машины на базе «LADA 21106». Управление спортивных автомобилей АВТОВАЗа оказало техническую поддержку. Также вазовские специалисты помогали в работе с документами, необходимыми для омологации (приведение технической характеристики в соответствие с требованиями стандартов) в Международной автомобильной федерации – FIA (Federation Internationale de l'Automobile). Пилотировали автомобили 43-летний россиянин Виктор Шаповалов и 31-летний Яп ван Лаген из Нидерландов. А уже во второй половине 2009 г. автомобили гоночной версии «LADA Priora» заменили «LADA 21106» на трассах чемпионата FIA WTCC [11, с. 18–19].

Середина 2010-х гг. ознаменована успешными выступлениями команды Lada Sport Rosneft. Пилоты команды Ники Кэтсбург и Габриеле Тарквини на автомобилях «LADA Vesta» дочернего предприятия Волжского автозавода ООО «Лада Спорт» выиграли на шестом этапе чемпионата мира по шоссейно-кольцевым автогонкам (WTCC), который состоялся на подмосковном автодроме Moscow Raceway [12].

В заключение необходимо отметить, что автомобильный спорт продолжает планомерно развиваться на предприятии. Доказательством этому является выпуск спортивных версий автомобилей «LADA Vesta Sport Concept» и «LADA XRAY Sport Concept», анонсированных на Московском международном автомобильном салоне (ММАС), являющемся главным национальным выставочным мероприятием автомобильной тематики [13].

Литература и источники

1. Высокой мысли пламень. Кн. 1: Управление главного конструктора АВТОВАЗ. Страницы истории (1966–1976) / сост. и ред. Котляров В. А. – Тольятти: ДИС ОАО «АВТОВАЗ», 2000. – 357 с.
2. Бунас В. Мы гонялись не за пряники [Об истории и главных действующих лицах шоссейно-кольцевых трасс России рассказывает корреспондент пресс-центра АО «АВТОВАЗ» Владимир Бунас] // Архив пресс-релизов АО «АВТОВАЗ». – 1998. – URL: http://www.vaz.ru/press/info/1998/press9_2.html
3. АвтоВАЗтранс. 20 лет лаборатории спортивно-гоночных автомобилей. Художественно-исторический буклет. – Тольятти: Современник, 1997.
4. АВТОВАЗ. Хроника основных событий истории, 1966–2006. Т. 1: 1966–1975 / авт.-сост. Степанов А. Е. – Тольятти: ОАО «АВТОВАЗ», 2006. – 615 с.
5. АВТОВАЗ. Хроника основных событий истории, 1966–2006 гг. Т. 2: 1976–1988 гг. / авт.-сост. Степанов А. Е. – Тольятти: ОАО «АВТОВАЗ», 2006. – 823 с.
6. Тольяттинский городской архив. Ф. Р-352. Оп. 2. Д. 839. Л. 169–173.
7. Бабешкин А. При Анатолии Синегубове нас боялись все соперники // Волжская коммуна. Тольятти. – URL: <http://tlt.vkonline.ru/content/view/154938/pri-anatolii-sinegubove-nas-boyalis-vse-soperniki>
8. LADA 1966–2011. Информационно-публицистическое издание. Изд. 2-е, доп. – Тольятти: ООО «Двор печатный АВТОВАЗ», 2011. – 119 с.
9. Нива. 30 лет на дорогах мира. – ДИС ОАО «АВТОВАЗ», 2007.
10. АВТОВАЗ. Хроника основных событий истории, 1966–2006 гг. Т. 3: 1989–2006 гг. / авт.-сост. Степанов А. Е. – Тольятти: ОАО «АВТОВАЗ», 2006. – 927 с.
11. Рекламная брошюра ОАО «АВТОВАЗ». LADA – лето-осень. 2008. – 2008. – 50 с.
12. Lada Sport оформила двойной дубль на московском этапе WTCC 12.06.2016. – URL: http://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Avtosport/spbnews_NI619586_Lada_Sport_ofomila_dvojnoj_dubl_na_moskovskom_etape_WTCC
13. LADA на ММАС-2016: 6 новых концептов и новые модификации Vesta. – URL: <http://www.lada.ru/press-releases/111743.html>

УСИЛИЯ СИМБИРСКИХ ВЛАСТЕЙ ПО РАЗМЕЩЕНИЮ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Информация о том, что г. Симбирск должен принять и разместить 630 военнопленных, свалилась на головы начальников и городских чиновников как снег среди ясного неба. Получив об этом телеграмму из штаба Казанского военного округа, симбирский уездный воинский начальник полковник Сергей Пантелеймонович Кагадеев 25 августа 1914 г. обратился в губернский распорядительный комитет, после чего за подписью губернатора А. С. Ключарёва с пометкой «спешно» в Симбирскую городскую управу было отправлено письмо «о немедленном приготовлении помещения для 630 пленных» [1, лл. 14, 15].

Прибывшую с театра военных действий 28 августа 1914 г. первую партию военнопленных разместили в манеже 5-го уланского Литовского полка [1, лл. 16, 16 об.]. Охрана для сопровождения в количестве 120 человек была назначена начальником гарнизона. Но в спешке не было выделено помещение для караула из 43 военнослужащих в «непосредственной близости от манежа» [1, л. 16 об.].

В декабре этого же года караул у военнопленных, находящихся в здании манежа, согласно указанию начальника Казанской местной бригады был отменен, а надзор за ними был возложен на команду ратников ополчения, состоящую из 70 человек. Распоряжением Городской управы для этой команды было отведено помещение в бывшей конюшне трубаческого взвода Уланского полка [1, л. 52].

Прибывшие пленные сами оборудовали лишь частично приспособленное для проживания здание манежа. В целом же расходы на устройство нар, отопление, освещение помещений для военнопленных, закупку строительных материалов и другие несла Симбирская городская управа. В последующем эти затраты ей должно было возместить военное ведомство.

Спустя неделю после прибытия первых военнопленных стало известно о скором прибытии еще 400 пленных. Правда, в штабе округа дали некоторое время на подготовку помещения и просили о «готовности принятия пленных» телеграфировать [1, л. 19].

¹ Доклад был представлен на конференции «История и современность Симбирского-Ульяновского края. Итоги краеведческого года» 28.03.2014 г.

4 сентября начальник гарнизона г. Симбирска обратился в связи с этим в губернский распорядительный комитет. В ответ на это обращение 11 сентября 1914 г. губернатор Александр Степанович Ключарёв подписал письмо в Симбирскую городскую управу об отводе помещения на указанное количество пленных [1, л. 24].

Согласно «Положению о военнопленных» они должны размещаться в местах расположения воинских частей в свободных казармах, а «за неимением же таковых, пленные размещаются в частных домах, непременно казарменным порядком, <...> при условии, чтобы отводимые или нанимаемые для пленных помещения, с отоплением и освещением, обходились не свыше установленных для данного пункта квартирных окладов» [1, л. 5 об.].

В середине ноября 1914 г. уездный воинский начальник информировал городские власти, что число военнопленных в Симбирске будет доведено до 2500 человек. Ввиду того, что помимо военнопленных при его управлении довольствовались еще новобранцы, прикомандированные солдаты, нижние чины его управления и караульная команда, общая численность которых без военнопленных была 1500 человек, то выяснилось, что с учетом роста количества довольствующихся имеющихся котлов для приготовления пищи и самоваров для чая будет не достаточно.

Полковник Кагадеев просил у Симбирского губернского распорядительного комитета поставить на кухне управления «недостающие котлы на 169 ведер, а так же вмазать в очаги имеющиеся свободные котлы на 50 ведер и кубы для чая на 86 ведер». При этом он привел расчет потребности в котлах, исходя из того, что на 100 человек полагается 7 ведер щей и 3 ведра каши [1, л. 42].

На обращение губернатора А. С. Ключарёва в Симбирскую городскую управу с вопросом «где можно разместить военнопленных казарменным порядком в городских и наемных зданиях» 20 ноября 1914 г. оттуда последовал ответ: «Ввиду переполнения городских помещений квартирующими воинскими чинами, размещение военнопленных не представляется возможным». Незначительное количество, около 200 военнопленных, все же можно было разместить в 3-м корпусе ярмарочных рядов, где раньше квартировала казачья сотня [1, лл. 40, 41].

Для постоянно прибывающих военнопленных городскими властями и «военным начальством» рассматривался вопрос установки нар даже в пять ярусов, а также обсуждалась возможность постройки для них землянок на откосе берега Волги напротив казарм Ленкоранско-Нашебургского полка. Против последнего предложения возражал городской голова

Леонид Иванович Афанасьев и члены Управы, так как здесь находился один из самых опасных участков оползней и земляные работы могли привести к «нарушению устойчивости откоса берега» [1, лл. 53–55].

На декабрь 1914 г. в г. Симбирске было 1482 военнопленных нижних чинов, для которых уездный воинский начальник полковник С. П. Кагадеев просил у городских властей отвести баню и прачечную [1, л. 58]. Всех «пленных делили на две группы. В одну входили военнопленные славянских национальностей, а в другую – немцы, мадьяры, турки и евреи» [2, с. 101]. Славяне содержались в лучших условиях и были более свободными. «Они могли гулять по городу небольшими группами, если за них ручалось какое-либо благотворительное общество или должностное лицо» [2, с. 104]. Несмотря на это, те и другие сталкивались с различными трудностями: тяжелыми условиями размещения, теснотой, скудным питанием, инфекционными заболеваниями.

В конце 1914 г. для проведения медицинских осмотров военнопленных нижних чинов, находящихся в манеже, было снято помещение размером 24 кв. сажени в доме симбирской мещанки Агрипины Васильевны Кокоевой по Всесвятскому переулку за 20 руб. в месяц. Полковник Кагадеев посчитал отведенное помещение под амбулаторию «очень малым», и «за дальностью расстояния» от Управления воинского начальника с его стороны ускользало «наблюдение за ним», поэтому он просил Городскую управу найти помещение большей площади вблизи управления.

Такое помещение под амбулаторию для военнопленных было снято уже в начале 1915 г. взамен дома Какоевой у купца Ермила Николаевича Заборина по ул. Полевой площадью 48 кв. сажени за 50 руб. в месяц [1, лл. 98–100 об.].

В январе 1915 г. в городе размещались уже 2067 военнопленных [1, л. 56]. Ситуация с пленными осложнилась тем, что у них появилось два случая заболевания сыпным тифом. По предложению наблюдающего за санитарной частью военнопленных старшего врача 97-го пехотного запасного полка для устранения заражения указанной болезнью других пленных были определены 18 человек, имевших близкое соприкосновение с больными [1, л. 61]. Для них распоряжением Симбирской городской управы было снято отдельное помещение в доме купца Заборина по Полевой улице с платою за него 30 руб. в месяц [1, л. 63]. Выбор этого дома был не случайным, в нем уже располагалась амбулатория военнопленных.

Симбирский распорядительный комитет на своем заседании 16 февраля 1915 г. обсуждал телеграммы главного начальника штаба Казанского военного округа и товарища (заместителя) министра внутренних дел

«об отводе в пунктах, где имеются воинские части или воинские начальники, помещений для размещения казарменным порядком свыше 5000 военнопленных» [1, л. 64].

Уездные города Симбирской губернии были перегружены солдатами, поэтому ни в одном из них невозможно было разместить даже минимальное количество военнопленных. Симбирск при 50 тыс. населения за последнее время «по военным обстоятельствам» принял и разместил уже более 20 тыс. человек, среди которых военнослужащие, беженцы, военнопленные, и власти уже не могли подыскать казарменных помещений дополнительно на эти 5 тыс. пленных [1, л. 64].

Исходя из этого, Симбирский губернский распорядительный комитет определил: «Предложить Городской управе выстроить в самом непродолжительном времени бараки не менее как на 5000 человек, за которые впоследствии она и будет получать квартирные оклады» [1, л. 64].

Городской архитектор Феофан Евстихиевич Вольсов направил в Симбирскую городскую управу в соответствии с её поручением чертежи, сметы и докладную записку, в которых рассмотрел два варианта лагеря для военнопленных.

Первый вариант предусматривал строительство 34 полутеплых барачков, в каждом из которых размещалось 150 человек. На одного военнопленного приходилось по 1,5 куб. сажени внутреннего помещения. Полы в бараках планировалось сделать земляными. Караульное помещение было рассчитано на 50 человек. Стоимость этого варианта была 189096 руб. 95 коп., а время необходимое для постройки лагеря составляло 233 дня.

Вторым упрощенным вариантом предусматривалось устройство 17 барачков, однотипных с первым вариантом, только количество пленных в каждом бараке увеличивалось до 300 человек. Соответственно объем помещения на каждого пленного исчислялся только в 0,75 куб. сажени. Так же, как и в первом варианте, было запланировано строительство «отхожих мест на 5000 человек» и заборов вокруг лагеря военнопленных. Стоимость второго варианта была 100689 руб. 86 коп., а время, за которое можно было построить лагерь, составляло 120 дней [1, лл. 67–68].

Вопрос о постройке барачков на 5000 военнопленных был вынесен на обсуждение Симбирской городской думы в заседания 26–28 февраля 1915 г. Городская дума рассмотрела выписку постановления губернского распорядительного комитета, план и смету, составленные городским архитектором, а также заключение Городской управы.

Городская управа вынесла заключение, что городское управление не имеет значительных сумм для постройки даже упрощенного типа барачных и не имеет достаточных рабочих сил. Кроме того, из постановления распорядительного комитета она не усматривала «тех законных оснований, по которым постройка барачных для военнопленных возлагалась бы на обязанности городского управления», поэтому и не «может принять обязанности» построить лагерь для военнопленных. Между тем, Городская управа считала, что военное ведомство располагает достаточными денежными средствами и «громкими рабочими силами в лице тех же военнопленных», поэтому может само в случае экстренной необходимости построить лагерь для военнопленных.

Городская управа попросила Думу, а также симбирского губернатора возбудить соответствующее ходатайство перед военным ведомством об освобождении города от размещения военнопленных, что они и сделали [1, лл. 69 об., 71 об.]. Несмотря на это, «пленные продолжали поступать до конца 1917 года» [2, с. 103].

В случае, если военное ведомство захочет построить бараки для военнопленных, Симбирская городская дума выбрала два участка для такого строительства: на Северном городском выгоне или за р. Волгой [1, лл. 70, 70 об.]. Забегая вперед, можно сказать, что новый лагерь для военнопленных в городе позднее все же был построен и в 1916 г. принимал военнопленных. Официальное название у него было «Симбирский лагерь военнопленных за р. Волгой», в некоторых документах использовалось название «Лагерь военнопленных за р. Волгой у г. Симбирска» [3, лл. 18, 21]. Ну а тогда, в начале 1915 г., уже 21 марта губернатор А. С. Ключарёв предложил в письме с пометкой «экстренно» Городской управе немедленно отвести помещение для новой партии военнопленных состоящей из 3000 человек. Зная, что свободных помещений в городе уже не осталось, губернатор разрешил занять учебные заведения за исключением средних [1, л. 72].

Через три дня было созвано совещание в Симбирской городской управе, на которое прибыли городской голова, члены Управы, симбирский уездный воинский начальник, инспектор народных училищ и председатель училищной комиссии. После того как была зачитана переписка по этому вопросу и оглашена статья 56 «Положения о военнопленных» инспектор народных училищ предложил предоставить помещения для военнопленных в доме Егорова, занимаемые 5-м женским и 2-м мужским училищами.

После всестороннего обсуждения совещание постановило: для во-

еннопленных отвести остальные три конюшни при уланских казармах, переведя находящиеся в одной из них 115 караульных нижних чинов 678 пешей Симбирской дружины в свободную половину конюшни трубаческого взвода. Кроме того, пленным отводились здание зерносушилки Балакиршиковых, ярмарочные ряды, помещения в бывшем доме Егорова, занимаемые 5-м женским и 2-м мужским училищами, приспособленные для проживания.

Кухни для приготовления пищи этой партии военнопленных из 3000 человек предстояло устроить в разных местах: в сарае на дворе городских казарм, занимаемых воинским начальником, при зерносушилке Балакиршиковых, в нижнем этаже дома Егорова. На период, когда в вышеперечисленных помещениях будут устраиваться кухни, было принято решение временно предоставить им кухню при казармах 5-го уланского Литовского полка в бывшей полковой кузнице, в которой раньше довольствовались ратники 547-й и 721-й пеших Симбирских дружин [1, лл. 74 об., 75, 75 об.].

Не успел город разместить около 3000 прибывших военнопленных нижних чинов, как от симбирского губернатора, получившего просьбу начальника штаба Казанского военного округа о содействии по размещению военнопленных, уже в который раз с начала Первой мировой войны поступило обращение в Городскую управу: «Виду крайней и исключительной необходимости в размещении военнопленных, захватываемых в громадном количестве на полях сражения <...>, прошу принять самые настоятельные меры к размещению возможно большого количества пленников, помимо тех, о которых Управе уже предлагалось...».

Исчерпав все резервы, симбирский городской голова Леонид Иванович Афанасьев ответил губернатору: «Управа имеет честь сообщить», что после размещения средствами города около 3000 пленников дальнейший отвод помещений для значительного их числа невозможен [1, лл. 76, 79].

Военнопленные в Симбирске располагались также в бывшей чайной на Новой линии в доме Королёва, в подсобных помещениях дома М. И. Севрина по Смоленскому спуску, в подвальных помещениях при госпиталях, в доме Братухина по Мингалевскому спуску, при школе урядников, «в доме Загряцкого на углу Ярмарочной площади и Сборной улицы» [2, с. 101].

Когда распоряжением командования Казанского военного округа в г. Симбирске был «назначен пункт сосредоточения пленников нижних чинов сербов, хорватов и словенцев», которые прибывали из Буинска,

Тетюш и Сенгиля, Симбирская городская управа в феврале 1916 г. отвела для них помещение на Куликовке в доме Иванова на Магдалинской площади «напротив церкви».

При этом Управа не дожидаясь согласия, уведомила домовладельца, что «за неимением у города свободных помещений и других общественных зданий <...> в принадлежащем Вам доме за установленные квартирные оклады» отведено помещение для военнопленных [1, лл. 129 об.-131]. Видимо, законные основания для такого принудительного заселения пленных в частный дом у Городской управы были, так как она ссылалась на статьи устава о земских повинностях и «циркуляра главного штаба».

Другая проблема, имевшаяся в Симбирске в годы Первой мировой войны – это инфекционные болезни. Уследить за всеми прибывающими в город военными, пленными, беженцами, транзитными пассажирами было просто невозможно, поэтому в городе случались вспышки различных инфекционных заболеваний на протяжении всех лет войны.

Уездный воинский начальник полковник С. П. Кагадеев просил весной 1915 г. Городскую управу «во избежание распространения холеры» в самом «непродолжительном времени приступить к полной очистке отхожих мест военнопленных около манежа и засыпать их землей», а для «отхожих мест отвести новый участок». После распоряжения Симбирской городской управы работы были выполнены и до конца апреля отведен новый участок вблизи амбара Егорова, напротив здания манежа 5-го уланского Литовского полка, который был огорожен забором [1, лл. 77, 78].

На одном из совещаний в Городской управе симбирский уездный воинский начальник полковник С. П. Кагадеев поднял вопрос размещения пленных офицеров, для которых согласно «Положению о военнопленных» требовались особые, отличные от нижних чинов условия довольствия и содержания [1, лл. 75].

4 октября 1914 г. в город прибыли 3 офицера [1, лл. 21–22 об.]. «В скором времени» ожидалось прибытие из Иркутского военного округа военнопленного офицера поручика фон Гельдорфа, служившего во 2-м гвардейском ополченческом эскадроне германской армии [1, л. 45].

«Пленных офицеров в Симбирск доставляли отдельно, их багаж, если он был, обычно перевозили на извозчиках. Для некоторых пленных офицеров Городская управа снимала квартиры» [2, с. 103].

30 декабря 1914 г. полковник С. П. Кагадеев просил Городскую управу «не отказать в отводе и оборудовании» помещения для 18 во-

еннопленных офицеров, «прибывающих в г. Симбирск, за которое они будут платить из получаемого от меня содержания» [1, лл. 57, 57 об.].

Пленные штаб-офицеры имели оклады 900 руб. в год, а обер-офицеры – 600 руб. От уездного воинского начальника они ежемесячно получали также по 9 руб. 6 коп. квартирных денег, которые уплачивали за снимаемое для них жилье. Так, за три дома Марченко по Покровской улице № 18 пленные офицеры платили 300 руб. в месяц, позже, когда они стали занимать только два дома, плата была уменьшена до 230 руб. в месяц [1, л. 153].

В середине 1916 г. военнопленные офицеры, занимавшие дома по ул. Покровской, 18, были отправлены в Казанскую и Пензенскую губернии, а эти дома распоряжением Симбирского губернского распорядительного комитета были предоставлены 242-му пехотному запасному полку.

В связи с этим начальник Казанской местной бригады генерал-лейтенант Занфиров отправил телеграмму полковнику Кагадееву с требованием эти помещения полку не передавать, а оставить их за пленными офицерами, которые могут прибыть в ближайшее время. Позже от генерал-лейтенанта Занфирова поступило письмо в адрес симбирского уездного начальника Кагадеева с упреком: «Из целого ряда Ваших рапортов, мною усматривается, что Вы вместо принятия энергичных мер к оставлению в распоряжении военного ведомства, подысканных Вами помещений под размещение военнопленных офицеров, наоборот склонны к передаче означенных помещений 242-му пехотному запасному полку. С передачей этих помещений из Вашего распоряжения, Вы полагаете сократить работу и сложить хлопоты по расквартированию военнопленных офицеров <...> Приказываю Вам принять все меры к сохранению за Вами вышеозначенных помещений под размещение пленных офицеров» [1, лл. 152, 152 об.].

Полковник С. П. Кагадеев приказ вышестоящего начальника выполнил и уже 13 октября 1916 г. просил Симбирскую городскую управу «о немедленной доставке на Покровскую улицу в дома № 18 для военнопленных офицеров 58 железных коек, в крайности топчанов» [1, л. 156].

58 пленных офицеров и 14 их денщиков прибыли в Симбирск из г. Пензы. Позже по этому адресу разместили еще 11 офицеров, для которых потребовалось дополнительно 11 топчанов [1, л. 162]. Кроме того, для пленных офицеров понадобилось 26 керосиновых ламп, а также керосин для 4-х фонарей во дворе и 2-х ламп в караульном помещении. Об отпуске вышеперечисленного полковник С. П. Кагадеев просил Симбирскую городскую управу.

Также он попросил Управу «об устройстве 4-х будок» для ратников 687-й пешей Симбирской дружины, которые охраняли пленных офицеров. Но из Управы ответили отказом: «Городская управа уведомляет Вас, милостивый государь, что <...> устройство караульных будок при воинских помещениях к обязанностям города не относится» [1, лл. 157–159 об.].

Когда был построен Симбирский лагерь для военнопленных за р. Волгой, там на январь 1918 г. отдельно от нижних чинов содержался 261 пленный офицер [3, лл. 44–53 об.]. В офицерском бараке № 9, кроме помещений пленных офицеров, комнаты старших офицеров, было предусмотрено помещение для денщиков [3, л. 8 об.], которые выполняли обязанности слуг при офицерах даже в плену.

7 мая 1916 г. симбирский губернатор «возбудил вопрос» перед военным ведомством «о том, на чьей обязанности лежит отпуск уездным воинским начальникам квартирных денег для удовлетворения за предоставленные» пленным офицерам квартиры [1, л. 155]. По этому поводу из Петрограда из Главного управления по квартирному довольствию войск было получено подробное разъяснение. Согласно нему «определение причитающихся за помещения военнопленных офицеров квартирных окладов, так и уплате таковых предоставившим помещения учреждениям и лицам, лежит на обязанности губернского распорядительного комитета» [1, л. 155 об.].

Несмотря на то, что еще в 1914 г. Симбирская городская управа понесла затраты в размере 1044 руб. 21 коп. «по случаю размещения» военнопленных в манеже 5-го уланского Литовского полка, уплата этой суммы была задержана военным ведомством на целых два года. Начальник казанского отдела по квартирному довольствию войск полковник Болбот неоднократно по разным причинам возвращал обратно в Управу документы по расходам на устройство нар, освещение, отопление, очистку нечистот. В некоторых документах необходима была подпись городского головы, другие должны быть заверены уездным воинским начальником. Требовался также «технический отчет по устройству нар, с актом об освидетельствовании работ...» [1, л. 115 об.]. Отправленная Управой смета таковой не являлась, а представляла собой «лишь техническую отчетность» [1, л. 34 об.]. В ней отсутствовали сведения о стоимости работ и материалов.

Чтобы подтвердить расходы на отопление манежа, в казанский отдел по квартирному довольствию войск необходимо было предоставить

также «расчет по числу печей и по времени отопления, с указанием породы, размеров дров и их цены» [1, л. 115 об.].

Некоторые документы имели «пропуски и неточности, требующие исправления». [1, л. 32 об.]. Для того чтобы помочь специалистам управы правильно составить необходимые документы, туда был направлен местный инженер капитан Бениксон [1, л. 31].

Кроме Симбирска, лагерь для военнопленных к концу войны был построен в Инзе [4, лл. 1–5]. Содержались военнопленные также в Алатырском, Ардатовском и Буинском уездах Симбирской губернии. В г. Ардатове были обнаружены злоупотребления со стороны уездного воинского начальника по отношению к военнопленным, о чем губернатор А. С. Ключарёв докладывал военному ведомству [5, с. 58–59].

По оценке специалистов, в России в годы Первой мировой войны находилось свыше 2 млн военнопленных. Россия и другие «ведущие державы, участвовавшие в войне, оказались не готовы к принятию и размещению на своих территориях огромной массы военнопленных» [5, с. 53].

Нужно отдать должное симбирским властям и городскому самоуправлению, где «у руководства стояло немало умных, добросовестных, деловых людей» [6, с. 6], которые в непростых условиях военного времени при наплыве беженцев, мобилизованных и раненых солдат, делали все возможное для размещения военнопленных.

Литература

1. Государственный архив Ульяновской области (далее ГАУО). Ф. 137. Оп. 36. Д. 44.
2. Ефимов Ю. Д. Симбирск в годы Первой мировой войны (1914–1918). – Самара: «Самарское книжное издательство»; Ульяновск: Издательская группа «Артишок», 2006. – 368 с.
3. ГАУО. Ф. Р-3080. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАУО. Ф. 46. Оп. 3. Д. 115.
5. Ниманов Б. И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестн. РУДН. Сер.: История России. – 2009. – № 2. – С. 53–61.
6. Громова Т. А. Городской голова Леонид Иванович Афанасьев. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2003. – 160 с.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ В СИМБИРСКЕ НАРОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ПАМЯТЬ А. С. ПУШКИНА

В Списке имён, которые были присвоены общедоступным библиотекам Симбирского – Ульяновского края, на сегодняшний день более 70 выявленных имён. Этот Список составлен на основании опубликованных и неопубликованных документов, которые удалось найти в фондах архивов, музеев, библиотек Ульяновской области.

Первой именной среди публичных симбирских библиотек стала общественная библиотека в г. Симбирске [1], основанная 24 сентября 1846 г., когда последовало Высочайшее соизволение Императора Николая I о наименовании учреждаемой в г. Симбирске публичной библиотеки Карамзинскою по желанию симбирян в память Н. М. Карамзина (1766–1826), писателя, историка, уроженца Симбирской губернии. 18 апреля 1848 г. состоялось торжественное открытие Симбирской Карамзинской общественной библиотеки (ныне Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека им. В. И. Ленина).

А первой именной среди народных симбирских библиотек стала библиотека в память И. А. Гончарова (1812–1891), учреждённая в г. Симбирске 12 декабря 1892 г. и торжественно открытая 17 января 1893 г.

Среди имён выдающихся персон, увековеченных в библиотеках Симбирского–Ульяновского края, – имя **Александра Сергеевича Пушкина**.

В 1899 г. в России широко отмечалась знаменательная дата – 100 летие со дня рождения А. С. Пушкина (1799–1837). По всей стране проходили торжества, посвящённые этому юбилею. В числе многочисленных и разнообразных мероприятий в память юбилейного события в России стали открывать именные Пушкинские библиотеки и читальни.

В результате исследовательской работы, проведённой в фондах Государственного архива Ульяновской области и Ульяновской областной научной библиотеки им. В. И. Ленина, на сегодняшний день выявлены документы о четырёх народных Пушкинских библиотеках, которые были открыты в Симбирской губернии в память 100-летнего юбилея великого русского поэта: в уездном г. Сызрани [2], с. Большом Нагаткине Симбирского уезда [3], с. Тазино Ардатовского уезда [4] и в губернском г. Симбирске [1].

18–19 марта 1899 г. на заседании Симбирской городской думы рас-

сматривалось заявление гласного Е. С. Котовщикова от 8 марта 1899 г., в котором он писал: «В виду несомненной важности предстоящего чествования 26 мая столетнего юбилея со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, имеющего громадное значение для русской жизни и литературы, я имею честь покорнейше просить Городскую управу внести в ближайшее заседание Думы вопрос о способе чествования этого знаменательного в русской жизни юбилея <...>» [5].

На заседании Городской думы были рассмотрены различные предложения: «Кроме предоставления всем учащимся в городских училищах, а также и народу возможности принять участие в означенном чествовании <...>, разбить сквер на площади против мужского монастыря, назвав его Пушкинским и, если найдутся средства, поставить в этом сквере бюст великого русского поэта, раздать каждому из окончивших курс ученику городских школ брошюры о жизни А. С. Пушкина с портретом, а также устроить народные чтения с туманными картинами из произведений А. С. Пушкина, причем будет сообщена его биография; кроме чтения, хором и военным оркестром будет исполнено несколько пьес на слова Пушкина и по поводу его юбилея». Кроме того, предполагалось устроить спектакль на открытой сцене, отслужить панихиду, а затем в ознаменование события наименовать одно из городских училищ Пушкинским. Гласный И. В. Ишерский сказал, что «будет рад, если название Пушкинского училища будет присвоено новому городскому начальному училищу, открытие которого ни в каком случае не будет излишнее». Поступило предложение: для Симбирско-Тутского городского училища, помещающегося в наёмном доме в слободе Туть [6], заложить в день юбилея, 26 мая, собственное здание, а самому училищу присвоить наименование Пушкинского. На заседании Думы активно обсуждалось предложение об учреждении в Симбирске второй народной библиотеки и о присвоении ей наименования Пушкинской. Выступавшие отмечали, «что устройство этой библиотеки принесло бы несомненную пользу жителям южной окраины города, так как значительная отдаленность этой местности от Гончаровской библиотеки служит немалым препятствием для жителей пользоваться услугами этой библиотеки» [7; 8].

После обсуждения поступивших предложений была создана Пушкинская подготовительная комиссия. 7 апреля 1899 г. на заседании Городской думы была представлена «Программа чествования памяти великого русского поэта и гражданина А. С. Пушкина по случаю столетнего юбилея со дня его рождения». В числе многочисленных мероприятий

предлагалось учредить в губернском г. Симбирске вторую народную библиотеку в честь поэта, присвоив ей наименование Пушкинской и «разместить её в одной из комнат, предполагаемого к постройке Пушкинского училища [9].

Закладка здания для Тутского училища состоялась 26 мая 1899 г., в юбилейный день рождения А. С. Пушкина. На строительство училища предполагали выделить 3000 руб., но на новый школьный дом было израсходовано более 7000 руб., это было одно из самых лучших в губернии школьных зданий. А училищная библиотечка была мала и скудна, «самую значительную ценность» в ней представляли учебники и учебные пособия.

Дело с открытием народной библиотеки продвигалось медленно, финансовых средств в городской казне для неё не было. 13 ноября 1902 г. в Симбирскую городскую исполнительную училищную Комиссию попечителем Тутского Пушкинского училища Михаилом Алексеевичем Малиновским, известным общественным деятелем, присяжным поверенным [10], было написано заявление: «Жители Тути, как места, удаленного от центра города, лишены возможности доставать себе книги из имеющихся в городе библиотек, почему было бы желательно иметь при Пушкинском училище свою библиотеку-читальню. Желая положить начало небольшой библиотеке-читальне при названном училище, я покорнейше прошу Городскую исполнительную училищную комиссию испросить мне надлежащее разрешение на открытие таковой и на выписку книг по представляемому при сем списку» [11]. Общее совещание Городской управы и Училищной комиссии на заседании 17 ноября 1902 г., выслушав ходатайство М. А. Малиновского, «признало учреждение библиотеки в сл. Тути весьма желательной и полагало бы для этой цели отвести свободное помещение в доме городского общества, почему и решило возбудить надлежащее ходатайство по сему предмету пред г. Симбирским Губернатором» [12].

Устав Симбирской народной бесплатной библиотеки в память поэта А. С. Пушкина был подписан симбирским губернатором 30 мая 1903 г., вскоре библиотека была открыта для читателей [13]. По решению городских властей библиотека была размещена в новом здании Симбирско-Тутского Пушкинского городского училища. Книги в количестве 297 экз. и книжный шкаф были приобретены на средства М. А. Малиновского [14]. Из Отчёта Пушкинской народной библиотеки за 1904 г. известно, что «читающих и желающих брать книги на дом» было записано мало, всего 87 человек, в т. ч. 80 детей и 7 взрослых. Причина этого, главным

образом, заключалась в том, «со времени открытия библиотеки не поступило вновь ни одной книги, а прежде поступившие книги прочитаны публикою, а потому библиотека без пополнения и обновления совершенно потеряла для взрослых свой интерес. Учащиеся же от 9 и до 13 лет, мальчики и девочки, в числе 80 человек в среднем выводе брали и обменивали книги до 30 раз каждый <...>. Чтобы направить библиотеку на степень ее назначения, необходимо ассигнование на ее пополнение и обновление книгами, журналами и газетами не менее 100 руб. в год». Отчёт был подписан членами Училищной комиссии, среди них: М. Волков (городской голова), И. Стеклов, И. Балакирщиков, И. Благовидов, В. Кармазинский, И. Сахаров и др. [15]. А в отчёте за 1906 г. отмечено, что четвертый год существования библиотеки-читальни при Пушкинском училище «прошел, сравнительно с предшествующим 1905 г., прогрессивнее весьма в незначительной мере. Читающих и желающих брать книги на дом было уже 104 человека: 10 мужчин, 6 женщин и 88 учащихся» [16]. Так постепенно популярность Пушкинской народной библиотеки увеличивалась, и в Симбирске сохранялась память об Александре Сергеевиче Пушкине, о праздновании 100-летия со дня рождения великого русского поэта.

Примечания

1. 9 мая 1924 г. г. Симбирск переименован в г. Ульяновск.
2. Ныне г. Сызрань Самарской области.
3. Ныне р. п. Большое Нагаткино Цильнинского района Ульяновской области.
4. Ныне с. Тазино Большеберезниковского района, Республика Мордовия.
5. Вестник Симбирского земства. – 1899. – № 5–7. – С. 1.
6. Туть – слобода (пригород, посёлок, микрорайон) в южной части г. Симбирска – Ульяновска, название существует с XVII в., когда там был заложен тутовый сад, который просуществовал недолго. (Список населённых мест Симбирской губернии. – Симбирск, 1897. – С. 1–2; Туть // Ульяновская – Симбирская энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. – Ульяновск, 2004. – С. 347).
7. Первая народная библиотека в г. Симбирске – Гончаровская, открыта в 1893 г.
8. Вестник Симбирского земства. – 1899. – № 5–7. – С. 1–4.
9. Вестник Симбирского земства. – 1899. – № 5–7. – С. 3–10; Отчёт о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1899 г. – Симбирск, 1902. – С. 59–64.
10. Сытин А. С. Малиновский Михаил Алексеевич // Ульяновская – Симбирская энциклопедия. В 2-х т. Т.1. – Ульяновск, 2000. – С. 351; То же с сокращ. // Авдонин А. М. Симбирские Малиновские. – Ульяновск, 2010. – С. 47–48.
11. ГАУО. Ф. 137. Оп. 34. Д. 123. Л. 102 об.; Ф. 137. Оп. 37. Д. 181. Л. 1–3.
12. Журналы Симбирской городской Думы. 1903. № 8. С. 240–241. ГАУО. Ф. 137. Оп. 37. Д. 181. Л. 4–5.
13. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1464. Л. 24, 41; Ф. 76. Оп. 2. Д. 1718. Л. 10–15; Ф. 99. Оп. 1. Д. 963. Л. 7–7 об.
14. ГАУО. Ф. 137. Оп. 37. Д. 181. Л. 6–7.
15. Отчёт бесплатной библиотеки-читальни в сл. Тути, в память поэта А. С. Пушкина

за 1904 год // [Отчёт Симбирской Городской исполнительной Училищной Комиссии за 1904 год. – Симбирск, 1905. – С. 102–103.

16. Отчёт бесплатной библиотеки-читальни в сл. Тути, в память поэта А. С. Пушкина, за 1906 год // [Отчёт Симбирской Городской исполнительной Училищной Комиссии за 1906 год. – Симбирск, 1907. – С. 91–92.

С. Б. ПЕТРОВ

«ТРЕТИЙ РИМ» В УЛЬЯНОВСКЕ

В 1947 г. в Москве вышла в свет книга «Патриарх Сергий и его духовное наследие» [1], в которой впервые максимально подробно для того времени было рассказано о пребывании в Ульяновске высшего руководства Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны.

Автор повествующего об этом очерка, симбирянин, протоирей А. П. Смирнов озаглавил его необычно: «Москва в Ульяновске» [2].

На мой взгляд, уместно предположить, что тем самым он сделал намёк на известную всем выпускникам российских духовных академий идеологему «Москва – Третий Рим».

Впервые идея о преемственности христианского царства была высказана в России в изложении пасхалии митрополита Зосимы в 1492 г., затем продолжила развитие в посланиях монаха псковского Спасо-Елиазарова монастыря Филофея к Василию III во второй декаде XVI в. [3].

Идея преемства царства восходит к библейской книге пророка Даниила. В ней рассказано об успешной разгадке пророком сна царя вавилонского Навуходоносора: «После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею. А четвертое царство будет крепко, как железо; ибо как железо разбивает и раздробляет всё, так и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять и сокрушать» [Дан, 2. 39–41][4].

Согласно Ипполиту Римскому [5], четыре царства, сменяющие друг друга, это – вавилонское, мидо-персидское, эллино-македонское и римское. В конце падения Рима должен явиться Антихрист. По концепции Филофея, установление христианского царства в Москве есть третья и последняя попытка создать земной православный град и задержать пришествие «князя мира сего».

Обращаясь к Василию III, Филофей писал: «Итак, о всем том прекра-

тив речи, скажем несколько слов о нынешнем преславном царствовании пресветлейшего <...> государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианский царь и сохранитель святых божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве <...> Так знай, боголюбец и христоролюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя <...> и это – российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать» [6].

Со временем эта концепция эволюционировала, российские мыслители усилили в ней мессианический аспект, выразившийся в идее смены богоизбранности народов, провозгласив русский народ богоносцем. Причем московский царь, помазанник Божий, не продолжает традиции второго Рима (Константинополя), а создает новый Рим. В таком аспекте идеологему интерпретировали Н. Я. Данилевский, М. Н. Катков, А. А. Киреев, Л. Н. Тихомиров. Специалисты отметили её отзвуки в кантате П. И. Чайковского «Москва» на слова А. Н. Майкова, написанной по случаю восшествия на престол Александра III [7]. В феврале 1883 г. композитор получил от коронационной комиссии текст кантаты, 24 марта она была закончена. «Условно стилизованный язык Майкова, – отметила музыковед Н. В. Туманина, – направлял воображение композитора по определённому руслу. В тексте кантаты затронуты важные моменты истории России и в какой-то мере отражены основные проблемы внешней политики современной России (идея панславизма)» [8].

В самое тяжелое для нашей Родины время, в октябре 1941 г. «Третий Рим», т. е. руководящий орган отечественного Православия, переместился в Ульяновск.

«В отношении Патриархии, – писал А. П. Смирнов, – Исполнительный комитет Московского городского Совета 7 октября 1941 г. за № 3/331 постановил предложить последней временно покинуть Москву <...> Митрополит Сергий покинул Москву в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы 1/14 октября 1941 г. в 4 часа 40 минут вечера <...> В 1 час ночи 6/19, в воскресенье, поезд с Блаженнейшим Митрополитом Сергием подошел к городской станции Ульяновск <...> Первое богослужение в Ульяновске было совершено им в кладбищенской церкви 13/26 октября...» [9].

Министерство культуры Российской Федерации приказом № 458 от 25 февраля 2016 г. объявило этот храм – церковь Вознесения по-

стройки 1906–1911 гг. – объектом культурного наследия федерального значения [10].

По сведениям, полученным от современницы событий, жительницы Ульяновска, руководство города предложило церковным властям Германовскую церковь, занятую госархивом. Но от этого здания пришлось отказаться из-за тяжелейших условий военного времени: для его отопления требовалось непосильно большое количество дров при отсутствии автотранспорта, мобилизованного на фронт. Да и количество верующих, посещавших городские церкви, из-за репрессий значительно сократилось. Перемена политики сталинского режима относительно религии и церкви была ещё впереди.

Митрополит Сергей (в миру Иван Николаевич Страгородский) родился 11 января 1867 г. в Арзамасе Нижегородской губернии в семье священника. В 1886 г. окончил Нижегородскую духовную семинарию, в 1890 г. – Санкт-Петербургскую духовную академию, незадолго до окончания которой постригся в монахи. Затем служил в Японии, в Греции. В 1901 г. был назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии и хиротонисан во епископа Ямбургского. В 1901–1903 гг. был постоянным председателем Религиозно-философских собраний в Петербурге. В 22 заседаниях собраний в разных статусах, с различной степенью посещаемости и активности приняли участие З. Н. Гиппиус, Д. Н. Мережковский, В. В. Розанов, В. С. Миролюбов, Д. В. Философов, профессора Н. Ф. Каптерев, М. И. Каринский, Н. П. Кондаков, А. И. Соболевский, художники И. Е. Репин, А. Н. Бенуа, С. К. Маковский, поэты А. А. Блок, В. Я. Брюсов, Андрей Белый, М. А. Волошин, а также П. А. Флоренский, С. П. Дягилев и многие другие [6]. В 1905 г. Сергей был назначен архиепископом Финляндским и Выборгским, а в 1917 г. возведен в сан митрополита с назначением на Нижегородскую кафедру [11].

30 ноября 1941 г. в Ульяновске на ул. Водников (дом № 15), ныне ул. Корюкина, состоялось освящение новой церкви во имя иконы Казанской Божией Матери с именованием Казанский Патриарший собор г. Ульяновска. 19 декабря на новую квартиру, находящуюся под одной крышей с храмом, переехал будущий патриарх. Этот уголок Ульяновска стал до конца августа 1943 г. центром РПЦ. Сюда приезжали епископы с докладами, здесь производились епископские хиротонии, оглашались послания главы Церкви, сюда звонил Сталин, благодарил Сергия за помощь фронту. Особенно много иерархов находилось в Ульяновске 11.07.1943 г., в день именин митрополита Сергия. В их числе был ми-

трополит Ленинградский Алексей, впоследствии патриарх Московский и всея Руси. Сергей Владимирович Симанский, впоследствии патриарх Алексей I, родился в Москве 27 октября 1877 г., скончался в Перedelкино Московской области 17 апреля 1970 г. В 1920-е гг. подвергался арестам и высылкам. К 1939 г. в РПЦ на свободе осталось только 4 епископа, в их числе Алексей. Во время блокады митрополит находился в Ленинграде, где вел выдающуюся патриотическую деятельность. За несколько недель пребывания в Ульяновске владыка Алексей принял участие в нескольких хиротониях и в предсоборном совещании в Ильинской церкви, на котором митрополит Сергей был рекомендован на пост патриарха Московского и всея Руси [12].

По завещанию владыки Сергия вторым кандидатом на пост патриаршего местоблюстителя был рекомендован прибывший в Ульяновск архиепископ Можайский Сергей (в миру Алексей Николаевич Гришин). Он родился в с. Шимозеро Олонецкой губернии в крестьянской семье 12 января 1889 г. В 1911 г. окончил семинарию в Петрозаводске и был как лучший выпускник направлен учиться в Санкт-Петербургскую духовную академию на государственное содержание. В мае 1914 г. рукоположен в иеромонаха. В 1915 г. после окончания академии отправлен на фронт полковым священником. В 1917 г. поставлен настоятелем Боровского Пафнутьевского монастыря. После хиротонисания в 1927 г. во епископа Серпуховского часто перемещался с кафедры на кафедру. В апреле 1930 г. возведен в сан архиепископа. В апреле 1936 г. был арестован в должности архиепископа Владимирского и осуждён на 5 лет «за контрреволюционную деятельность» с отбыванием заключения в Ухто-Ижемском исправительно-трудовом лагере, где работал конюхом. Освобожден был по отбытии срока 26 апреля 1941 г. Митрополит Сергей смог до отъезда в Ульяновск получить для него разрешение на регистрацию в качестве викария Московского митрополита с усвоением титула «архиепископ Можайский». В Ульяновске иерарх получил назначение на должность архиепископа Горьковского и Арзамасского. Скончался он 14 октября 1943 г. от брюшного тифа в Москве через несколько дней после избрания 8 сентября постоянным членом Священного синода [13].

Третий по завещанию кандидат на высший пост в РПЦ митрополит Николай (в миру Борис Дорофеевич Ярушевич) родился в Ковно 13 января 1892 г. в семье священника. После окончания с золотой медалью гимназии поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, после первого курса перешел в Санкт-Петербургскую Духовную академию и окончил её в 1914 г. со

степенью кандидата богословия. В октябре 1914 г. принял монашество и выехал на фронт для службы духовником-проповедником. С 1919 г. – архимандрит, наместник Александро-Невской лавры. В 1923–1926 гг. отбывал ссылку на Севере. По возвращении из ссылки служил в основном в Ленинградской области. С 15 июля 1941 г. – митрополит Киевский и Галицкий, экзарх Украины. С февраля 1942 г. по август 1943 г. управлял Московской епархией. В этот период неоднократно приезжал в Ульяновск. Впоследствии заведовал Отделом внешних церковных сношений Русской Православной Церкви. Скончался 13 декабря 1961 г. [14].

В Ульяновске произошли незабываемые события в жизни священника Николая Чукова. Благодаря им он стал впоследствии митрополитом Ленинградским и Новгородским. Родился Николай Кириллович Чуков 1 февраля 1870 г. в Петрозаводске в семье крестьянина. Учился в местной гимназии. После окончания духовной семинарии в 1891 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию и окончил ее в 1895 г. со степенью кандидата богословия. В 1896 г. женился, в браке имел пять детей. В 1897 г. был хиротонисан во священника. Многодетность и личные качества привели о. Николая на поприще православного просвещения и педагогики. Он заботился о развитии церковно-приходских школ в Олонецкой губернии. В 1904 г. на международной промышленной выставке «Детский мир» в Санкт-Петербурге был удостоен медали «За руководство школами и устройство школьных праздников и чтений». В 1911 г. стал ректором Петрозаводской духовной семинарии. Автор многих публикаций, он участвовал во Всероссийском съезде по народному образованию в Москве. В 1918 г. смело в печати, а затем в собрании учителей Петрозаводска подверг критике декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в ночь на 10 апреля 1918 г. был арестован как «главарь движения против советской власти». Вскоре был отпущен, но опять арестован и выслан из губернии. В 1920 г. избран ректором Петроградского богословского института. Пытался спасти церковные ценности во время кампании по их изъятию путем откупа от государства, безуспешно при поддержке Академии художеств и Академии наук противодействовал разрушению иконостасов в соборах Петрограда. Участвовал в помощи голодающим и семьям репрессированных священников. Подобная деятельность не осталась без последствий: 5 июля 1922 г. отец Николай Чуков Петроградским губернским ревтрибуналом был приговорен к расстрелу вместе с митрополитом Вениамином и еще 8-ю обвиняемыми. К счастью, казнь была заменена ему 5-ю годами заключения. После досрочного освобождения продолжил

религиозно-педагогическую деятельность. В 1930 г. был арестован по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» (т. н. «дело академика С. Ф. Платонова»). Пробыв 9 месяцев в заключении, был выпущен по ходатайству митрополита Сергия. В 1935 г. был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и отправлен на 5 лет в ссылку из Ленинграда в Саратов, где короткое время служил в храме. В 1937 г. вышел за штат, но продолжал заниматься литературным трудом. В январе 1942 г. митрополит Сергий направил из Ульяновска Н. Чукову в Саратов предложение стать архиереем, но тот отказался из-за постоянных конфликтов с властями, судимостей и желания остаток жизни посвятить воспитанию пятерых детей. В августе 1942 г. Н. Чуков узнал, что два его сына и дочь погибли в блокадном Ленинграде, и обратился к митрополиту Сергию с просьбой о монашеском постриге. 4 сентября Н. Чуков был телеграммой митрополита вызван в Ульяновск. Здесь в Казанском Патриаршем соборе Куйбышевским архиепископом Алексием (Палицыным) был пострижен в монахи с именем Григорий и указом митрополита Сергия назначен епископом Ульяновским, 11 октября направлен на службу епископом Саратовским. Впоследствии в течение трех лет управлял Астраханской, Саратовской и Сталинградской епархиями. В сентябре 1945 г. назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским и служил в этом звании до кончины, последовавшей 15 ноября 1955 г. в Москве [15].

Среди иерархов, посещавших Ульяновск, был советский разведчик епископ Василий (Ратников). Василий Михайлович Ратников родился 29.12.1881 г. в Ставропольской губернии в семье священника. В 1908 г. окончил ставропольскую духовную семинарию. 04.11.1921 г. был хиротонисан во епископа Ейского Патриархом Московским и всея Руси Тихоном. В 1927–1932 гг. отбывал заключение в Соловецком лагере особого назначения. Уклонялся в обновленческий раскол. После покаяния, принесенного Местоблюстителю Сергию, назначен епископом Житомирским. Сотрудничал с советской разведкой, участвовал во внедрении офицеров разведки под видом священнослужителей на оккупированные территории. Под контролем контрразведчика И. И. Михеева перемещался с кафедры на кафедру в составе группы разведчиков, выявлявших остатки немецкой агентуры на освобожденных территориях. В 1942 г. возведен в сан архиепископа. В 1947 г. за многочисленные злоупотребления был запрещен в служении [16].

3 июля 1943 г. нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов доносил начальнику Главполитуправления Красной Армии А. С. Щербакову:

«Нахождение церковных центров в Ульяновске затрудняет практическое проведение через них ряда мероприятий, особенно необходимых в связи с большим количеством на освобожденных территориях церквей, открытых немецкими оккупантами» [17]. 31 августа 1943 г. иерархи отбыли в Москву, где в ночь с 3 на 4 сентября были приняты Сталиным. Перед отъездом будущий патриарх распорядился именовать уголок на ул. Водников Патриаршем подворьем в Ульяновске. Храм был закрыт и перестроен в клуб «Дружба» в период хрущевских гонений на Церковь.

Прошли десятилетия. В Симбирскую митрополию с официальным визитом прибыл Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. В Ульяновске 20–21 мая 2015 г. он освятил новый Спасо-Воскресенский собор, совершил Всенощное богослужение в восстановленном Воскресенско-Германовском соборе. Освятил памятный знак – стелу в честь Патриарха Сергия на ул. Радищева (автор – ульяновский скульптор Д. Г. Потапов) недалеко от места, где в суровые годы Великой Отечественной войны размещалось высшее духовенство Русской православной церкви.

Примечания

1. Патриарх Сергий и его духовное наследие. – М.: Издание Московской Патриархии, 1947. – 417 с.
2. Смирнов А. П. Москва в Ульяновске. – М.: Издание Московской Патриархии, 1947. – С. 237–245.
3. Козырев А. П. Филофей. // Русская философия. Словарь. – М.: Издательство «Республика», 1995. – 584 с.
4. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1976. – 846 с.
5. Ткаченко А. А. Ипполит Римский // Православная энциклопедия. Т. XXVI. – М., 2011. – С. 202–222.
6. Памятники литературы Древней Руси конца XV – начало XVI века. – М., 1984. – С. 453.
7. Козырев А. П. «Москва – Третий Рим» // Русская философия. Словарь. – Издательство «Республика», 1995. – С. 304–305.
8. Туманина Н. В. П. И. Чайковский. Великий мастер. 1878–1893. – М.: Наука, 1968. – С. 142.
9. Смирнов А. П. Там же. С. 237–239.
10. Сиволюс И. Э. «Где билось сердце Русской православной церкви...» // Мономах. – 2016. – № 4. – С. 14.
11. Галкин А. К. Указы и определения Московской патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 года // Вестник церковной истории. – М., 2008. – № 2. – С. 57. О репрессиях против духовенства и монашества на территории Ульяновской области см. в книге: Скала А. В. Церковь в узлах: История Симбирской – Ульяновской епархии в советский период (1917–1991). – Ульяновск, 2007.
12. Галкин А. К. Там же.
13. Галкин А. К. Там же. С. 59.
14. Ульяновская – Симбирская энциклопедия. Т. 2. – Ульяновск, 2004. – С. 257.

15. Смирнов А. А. Москва в Ульяновске // Патриарх Сергий и его духовное наследие. – М., 1947. – С. 237–238.
16. Половинкин С. М. На изломе веков. О религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг. // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903). – М., 2005. – С. 490–510.
17. Крестный путь патриарха Сергия. Документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины) // Отечественные архивы. – 1994. – № 2. – С. 44–80
18. Православная энциклопедия. Т. 1. – М., 2000. – С. 684–685; Галкин А. К. Там же. С. 96–98.
19. Галкин А. К. Там же. С. 79–80; 82.
20. Интернет-ресурс.
21. Православная энциклопедия. Т. XII. – М., 2006. – С. 592–598.
22. Православная энциклопедия. Т. VII. – М., 2004. – С. 93–94; Смирнов В. А. Тайное становится явным. Интервью с полковником внешней разведки И. И. Михеевым // Охранка. – 2013. – 9 мая; Галкин А. К. Там же. С. 70–71.
23. Цит. по Галкин А. К. Там же. С. 65.
24. АиФ в Ульяновске. – 2015. – № 22. – С. 4.
25. Ульяновская правда. – 2015. – 22 мая – С. 1, 5.
26. Православный Симбирск. – 2015. – 10 июня – С. 1–2.

И. В. ПОГОДИН

О СУДЬБЕ ПОЛЬСКОГО ДВОРЯНИНА В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Дубовый листок оторвался от ветки родимой,
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый,
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот, наконец, докатился
до Чёрного моря...

М. Ю. Лермонтов

Мой прапрадед по материнской линии Ян Юзеф Валевский (Jan Józef Walewski) родился в деревне Неценя (Niecenia) Лодзинского воеводства в центральной части Польши, в родовом имении своего отца (дворянина Варшавской губернии, судьи Шадковского уезда) Николая Валевского 27 мая 1833 г. [5]. По гербовнику Неймана (Herbarz Nejmán) он принадлежал к linia na Buczku i Chałupi Wielkiej.

Я не знаю, по какой причине он оказался в России, но по рассказам моей бабушки, Нины Николаевны Валевской (Гуманцевой), её дед участвовал в одном из восстаний за освобождение Польши от власти русского царя, за что был лишен дворянства и сослан солдатом на Кавказ в декабре 1853 г.

Вероятнее всего, что Ян Юзеф Валевский был зачислен в русскую армию по рекрутской повинности по указу Николая I от 1852 г. У А. И. Селицкого читаем: «Очевидно, что российские власти именно в польском дворянстве видели наиболее враждебную силу. Стремясь приобщить польскую дворянскую молодёжь Западного края к военной или гражданской службе, Николай I издал именной Указ от 3 мая 1852 г., вводивший обязательное зачисление в армию с 18 лет сыновей «неправославных помещиков», владеющих не менее 100 крестьянами. Действие указа распространялось на 7 западных губерний. От службы освобождались единственные сыновья в семействах и физически ущербные. Поощрялось добровольное вступление в армию в 16–17-летнем возрасте. Срок службы для добровольцев составлял 5 лет, а для призывников – 10 лет. Набор должен был производиться два раза в год. В качестве альтернативы допускалось зачисление на гражданскую службу и обязательно в великороссийских губерниях. Учащиеся казённых заведений пользовались отсрочкой до выпуска. Таким образом, опасаясь новых польских восстаний и рассчитывая на "исправительное" для польского дворянства действие армии или гражданской службы во внутренних районах империи, российский самодержец пошёл на открытое нарушение "Жалованной грамоты дворянству". Однако новая николаевская политика по отношению к польской дворянской молодёжи осталась нереализованной. Вступивший на престол в 1855 г. Александр II признал вводимые порядки "уже не нужными"» [6].

Определили Яна Валевского, выпускника Петраковской гимназии г. Петракова Варшавской губернии, рядовым сначала в 5-й резервный батальон знаменитого Тенгинского пехотного полка, в котором 12 годами ранее служил поручик М. Ю. Лермонтов.

Вполне возможно, что юный Валевский мог встретиться на Кавказе с прапорщиком Л. Н. Толстым, начинающим писателем, служившим тогда в 20-й артиллерийской бригаде, располагавшейся в станице Старогладковской в Чечне (до 19 января 1854 г.) [7].

Согласно послужному списку Яна Юзефа Валевского, с 1855 г. по 1864 г. он «находился в походах и делах против горских народов». 18 июня 1854 г. вместе со своим 5-м резервным батальоном переходит в состав 20-й пехотной дивизии.

Первое боевое крещение молодой солдат получил в 1855 г., когда с 13 по 25 сентября был в походе в отряде на правом фланге у рек Кифиры и Ураны, 13 сентября в Годшевском лесу, затем на р. Лабе, 25 сентября за р. Кубанью в верховьях р. Казьмы.

В 1856 г. с 22 июня по 20 августа находился с отрядом центра Кавказской линии за реками Кубанью и Лабою у предгорий главного Кавказского хребта.

В 1857 г. Яну Валевскому, который уже проявил себя в боях с неприятелем, вернули дворянство с вручением герольдии с фамильным гербом [1].

26 февраля 1859 г. Валевский был произведён в подпрапорщики со старшинством от 18 июня 1854 г.

В 1860 г. 25 марта произведён в прапорщики Высочайшим Указом Александра II и переведён в Навагинский пехотный полк [2]. В том же году принимал участие в боевых действиях отрядов, собранных по случаю волнений, происшедших в Аргунском и Ичкеринском округах с 1 по 18 сентября «при наблюдении Чеченским отрядом полковника Иверсена входа в Хухулауское ущелье, для охраны Чечни от возмущившихся ичкеринцев».

С 18 сентября по 23 ноября – в главном Чеченском отряде. При этом были следующие дела и перестрелки: с 1 по 16 октября при расширении просека от аула Энгели-Корт к Бишой-Корту и в ноябре при проложении просек к кишлаку Яман-Су, с 13 ноября по 23 декабря в Галашевском отряде под начальством генерал-майора Баженова.

В 1861 г. с 17 ноября по 20 декабря – в составе Чеченского отряда под командованием генерал-майора Кондукова против мятежных шаек Умы, Атабая и других абреков. «При поиске и осмотре аула Томли 22 ноября при преследовании Умы с шайкою абреков».

28 февраля 1862 г. произведён в подпоручики. С 20 ноября 1862 г. по 1 января 1863 г. воевал в составе Дагестанского отряда, действовавшего на пространстве между реками Малою Лабою и Верхнею Пширью и «занимавшегося постройкой новых границ 4-й бригады Кубанского казачьего войска и промежуточного между ними постов, проложением дорог, рубкою леса и заготовлением сена».

В 1863 г. с 1 января по 18 декабря Валевский находился в составе Даховского отряда, «действовавшего наступательно в землях абадзехов, заселявшего казачьими станицами нагорную полосу между верховьями рек Пших и Сонная и пролагавшего дорогу на Пошемский перевал». С 18 декабря 1863 г. по 1 января 1864 г. – в составе Джубгского отряда, участвовавшего в наступлении «в земли шапсугов». В этом же году попадал в перестрелки 23 апреля при нападении на транспорт с провиантом, 9 мая у поста Курджипского, 5 октября при рекогносцировке летучим отрядом Курджипской линии между реками Белой и Курджипс,

во время привала на горе Сходоба, 6 и 7 – при дальнейшем движении того же отряда в станицу Нижегородскую. 30 октября – в деле между станицами Дагестанскую и Нижегородскую «при нападении партии убыхов в 600 человек на три наших команды». 28 декабря 1863 г. подпоручик Валевский переведён в 158-й Кутаисский пехотный полк.

В 1864 г. с 1 января по 12 марта он последний раз участвовал в боевых наступательных действиях и устройстве сооружений в землях шапсугов и абадзехов. В перестрелках был 6 января при фуражировании в ущелье Васхов, 7 января при нападении в ущельи Тариях, 8 и 16 февраля – при движении войск отряда к рекам Швлок и в марте для «очищения от туземцев пространства между реками Мартой и Псекупсом, а также подножий хребта Пших». С 29 февраля по 6 марта «при движении из укрепления Григорьевского на южный склон хребта к устью реки Шу?...».

18 декабря 1864 г. Ян Юзеф был произведён в поручики. За всё время службы на Кавказе ранен и контужен не был.

Награждён был бронзовой медалью в память войны 1853–1856 гг., серебряной медалью за покорение Западного Кавказа, крестом за службу на Кавказе. 3 января 1867 г. «на вакансию произведён в штабс-капитаны».

После окончания Кавказской войны с Западного Кавказа Ян Юзеф Валевский направлен в составе 158-го пехотного Кутаисского полка в г. Кузнецк Саратовской губернии, где женился в возрасте 35 лет на дочери умершего священника Татьяне Андреевне Разцветаевой/Разцветовой (урожденной г. Кузнецка 1844/1843?–1927 г.). Перед женитьбой в 1868 г. принял православие и стал зваться Валевский Иван Николаевич.

В Пензе у Валевских родились старшие дети: сын Николай (1868–1912), мой прадед и дочь Александра (1870). 14 января 1872 г. Иван Николаевич был назначен членом полкового суда, а в 1873 г. – временным членом военного окружного суда в г. Астрахани.

Затем служил при Казанском военном округе, в Казанском военном окружном суде. В г. Казани родились дети Петр (1875–1900) и Елена (1876). 26 июля 1876 г. был произведён в капитаны [4].

Военную службу Иван Николаевич Валевский закончил в Симбирске в чине майора куда переехал с семьёй в 1879 г. Подрастали сыновья Николай и Петр, было решено дать им военное образование в Симбирском кадетском корпусе (далее – СКК). Уже в Симбирске у Валевских родилась дочь Надежда (1883–1978) [3].

Первоначально поселились Валевские в Симбирске на ул. Панской (сейчас ул. Энгельса), а после женитьбы старшего сына Николая (в 1894 г.)

купили двухэтажный деревянный дом на Тихвинском спуске, д. 13, куда вся семья и переехала (в советские годы это была ул. Плеханова, 19, сейчас на месте бывшего дома расположены новые корпуса госпиталя Ветеранов войны). В этом доме Валевские прожили до 1928 г.

Семейная фотография семьи Валевских (ок. 1898 г.)

Скончался Валевский Иван Николаевич 20 декабря 1902 г. и был похоронен на городском кладбище (кладбище на ул. К. Маркса, участок Симбирского кадетского корпуса). На этом кладбище, по преданию, находился семейный склеп Валевских, место это известно, там установлен памятник Николаю Валевскому, старшему сыну Ивана Николаевича, другие Валевские (жена Татьяна Андреевна) похоронены там же.

В моей семье хранится семейная фотография семьи Валевских (ок. 1898 г.). В центре сидит Иван Николаевич Валевский со своей супругой Татьяной Андреевной в окружении детей и внуков.

Старший сын Николай Иванович Валевский, стоит слева, закончил СКК, жил со своей семьёй в Симбирске и служил в 234-м Сызранском резервном батальоне, местном симбирском батальоне, а затем при расформировании последнего – в 195-м Оровайском полку в Нижнем Тагиле.

Младший сын Ивана Николаевича Пётр Иванович Валевский, стоит справа в военной форме, так же, как и старший брат, закончил СКК, служил в Забайкальской казачьей страже на охране КВЖД в Манчжурии и героически погиб под Ляояном, выводя отряд из окружения в июне 1900 г. во время Ихэтуаньского восстания китайцев, георгиевский кавалер, похоронен в Порт-Артуре.

Его дочери – Александра (на фото ее нет), Елена (сидит справа) и Надежда (слева в нижнем ряду) – также жили со своими семьями в Симбирске. Елена и, возможно, Александра покинули Симбирск до революции.

Внуки Валевского Ивана Николаевича родились в Симбирске, учились в СКК и стали участниками и свидетелями известных событий, последовавших после революции 1917 г. Но это уже совсем иная история...

Литература и источники

1. Герольдия Царства Польского, выданная Валевскому Яну Юзефу 23.03.1857. 2 с.
2. Высочайший Указ императора Александра II от 25.03.1860 г. о производстве в прапорщики Яна Юзефа Валевского. 1 с.
3. Высочайший Указ императора Александра II от 1879 г. № 6109 об отставке майора Ивана Валевского, 158-го пехотного Кутаисского полка, 1879. 10 с.
4. Полный послужной список капитана 158-го Пехотного запасного батальона Валевского Ивана Николаевича. Составлен 01.12.1878.12 с.
5. Точная выписка из гражданско-церковных книг прихода Марженин. Акт № 56.1833 г. С. 342.
6. Селицкий А. И. Польская шляхта в социально-правовой системе Российской империи // Поляки в России: XVII–XX вв. Материалы Международной научной конференции (Краснодар, 10–11 июля 2002 г.). – Краснодар, 2003. – С. 113–116.
7. Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. Глава девятая. Последние годы жизни Толстого на Кавказе // tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/gusev-materialy-1828-1855/poslednie-gody-zhizni-na-kavkaze.htm.

Автор выражает искреннюю признательность руководству и сотрудникам Ульяновского областного художественного музея за предоставленные архивные документы.

О. О. РОЗОВ

КРАСНЫЕ ПЯТНА ИСТОРИИ¹

Желание написать эту статью появилось в начале 2016 г. Начиная с августа 2015-го, когда мне впервые стали известны обстоятельства гибели брата родного деда, бывшего подпоручика российской и колчаковской армий Сергея Александровича Розова, в мирное время – мастера по оптике, делавшего очки в ульяновской аптеке № 43.

До этого всё было просто семейным мифом: я знал об этом от отца, давно уже ушедшего из жизни, а тот – от своего отца, моего деда – Михаила Александровича. Был-де родной брат у деда – Сергей. В небольших офицерских чинах – прапорщик или поручик, служил в Белой армии. Попал под репрессии и сгинул в 1930-е гг. в мордовских потьминских лагерях... Приходила к родне какая-то женщина-«мордовка», сказала, что она – жена Сергея Розова, но её никто не знал, и её не приняли. Куда она делась – никто не знает. Всё.

Но неожиданно для меня самого открытая в «Книге памяти жертв политических репрессий» и потом – в материалах следственного дела

¹ Доклад был представлен на конференции «Итоги краеведческого года» 29.03.2016 г.

НКВД информация 1937 г. ожила и стала существовать собственной жизнью, обрастая подробностями, соединяясь, как звенья в цепи, с биографиями других, очень интересных людей, о которых я расскажу позже, и всё это выявилось за несколько месяцев 2015 и 2016 гг.!

Что я знал о семье деда? Почти ничего. Дед Михаил Александрович (1889 г. р.) был старшим из детей – двух братьев и двух сестёр. Рос сильным, видным парнем, был смелым и часто защищал от соседских мальчишек младшего – Сергея (1893 г. р.), о котором, собственно, и пойдёт речь.

Михаил Розов 30 сентября 1911 г. закончил в столице «Санкт-Петербургские железнодорожные курсы, состоящие в ведении Императорского русского технического общества», как гласил его аттестат (железная дорога тогда сильно манила молодёжь). Проработал на ней в Симбирске – Ульяновске всю жизнь товарным кассиром и даже шёл на орден, но получил медаль «За доблестный труд» за работу в годы Отечественной войны. Сёстры Антонина и Мария уехали в Грозный – стали уважаемыми врачами, замуж не вышли. Младший – Сергей, о котором пойдёт речь, – остался в Симбирской мужской гимназии в 5 классе на второй год по математике и немецкому, стал служащим, а затем начал карьеру военного – началась Первая мировая война. Находясь на фронте с 1914 по 1918 гг., дослужился в действующей армии до подпоручика. А вот потом началась Октябрьская революция, и страна закорчилась от внутренних катаклизмов. Появились большевики и эсеры, монархисты и анархисты, белые и красные. Сергей, к тому времени демобилизовавшийся из армии, вернулся домой в Симбирск.

Вот что он рассказал на допросе 20 декабря 1937 г.: «В августе месяце 1918 г. в г. Симбирске был мобилизован <...> и направлен в Симбирский офицерский батальон рядовым, участвовал в боях против Красной армии в районе ст. Охотничья. После сдачи г. Симбирска Красной

Михаил Александрович
Розов

Мать Михаила, Сергея,
Антонины и Марии –
Софья Михайловна Розова.
1934 г.

Прапорщик Ф. Ф. Мейбом

Прапорщик А. Н. Валевский

армии отступил в Заволжье и дальше продолжал отступать до г. Бугульмы в составе этого батальона. По прибытию в г. Бугульму был направлен в г. Барнаул, для формирования, где был назначен в 49-й Сибирский полк в чине подпоручика взводным командиром...».

Прерываюсь. Я, 25 лет занимаясь хроникой гражданской войны на Восточном фронте, с изумлением узнал, что брат деда служил в 49-м Сибирском полку под командованием капитана (затем полковника) Фёдора Мейбома, в составе 13-й Сибирской дивизии. Того самого Мейбома, о котором я несколько лет назад написал статью «Симбирская любовь полковника Мейбома!» Примечательно то, что сформированная в Сибири 13-я Сибирская дивизия пополнилась многими офицерами-волжанами – самарцами и симбирянами, не попавшими в свои части 1-го Волжского армейского корпуса В. О. Каппеля, т. к. по прямому приказу командования её поправляли волжанами, выздоравливающими после болезни или ранений. Так в 13-й Сибирской дивизии оказался симбирянин, выпускник Симбирского кадетского корпуса капитан Александр Николаевич Валевский, а другой выпускник корпуса, 1902 г., полковник Борис Ананьевич Шулькевич (имел в Первую мировую войну орден Св.Георгия IV ст. и Георгиевское оружие) в декабре 1918 г. командовал 51-м Сибирским стрелковым полком, а затем принял 15-ю Омскую дивизию.

Продолжаю рассказ Сергея Розова по материалам следственного дела: «В феврале месяце 1919 г. вместе с частью из г. Барнаула был направлен в г. Ново-Николаевск (сейчас Новосибирск. – О. Р.), а потом выбыл на фронт под г. Челябинск, где принимал участие в боевых операциях против Красной армии...».

Надо пояснить: брошенная под Челябинск 13-я Сибирская дивизия, как и 11-я и 12-я, – были последними резервами адмирала Колчака. Командование дивизии считало её гвардейской и надеялось, что принимать участие в боях ей не придётся. Но командующий Западной армией

генерал К. В. Сахаров думал иначе. Необученные, необстрелянные и недооружённые, 11-я, 12-я и 13-я Сибирские дивизии должны были сыграть роль «пушечного мяса» в разработанной Сахаровым и начальником штаба Верховного Главнокомандующего генералом Д. А. Лебедевым операции по окружению и разгрому 5-й Красной армии под Челябинском. По этому плану Челябинск сознательно оставлялся белыми, в него входила 5-я Красная армия, попадая в «мешок», и её с флангов окружали и зажимали в «клещи» свежие резервные дивизии. Этакая «битва при Каннах», по своему метко названная военным министром Колчака бароном Алексеем Будбергом «Мамаевым побоищем», в котором с обеих сторон сошлось 80000 человек.

Обозначенные дивизии, брошенные в бойню этой «мясорубки» в азарте полководческого зуда Сахарова и Лебедева, развалились, не выдержав испытаний настоящими боями, за исключением как раз 49-го Сибирского полка! Обученный капитаном Мейбомом, тогда командиром батальона, он сумел выстоять, попав в трудную ситуацию и пробился, присоединив к себе остатки разгромленных и изменивших других полков 13-й Сибирской дивизии, за что был назначен командиром этого полка.

Судьба этого волжанина-самарца, кадрового офицера, имев-

Император Николай II на смотре 1-й автомобильной пулемётной роты. Крайний справа – Б. А. Шулькевич

Группа офицеров 49-го Симбирского стрелкового полка после Сибирского Ледяного похода. Чита, март 1920 г. В центре – полковой командир подполковник Ф. Ф. Мейбом. На фото нет получившего ранение подпоручика Сергея Розова

шего много боевых наград в Первую мировую войну, оставившего после себя интереснейшие мемуары «Тернистый путь» и «Гибель 13 Сибирской дивизии» и скончавшегося в Лас-Вегасе в 1978 г., поистине была достойна романа большого писателя! После неудачи с «Каннами», в которых непродуманная операция затянулась и в окружение могла попасть уже сама Западная армия, Колчак отдал приказ отводить её на восток. Остатки 13-й дивизии, которую стал представлять фактически один 49-й полк, отошли к г. Кургану.

Об этом времени позже в мемуарах полковник Ф. Ф. Мейбом написал так: *«Под Курганом во встречном бою наш полк разбил 318-ю советскую дивизию (ошибка, это 318 полк. – О. Р.), забрав в плен около 600 человек, 5 орудий с полной упряжкой, полевой санитарный отряд с двумя докторами и 7-ю сёстрами милосердия. За этот бой генерал Зоценко (командир дивизии. – О. Р.) представил меня к Георгиевскому кресту, но получить его я не смог, так как началось полное отступление нашей армии. С 49-м Сибирским стрелковым полком я прошёл все бои, включая Ледяной Сибирский поход. Состав полка таял, и от тысячного состава оставалась третья часть».*

Бой под Курганом, который описал Мейбом, оказался для взводного командира его полка подпоручика С. А. Розова самым последним. Он также, в свою очередь, в своих «мемуарах» – следственном деле – об этом бое вспоминал: *«...После отступал до г. Кургана, где и был ранен, меня вскоре эвакуировали на лечение в г. Иркутск, где находился в госпитале до декабря 1919 г., по приходу Красной армии в г. Иркутск я был пленён и оставался на лечении до апреля месяца 1920 г...».*

В госпитале Иркутска он пережил и смену власти – поначалу в январе 1920 г. эсеровский Политцентр захватил ненадолго власть в городе, (к сведению: при адмирале А. В. Колчаке губернатором Иркутской губернии был популярный и либеральный деятель П. Д. Яковлев, бывший эсер и политический ссыльный!). К Политцентру в его Народно-революционную армию перешли многие распропагандированные эсерами части разгромленных колчаковских армий. Атаман Забайкальского казачьего войска Г. М. Семёнов, которому Колчак передал управление Восточной окраиной России, отправил военную экспедицию под командованием генерала Л. Скипетрова, чтобы освободить захваченного Колчака и разгромить Политцентр. Но она окончилась неудачей. Затем пришли войска 5-й Красной армии, поглотившей и распустившей все эсеровские военные образования. Прямо из госпиталя Сергея Розова как колчаковского офицера отправляют сначала в концлагерь г. Челябинска,

потом – г. Миасса. Содержание в тех лагерях отличалось скудным питанием, отсутствием медицинского обслуживания и тяжёлым физическим трудом. Но если за заключённого ходатайствовали родственники, то его могли перевести в лагерь «по месту жительства». Сергей действительно сообщал: *«По ходатайству родителей в сентябре 1920 г. переведён в Симбирской концлагерь».*

Этот концлагерь размещался на территории Спасского женского монастыря, где ныне находится ДК «Губернаторский» (сейчас в память о священнослужителях монастыря там установлена часовня, а сам монастырь восстанавливается). Через какое-то время он был выпущен, устроился на службу, женился. С женой Любовью Николаевной (1898 г.р.) они завели троих детей – сына Анатолия (1926 г.р.) и двух дочерей – Тамару (1924 г.р.) и Любовь (1922 г.р.). Проживали на ул. Радищева, 57. По словам архивариуса Антона Шабалкина, это был двухэтажный дом (нижний этаж кирпичный, верхний – деревянный), который находился через дорогу от нынешней «Энтерры». За домом, по воспоминаниям деда, находился огромный сад, где Сергей, будучи ребёнком, однажды потерялся.

В 1931 г. его вновь арестовали органы ОГПУ вместе с рядом бывших белогвардейцев, включая гимназического приятеля Александра Маркелова. Возможно, это было сделано, как и по всей стране, по известному сфабрикованному делу «Весна», когда по стране за службу в Белой армии арестовывались тысячи бывших офицеров и генералов. В частности, был расстрелян в 1931 г. даже бывший командующий Восточным фронтом красных и победитель Колчака бывший царский генерал Владимир Ольдерогге. Сергей был осуждён по статьям 58-10 и 58-11 *«за антисоветскую агитацию и за участие в офицерской организации по подготовке вооружённого восстания против советской власти»*, как было сказано в следственном деле. Он сидел в ульяновской тюрьме, а потом был отправлен в Свирские лагеря (очевидно, строил Беломорканал) «по делу контрреволюционной офицерской организации, существовавшей в г. Симбирске в 1931 г.» под руководством неких Пыла и Соломахи...

Личность упомянутого Соломахи установить удалось: Соломаха Константин Георгиевич – реально существовавший офицер – на конец февраля 1915 г. поручик квартировавшего тогда в Симбирске 163-го Ленкоранско-Нашебургского пехотного полка. В начале мая 1919 г. направлен в распоряжение начальника Главного штаба Верховного Главнокомандующего, полковник. С 24 сентября 1920 г. – в Красной

армии, прикомандирован для работ к отделу формирования системы Всеобщего военного обучения (Всевобуч) РККА (Справочник Всевобуча от 02.10.1920 г.), председатель губернского центра на территории ПриВО, затем был уволен в бессрочный отпуск.

Интересно, что город в 1931 г. давно носит имя Ульяновск, но в деле постоянно именуют его Симбирском. В 1931 г. вместе с С. А. Розовым были осуждены симбиряне-офицеры Маркелов А. Н., Зазнобин А. Н., Куксюк А. М., Ягодинский П., Уклейн, Ушаков Ю. Н., Коростелёв П. Н., Попов В. А., Викторов А. А. Все они, кроме Коростелёва, получили по 3 года, Коростелёв – 5 лет. Все вышеперечисленные офицеры, отбыв срок заключения, благополучно вернулись в Ульяновск и устроились на работу. Сам С. А. Розов стал мастером оптики при городской аптеке № 43, где делал линзы для очков.

В 1937 г. борьба с «врагами народа», как назвал их Сталин, вспыхнула с новой силой. Считается, что импульс к этому дал сам вождь, когда одному из своих соратников, пожаловавшемуся на провалы в работе по построению социализма, указал: да у тебя в канцелярии полно бывших колчаковских офицеров! Поэтому – саботаж и работа не получается! И «враг всех неудач советской власти» был определён и начал активно преследоваться.

Вскоре **приказом наркома НКВД Н. И. Ежова за № 00447 от 30 июля 1937 г. «об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и бывших антисоветских элементов»** по Куйбышевской области, куда входил Ульяновский район, планом предполагалось разоблачить и расстрелять не менее 1000 «врагов народа». На Ульяновск также был спущен план – расстрелять не менее 100 человек, но взятыми повышенными обязательствами «врагов» разоблачено было больше почти в 3 раза. К концу 1937 г. в Ульяновске было расстреляно 347 человек (вместо планируемых 100), в том числе только в декабре – 217. Рвение Н. И. Ежова до определённого момента воспринималось вождём благосклонно, но в 1938 г. пришла и его очередь встать к стенке, как до этого встал туда Генрих Ягода, которого Ежов сменил.

Сергея Розова и многих других арестовали 16 декабря 1937 г., допросили 20-го, на расстрел осудили 30 декабря. Предновогодняя дата была выбрана для того, чтобы можно было успеть отрапортовать областному начальству о выполнении задания. На допросе Сергей Розов перечислил, с кем из вновь осуждённых он был знаком по тюрьме 1931 г. – это были все уже названные выше симбиряне, а также назвал 16 бывших царских и белых офицеров-симбирян, которых лично он знал, или с кем служил в

белых. Это были: Пётр Дардадьонов – работал в «муспрокате» (возможно – в «музпрокате»? – О. Р.); Николай Светухин – работал в техникуме, знакомый по Иркутску 1920 г.; Сергей Осипович Пяткин – экспедитор аптекоуправления, сослуживец С. А. Розова; Александр Николаевич Валевский – учитель с. Кремёнки, бывший сослуживец С. А. Розова по Симбирскому офицерскому батальону; Александр Александрович Викторов – режиссёр из клуба Володарского; Николай Аркадьевич Немков – работал на тароремонтной базе; Александр Эммануилович Кривчиков – военрук из ульяновского пединститута. О нём, в отличие от других, Сергей рассказал подробнее: *«В чине капитана служил в армии Колчака. При отступлении из Симбирска командовал ротой или полком...»*.

Тогда я подумал: зачем уж так подробно о своём брате-офицере рассказывать такое – «командовал полком»? Это же прямая подсказка органам НКВД – да вот он, «враг народа»! Но как затем оказалось, всё было не так просто. Ответ предоставил интернет: я проверил сведения о 43 офицерах, прошедших по этому делу. Ни о ком из них информации найти не удалось, кроме довольно подробной, с обилием фотографий – об Александре Эммануиловиче Кривчикове, также расстрелянном по этому делу. Его судьба оказалась удивительной: симферополец по рождению, Александр Кривчиков в 1902 г. поступил и в 1907 г. окончил Симбирский кадетский корпус. В 1907 г. поступил в Павловское военное училище, которое окончил в 1910 г. Участвовал в Первой мировой войне в составе 212-го пехотного Романовского полка 53-й пехотной дивизии Западного фронта.

Кривчиков воевал героически, был дважды ранен. Награждён почётнейшим орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. После Октябрьской революции служил под командованием Главнокомандующего армиями Восточного фронта Русской армии Генерального штаба генерал-лейтенанта В. О. Каппеля. Командовал 3-м пластунским батальоном 3-го пластунского Оренбургского казачьего полка и, по сведениям, «с ноября 1919 г. командовал 1-м Симбирским полком».

Под Красноярском А. Э. Кривчиков был ранен, без сознания взят в

Поручик А. Э. Кривчиков – офицер 212-го Романовского полка Российской императорской армии, с орденом Св. Владимира IV степени с мечами во время Первой мировой войны

Кавалер Ордена Красного Знамени А. Э. Кривчиков. Ульяновск, 1929 г.

плен и находился 2 месяца в концлагере. Мобилизован советской властью и назначен на должность помощника комполка 5-й дивизии им. 3-го Интернационала. В 1920 г. назначен на должность командира 1-го полка Западно-Сибирской добровольческой бригады Южного фронта.

За боевые действия в Западной Сибири (это было подавление антибольшевистского крестьянского восстания, вызванного продразвёрсткой. – О. Р.) награждён Орденом Красного Знамени. После Гражданской войны работал военруком в пединституте Ульяновска. Арестован 17 декабря 1937 г. Был одним из фигурантов

сфабрированного т.н. «дела Царькова», осуждённых и расстрелянных по решению заседания Особой тройки УНКВД по Куйбышевской области. Среди осуждённых оказалось 90 (!) бывших кадет-симбирян и их воспитателей, включая последнего начальника Симбирского кадетского корпуса ген. Жолтикова, воспитателей П. Я. Гречкина (первого директора Областного краеведческого музея в 1918–1938 гг.), А. Ф. Мирандова, Н. А. Царькова.

Скорее всего, среди арестованных по этому делу считалось, что орденосца Александра Кривчикова взяли по ошибке (сколько ведь тогда было таких «ошибок»! Маршалов сажали и затем расстреливали), и он никакого отношения к белогвардейским «отщепенцам» не имеет, так как заслужил своей службой «прощение» советской власти и даже очень отличился перед ней! Думаю, для бывших белых офицеров Кривчиков был «отрезанным ломтём», как и они для него...

Последним вопросом следователя был такой: *«Следствием установлено, что Вы, Розов С. А. являетесь членом контрреволюционной белогвардейской повстанческой вооружённой организации. Следствие предлагает Вам дать откровенные показания по существу этого вопроса»*. На это С. А. Розов ответил: *«Виновным, что я состою членом контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации себя не признаю»*. 30 декабря всем был вынесен расстрельный приговор, и он был приведён в исполнение.

Полная реабилитация «дважды незаконно репрессированного», как сказано в «Книге Памяти жертв политических репрессий», Розова С. А., состоялась в апреле 1989 г.

А теперь о том, почему я решил написать эту статью. В августе 2015 г., через неделю после того, как я получил копию материалов следственного дела С. А. Розова, я сидел в кафе и вновь и вновь перечитывал эти материалы. Ко мне подошёл уже немолодой человек, отрекомендовался: «Юрий Александрович Крючков» и поинтересовался, что за документы я изучаю. Я рассказал. Тогда и он сказал, что у его жены в 1937 г. был репрессирован отец – офицер Дмитрий Василькович Миртов, а о жертвах репрессий в Ульяновске выходила статья «Белое пятно». Я посмотрел свой листок, куда записал фамилии 43-х человек, осуждённых по делу С. Розова и А. Кривчикова. Среди них был и прапорщик Д. В. Миртов! Мы оба были в шоке. Нас одинаково накрыла эта «новость» 80-летней давности! А ещё недавно я получил электронной почтой письмо из Лондона от внучки первого директора краеведческого музея Ульяновска Павла Яковлевича Гречкина, бывшего офицера-воспитателя Симбирского кадетского корпуса, расстрелянного в том же декабре 1937 г., которая интересовалась, нет ли о её деде новых сведений?

Совсем недавно судьба познакомила меня с Иваном Валентиновичем Погодиным – внучатым племянником А. Н. Валевского, которого вместе с братом Петром Валевским расстреляли по этому делу. Братья на допросе промолчали о своём третьем брате Георгии, также кадете Симбирского кадетского корпуса и офицере, и тот в сети НКВД не попал. Бабушка Ивана Валентиновича сохранила много семейных документов Валевских, отыскался «дембельский» альбом братьев-кадетов, а в нём – масса фотографий из жизни кадет, фото преподавателей, в т. ч. и Гречкина. О С. Розове Александр благородно на допросе сказал, что знал прапорщика Розова, хотя по службе в офицерском батальоне тот уже тогда был подпоручиком.

Необходимо, чтобы вот из этой «лагерной пыли», которая только и осталась от бесчисленного множества безвинно осуждённых людей, навсегда сохранилась о них память. О наших предках. Восстановилась связь времён, и вновь на нас взглянули наши родственники, живые люди, от которых не осталось ни фотографий, ни документов – ведь в 1937–1938-х гг. и позднее хранить их было опасно, и от них избавлялись. О страшных событиях тех лет люди должны помнить для того, чтобы подобное больше никогда не повторилось.

Рисунок А. Н. Валевского, 1922 г.

Литература и источники

1. Материалы следственного дела С. А. Розова, 1937 г.
2. Книга Памяти жертв политических репрессий. – Ульяновск, 1996.
3. Официальный сайт историка С. В. Волкова.
4. Информационный портал Upravda.ru от 28.01.18 г.
5. Кривчиков Александр Эммануилович. Материалы из Википедии.
6. Рисунки А. Н. Вальевского из фондов Ульяновского областного художественного музея.

И. А. ШАМИГУЛОВА

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ НЕВЕРОВ-СКОБЕЛЕВ И СИМБИРСКОЕ – САМАРСКОЕ ЗАВОЛЖЬЕ¹

В памяти людей, близко знавших русского советского писателя А. С. Неверова-Скобелева, он остался светлым душой, чист помыслами, неутомим в труде на благо советской литературы.

2015 год – год литературы в России. 25 декабря 2015 г. исполнится 129 лет со дня рождения А. С. Неверова-Скобелева.

Цель краеведческого исследования о жизни и творчестве советского писателя А. С. Неверова-Скобелева: популяризация знаний о писателе-земляке, жизнь и творчество которого связаны с Симбирским – Самарским Заволжьем; создание выставки «А. С. Неверов и Симбирский – Самарский край» в Димитровградском краеведческом музее на основе исследований, в которых особое внимание обращено на жизнь и творчество А. С. Неверова в городах Мелекесс, Самара и селах Ставропольского уезда Самарской губернии к 130-летию писателя в 2016 г.; проведение экскурсий в музее для жителей города и гостей.

Основные методические приемы при проведении краеведческого исследования: источниковедческий анализ воспоминаний, статей, библиографии, посвященных Александру Сергеевичу Неверову-Скобелеву; изучение документов фонда Димитровградского краеведческого музея, связанных с именем А. С. Неверова-Скобелева; установление творческих связей ДКМ с СКЦ «Красноречье» Старомайнского района в 2006 г.; поездка в СКЦ «Красноречье» и посещение школьного музея с. Новиковка, участие в фольклорном фестивале в с. Красная река СКЦ «Красноречье» в 2006 г.

А. С. Неверов родился 25 декабря (12 декабря по ст. ст.) 1886 г. в с. Новиковка Ясашно-Помряскинской волости Ставропольского уезда

¹ Доклад был представлен на конференции «Итоги краеведческого года» 27.03.2015 г.

Самарской губернии в бедной крестьянской семье. Из 37 лет, прожитых Неверовым, 35 лет он прожил в Симбирском – Самарском Заволжье и г. Самара. В мае 1922 г. Неверов навсегда покинул Самару, переехав жить и работать в Москву. 24 декабря 1923 г., за день до своего дня рождения, когда ему исполнилось бы 37 лет, он внезапно умер от паралича сердца.

Сохранилось много воспоминаний о нём родных и близких ему людей, друзей, коллег – писателей и поэтов. Свои воспоминания об А. С. Неверове-Скобелеве оставили известные советские писатели Н. Степной, Ф. Gladков, А. Новиков-Прибой, П. Дорохов, П. Яровой и другие. Он состоял в переписке с М. Горьким, В. Короленко. Воспоминания современников помогают воспроизвести образ талантливого писателя, замечательного рассказчика и чтеца литературных произведений, актёра, драматурга и режиссёра, весёлого, общительного, интересного собеседника, доброго и отзывчивого человека. Его литературное наследие: романы, повести, рассказы, пьесы, статьи известны в России, много раз переиздавались. Самые известные его литературные произведения повесть «Ташкент – город хлебный» и роман «Гуси-лебеди» стали классикой советской литературы, по повести советскими кинематографистами поставлен одноимённый фильм.

Имя А. С. Неверова-Скобелева связано с г. Мелекессом – Димитровградом. С 1851 до 1943 гг. Мелекесс входил в состав Самарской губернии. А. С. Неверов жил в сёлах Самарской губернии, жил в посаде Мелекесс, жил в Самаре. Мы по праву можем считать его своим земляком и гордиться этим.

Село Новиковка Ясашно-Помряскинской волости Ставропольского уезда протянулось вдоль Красной реки и в начале XX в. имело 259 дворов, 1169 жителей, на пригорке стояла красивая каменная церковь Покрова Богородицы, построенная ещё в 1776 г., недалеко находилась барская усадьба помещиков Лазаревых. В селе работала церковноприходская школа. Места вокруг были живописные, лес, река, природа замечательная. Здесь будущий писатель провёл в доме деда детство. Здесь выучился грамоте у дьячка, окончив церковно-приходскую школу, здесь пришло к нему желание писать стихи и рассказы.

Позднее он вспоминал о своих первых поэтических попытках: «Вышло это удивительно и неожиданно. Увидел на стене картину со стихами и попробовал сам сочинить. Это было роковое начало. Смех мужиков и баб, вызванный моим первым стихотворением, определил мой дальнейший путь». В это время Саше было 12 лет.

Вот как вспоминает о своей семье и о старшем брате младшая сестра Саши Александра Сергеевна Панкова-Скобелева. Среди пятерых детей в семье Скобелевых Саша был средним. Мать, Матрёна Николаевна, неграмотная крестьянка с мягким, отзывчивым сердцем, умерла в 1898 г., когда младшей дочке Александре было всего 2 года, а Саше было в это время 12 лет. Дети росли в обширном деревенском доме гостеприимного и хозяйственного деда по матери Николая Семёновича Елисеева [1, с. 8]. Отец, Сергей Иванович, выпивал, нередко обижал мать. После смерти Матрёны Николаевны и вовсе бросил детей на попечение деда и уехал в Самару, где женился и имел ещё троих детей. Дед Николай Семёнович вырастил внуков сам. Саша был очень способным мальчиком, научился грамоте до поступления в школу. Дед, радуясь способностям Саши, задумал пустить его «по торговой части». В год смерти матери Саша приехал к отцу в Самару, где недолго работал в губернской типографии, но быстро сбежал к деду в Новиковку.

Дед надеялся, что из грамотея внука со временем, выйдет хороший торговец. Так Саша оказался в должности «мальчика» при галантерейной лавке купца Никифорова в с. Старая Майна, что в 18 верстах от Новиковки. К осени 1902 г. дед перевёз его, 15-летнего внука, в посад Мелекес в мануфактурный магазин купца Березина, что стоял на ул. Конной (ныне это ул. Гагарина). Здесь Саша Скобелев служил год [1, с. 9].

Посад Мелекес представлял в то время богатое, благоустроенное по российским меркам городское поселение, в котором проживало около 13 тыс. человек. Это был второй по величине, промышленному развитию, торговому значению город в Самарской губернии. Относился он, как и вся территория нынешнего ульяновского Заволжья, к Ставропольскому уезду Самарской губернии.

Мануфактурный магазин купца Березина, в котором работал Саша Скобелев прислугой, находился на месте нынешнего магазина «Центральный», что на ул. Гагарина. Во времена проживания в Мелекесе Саши Скобелева улица называлась Конная. Тайком от хозяина в редко выдававшееся свободное время Саша читал книги, сочинял стихи, которые потом читал кухарке Аксинье – единственной своей слушательнице. Слушая стихи, от полноты чувств, вызванных стихами, Аксинья и плакала, и смеялась.

Случайно Александр узнал, что в посаде на ул. Большой живёт сочинитель, которому присылают деньги за стихи из Петербурга. Это был поэт-самоучка, крестьянин из с. Кандаковка Рязановской волости Ставропольского уезда Самарской губернии Спиридон Васильевич

Денисов. Александр отважился встретиться с ним. Через много лет он вспоминает об этом: «И вот, очутившись в Мелекесе, я разыскал сочинителя, раскрыл перед ним непонятную тоскующую душу, показал свои опыты и получил ответ: "Надо учиться, знать размер, ударения". Спиридон Васильевич внимательно отнёсся к юноше, порекомендовал ему поступить в Озёрскую второклассную школу, дававшую право по окончании учёбы "учителя грамоты"» [12, с. 4].

В 1903 г., когда Саша Скобелев обратился за советом к С. В. Денисову, поэт был уже в возрасте 51 года. Он был известным в посаде Мелекес человеком. Его стихотворения печатали в петербургском журнале «Чтение для народа», вышли сборники его стихотворений. Одним из самых известных стихотворений была ода «Волга». Поэт-крестьянин проживал в 1903 г. в посаде Мелекес на ул. Большая. Можно считать, что именно этот человек дал крестьянскому юноше Саше Скобелеву «путевку в жизнь» [Приложение].

С. В. Денисов был не единственным человеком, повлиявшим на судьбу юноши. Обращался Саша Скобелев за помощью и к мелекесскому священнику Высокову, и к старичку-живописцу, имени которого Саша не запомнил. Священник Высоков дал Саше рекомендацию в Озерскую второклассную школу и познакомил с маленьким седым старичком-живописцем. Художник пригласил юношу к себе на квартиру, ободрил, успокоил и решил устроить в Вольскую учительскую семинарию, но прежде нужно было окончить Озерскую второклассную школу, где экзамены проще. Он дал Саше на дорогу рубль денег. Саша отслужил молебен за пяточок, покрестился на соборную колокольню Красной церкви – собор Александра Невского в Мелекесе и с сумочкой за плечами отправился пешком за 40 вёрст в с. Озёрки [12, с. 5].

Таким образом, служить по торговой части Саше пришлось недолго. В 1903 г. он, не спросив деда, покинул березинский магазин и ушёл из Мелекеса в Озерки, чтобы продолжить учебу.

Сохранились любопытные описания с. Озёрки в то время, когда там учился Неверов. Они оставлены одним из учителей Озёрской школы, который был в течение ряда лет близко знаком с Неверовым. Это был Алексей Иванович Свидаерский.

Озёрки были волостным центром. Три четверти населения – крестьяне. Остальные жители относились к мещанскому и дворянскому сословиям. Село большое, раскинулось по берегам крутого, поросшего тальником оврага. Вокруг – степь, в полуверсте – дубовая роща. В селе были две школы: второклассная и земская начальная, две церкви и две

торговые лавки: Кандашева – хозяйственная и Слепцова – бакалейная. Богатый крестьянин Клюев держал кабак. Больницы в Озёрках не было, небольшая больница находилась в 18 верстах, в с. Чердаклы. Озёрских больных обычно пользовали знахари и «костоправы».

Главной улицей села считалась Панская, проходившая по левому берегу оврага. По субботам в Озёрках происходили базары, на которые съезжалось крестьянство и мещанство со всей округи. Побродить по базару, послушать, о чём там говорят, а нередко и завязать беседу с приезжими было для Саши Скобелева обычным делом. Его каждую субботу видели в базарной толчее. Так в общении с людьми он постигал жизнь. Озёрские наблюдения легли в основу его первых рассказов.

Озёрская второклассная школа готовила учителей для деревенских «школ грамоты». Это было типичное учебное заведение церковного ведомства. На первом месте стояло изучение «священной истории», церковнославянского языка, катехизиса, заучивание молитв. Объём изучаемых дисциплин был ограничен. В трёх отделениях школы обучались около 60 человек в возрасте от 13–14 до 18–19 лет.

В то время, когда А. И. Свидацкий работал в школе, Саша Скобелев был самым способным учеником. По его воспоминаниям, это был паренёк среднего роста, с открытым живым взглядом серых глаз, с густой и волнистой шевелюрой. Он отличался от сверстников начитанностью и был влюблён в художественную литературу.

Три года, с 1903 г. по 1906 г. учился Александр Скобелев в Озёрках. Он считался первым учеником, много читал, серьёзно относился к учёбе. Осенью 1904 г. в Озёрках, как и по всей стране, чувствовалось приближение революции. Политикой интересовались и учителя, и ученики. Саша Скобелев не был исключением. Кроме учёбы занимался революционной деятельностью. В 1906 г. он возглавил ученическую забастовку, которая выдвинула «Петицию» – требования, написанные Скобелевым. «Петиция» требовала превращения школы из церковной в общеобразовательную, передачи её в ведение земства, бесплатного обучения, расширения программы за счёт гуманитарных и естественных наук, улучшения питания. Требования учащихся не были выполнены. Занятия после забастовки продолжались, в начале лета состоялся последний выпуск школы. Но дело этим не кончилось. Ещё в феврале 1906 г. заведующий Озёрской школой Сунгуров написал донос в полицию на Скобелева (Неверова), назвал его «богоотступником» и требовал наказать. Саша Скобелев оказался на подозрении полиции. Это подозрение преследовало его до революции 1917 г. [2, с. 12–21].

В середине мая 1906 г. А. С. Неверов окончил Озёрскую школу и получил звание учителя «школы грамоты». Вместе с тем он имел репутацию «врага церкви», «политически неблагонадёжного человека». Этот выпуск школы был в Озёрках последним. Школу закрыли за то, что она стала выпускать людей, не признающих «ни Бога, ни царя».

Будучи учащимся Озёрской школы грамоты, А. С. Неверов начал свой писательский путь. Он писал стихи, в основном сатирические, рассказы. В 1906 г. его рассказы «Горе залил» и «Свой человек» были напечатаны в столичном журнале «Вестник трезвости». Как он был тогда счастлив! Не расставался с номером журнала, где был напечатан его рассказ. С журналом он снялся на фотографии выпускников Озёрской школы.

В 1906 г. началась педагогическая деятельность Неверова. Он работал учителем в школе грамоты в д. Новый Письмерь Ставропольского уезда, ныне Мелекесского района, в сёлах Камышовка, Колодная, Супонево и Елань Самарской губернии.

Ранней осенью 1906 г. по д. Новый Письмерь Ставропольского уезда Самарской губернии разнеслась весть: приехал новый учитель, Скобелев Александр Сергеевич. Скоро все его перевидали. Молодой, сероглазый, немногословный, в потрёпанной стёганой куртке, на ногах – ступни (разновидность лаптей). Пожитков нет, только связка книг. Не стал, как прежние учителя, квартировать у богачей Царёвых, а поселился у бедного крестьянина Н. М. Иванова. Деревенский богачей Царёв посмеивался в бороду: «Фамилия генеральская, а с нищим схож...».

Деревня Новый Письмерь была небольшая – дворов пятьдесят. Расположилась она на землях, арендованных пришлыми безземельными крестьянами в удельном ведомстве. Земли не хватало, а из-за леса и пастбищ у мужиков шли постоянные распри с местной администрацией ведомства.

Своё название деревня получила по речке Письмерке, протекавшей вблизи. Ещё её называли Заведенье, что значило: тут завелись хозяйством. Люди жили в бедности и темноте. Многие были неграмотны.

Детям новый учитель понравился. Всё у него было интересно в рассказе: про зверей и птиц, про звёзды и небо. Сблизился он и с крестьянами. Рассказали мужики новому учителю о притеснениях, которые они терпят от мелекесского купца И. И. Хайдарова и управляющего вторым сахчинским имением удельного ведомства Икорникова. Новый учитель А. С. Скобелев написал несколько статей об этих притеснениях в газету «Симбирские вести». Когда газеты пришли в деревню, их прочитали

крестьянам. Мужики осмелели, и началась смута. Купец И. И. Хайдоров приехал из Мелекесса в Письмерь, чтобы разобраться с учителем и мужиками. А мужики встретили его вилами да топорами. Купец не мешкая уехал назад в Мелекесс, вызвал из Самары карательный отряд. Началось дознание. Пришлось учителю Скобелеву уехать из Нового Письмеря в деревню Старую Бесовку и спрятаться у знакомых [3, с. 23–28].

Продолжить учительскую деятельность после описанных событий Скобелев в Новом Письмере не мог. С 1907 по 1910 гг. он работал в д. Камышовке Ставропольского уезда Самарской губернии. Об этом периоде его жизни рассказывают Васса Фроловна Чуваева – учительница из с. Новиковка, друг Неверова, поэт и учитель Фёдор Петрович Муромцев и жена писателя Пелагея Андреевна Скобелева-Неверова, в девичестве Зеленцова.

Работая в Камышовке учителем, на время летнего отпуска Неверов приезжал в родное с. Новиковку в течение нескольких лет подряд. Было это в летние месяцы 1907–1910 гг. Там он общался с учителями местной школы, читал им вслух и даже выпускал рукописный журнал «Полушка». Это были тощие тетрабочки в осьмушку писчего листа, исписанные его мелким, но разборчивым почерком. В журнале он помещал короткие зарисовки из жизни крестьян, духовенства, учителей. Были также стихи, эпиграммы, карикатуры. Журнал читали все жители Новиковки, кто умел читать.

Летом 1908 г. А. Неверов сдал экстерном экзамены в Ставропольском городском трёхклассном училище. Он получил звание «учителя начальных училищ». Теперь он имел право занимать учительские должности в земских школах и школах Министерства народного просвещения. По словам самого Неверова, место его теперешней службы д. Камышовка кажется ему не таким глухим и заброшенным, как Новый Письмерь. В 1909 г. в августовском номере журнала «Современный мир» был напечатан рассказ А. Неверова «Музыка». В учительских кругах он произвёл сенсацию. Этот рассказ стоит в ряду лучших произведений Неверова по яркости обрисовки персонажей, по социальной заострённости, по простоте фабулы. Сюжетом для рассказа «Музыка» послужили воспоминания о родном с. Новиковка [4, с. 34–37].

В Камышовке он пишет также рассказ «Под песнь вьюги». Сюжетом послужил действительный факт. Камышовский крестьянин-бедняк Силантьев направлялся в с. Озёрки и по пути замерз. Когда Неверов увидел труп с комом земли в руке, он сказал: «Эх, бедный, век мечтал о земле, да так и умер с комышком кормилицы».

Материально жил Неверов очень скромно. На первый свой солидный гонорар, полученный за рассказ «Музыка», он купил себе костюм.

В 1909 г. произошло знакомство П. А. Зеленцовой, учительницы церковноприходской школы в д. Андреевка Ставропольского уезда Самарской губернии, что в 12-ти верстах была от Камышовки, с А. С. Неверовым. Как вспоминает Пелагея Андреевна: «Александр Сергеевич мне не понравился». Знакомство произошло так.

Однажды весной 1909 г. подруга сообщила Пелагее Андреевне, что к ней приходили трое учителей и один из них писатель – Скобелев-Неверов. Уговорились встретиться у обедни в церкви соседнего чувашского с. Калмаюр, где была церковь, после обедни чай попить с пирогами у священника, погулять за селом. Все веселились, болтали. Пелагея Андреевна была очень застенчива, во всеобщем веселье участие не принимала, шла чуть поодаль и рвала цветы. Второй раз встретились на учительских курсах в Самаре летом того же года. Кончились курсы, Пелагея Андреевна уехала в родное с. Мусорка на каникулы. Вскоре получила письмо от А. Неверова с его фотографией и надписью на обороте латинскими буквами: «На память хорошей скромной девушке, которую полюбил». После описанного знакомства А. Неверов старался чаще встречаться с П. Зеленцовой. Новый рассказ «Серые дни», напечатанный в журнале «Русское богатство», он выпустил с надписью: «Посвящается П. А. Зеленцовой». Это её смутило и заставило обратить внимание на влюблённого писателя. В рассказе А. Неверов описал учительницу Валентину, удивительно похожую на П. А. Зеленцову [5, с. 38–48].

А. С. Неверов продолжал писать рассказы, переписывался с русским писателем В. Г. Короленко, который очень одобрял талант Неверова и поддерживал его морально. Трудно было, не имея литературного образования, проживая в деревенской глуши, писать хорошо. Но А. С. Неверова спасали природный талант, наблюдательность, трудолюбие, стремление много читать и заниматься самообразованием. Поэтому получалось у него хорошо.

В июле 1912 г. состоялось венчание А. С. Неверова и П. А. Зеленцовой. Невесте пришлось купить жениху к венцу рубашку и пиджак, так как вид у него был далеко не жениховский, как она вспоминала позже. Весной 1913 г. в семье родился сын Борис. Молодые родители переехали в с. Елань, что находилось на юге Самарской губернии. В центре села на сельской площади рядом с церковью стояла новая школа и при школе квартира для учителя. Неверовы ликовали, что выбрались из мрачных грязных изб, где до этого приходилось жить.

Живя в Елани, А. С. Неверов, как и раньше, много читал, выписывал журналы, книги, вёл переписку с литераторами. Его многое увлекало. Всё делал аккуратно и старательно: грядки в огороде ровные, плетень заплетёт – любой мужик позавидует, хворост нарубит, книгу переплетёт, на швейной машинке сошьёт всё, что нужно. Увлечения его проходили быстро. Только в литературе у него было неизмеримое и неизменное упорство [6, с. 38–48].

Зимой 1914 г., перед святками, А. Неверов был призван в армию. Служил недалеко от Самары в Иващенкове, теперь это г. Чапаевск. Переписывался с А. М. Горьким. Был определён на фельдшерские курсы, закончил их, стал ротным фельдшером при местном военном лазарете. В это время у него всё чаще стали проявляться признаки болезни сердца. Врач советовал бросить курить, а курил Неверов очень много.

Осенью 1917 г. А. Неверова и других учителей отпустили со службы, он вернулся домой в Елань, продолжил работу в школе. Весной 1918 г. переболел тифом и еле выжил. После болезни с семьёй окончательно переехал в Самару, чтобы заниматься исключительно литературным трудом [5, с. 46–48].

Во время Гражданской войны с весны 1918 г. после переезда в Самару А. С. Неверов-Скобелев служит идеалам «великого всенародного Учредительного собрания», призвавшего народ к сплочению во имя восстановления в стране «закона, покоя и порядка». Эта новая революционная власть вошла в историю как КОМУЧ – комитет из представителей городских дум и земских управ – Комитет Учредительного собрания. На своем знамени КОМУЧ начертал: «Единая независимая свободная Россия!». Приказом № 1 от 8 июня 1918 г. объявлялась низложенной большевистская власть в Самарской губернии, отменялись все введенные ею ограничения и стеснения в свободах, комиссаров отрешили от занимаемых ими должностей, был упразднен революционный трибунал, распущены Советы... Российская Демократическая Федеративная Республика (РДФР), провозглашенная в Среднем Поволжье и на Урале, просуществовала пять месяцев. А. С. Неверов работал в печатном издании КОМУЧА. Осенью 1918 г. в Самаре была установлена власть большевиков. В декабре 1919 г. в Самаре выходил журнал «Красная Армия» – литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник штаба Туркестанского фронта, которым командовал М. В. Фрунзе. Он распространялся в Южной группе советских армий и служил действенным средством большевистской агитации и пропаганды. Редактором журнала стал А. С. Неверов. Советский писатель П. Яро-

вой (Федот Емельянович Комаров, 1887–1951) вспоминал: «Работаем втроём. Комната большая, в ней – горы бумаги, вышедшие листовки, связки журналов, подготовленных к отправке. Сидели мы одетыми – холод бывал постоянным нашим гостем. Работа не ограничивалась исполнением наших прямых обязанностей. Мы были и корректорами, и выпускающими, и грузчиками. Писали статьи и рассказы для журнала, выпускали листовки, воззвания, плакаты. Каждый день был наполнен трудовым содержанием, посвящён служению революции» [6, с. 62].

В Самаре в это же время существовало литературное общество «Звено». Самарские литераторы собирались по пятницам и средам у поэта Якова Тисленко, у литератора Б. Краснослободского. Читали свои произведения, спорили, критиковали. В начале февраля 1920 г. А. Неверов читал в «Звене» первые главы романа «Гуси-лебеди». Роман не понравился членам литературного кружка. Провал первого чтения романа привёл к сердечному приступу у А. С. Неверова. Пришлось вызвать санитарную линейку и дежурного лекпома (помощника лекаря) из самарского дивизиона, как вспоминал об этом событии Н. Г. Виноградов-Мамонт – драматург и театральный деятель, бывший офицер царской армии, в гражданской войне – командир Красной Армии. Но это были временные неудачи. Успех романа был ещё впереди [7, с. 54–56].

А. С. Неверов был не только писателем. О его таланте драматурга, режиссёра, артиста вспоминает Мария Николаевна Денисова – одна из первых исполнительниц роли Татьяны в драме А. Неверова «Захарова смерть». Её знакомство с А. Неверовым состоялось в суровые дни 1921 г. в Самаре. Отгремели грозы гражданской войны, Советская республика в обстановке разрухи и голода начинала строить новую жизнь. Самым популярным драматургом в то время был М. Горький. Его пьесы ставили и исполняли с большим подъёмом. В Самаре решили поставить драму А. Неверова силами труппы рабоче-крестьянского театра «Красноармеец». В неё входил и Н. К. Симонов, впоследствии народный артист СССР, Герой Социалистического труда. В бывшем кинотеатре «Триумф» собрались члены драмкружка для встречи с автором пьесы «Захарова смерть». На встрече А. С. Неверов предупредил, что пьеса не похожа на многое из того, что драмкружковцы играли до сих пор. В ней нет длинных монологов. Герои – передовые люди деревни, ведущие борьбу с прошлым, отягощающим жизнь. Он читал очень выразительно, его внимательно слушали. Пьеса была смелой попыткой проложить путь новому, революционно-реалистическому репертуару.

Премьера состоялась 20–25 марта 1921 г. В театре было холодно.

Зал был полон. Публика была красноармейская и часть горожан, интеллигенции, были самарские писатели. После первого акта раздали аплодисменты. По окончании спектакля в зале разразилась бурная овация. А. С. Неверова и артистов много раз вызывали на сцену. Он был бледен и взволнован. Позднее он сам не раз исполнял роль Захара в своей пьесе и делал это мастерски. Он был многогранно талантлив: драматург, режиссёр, артист в одном лице [8, с. 73–77].

Во время голода 1921–1922 гг. его семья страшно бедствовала. Говорили, что дети его были при смерти. Сам он был истощён до крайности и держался ценой нервного напряжения.

Близкий друг А. С. Неверова Н. Степной (Николай Александрович Афиногенов), с которым он дружил многие годы, вспоминал об этом трудном времени так. «Это было в голодном 1921 г. Мы с Неверовым находились в десяти верстах от Самары в санатории и обдумывали, как быть дальше, чем кормить семью. Жара. Пыль. По дорогам скрипели телеги, днём и ночью двигались пешеходы. Люди, спасаясь от голода, что-то предпринимали, куда-то спешили. А мы пока ещё только смотрели на них <...> Говорили о том, что есть такой город – Ташкент, где за одни сапоги дают три пуда муки (48 кг). Надо и нам, брат, ехать...».

Вещей на обмен у друзей не было. Решили продать книги и на вырученные деньги купить хлеб в Ташкенте. Полученных от книг денег было мало. Выехали 12 августа 1921 г. вчетвером: самарские писатели П. Дорохов, Н. Степной, А. Неверов и сводный брат по отцу А. С. Неверова П. Скобелев. Ехали целый месяц, останавливаясь на каждой станции, где меняют паровозные бригады, на два-три дня. В дороге видели много страшного. На остановках вагоны осаждали голодающие, дети просили даже арбузные и дынные корки. Решили по пути следования, пользуясь длительными стоянками поезда в крупных городах, устраивать литературные вечера. Первый вечер устроили в Оренбурге. Но выступить не пришлось, остановка поезда была короткой, хотя афиши были расклеены и билеты проданы. Выступали в Актюбинске, Перове, Туркестане. А. С. Неверов замечательно умел читать и имел большой успех.

В Ташкенте писатели выступали в саду им. Луначарского, так как закрытого помещения оказалось мало. Слушателей собралось свыше тысячи человек. Вечере участвовали и ташкентские писатели, но наибольшее впечатление на собравшихся слушателей произвёл А. С. Неверов. Он читал свои рассказы. В Самарканде за устройство литературного вечера в одной из красноармейских частей друзьям дали 4 пуда риса

(64 кг). Это было целое состояние по тем временам. В Джуме выступать Неверову было не в чем, «парадный» пиджак он променял на муку. Пришлось собирать, у кого что есть, чтобы кое-как одеть его. Вечер прошёл удачно. Поехали обратно. Вся поездка длилась два с половиной месяца. Вернулись больные, грязные, оборванные до живописности. Александр Сергеевич вернулся в шляпе и лаптях. Муку привёз, около 15–20 пудов. Приехали в Самару. Неверов был счастлив. Есть хлеб, есть дрова, можно жить и работать. Под впечатлением увиденного в пути до Ташкента А. С. Неверов написал повесть под названием: «Ташкент – город хлебный» [9, с. 92–96].

Пережив страшную зиму 1921–1922 гг., А. С. Неверов в апреле 1922 г. переехал с семьёй в Москву. Он долго колебался, но всё же решился. Друзьям он говорил, что «лучше быть последним в столице, чем первым в провинции».

Поселился он в Москве на Большой Полянке. Ему дали две комнаты в хорошем районе. Шёл 1923 г., последний год его жизни. Он дописывал повесть «Ташкент – город хлебный», роман «Гуси-лебеди». Продолжал писать рассказы о деревне, которую досконально знал. Работал для журналов «Работница», «Крестьянка», «Крокодил». Помещая в журналах маленькие рассказы, он подписывался «Насмешник» или «Свойский». По воспоминаниям Ильи Кремлёва – русского советского прозаика и драматурга, в Москве он сохранил свой деревенский уклад жизни, был стеснительным человеком, когда дело касалось его семьи. К себе никого не звал, с женой, Пелагеей Андреевной, не знакомил, на вечеринки и праздники приходил без жены, один. В Москве он состоял во «Всероссийской ассоциации пролетарских писателей» и литературном объединении «Кузница» [10, с. 125–126].

Обратимся к воспоминаниям Екатерины Васильевны Семёновой-Жарской и Якова Георгиевича Мирского о последних месяцах жизни замечательного писателя, когда он жил и работал в Москве. Сам того не осознавая, осенью 1923 г. А. С. Неверов приехал в родные места, в Заволжье, чтобы проститься с ними навсегда. Места, связанные с юностью, любовью, первыми литературными работами, были дороги его сердцу. Цель поездки состояла в том, чтобы посмотреть, как после Гражданской войны и голода 1921–1922 гг. налаживается жизнь в деревне. Он побывал в Мелекессе, Чердаклах, Старой Майне, Кремёнках, Никольском, Кошках, в коммуне им. «Розы Люксембург» в с. Мусорке и других уголках Заволжья. Путешествовал он с инструктором Мелекесского уездного комитета РКП (б) Е. В. Семёновой. Мелекесский уисполком выдал

Неверову «открытый лист». Этот документ давал право передвигаться на очередных крестьянских подводах от одного населённого пункта до другого. Во время поездки Неверов встречался с крестьянами, учителями, детьми. Он читал на собраниях сельских жителей свои рассказы, отрывки из романа и повестей.

После поездки появился очерк «Коммуна Роза», рассказ «Шкрабы», что означает – школьные работники. В коммуне «Розе» Неверов наблюдал, как работают коммунары, навестил школу. После возвращения в Москву он выполнил обещание, данное им школьным работникам и детям. В школу для детей коммунаров поступили новые учебные пособия и приехал новый учитель [11, с. 116–121].

Вечером 24 декабря 1923 г. Неверов был весел, шутил и смеялся. И вдруг замер с серьёзным лицом, простоял, целых полминуты молча, потом сказал: «Мне нехорошо». И ушел от друзей. Утренние газеты 25 декабря 1923 г. сообщили о внезапной смерти пролетарского писателя Александра Сергеевича Неверова.

В г. Мелекесе всегда помнили писателя. С 1926 г. по 1934 г. Единая Трудовая школа II ступени носила его имя. После его смерти ул. Пивоваренная, где он жил в Мелекесе в 1902 г., была переименована в улицу им. А. С. Неверова. С декабря 2014 г. Библиотека семейного чтения г. Дмитровграда носит имя писателя А. С. Неверова-Скобелева.

Приложение

О поэте крестьянине Спиридоне Васильевиче Денисове из посада Мелекес, давшем «путевку в литературу» Александру Скобелеву

Крестьянин Спиридон Васильевич Денисов родился в с. Кандаковка Рязановской волости Ставропольского уезда Самарской губернии в 1852 г. Обучался в Кандалинской сельской школе под руководством законоучителя и учителя местного приходского училища священника Иоанна Иоанновича Модестова. Видя в ученике большую охоту к учению, священник через три года взял его к себе помощником учителя на жалованье по одному рублю в месяц. Затем по совету Модестова Денисов поступил в соседнее волостное правление учеником волостного писаря, а вскоре и сам получил писарское звание. В продолжение десяти лет он служил в двух прибрежных волостях, расположенных по левую сторону течения р. Волги, а именно: Хрящевской и Нижнесангелевской Ставропольского уезда.

Денисов с малолетства чувствовал страстную любовь к природе, а потому часто на свои средства предпринимал прогулки на пароходе и с пароходного трапа любовался роскошными береговыми видами Волги. У Денисова была еще другая страсть, а именно: страсть к чтению, удовлетворять которую ему было гораздо труднее, потому что в его руки доставалось очень малое количество книг. Так, он прочитал и заучил наизусть все отрывки из произведений А. С. Пушкина, которые нашел в хрестоматии; затем сильно повлияли на его воображение стихотворения Никитина и особенно Кольцова, который по своему происхождению был близок к нему. Можно сказать, что Кольцов послужил для него образцом. Из научных книг, прочитанных Денисовым, были «Учебная теория словесности» Н. Минина, «Элементарная грамматика» Говорова и «История Государства Российского» Н. М. Карамзина. Он терпеливо изучил русскую грамматику и собственными усилиями и упорными упражнениями достиг того, что писал без ошибок. Карамзина он также хорошо изучил и ознакомился с русской историей во всех ее подробностях.

В 1886 г., когда Денисову было 34 года, вышла книга его стихотворений в Санкт-Петербурге, напечатанная в типографии В. С. Балашова, которая находилась на Екатерининской набережной, дом 78-5.

В 1886 г. в журнале «Чтение для народа» впервые появилось его стихотворение «Волга». Оно было прислано в редакцию журнала при письме, которое оканчивалось двумя небольшими стихотворениями, из которых первое посвящено редактору журнала.

Стихотворение «Волга» автор назвал одой и эпиграфом к ней взял стихотворные строчки Н. М. Карамзина: «Река священнойшая в мире, кристальных вод царица-мать». В стихотворении автор делает примечание о происхождении слова «Волга». Он считает, что на старинном черемисском языке это означает «святая».

Исследователю творчества А. С. Неверова члену Российского профессионального Союза литераторов Вячеславу Михайловичу Лимонову, журналисту из г. Мелекеса – Дмитровграда, удалось найти сведения о том, что Денисов состоял членом Суриковского кружка крестьянских поэтов в Москве [12, с. 4].

Первый директор Дмитровградского краеведческого музея Н. И. Марков в очерке «Александр Неверов» писал, что во время зимних каникул 1909 г. учитель и писатель А. С. Неверов-Скобелев навещал в Мелекесе поэта С. В. Денисова. Осенью 1908 г. Денисов сильно простудился и лежал в постели. Они долго беседовали. Поэту в то время было 57 лет. Это была их последняя встреча. 10 января 1910 г. в возрасте

58 лет С. В. Денисов скончался и был похоронен на городском кладбище посада Мелекесс [13, с. 2].

Литература

1. Панкова-Скобелева А. С. Сестра о брате. Александр Неверов. К 100-летию со дня рождения: воспоминания, статьи, библиография. Составители: Скобелев В. П., Неверов-Скобелев Б. А. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1986. – 360 с.
2. Свидерский А. И. Два года в Озерской школе. Там же.
3. Акимов Д. И. А. Неверов в Новом Письмере. Там же.
4. Муромцев Ф. П. Незабываемое. Там же.
5. Скобелева П. А. Штрихи былого. Там же.
6. Яровой П. На службе революции. Там же.
7. Виноградов-Мамонт Н. Г. Художник яркого дарования. Там же.
8. Денисова (Аграномова) М. Н. Драматург, режиссер, артист. Там же.
9. Степной Н. Поездка в Среднюю Азию. Там же.
10. Кремлев И. Л. Капризы славы. Там же.
11. Семенова-Жарская Е. В. Памятная встреча. Там же.
12. Лимонов В. М. Доклад на традиционных Марковских чтениях в Димитровградском краеведческом музее (декабрь 2006 г.). Фонды ДКМ.
13. Марков Н. И. А. С. Неверов. Воспоминания. Фонды ДКМ.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Т. А. ДАВЫДОВА

МУЗЕЙНЫЕ ПРОЕКТЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Социальная сеть – это уже образ жизни. Сегодня встретить человека, который не был бы зарегистрирован ни в одной социальной сети, достаточно сложно. Так или иначе все больше людей открывают страницы в «Одноклассниках», «Вконтакте», «Facebook», «Инстаграмм» и других сетях. Появление смартфонов и расширение числа их пользователей делает возможным то, что современный человек находится в Интернете почти круглосуточно. Постепенно виртуальное пространство приходит и в организации, ведь здесь заложен огромный маркетинговый и рекламный ресурс, который позволяет напрямую обращаться с большим количеством потребителей и тем самым активно привлекать их внимание к своим товарам и услугам. Усиление роли интернет-технологий привело к тому, что и современные музеи стали активно использовать эти технологии в своей работе с посетителями.

При этом, если зарубежные и ведущие российские музеи давно закрепились в этой области, то для многих региональных, тем более муниципальных музеев, это в новинку. Безусловными лидерами в работе с социальными сетями являются Музей современного искусства, Нью-Йорк (The Museum of Modern Art, MoMA), Музей Метрополитен, Нью-Йорк (The Metropolitan museum), Смитсоновский институт, Вашингтон (Smithsonian Institution), Лувр, Париж (Louvre), Галерея Тейт, Лондон (The Tate Gallery), Музей Виктории и Альберта, Лондон (Victoria and Albert Museum, V&A museum), Рийксмузеум, Амстердам (Rijksmuseum). Среди российских музеев лидерство захватили ГМИИ им. А. С. Пушкина, Государственная Третьяковская галерея, Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Государственный исторический музей.

Социальные сети развиваются стремительно: увеличивается количество рекламы, изменяются алгоритмы вывода новостей, набирает популярность видеоконтент, появляются новые сервисы. Чтобы не потеряться в этом многообразии информации, сначала надо разработать

стратегию использования социальных сетей, т. е. это набор действий, выполнение которых приведет к достижению поставленных целей. Каким же образом можно использовать социальные сети для выполнения музейных функций? В первую очередь, нужно определиться с самими социальными сетями, коих огромное количество, их возможностями и особенностями их аудитории.

Исследовательская компания eBizMBA опубликовала список наиболее популярных социальных медиа по состоянию на начало 2016 г. Согласно данным исследования аудитории, ежемесячная целевая аудитория «ВКонтакте» составляет 46,6 млн человек, а сеть «Одноклассники» сохраняет 2-е место с 31,5 млн ежемесячной аудиторией. Все основные глобальные социальные сети, включая «Facebook», «Twitter», «Instagram», «Google +» и «LinkedIn», сохраняют свои позиции в качестве второго уровня популярности среди россиян. Ежемесячная аудитория «Facebook» составила 21,7 млн человек, аудитория в «Мой Мир» составила 16,6 млн, «Живой журнал» имел аудиторию в 15,2 млн. К 2016 г. «Instagram» увеличили свою аудиторию на 2 млн пользователей и достиг охвата аудитории в 12,3 млн человек. Аудитория «Twitter» осталась практически без изменений на уровне количества 7,7 млн пользователей.

Выбор социальной сети для работы зависит от миссии музея. У каждой социальной сети свои цели, музей выбирает аудиторию для сотрудничества. Наиболее популярные в России социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники», «Instagram» и «Facebook». «LinkedIn» предназначена для профессионального общения. Кроме того, популярны бесплатные ресурсы: площадки блогов «LiveJournal», «Foursquare», микроблог «Twitter» – полноценные или же сокращенные записи отдельных лиц или организаций, своего рода он-лайн дневник; сервера для обмена видеофайлами «Youtube», «Rutube»; фотоархивы «Яндекс.Фотки» и «Flickr»; крупные европейские проекты, позволяющие даже небольшому провинциальному музею встать в один ряд с всемирно признанными лидерами – библиотека «Europeana» и «GoogleArtProject».

Цели использования социальных сетей музеем могут быть разные: 1) аттрактивные: привлечение внимания к музею; 2) организационные: привлечение внимания к выставкам и событиям в музее – предоставление актуальной информации о событиях в музее; 3) образовательные: привлечение внимания к проблематике и профилю музея, на доступном (но все же высоком с научной точки зрения) уровне объяснить специфику музея, показать интересные экспонаты; 4) формирование позитивного образа музея; 5) продвижение бренда музея; 6) мотивация к посещению

музея; 7) общение с аудиторией как реальной, так и потенциальной; 8) предоставление дополнительной информации; 9) расширение форм общения (игры, викторины, конкурсы, ведение постоянных рубрик); 10) сбор статистики для анализа аудитории и будущей проектной деятельности; 11) увеличение посещаемости основного сайта, что немаловажно в современных условиях, когда собственник и учредитель музея включает эти статистические сведения в отчетность и от этого зависит финансирование организации. Чем чаще и интереснее обновляется ресурс, тем большей популярностью он пользуется; 12) профессиональные: поддерживать связь с профессиональным сообществом (как сотрудниками музеев, так и учеными).

Если вы решили воспользоваться социальными сетями, предлагаем вам присоединиться к проектам, которые в настоящий момент реализуют российские музеи, т.е. поговорим о расширении форм общения (игры, викторины, конкурсы, ведение постоянных рубрик).

Каждый месяц в социальных сетях проходят российские и международные акции, направленные на популяризацию культурного наследия.

Проекты могут иметь разный географический охват: международные/российские/региональные, по временным рамкам: периодические/разовые одно- и многодневные; по количеству участников: массовые/групповые/парные/индивидуальные.

Обычно для каждого проекта используется определенный хештег. Хештег – это метка, которая используется для распределения сообщений по темам в социальных сетях и блогах. Помечая свои сообщения хештегом, пользователи сети маркируют их и дают возможность другим пользователям найти тематическую информацию с помощью поиска.

Такой способ маркировки пришел из «Твиттера» и быстро распространился по другим социальным сетям. Если знать, как пользоваться хештегами, они помогут структурировать информацию по конкретному запросу и потенциально увеличить посещаемость ваших страниц. Свойства хештега: выделять главную мысль сообщения, используя ключевые слова, группировать информацию по темам, обеспечивать быстрый поиск по интересующим темам.

Сегодня большой популярностью среди российских музеев пользуется «Твиттер» (переводится с английского как «щебетать», «болтать») – социальная сеть и микроблог, общение в котором сводится к обмену короткими сообщениями (одно сообщение, которое называется

«твит», должно содержать не более 140 знаков). Не только музеи, но также Министерство культуры РФ, чиновники на местах используют «Твиттер» для обмена новостями.

В «Твиттере» зарегистрировано 500 млн человек, и около 247 млн проверяют свои аккаунты ежедневно. Число подписчиков у музей-гигантов (например, музей Современного искусства в Нью-Йорке) превышает 1 млн человек. Лидером среди российских музеев является Государственный Эрмитаж – 841 тыс. подписчиков.

Каждый год проходит Международная музейная неделя в «Твиттере». Каждый день международной культурной акции знакомит подписчиков с разными аспектами музейной жизни.

Международный музейный проект #MuseumWeek впервые стартовал в прошлом году, и участие в нем приняли музеи нескольких стран. Присоединиться к проекту Россию официально пригласили в этом году впервые. Акция «Музейная неделя» проходит только в «Твиттере», где музеи в последние несколько лет становятся все активнее. Мы используя хештег, публикуем посты в социальных сетях «Вконтакте» и «Фейсбуке».

В 2016 г. с 28 марта по 3 апреля в «Twitter» проходила 3-я международная Неделя музеев #MuseumWeek, в которой приняли участие более 3 тыс. музеев, галерей, культурных учреждений примерно из 70 стран мира. Россию в этой акции представляют 82 музея (в прошлом году в ней участвовали около 30 российских культурных учреждений).

В течение этой недели крупнейшие музеи мира рассказывали с помощью «Twitter» о музейной жизни, интересных фактах, экспозициях, мероприятиях, истории своих архитектурных сооружений, инновациях, своих любимых местах, экспонатах и т. д.

Еще одна международная акция #AskACurator, участниками которой стали музеи со всего мира. В этот день каждый пользователь «Твиттера» сможет задать любой вопрос музею, главное – использовать хештег #AskACurator. Вопросы могут носить как общий характер (например, разрешена ли в музее фотосъемка?), так и более узкий (например, как хранятся медали?). Вскоре акция перешла и на русскоязычный контент и проходит под названием #спросикуратора.

21 января – Международный день музейных селфи. В этот день посетителей культурных учреждений призывают фотографироваться на фоне экспонатов и выкладывать снимки в соцсети с хештегом #museumselphi. В текущем году мы приурочили акцию к 97-летию музея. Как ни странно, самой популярной фотографией для нашего музея оказалось селфи, на

которой представлены коллектив Чувашского национального музея и министр культуры по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики Константин Яковлев. Данные проекты Чувашский национальный музей проводит в «Фейсбуке», «Вконтакте», «Инстаграмм» и «Одноклассниках».

Российские музеи не отстают от зарубежных коллег и проводят свои Твиттер-проекты и акции. Твиттер-экскурсии и репортажи стали частью российской музейной жизни. За прошедший год многие музеи России завели микроблоги и стали вести в них активную деятельность. Некоторые становятся авторами собственных проектов.

Перейдем к российским проектам. Проекты Государственного исторического музея #музейнаягостиная и #музейныймарафон имеют в российском «Твиттере» большую популярность и проводятся многими музеями нашей страны. Пожалуй, самыми яркими акциями прошлого года стали #Кунсткамера300 и #Эрмитаж250, отметившие юбилей старейших музеев страны. Более десятка музеев русского «Твиттера» объединились, чтобы привлечь внимание своих подписчиков к этим важным событиям музейной жизни. Среди проектов выделяются:

1. Музейный марафон – проект курируется Государственным Историческим музеем. Задача – рассказать подписчикам «Твиттера» о российских музеях. Проект проводится в виде онлайн-презентации музея, которую осуществляет ГИМ. В каждом твите упоминается аккаунт музея, о котором идет речь. Музей-участник марафона получает новых подписчиков.

2. Музейная гостиная – проект курируется Государственным Историческим музеем. Это онлайн-экскурсия или лекция, посвященная определенной теме (обычно экспонат, коллекция, определенный зал на экспозиции). Периодически несколько российских музеев проводят совместные музейные гостиные. Музейная гостиная позволяет сформировать заинтересованную аудиторию, которая в дальнейшем наверняка посетит музей.

3. Музейный флешмоб – совместный проект российских музеев, обычно приуроченный к значимой дате или событию. В определенный день и время музеи-участники проекта публикуют сообщения на заданную тему. Например, со 2 февраля в социальных сетях пройдет акция российских музеев «Сталинградская битва», приуроченная к 75-летней годовщине битвы. Под хештегом #СталинградскаяПобеда75 в музейных группах будут публиковаться посты, связанные с историей битвы и коллекциями музеев, посвященными данной тематике.

РОЛЬ МУЗЕЕВ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В МАРИЙСКОМ КРАЕ

16 ноября Единым информационным пространством в сфере культуры была инициирована акция #Ялюбютеатр. Многие музеи поддержали подобную акцию и публиковали у себя фондовые материалы, посвященные театрам.

В региональных масштабах Чувашский национальный музей участвует в проекте #едемвгости. В популярных социальных сетях музеи делятся информацией о новых выставках, мероприятиях музеев соседних республик.

#Музейный_алфавит – еще один проект Чувашского национального музея. Раз неделю во всех социальных сетях делаются посты, раскрывающие основные музейные понятия. На картинке размещается тематическая фотография, и дается расшифровка понятия. Например, диорама – экспозиционный комплекс, включающий живописный фон (задник) и выполненный в объемных формах (в натуральную величину или в уменьшенном виде) передний план.

Литературный музей им. К. В. Иванова, филиал Чувашского национального музея, в 2015 г. запустил проект «Один день – один стих Иванова». В течение года на официальной странице Литературного музея «ВКонтакте» еженедельно публиковалось какое-нибудь стихотворение из наследия чувашского поэта. В рамках проекта пользователи смогли познакомиться как с популярными, так и с малоизвестными произведениями К. Иванова. Записи можно найти под хэштегом #1день1стихИванова. В 2016 и 2017 гг. проект стал называться #путешествиевмирилитературы и знакомил подписчиков со стихотворениями чувашских поэтов.

Таким образом, подобная деятельность позволяет популяризировать как музейные коллекции, так и новости музея.

Туризм является одной из наиболее доходных и интенсивно развивающихся отраслей мирового хозяйства. В России термин «туризм» определяется федеральным законом РФ от 24 ноября 1996 г. как «временные выезды (путешествия) граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства с постоянного места жительства в оздоровительных, познавательных, профессионально деловых, спортивных, религиозных и иных целях без занятия оплачиваемой в стране временного пребывания деятельностью». Современный туризм отличается разнообразием форм, видов и разновидностей. Давно выделился и стал самостоятельным такой вид туризма, как культурный, или познавательный [5, с. 2].

По определению культурного туризма, данному в Международной хартии туризма (International Tourism Charter, 2002), принятой Международным советом по охране памятников и достопримечательностей (ИКОМОС) (ICOMOS International Council on Monuments and Sites), культурно-познавательный туризм – это форма туризма, цель которого состоит в знакомстве с культурой и культурной средой места посещения, включая ландшафт, знакомство с традициями жителей и их образом жизни, художественной культурой и искусством, различными формами проведения досуга местных жителей [4, с. 65].

Культурный туризм – наилучший способ знакомства с другой культурой. Гуманитарное значение культурного туризма заключается в использовании его возможностей для развития личности, ее творческого потенциала, расширения горизонта знаний. Совмещение отдыха с познанием жизни, истории и культуры другого народа – одна из задач, которую в полной мере способен решать культурный туризм. Знакомство с культурой и обычаями другой страны обогащает духовный мир человека. Несмотря на то, что практически любую информацию можно получить из интернета, печатных периодических изданий, художественной литературы и других источников, не стареет старая истина: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Потому регион, заинтересованный в привлечении туристов, должен разумно планировать и развивать специальные программы и мероприятия, способствующие повышению интереса к его культуре, распространять информацию о своем культурном потенциале в расчете на привлечение потенциальных туристов.

Культурный туризм (культурно-познавательный туризм) имеет свои ресурсы. В их составе можно выделить два основных типа: предметные и непередметные.

К первым относятся многочисленные разновидности памятников истории и культуры (памятники археологии, истории, архитектуры и градостроительства, монументального искусства), музеи, музеи-заповедники, музеи-усадьбы.

Ко вторым – обычаи, традиции, обряды, фольклор, устное народное творчество. Данные формы культурного наследия чаще используются в деятельности музеев и музеев-заповедников.

Туризм, в свою очередь, также является ресурсом не только для развития экономики, но и культуры. Он способен стимулировать процессы сохранения культурного наследия, обогащения культурной жизни, гуманитарного развития личности и целых сообществ, гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений. Ведь туризм не только потребляет, но и создает организационные и материальные условия в сфере культуры, придает носителям культуры чувство гордости и ответственности за уникальное наследие, а туристам – чувство уважения и осознание уникальности мирового культурного, языкового и религиозного разнообразия. Глобальный этический кодекс туризма, принятый Генеральной Ассамблеей Организацией Объединенных Наций в 2001 г., определяет туризм как сферу, использующую культурное наследие человечества и одновременно вносящую свой вклад в его обогащение.

Наша республика не остается в стороне от процессов взаимовыгодного использования потенциалов культуры и туризма. У нас имеется богатое культурное наследие и накопленный десятилетиями потенциал отрасли культуры. В сочетании с уникальной разнообразной природой, которой по праву славится наш край, а также бурно развивающейся инфраструктурой и городской архитектурной средой это становится серьезной основой для развития культурно-познавательного туризма в нашем регионе. Этнокультурный фактор на протяжении многих десятилетий играет ключевую роль в формировании региональной культурной политики. Поэтому, говоря о культурно-познавательном туризме (в т.ч. этнотуризме) в Республике Марий Эл, вполне справедливо было бы рассматривать в комплексе весь или почти весь спектр культурных благ, создаваемых в нашем регионе. Но, конечно, в основе современной культурной жизни лежит традиционная культура. В Марий Эл она сохранилась в первоизданном виде, имеет широкое бытование, по праву привлекает интерес наших гостей со всего мира.

Важнейшей частью культурно-познавательного туризма является посещение музеев. Практически каждый муниципальный музей Марий Эл имеет достойную коллекцию, посвященную этнографии марийского и других народов нашего региона. Что же касается крупных музеев, то они вполне удовлетворяют разнообразным запросам самых искушенных посетителей. Это и глубокое знакомство с культурой, этнографией и историей Марийского края в Национальном музее РМЭ, и знакомство с традиционной архитектурой и бытом в Этнографическом музее под открытым небом, и приобщение к марийскому изобразительному искусству в Музее изобразительных искусств и Национальной галерее... При этом очень важно отметить, что в последнее время музей перестает быть застывшим явлением. Работники музеев создают разнообразные интерактивные и анимационные программы, проводят мастер-классы, курсы, лектории. В Национальном музее РМЭ им. Т. Евсеева разработаны и действуют несколько интерактивных программ. Интерактивные программы запрашиваются очень активно, особенно последние два года в связи с увеличением притока туристов из других российских городов. Музей предлагает три варианта интерактивных программ для туристов и иностранных гостей. Первая программа «Айвика» идет с использованием уникальных подлинных экспонатов с элементами театрализации. Начинается экскурсия со встречи гостей на первом этаже музея игрой на традиционных музыкальных инструментах, продолжается в зале этнографической экспозиции и полностью сопровождается музыкальным оформлением. После знакомства с традициями марийской свадьбы проводится мастер-класс по марийским народным танцам и исполнению народных мотивов на музыкальных инструментах, гостей обучают движениям марийской плясовой. Подобный мастер-класс пользуется особенной популярностью у гостей музея. Во время представления костюмных комплексов народа мари проводится примерка головных уборов замужних женщин всех локальных групп мари, говорится о функциях и различии костюмных комплексов. Заканчивается программа прослушиванием мелодий, звучащих на гусях.

Вторая программа «Обряды жизненного цикла народа мари XIX – начала XX вв.» знакомит с традиционной марийской культурой, которая представлена на примере собирательного образа жизненного пути марийской женщины. В ходе экскурсии проводятся традиционные игры и гадания, демонстрация предметов быта, примерка марийских женских головных уборов, мастер-класс по марийской плясовой и исполнению народных мотивов на музыкальных инструментах. Все мероприятие сопровождается живой музыкой.

Также продолжает работать программа «В краю звонких гуслей», созданная еще в 2004 г., но в современное время она, конечно, уже видоизменилась. Проводится демонстрация народного костюма всех групп марийцев: луговых, горных, восточных на фоне экспозиции «Традиционная культура народа мари. Обряды жизненного цикла народа мари XIX – начала XX вв.», что информационно очень дополняет программу. Введены элементы, имитирующие процесс обработки конопли, изготовления марийской рубахи, в которой участвуют сами посетители. Если программа проводится в зимний период, особенно во время новогодних каникул, проводятся шорыкъяольские гадания на орешках, на бурачке, игры «Лычки», «Соқыр тага». При показе диарамы марийской свадьбы гости могут примерить серебряные украшения марийских свях и даже сплясать в них задорный марийский танец под звучание барабана и гармони. Музыкант играет на марийских народных инструментах, рассказывает про них, проводит мастер-класс по марийскому танцу и игре на марийском барабане, сопровождает всю программу музыкальными мелодиями, играя на гусях, свирели. Торжественное звучание труб «Сўрем пуч» в его исполнении в начале программы сразу настраивает гостей нашего музея на что-то необычное и привлекательное. А прощаемся мы с гостями тоже специальной «прощальной» песней. Гости с этих программ всегда уходят очень довольные и благодарят за полученную возможность «погружения в марийскую культуру».

Музеи становятся центрами культуры, активного проведения досуга, приобщения к истории и культуре. Это проявляется в росте числа посетителей музеев как жителями Республики Марий Эл, так и гостями из-за пределов края. Правда, на это влияет и географический фактор. Так, музеи г. Козьмодемьянска, благодаря расположению на Волге, посещает многократно большее количество гостей из-за пределов региона, нежели музеи в г. Йошкар-Оле. Так, например, Козьмодемьянским культурно-историческим музейным комплексом заключено 19 договоров на экскурсионное обслуживание, в навигацию 2016 г. обслужено 138 теплоходов. Кроме того, обслужены группы гостей, прибывающих в город на автотранспорте, для них разработаны уже неоднократно реализованные экскурсионные туры с однодневным и двухдневным пребыванием: «Лето в Кузьме», «Зима в Козьмодемьянске». В рамках туров проводятся следующие программы: интерактивная программа «Аукцион 12 стульев», интерактивная программа «Берег горный – край марийский...», театрализованная экскурсия «На горномарийской стороне», театрализованное чаепитие «Чайная на Успенской», тематическая экскурсия

«По следам Остапа». В течение летнего туристического сезона 2016 г. для туристических групп с теплоходов театрализованная экскурсия «На горномарийской стороне» проведена 78 раз, интерактивная программа «Берег горный – край марийский...» – 35 раз, театрализованное чаепитие «Чайная на Успенской» – 29 раз. Число экскурсионных посещений за 2016 г. составило 19787 человек.

Комитетом Республики Марий Эл по туризму сделан существенный шаг в направлении продвижения региональных этнокультурных брендов республики. Проведена защита брендовых маршрутов региона, в которые вошел и город Козьмодемьянск: «Чудеса земли Марийской» (г. Йошкар-Ола – г. Козьмодемьянск – г. Йошкар-Ола), «Край звонких гуслей» (г. Йошкар-Ола – г. Козьмодемьянск – г. Чебоксары). Комитет по реализации программы импортозамещения при Экспертном совете по развитию туризма при Министерстве культуры Российской Федерации присвоил маршрутам категорию «Брендовый маршрут» и рекомендовал их для продвижения туристическому сообществу. В 2016 г. МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс» был включен в Реестр субъектов и объектов туристской индустрии Республики Марий Эл. Ежегодно с 1996 г. в России издается профессиональный тур-каталог «Отдых в России», темой 20-го юбилейного выпуска стала этнография. В 2015 г. каталогом проводился конкурс «Лучший в России», задача которого выявить среди туристских ресурсов в России уникальный. По итогам проведенного конкурса сертификат победителя «Лучший в России 2015» получил Козьмодемьянский музейный комплекс в номинации «Уникальный тур – ресурс». Туристический сезон 2017 г. музейный комплекс открыл уже в дни новогодних каникул, проводили туры «Зима в Козьмодемьянске» для туристических фирм г. Москвы и г. Йошкар-Олы: «Магазин Путешествий», «Калипсо», «Красный город». На 2017 г. Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс заключил договора на экскурсионное обслуживание с 20 туристическими судоходными компаниями: ООО «ВодоходЪ», ООО «Инфофлот Москва», ОАО «Мостурфлот», специализирующимися на внутреннем туризме.

Уровень культурного развития может быть использован также для создания благоприятного имиджа конкретного региона на туристском рынке. Элементы и факторы культуры могут являться каналами распространения информации о туристских возможностях местности. Успех развития туризма зависит не только от материально-технической базы, соответствующей общепринятым стандартам и требованиям, но и от уни-

кальности национального культурного наследия. И эту уникальность работники музеев умеют подчеркнуть. Сернурский музейно-выставочный комплекс был включен в реестр субъектов и объектов туристской индустрии Республики Марий Эл. Для туристов разработана культурно-познавательная программа «Один день в традициях наших предков». Она включает экскурсии по Сернурскому музейно-выставочному комплексу, мастер-классы по изготовлению кукол, оберегов, марийской вышивке, выпеканию марийских национальных блинов с дегустацией, демонстрацией старинных марийских обрядов «Подрубания детских пут», «Проводы в армию», видеофильмов «Первое обрядовое купание», «Чумбылат – марийская святыня». В зимний период предлагается программа «Йушто кугуза» – этнический маршрут с выездом в с. Кукнур Сернурского района, резиденцию марийского Деда Мороза. Сернурский музейно-выставочный комплекс ежегодно посещают туристы из регионов России и Республики Марий Эл. В 2016 г. музей посетили туристы из Франции, Венгрии, Белоруссии, из Московской, Нижегородской, Чувашской, Екатеринбургской, Омской областей, Республик Татарстан и Марий Эл. Музей сотрудничает с туристическими агентствами «Матур», «Красный город», туристско-информационным центром музея города Йошкар-Олы. Доход от туристической деятельности составил 38945 руб.

Национальная кухня составляет важный элемент культуры региона. Туристы любят пробовать национальные блюда той страны, по которой путешествуют. Например, почти все туристы, посещающие впервые Россию, желают отведать борщ и пельмени. Некоторые рестораны, предлагая иностранным туристам национальные блюда, поясняют, из каких продуктов и как они приготовлены. Особый интерес у туристов вызывают кафе, рестораны, трактиры, оформление которых гармонирует с предлагаемым меню, например, ресторан, специализирующийся на блюдах марийской и русской кухни, оформленный в национальных традициях с элементами фольклора. В Йошкар-Оле такими являются кафе «Сандал», «Алаир», «Теплая речка», «Мари», в районах интересная форма работы у Сернурского музейно-выставочного комплекса им. А. Конакова: для туристов они проводят мастер-класс по выпеканию марийских национальных блинов в печи, а затем идет дегустация блинов и других блюд национальной кухни. Оршанский историко-краеведческий комплекс с туристами проводит мастер-класс по приготовлению марийского национального блюда «тувыртыш подкогыльо». Медведевский историко-художественный музей работает по туристическим маршрутам:

«У медведя во бору», «Прикоснись к русским традициям», «В гостях у Домовенка», «Чудо-кони» с мастер-классами по изготовлению блюд национальной кухни. Туристы считают питание важным элементом поездки, поэтому особенности национальной кухни, ассортимент блюд, их качество обязательно оставят след в воспоминаниях не только об отдыхе, но и о республике.

Таким образом, культура региона способна вызвать у потенциальных туристов сильнейший побудительный мотив к путешествию. Поэтому сохранение культурного наследия и его рациональное использование имеют определяющее значение для устойчивого привлечения туристских потоков и сохранения популярности конкретного туристского направления.

Этнический туризм – это путешествие «в народ»; одно из перспективнейших направлений туризма; вид отдыха, при котором происходит знакомство с обычаями, традициями, обрядами, архитектурой, народными костюмами и праздниками, культурой и языком той или иной этнографической группы населения. Этнические традиции связаны с различными видами народного творчества (фольклора), в первую очередь, с ремеслами. Регион, принимающий туристов, должен предлагать им широкий ассортимент сувениров, выполненных местными мастерами и ремесленниками. Сувениры – хорошая память о республике. Марий Эл в области декоративно-прикладного творчества и художественных ремесел, также имеет огромный потенциал. В республике насчитывается около 2 тыс. мастеров, функционируют исторически сложившиеся традиционные центры народных художественных ремесел и промыслов. Почти в половине районов республики занимаются лозоплетением и корзиночным ремеслом Традиционной резьбой по дереву активно занимаются в пяти, а художественной обработкой бересты – в двух районах. У нас есть бондари, кузнецы, кожевенных дел мастера, изготовители народных музыкальных инструментов. Работой по марийской вышивке и народному костюму славятся мастера центральных и восточных районов Марий Эл. Многие мастера объединены в студии, артели, дома умельцев. В этих объединениях ведется постоянная работа в направлении изучения, исследования ремесел, обучения подрастающего поколения мастеров. В этом отношении можно отметить работу студии марийской вышивки «Түрлемүдыр» д. Чодраял Моркинского района и «Марийская вышивка» Звениговского дома ремесел, которые предлагают туристам очень качественную сувенирную продукцию. Звениговский районный краеведческий музей разработал специаль-

ные туристические маршруты: «Есть на Волге утес», «Дом народных умельцев», «Конный маршрут», «Зимний маршрут» с посещением студии «Марийская вышивка».

Туризм является средством открытого доступа к человеческим ценностям, культурному наследию, духовному оздоровлению. Кроме того, туризм является средством коммуникаций, взаимопонимания между людьми, средством развития интеллекта. Этнотуризм позволяет населению лучше познать как свою, так и культуру других народов и укрепляет толерантные отношения. Параньгинским музейно-выставочным комплексом внедрен туристический маршрут: Йошкар-Ола – Параньга – Олоры – Сидорово, где наглядно показывается и рассказывается о взаимовлиянии культур татарского, марийского и русских народов, о взаимоподдержке и дружбе народов нашей многонациональной республики. Литературно-этнографический музей им. М. Н. Янтемира проводит экскурсии: «По литературным местам», «Культурное наследие Моркинского района», «Буддийская ступа, исполняющая желания», гора Карман Курык, Священная роща-Курык, Чукшинская гора. В литературно-этнографическом комплексе им. С. Г. Чавайна разработали турмаршрут «Литературная тропа С. Г. Чавайна», который включает в себя места, связанные с жизнью и творчеством С. Г. Чавайна (Ото, пасека, Дезертир корем, Ямлат кувар и др.). Краеведческий музей Н. Игнатьева активно популяризирует культуру горных мари через экспозиции своего музея, а также проводит автобусные экскурсии по туристическим маршрутам «На земле Акпарса», «Пояс судьбы». Все эти скромные примеры подчеркивают особенность Марий Эл с точки зрения культурно-познавательного, этнического туризма.

Сложнейшей и дорогостоящей задачей является создание инфраструктуры – средств размещения, питания, транспорта. Ведь она должна наибольшим образом соответствовать целям развития культурно-познавательного туризма, особенно в части этнотуризма. Создать ощущение погружения в соответствующую атмосферу для тех, кто не отдает в своих поездках предпочтение фешенебельным отелям – это целая наука. Один из путей решения – создание гостевых домов. Таких по республике уже насчитывается десятки. Например, это создание в местах пребывания туристов специальных небольших этнографических музеев, этнографических домов, где собираются своеобразные этнографические коллекции, знакомящие с традиционным бытом, оборудуются традиционная мастерская и даже кухня. С одной стороны, этнографический дом, изба – это что-то вроде музея, но с другой сто-

роны, это бытовая среда, в которой можно провести время, прослушать лекцию, провести мероприятие, продегустировать блюда национальной кухни... Сами хозяева – сельские жители организуют и обслуживают такие дома, принимают в них гостей. Примером этого может служить изба-усадьба «Крестьянский двор XIX–XX веков» в д. Кокшамары, Дом-музей Я. П. Майорова-Шкетана в д. Старое Крещено Оршанского района, музейно-этнографический комплекс «Старинная марийская усадьба» в д. Шоруньжа Моркинского района, где размещением туристов занимаются сами жители у себя в домах. Но есть и гостиничные и рекреационные комплексы с этническим колоритом и, даже, этнодеревни. В настоящее время действуют несколько таких комплексов. Наиболее известные из них – «Раздолье» и «Визимбиль». Здесь предоставляется весь комплекс услуг из сферы этнотуризма – погружение в культурную среду через посещение этнографической избы, приобщение к традиционным обрядам, изучение языка, песен, участие в реальных праздниках, дегустация и участие в изготовлении блюд традиционной кухни, народная медицина и восстановление здоровья, традиционные игры и развлечения, обучение прикладному творчеству.

Другим немаловажным аспектом культурно-познавательного туризма являются памятники – недвижимые объекты культурного наследия. Всего в республике насчитывается 1126 таких объектов [3, с. 3]. В их число входят памятники истории и архитектуры, монументального искусства археологии, культурно-ландшафтные памятники. Здания и сооружения культуры украшают нашу столицу. Город меняется очень быстро, появляются новые памятники, которые увековечивают марийские традиции и историю нашего края, сохраняют память о российских поэтах и писателях, воспитывают бережное отношение к семье. Визитной карточкой этих преобразований стали часы на площади Оболенского-Ноготкова и Патриаршей площади, посвященные темам из библейских сказаний. Музей истории г. Йошкар-Олы популяризирует туристский потенциал нашего города на международных, всероссийских и межрегиональных выставках: «Интурмаркет-2015», «Покупай Мариэльское!», «KITS 2015», «Интермузей-2015». Проводит музейную программу «*Йошкар кот приглашает друзей*». Идет работа по проекту «*Карта гостя г. Йошкар-Олы*», запущен проект водной аудиоэкскурсии. Город становится комфортным для жителей и привлекательным для туристов. Чем больше памятников, культурных и природных ценностей имеется в поселении, чем больше услуг определенного качества может быть предложено туристам, тем на более длительный срок они

здесь остаются. Показатель выгоды от таких туристов (за счет пользования гостиницами и питания) во многом превосходит те, которые получают от прибывающих в город лишь на один или два дня. Поэтому одной из проблем, решение которой влияет на экономическое развитие, является расширение спектра особенностей и достопримечательностей поселения: реконструкция и ремонт старых зданий местной стилистики и качественное строительство новых, благоустройство территории, развитие сети гостиниц, ресторанов с разными национальными кухнями, расширение индустрии развлечений, включая праздники, фестивали, концерты, выставки и т. д.

В Глобальном этическом кодексе туризма говорится о том, что туристская политика и деятельность осуществляются на основе уважения художественного, археологического и культурного наследия в целях его защиты и сохранения для будущих поколений, что туристическую деятельность следует планировать таким образом, чтобы обеспечить сохранение и процветание традиционных ремесел, культуры и фольклора, а не вести к их стандартизации и обеднению, что финансовые средства, получаемые благодаря посещениям объектов и памятников культуры, следует хотя бы частично использовать для поддержания, охраны, улучшения и реставрации этого наследия.

Туризм – наилучший способ знакомства с другой культурой. Гуманитарное значение туризма заключается в использовании его возможностей для развития личности, ее творческого потенциала, расширения горизонта знаний. Стремление к знанию всегда было неотъемлемой чертой человека. Совмещение отдыха с познанием жизни, истории и культуры другого народа – одна из задач, которую в полной мере способен решать туризм. Увидеть мир своими глазами, услышать, ощутить – важные части восстановительной функции туризма, они несут в себе большой гуманитарный потенциал. Знакомство с культурой и обычаями другой страны обогащает духовный мир человека. Представляется, что уникальная, нетронутая природа, атмосфера прекрасной, тихой и уютной столицы, развивающаяся дорожная и туристическая инфраструктура, многочисленные памятники, богатая, насыщенная событиями культурная жизнь, и, как жемчужина в этой оправе – богатые и уникальные народные традиции, являются достойным ресурсом для развития туризма в Республике Марий Эл. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что культурный туризм действительно может явиться ресурсом регионального развития, так как имеет ряд очень важных характеристик, влияющих на мотивацию людей к путешествию в ту или иную точку мира.

Литература и источники

1. Глобальный этический кодекс туризма, принятый Генеральной Ассамблеей Организацией Объединенных Наций в 2001 г.
2. Квартальнов В. А. Туризм. Учебник. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 320 с.
3. Культурно-познавательный туризм в Республике Марий Эл. Доклад заместителя Председателя Правительства, министра культуры печати и по делам национальностей Республики Марий Эл М.З. Васютина на XVI заседании Координационного совета по культуре при Министерстве культуры РФ (г. Йошкар-Ола, 28 сентября 2012 г.)
4. ICOMOS, International Tourism Charter, 2002. Международная хартия туризма.
5. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

О. В. КОРАБЛЕВА

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ ПОКОЛЕНИЙ. СУДЬБА ХУДОЖНИКОВ ОТЦА И СЫНА СУРЬЯНИНОВЫХ, ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ ИХ РАБОТ

Город Козьмодемьянск славится своими музеями, их в городе 4 с фондами в размере около 70 тыс. экспонатов. Этнографический музей под открытым небом с его деревянными постройками и народным бытом, музей юмора им. О. Бендера с экспозициями из романа «12 стульев», Музей купеческого быта с мебелью и обстановкой XIX в., а особенно козьмодемьянцы гордятся богатой коллекцией живописи и графики русских и зарубежных художников XIX–XX вв. Айвазовского И. К., Маковского К. Е., Поленова В. Д., Фешина Н. И., Грабаря И. Э., братьев Коровиных и др., которые представлены в художественно-историческом музее им А. В. Григорьева. Начало коллекции было положено, благодаря стараниям профессионального художника, нашего земляка Александра Владимировича Григорьева, который, открывая в городе в 1919 г. Краеведческий музей с художественным отделом, мечтал создать на своей родине «малую Третьяковку на Волге». С уверенностью можно сказать, что без Григорьева не было бы той уникальной для маленького провинциального городка художественной коллекции.

Работая с фондами, оказалось, что в музее хранится коллекция графики художника-плакатиста Василия Васильевича Сурьянинова. Изучая подробнее его личность, выяснилось, что родился он в 1903 г. в г. Козьмодемьянске. 12-летнего Васю отцу удалось устроить в местную мужскую гимназию, там он оказался в руках хорошего учителя рисования Виктора Петровича Федорова, окончившего Казанскую художественную

школу. Но в 1917 г. за отсутствие платы за обучение педсовет постановил Сурьянинова Василия «считать выбывшим». Когда в 1920 г. в городе появились возглавляемые А. В. Григорьевым Государственные свободные художественные мастерские, которые являлись подобием Казанских художественных мастерских, Василий продолжил учебу в них [2, 141–142]. Молодой художник подавал большие надежды и был замечен Григорьевым, подтверждением тому явилось его участие в первой художественной выставке в Козьмодемьянске, которая была открыта в 1920 г. в стенах Краеведческого музея. В залах среди шедевров живописи Волжско-Камской передвижной выставки было представлено 25 работ 17-летнего Василия Сурьянинова. Можно сказать, что в это время как раз и происходило становление Василия не только как художника, но и как личности. Ссылаясь на данные архива, а, точнее, на зарплатную ведомость, выяснилось, что Сурьянинов в 1921 г. работал в Козьмодемьянском музее, занимая должности художника и библиотекаря.

Василий являлся одним из лучших учеником Александра Владимировича, и после отъезда Григорьева в Москву, где тот возглавил Ассоциацию художников Революционной России (АХРР), Сурьянинов по просьбе учителя тоже перебрался в столицу продолжить свое обучение. В 1921 г. молодой художник поступил на графический факультет московского ВХУТЕМАСа, затем продолжил учебу во ВХУТЕИНе у С. В. Герасимова и Г. В. Федорова.

Хорошая профессиональная подготовка, полученная Сурьяниновым в вузе, позволила ему работать в различных областях графического искусства. К 1928 г. относятся его первые плакаты по безопасности труда, а с 1932 г. он регулярно работал в ИЗОГИЗе над созданием политических плакатов. Одновременно в Детгиздате он иллюстрировал детские книжки, в «Советском графике» рисовал портреты ученых, артистов, художников, политиков.

Великая Отечественная война застала Василия Васильевича в Армении. Он жил в Ереване с 1941 по 1945 гг., работал над сатирическими рисунками для фронтовых газет и участвовал в художественных выставках. Вернувшись в Москву, Сурьянинов много работал в области эстампа, а затем основное место в его творчестве снова занял политический плакат, в частности, облик советского рабочего. В создании этих образов художнику помогал большой опыт, накопленный в результате постоянной работы с натуры, опыт отличного рисовальщика, внимательного портретиста, а также правильное понимание специфики и знание законов плакатного искусства.

Долгие годы, с 1956 по 1990 гг. Сурьянинов являлся одним из активных авторов в мастерской «Агитплакат» Союза художников СССР. А звание «Заслуженный художник РСФСР» ему было присвоено ещё в 1974 г. Много работая, творческому человеку трудно найти свободную минутку, но Василий Васильевич иногда выбирался из суетливого мегаполиса в родной городок на Волге.

В 1979 г. Козьмодемьянскому художественному музею исполнилось 60 лет, на этот юбилей Сурьянинов приехал не с пустыми руками: он привез более 30 интересных графических работ и плакатов [1]. С музейными сотрудниками семья Сурьяниновых вела переписку, в основном, писала супруга Евпраксия Матвеевна, сообщала о предстоящих выставках мужа, а затем и сына, приглашала в гости в Москву. После её смерти Василий Васильевич впал в депрессию, выйти из неё помогла работа, он рисовал ребяташек с окрестных дач и раздавал им рисунки, постепенно возвращаясь к активной жизни. До конца жизни Василий Васильевич был членом редколлегии «Агитплаката». Умер он в 1991 г.

В августе 2008 г. в связи со 105-летием со дня рождения В. В. Сурьянинова сотрудники музея, готовясь к юбилейной выставке художника, попытались разыскать сына Василия Васильевича – тоже художника. Оказалось, что его сын Рубен Васильевич окончил Академию художеств Латвии, и, как отец, занимался плакатом. С 1956 г. участвовал во всесоюзных, всероссийских, московских выставках. С 1992 г. – заслуженный художник России. Награжден Золотой медалью на Международном конкурсе санитарно-просветительного плаката в Болонье (Италия).

Не побоявшись огромного расстояния между Москвой и Козьмодемьянском, 78-летний Рубен Васильевич по приглашению музейщиков приехал на персональную выставку отца, причем, он был впервые на его родине. Художник приехал с подарками. Привез собственную графику и работы из архива Сурьянинова-старшего (21 графическую работу). Уникальным подарком явился чудом уцелевший под фашистской бомбежкой 1941 г. эскиз к фильму «Рваные башмаки», примерно 1928 г. создания. Также Рубен поведал трагикомическую историю, которая произошла с отцом в связи с написанием одного из офортов.

Художник изобразил девушку, делающую гимнастику на коврике. Вот из-за этого коврика Сурьянинова несколько дней и продержали на Лубянке. Оказывается, бдительные НКВДшники обнаружили в хаотичных штрихах на коврике якобы закодированную стенографическим способом надпись, но после расшифровки, поскольку она касалась,

якобы, искусства, а не товарища Сталина, художника отпустили с миром [3].

В последующие годы Рубен Васильевич еще несколько раз посетил Козьмодемьянск, каждый раз приезжал с подарками. Его работа «Мои святые» в 2011 г. была написана специально для нашего музея и находится в постоянной экспозиции. Сурьянинов-младший часто повторяет вопрос: «Почему раньше я не побывал на родине отца, я многое потерял!».

Рубен Сурьянинов очень тепло отзываясь о нашем городе и людях, живущих в нем: «Много видел! Люблю русские провинциальные города. У них есть общий дух, и в то же время каждый неповторим. Но я в восторге от Козьмодемьянска. Люблю маленькие музеи. Работают в них удивительные люди, абсолютно бескорыстные! Меня совершенно поразила коллекция, которую создал Александр Григорьев. Она неожиданна для меня по качеству и количеству. Очень рад, что меня когда-то пригласили на открытие выставки отца, а то никогда бы не побывал на своей малой родине».

Во время последней встречи Рубен Сурьянинов рассказал, что сейчас увлечен созданием иллюстраций к детским книгам. Эта работа для него неожиданна и интересна. Так что первую половину дня он отдает написанию живописных работ в мастерской, а вторую посвящает рисункам к детским книжкам. Он говорит: «Я считаю, что художник должен уметь делать все!». А особенно у Рубена Васильевича хорошо получается бескорыстно дарить подарки. В январе 2017 г. Козьмодемьянский музей получил от него еще 4 живописные работы. Одна из них называется «Отец и сын», на ней показаны памятники и достопримечательности города, и была она написана именно для козьмодемьянцев.

Таким образом, в настоящее время в коллекции козьмодемьянской картинной галереи насчитывается 62 работы заслуженных художников РСФСР отца и сына Сурьяниновых Василия Васильевича и Рубена Васильевича. За последние годы было организовано более 10 стационарных и виртуальных выставок с участием работ Сурьяниновых. Дружба и общение с Рубеном Васильевичем продолжается, а значит, и музей, и козьмодемьянцы еще увидят его новые и интересные работы. Теплое, искреннее отношение к людям, будь то творческая личность или просто зашедший посетитель, присуща музейным работникам. Это притягивает людей, позволяет создать дружеские отношения на многие годы. Во многом благодаря провинциальной искренности и открытости

и сформировалась художественная коллекция много десятилетий назад и формируется сегодня.

Литература

1. Виноградова Л. М. Юбилейный год // Ленинский путь. – Козьмодемьянск. – 1979. – № 41. – С. 3.
2. Научно-методический сборник: Муравьев А. В. Василий Васильевич Сурьянинов // Марийский архивный ежегодник-2012. – Йошкар Ола, 2012. – С. 141–142.
3. Ушакова Т. Карандашом и кистью // Ведомости Козьмы и Дамиана. – 2008. – № 31. – С. 3.

Л. Н. ЛЮБОСЛАВОВА

СИСТЕМА ИНТЕРАКТИВНЫХ ПРИЕМОВ В РАБОТЕ С ПОСЕТИТЕЛЯМИ ЭКСПОЗИЦИИ «ПРИРОДА. ГОРОД. ЧЕЛОВЕК» В ТОЛЬЯТТИНСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Уже несколько лет в Тольяттинском краеведческом музее работает новая природно-экологическая экспозиция, которая называется «Природа. Город. Человек». Сегодня это пока единственная в городе комплексная, научная, зрелищная и интерактивная экспозиция о дикой природе на территории мегаполиса; экспозиция, использующая современные технические и визуальные технологии.

Музейными средствами мы показываем, как жизнь людей зависит от конкретных природных условий нашей местности и как именно в условиях нашего города в результате наших же поступков изменяются все компоненты природного ландшафта: геологическая среда, климат, водные ресурсы, растительный и животный мир. Центральная идея экспозиции – открывать в ландшафте города «окна», из которых на человека смотрит Природа. Роль «окон» исполняют модули «скрытой экспозиции», показывая жизнь внутри дерева, в подземных коммуникациях и даже в собственном жилище. Модули снабжены глухими или застекленными дверцами, снаружи имеются пиктограммы с изображением ладони – дверцы можно открывать, брать предметы в руки и рассматривать.

Человек, живущий в городе, привык рассматривать город как среду обитания, прежде всего, для себя. Вместе с тем мы каждый день и повсеместно находимся в контакте с представителями ДИКОЙ природы:

на городских улицах, в скверах и парках, во дворах и даже у себя дома. Городские экосистемы – это одна из форм существования современной биосферы, такой же равноправный член живого мира Земли, как леса, луга, степи. Что чувствует природа, живая и неживая, когда мы вторгаемся в её жизнь? Каковы у неё ресурсные возможности, как долго она сможет терпеть наше бесцеремонное и порой безграмотное воздействие? И что *конкретно уже сейчас должен* делать и *может* сделать любой человек, чтобы внести свой собственный вклад в предотвращение экологического кризиса?

Важно, чтобы наш посетитель не просто узнал об изменениях в природном ландшафте, а чтобы понял причины этих изменений и не обвинял бы, допустим, научно-технический прогресс и цивилизацию в развитии экологического кризиса. Мы стараемся донести до посетителя идею, что при уровне развития современного производства можно найти и средства, и пути выхода из негативных ситуаций. Однако успех зависит от того, каков уровень эколого-культурного мышления и общества в целом и отдельного члена этого общества.

Экспозиция учит посетителей «правильно любить природу», не впадая в крайности антропоцентризма и, наоборот, антропоморфизма [3].

Новая экспозиция занимает площадь около 170 м². Зал разделен мобильными прямоугольными перегородками на три пространства: «Урбанистическая среда», «Зелёная зона» и «Геологическая история». Три базовых экосистемы города («Степь», «Лес», «Пойма») рассматриваются в динамике от антропогенного к доисторическому ландшафту. Линейное движение посетителя по тематическим блокам (представляет «путешествие» человека из своей квартиры «в глубину миллионов лет» и обратно в любых вариациях. Нелинейное построение экспозиции позволяет варьировать сценарии образовательной программы музея по природе и экологии с учетом специфики аудитории и тематики занятий.

Если кратко охарактеризовать экспозиционные пространства-разделы, то в «Зеленой зоне» представлен фрагмент естественного ландшафта открытой территории – блок «Степь» и его искусственные городские аналоги «Газон», «Пустырь», а также созданный на месте степи «Парк». Блок «Лес» рассказывает об естественных исторически сложившихся на нашей территории типах леса и об изменениях, происходящих в лесу, расположенном рядом с жилыми кварталами. Пространство «Геологическая история» рассказывает о развитии органического мира на территории Ставропольского района и непосредственно г. Тольятти, начиная от архея и фактически до современности.

Обращаем особое внимание, что каждый раздел, каждый блок экспозиции включает в себя не только традиционные способы экспонирования, но и элементы, рассчитанные на активные действия со стороны посетителя. Это, с одной стороны, требование времени: «Людям стало недостаточно просто ходить по музеям и любоваться экспонатами. У них появилось желание непосредственного взаимодействия с экспозицией, предполагающего не просто получение тактильных ощущений, но и непременно наличие обратной связи» [1].

С другой стороны, мы постарались учесть специфику нашего посетителя – обитателя современного мегаполиса, который живет в фактической изоляции от своей бывшей среды обитания – дикой природы. Для успешного усвоения информации ему требуются дополнительные приемы «погружения в среду», причем необязательно связанные с последними достижениями высоких технологий. Как справедливо заметила Т. М. Трошина, «интерактивность далеко не всегда связана с техническими средствами. Все более актуальными становятся интерактивные экскурсии, включающие диалог с публикой, мастер-классы, викторины, концерты и другие проявления интерактивности, не требующие новых технологий» [4]. Именно это соображение было принято нами на вооружение.

«Урбанистическая среда» – это первый раздел, в который попадает посетитель, выходя из зала исторической экспозиции «XX век». В нем представлены искусственные пространства, в которых горожанин находится в самом обычном и самом знакомом плане восприятия: блоки «Квартира», «Промышленная территория», «Многоэтажный дом», «Дача».

Обзор экспозиции начинается с «квартиры», поскольку именно в собственном жилье, порой даже не подозревая об этом, человек оказывается ближе всего и к разнообразным экологическим рискам и к некоторым представителям дикой природы. «Городская квартира» рассчитана на непосредственный контакт с посетителем уже самой организацией пространства – в виде стилизованного, условного интерьера жилого помещения. В качестве выставочного оборудования для экспонатов выступают обычные предметы интерьера: стол, табурет, шкаф-«стенка» и даже кухонная мойка с тумбой. Данные предметы относятся к музейной коллекции «Мебель» и выбраны для экспозиции неслучайно; они изготовлены из материалов, входящих в содержание экспозиции (конкретно: в комплект строительных и отделочных материалов, распространенных в настоящее время). Таким образом, экспонаты выполняют функцию выставочного оборудования.

В результате достигаются сразу несколько целей: во-первых, эффект «погружения» в предметную среду (в данном случае – знакомую и привычную всем обстановку жилья); во-вторых, возможность размещения «скрытой экспозиции» (часть музейных предметов находится за глухими дверцами шкафа-модуля и «мойки»); в-третьих, элемент интерактивности.

Предметная база этого блока экспозиции предполагает интегрирование традиционных музейных предметов естественнонаучного фонда с новыми, не совсем традиционными для естественноисторической экспозиции: фрагментами водопроводных труб и кухонной посуды с отложениями арагонита, флаконами из-под бытовых химических препаратов, образцами строительных и отделочных материалов и т. д. Но при этом даже традиционные предметы (сухие и влажные препараты, чучела, предметы со следами жизнедеятельности животных, муляжи, ботанические коллекции, фотодокументы) даны под новым ракурсом – как иллюстрация экологических проблем человеческого жилья.

Открывая шкафчики, посетитель в буквальном смысле «открывает» секреты собственного жилья и, таким образом, начинает знакомство с дикой природой мегаполиса, фактически, не выходя из своей квартиры. Конечно, это в некотором роде чревато не слишком приятными сюрпризами (особенно если речь идет о животных – нежелательных спутниках человека), поскольку человек привык считать свой дом уютным и надежным убежищем, где он строит себе комфортный быт, где ему знакома каждая мелочь и где он совсем не готов встретиться с опасностями и неприятными неожиданностями. Однако этот «когнитивный диссонанс» успешно преодолевается, когда посетитель видит пути решения обозначенной проблемы – экспозиция снабжена подробными информационными текстами.

«Промышленная территория» знакомит посетителя с технологическими процессами, направленными на экономию ресурсов, а также с возможностями безотходного производства. В условиях г. Тольятти, где комплекс химических предприятий-гигантов соседствует с уникальными природными ландшафтами и памятниками природы, тема взаимодействия «промзоны» и живой дикой природы чрезвычайно важна. Задача этого блока – привлечение внимания посетителей к усилиям по сохранению природного богатства, целостности и чистоты окружающей среды, необходимость формирования у населения экологического сознания. Главное, на что мы стремились обратить внимание посетителя, – это достижения тольяттинцев в сфере снижения негативного влияния объ-

ектов промышленности на окружающую среду и перспективы развития в этом направлении.

Вполне закономерно, что на первый план при разработке нашего раздела «Промышленная территория» вышла одна из главных экологических проблем современности – необходимость утилизации отходов, как бытовых, так и промышленных. Разворачивая эту тему на экспозиции, авторы делали упор на наглядность и интерактивность, чтобы посетитель с первых шагов чувствовал себя не сторонним наблюдателем и слушателем, а участником важного процесса. В качестве «сверхзадачи» авторы экспозиции замахнулись (ни больше, ни меньше) на способствование формированию у горожан новых психологических установок в бытовом поведении, а именно: на смену отношения к мусору и на активные действия в его утилизации [2]. Упрощенно и коротко эти установки можно сформулировать таким образом: «Нет мусора – есть ценное сырье, которому мы пока не сумели найти применения».

Раздел «Промышленная территория» находится почти в самом начале экспозиции, посетитель попадает сюда буквально «из собственного дома», то есть из раздела «Городская квартира». Это согласуется с замыслами авторов экспозиции – переход из одного раздела в другой воспринимается посетителем как постепенное расширение масштабов экологических проблем и путей их решения – от размеров собственного жилья до глобального уровня. Площадь «Промышленной территории» относительно невелика – две смежные вертикальные поверхности площадью 4 м и 8 м. Одна поверхность представляет собой шкаф-модуль с полками-ячейками, как застекленными, так и открытыми – в последних предметы предназначены для открытого доступа и интерактива (собственно говоря, это обратная сторона шкафа, находящегося в блоке «Городская квартира»). Горцом «шкаф» примыкает к стене, на которой расположен плоскостной информационный материал – стенды и схемы.

Знакомясь с понятием **рециклинга** как примера безотходного производства, посетитель, прежде всего, постигает смысл селективного сбора бытовых отходов и свою личную роль в этом процессе. В Тольятти отдельный сбор мусора пока находится в стадии нововведения и затрагивает в основном сбор ПЭТ-тары и аккумуляторных батареек. На экспозиции посетитель осматривает макеты пластиковых контейнеров для селективного сбора мусора и настоящий контейнер для сбора использованных батареек (предоставленный одним из наших партнеров по монтажу экспозиции – компанией «Эковоз»). «Батареечный» контейнер

находится в свободном доступе в холле музея и уже обрел популярность среди тольяттинцев. Часто можно наблюдать такую картину: человек заходит в музей, опускает горсть батареек в контейнер и уходит (просто мимо шел и по пути сделал полезное дело).

О том, что идея использования промышленных и бытовых отходов для производства новой продукции уже давно прижилась в нашем городе, рассказывают сами предметы экспозиции – материалы и предметы, изготовленные из отходов ведущих промпредприятий г. Тольятти (некоторым из них уже почти полвека), а также продукция современных мусороперерабатывающих предприятий, причем, теперь речь идет уже и о бытовых отходах – ими занимается завод по переработке бытовых отходов (ЗПБО), который входит в состав группы компаний «Эковоз». На экспозиции представлены образцы их сырья и готовой продукции: компост, ПЭТФ-флекс, который используется в производстве синтетического волокна и полотна; само синтетическое волокно, пригодное для подушек; гранулы ПВД и ПНД (их используют в качестве сырья при производстве пакетов для мусора, полимерных труб, деталей для автомобилей) и др.

Но наибольшей популярностью у посетителей, особенно юных, пользуется резиновая напольная и тротуарная плитка, изготовленная из отслуживших свой век автомобильных покрышек. Эти разноцветные плитки предназначены для интерактива, с ними интересно экспериментировать: встать на них, попрыгать и даже упасть на колени – они пружинят, не скользят под ногами, и падать на них не так чувствительно, как на асфальт или бетон. Большим вниманием пользуются также поделки ручной работы, изготовленные из отходов бытового пластика: игрушки, предметы быта, украшения. Их также можно брать в руки, примерять и учиться технологии изготовления.

Блоки «Дача» и «Многоэтажный дом» рассказывают об искусственно созданных ландшафтах и возникших там (помимо направленной воли человека) природных сообществах.

Блок «Городской лес» можно было бы охарактеризовать как пространство, решенное в традиционном стиле (здесь находятся витрины и подиумы с чучелами, емкости с влажными препаратами и коробка с сухими, гербарии, муляжи грибов и др.), если бы не несколько важных инновационных моментов. Первое: в экспозиции находится клетка-вольер с живыми экспонатами – дикими птицами (они предоставлены музеем активистами местного приюта для пострадавших диких животных). Птичьи голоса способствуют созданию «живой» атмосферы леса

и предоставляют полный простор для общения и познания. Посетители, особенно дети, охотно учатся распознавать птиц по голосам и внешнему виду – для некоторых это единственная возможность подобного опыта.

Второй момент – в центре пространства «Леса» находится массивный арт-объект, содержащий внутри себя скрытую экспозицию. Он появился в результате реализации проекта «Пять чувств леса». В основе концепции «Пяти чувств» лежала идея: воздействовать на сенсорный канал восприятия человека (органы чувств посетителя), причем не только на зрение и слух, но и на остальные, обычно в музее не используемые – обоняние, осязание, вкус. Проект был поддержан ГБФ «Фонд Тольятти», и в конце января 2013 г. в зале природы и экологии состоялось торжественное открытие выставки-модуля в виде стилизованного дерева, снабженного глухими и стеклянными дверцами, а также выдвижными ящиками, за которыми «скрывались» некие лесные секреты. Посетитель, открывая дверцы, может увидеть конфигурацию листьев разных видов растений, потрогать кору разных деревьев и кустарников, послушать голоса местных птиц, сравнить запахи лекарственных растений и даже попробовать варенье из лесных ягод. Этот арт-объект и символизирует собой «Пять чувств леса». Он взаимодействует с посетителем, оживляя через органы чувств воспоминания о пострадавшем в пожарах 2010 г. тольяттинском лесе, сообщая новые знания, необходимые человеку при взаимодействии с экосистемой «лес в городе».

Именно вовлеченность органов чувств посетителя (первичный канал восприятия информации из внешнего мира) и помогала, по идее авторов, решать важнейшую и принципиальную задачу экспозиционного модуля (а по сути, цели проекта) – *осознания посетителем себя как составляющей единицы Живой Природы, а именно, природы данной территории.*

Следующим шагом для создателей экспозиции был проект «Дерево в городе» – его поддержал благотворительный Фонд Д. Зимина «Династия». На этот раз целью было не просто рассказывать и показывать растения, а общаться с ними при помощи музейных средств. И даже больше – целью было предоставить растениям (уточним: не всем растениям, а только деревьям, растущим в Тольятти) САМИМ рассказывать и показывать, как они реагируют на воздействие человека и природных факторов. А посетитель как раз оказывал бы (виртуально) разного рода воздействие и получал бы, так сказать, обратную связь, то есть **взаимодействие** с экспозицией. Собственно говоря, речь шла

об эксперименте – точнее, о модели эксперимента не в лабораторных или полевых условиях, а, если так можно выразиться, в условиях виртуальных. В рабочую группу с учетом особенностей проекта входили, помимо представителей администрации, специалисты самых разных профилей: научные сотрудники сектора природы, программисты, Flash-специалисты, преподаватели-психологи. Итогом работы стал металлический арт-объект, размещенный в пространстве блока «Парки и газоны» – условная модель дерева, снабженная экранами-мониторами, где можно видеть (снаружи и изнутри) крону, ствол и корни – все главные части настоящего дерева. Рядом разместилась мультитач-панель с сенсорным экраном. Посетитель, желающий получить исчерпывающую информацию о древесных породах г. Тольятти, манипулирует с тач-панелью, имитируя разные воздействия на дерево (посадка, внесение удобрений и пр.), а дерево «реагирует» на эти воздействия, демонстрируя на экранах-мониторах бурную вегетацию или, наоборот, угнетение и гибель. В формате электронной игры, разработанной специально для нашего музея, посетитель получает нужные ему знания о местных растениях и особенностях их выращивания, знакомится с опытом подобной работы за рубежом, а также может пройти (тоже в формате игры) несколько типичных ситуаций, связанных с озеленением города. Все происходящее демонстрируется на большом экране на фоне белой стены. Эксклюзивная «интеллектуальная игра» сразу же получила популярность у посетителей всех возрастов – добавим, что весь материал был разделен и адаптирован применительно к разным возрастным группам посетителей, так что каждый желающий может получить от «Дерева в городе» свою порцию «радости познания». И еще немаловажная деталь: все фотоматериалы являются нашими фондовыми, которые были отсняты на территории Тольятти.

Пространство «Геологическая история» и «Ледниковый период» построены классически: геологические и палеонтологические образцы помещены в застекленные витрины (к слову, в новых витринах, изготовленных по спецзаказу, стеклянные полки крепятся не на каркасе, а на тонких стропях, которые делают выставочное оборудование незаметным и выгодно выделяют контент экспозиции их окружающего пространства). Крупные палеонтологические образцы четвертичного периода (костные остатки животных) находятся в открытом доступе.

Но даже при всей традиционности для посетителя, самостоятельно осматривающего экспозицию, предусмотрен ряд интерактивных моментов: два короба с песком, в которых при помощи кисточек можно отко-

пать макет скелета ихтиозавра и настоящую бедренную кость мамонта, а также большой, около двух метров в длину, фрагмент окаменевшего ствола дерева (возраст – около 40 млн лет). Есть в залах палеонтологии и скрытая экспозиция – ряд предметов находится в комодах с выдвижными ящиками. Они предназначены для тех, кто готов углубить свои познания в истории развития органического мира на территории Самарской области.

До сих пор мы говорили об интерактивных элементах, входящих в наполнение экспозиции и доступных для посетителя, осматривающего музейные залы самостоятельно. Но, кроме этого, на базе экспозиции «Природа. Город. Человек» разработана программа занятий и экскурсий, включающая также и музейный абонемент. Каждое занятие направлено на углубление знаний по заданной теме и предусматривает теоретическую и практическую часть, в ходе которой посетители работают непосредственно с музейными предметами и материалами. Конечно, каждое занятие имеет несколько вариантов, адаптированных к разным возрастным группам посетителей, начиная от детсадовских групп.

Так, на базе «Городской квартиры» проводится занятие «Моя квартира», где дети знакомятся с экологическими проблемами жилища и путями их решения. Практической частью является работа с пластиковой тарой – посудой и упаковочными материалами, которыми наши современники пользуются в быту. Целью практики ставится закрепление навыков правильного использования бытового пластика в зависимости от его свойств. Посетители делятся на команды, каждой из которой предоставляется комплект предметов и таблица «Международная маркировка пластика». Участники должны распределить контейнеры, бутылки, банки, флаконы, тарелки, лотки и стаканчики по категориям: «Не для пищевых продуктов», «Только для холодных продуктов», «Можно разогревать в микроволновой печи». Команда-победитель получают символический приз.

В пространстве «Промышленной территории» проходит занятие «Отходы – в доходы!», где в качестве практики предлагается мастер-класс по изготовлению поделок из пластиковой тары. Сначала группа знакомится с готовыми образцами (бижутерией, игрушками, всевозможными предметами для интерьера квартиры и дачи), а затем под руководством экскурсовода работает собственными руками. В зависимости от возраста, времени года и наличия раздаточного материала предусмотрены варианты: раскрашивание декоративных бабочек из ПЭТ-бутылок, изготовление вазочек способом плетения, изготовление елочных игрушек

и др. Сбор тары для занятий поставлен «на поток» среди сотрудников и друзей музея.

В пространстве «Лес» было разработано занятие о санитарно-гигиеническом значении леса для жителей города. После теоретической части (с элементами лекции и беседы) группа делится на команды и выполняет по очереди пять заданий, направленных на закрепление материала. Каждое задание предусматривает задействование, главным образом, одного из пяти органов чувств. Так, в задании «Смотри: лес» предлагается рассмотреть макеты листьев древесных пород, которые растут в нашем лесу. Далее участник команды обводит контуры понравившегося листа на цветной бумаге, вырезает его ножницами и затем уносит с собой. Задание «Слушай лес» включает в себя знакомство с аудиозаписью голосов лесных птиц и зверей и попытками распознавания и запоминания. Задание «Вдыхай лес» предлагает определить по запаху засушенные лесные растения, которые хранятся в закрытых банках. Задание «Прикоснись к лесу» сводится к знакомству с коллекцией образцов коры лесных растений – закрепление материала идет через тактильные ощущения. Пожалуй, самое приятное задание – «Попробуй лес на вкус», где посетители дегустируют продукты из лесных ягод и сосновых шишек и стараются распознать виды растений, из которых приготовлены образцы.

Для любителей геологической истории разработаны свои занятия с элементами интерактивности. Так, занятие «Бывают ли камни мягкими?» – это настоящая лабораторная работа по минералогии. После вводной теоретической части группа делится на команды, каждой команде для работы предоставляются одинаковые комплекты образцов местных горных пород. Задача – пользуясь таблицей твердости Мооса, разложить образцы в нужном порядке, по возрастанию твердости. Твердость определяется опытным путем при помощи инструментов: напильника, монетки, кусочка стекла и др. Экскурсовод проверяет правильность и определяет команду победителей, которая получает символический сувенир – геологический образец из обменного фонда, наклейку и пр.

Занятие на тему ледникового периода и мамонтовой фауны («Когда мамонты в Волге купались») предусматривает работу группы с зубами мамонта, а также упражнения в «наскальной живописи». Во время выполнения заданий участники испытывают эффект полного «погружения» в материал: они мысленно перевоплощаются в людей каменного века и рисуют «тотемы» своего племени – представителей доисторических животных. Рабочие фартуки из мешковины вполне заменяют им «первобыт-

ную одежду», а вместо стенок пещеры предоставляются листы влажного ватмана. Зато «кисточки» вполне подлинны – расщепленные веточки или собственные пальцы. Воспроизводя внешний вид древних животных, участники отлично закрепляют в памяти полученную информацию.

К слову сказать, элементы интерактива присутствуют не только в новых занятиях, разработанных специально для пространства новой экспозиции, но и тех, что были разработаны раньше в так называемом «традиционном» ключе. Так, на занятии «Ужин для ежика» (знакомство с обитателями нижнего яруса леса) у экскурсовода есть помощник – игрушечный еж, которого надо «покормить». Участникам предоставляется достаточно широкий ассортимент потенциальной «пищи» (муляжи насекомых, фруктов, овощей и грибов, хлебобулочные изделия и др.), из которого нужно выбрать требуемое и таким образом проверить усвоение информации. На занятии «В траве сидел кузнечик» юные участники с помощью пантомимы закрепляют некоторые сведения о насекомых, на занятии «О чем плакал кактус» также присутствуют элементы пантомимы. Кроме того, программа занятий предусматривает целый комплекс «трогательных предметов», то есть нефондовых природных образцов, которые в процессе занятий можно (и нужно) потрогать, взять в руки – одним словом, вступить в непосредственный контакт для получения и закрепления новой информации. Например, можно на ощупь определить, что осиное гнездо сделано из бумаги, что луб (часть дерева) – это мягкие волокна, а значит, сказочная «лубяная избушка» у зайца напоминала, скорее всего, плетеный короб, а не бревенчатый сруб, и т. д.

Отдельным пунктом в программе стоят викторины и квесты на природную тематику («Кто оставил след?», «Шишки от мышки» и др.), где каждый вопрос предполагает работу участника с природными образцами. Викторины, как правило, проводятся по предварительной заявке в течение школьных каникул.

При всей насыщенности интерактивными элементами экспозиция далеко не исчерпала своих возможностей развития. В планах сотрудников музея – дальнейшее расширение приемов интерактива. Например, приобретение необходимых реактивов существенно увеличит возможности геологической «лаборатории», установка аквариума с живыми обитателями местных водоемов поднимет (надеемся) у посетителей интерес к раскрытию тайн подводного мира и т. д.

Литература

1. Ванеева О. В. Комплексное использование интерактивных технологий в рамках

музейного пространства. // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т. 212. – СПб., 2015. – С. 189–196.

2. Иванова М. А. Естественнонаучная экспозиция «Природа. Город. Человек». Отчет по итогам НИР. 2014 г. / Архив ТКМ. 35 с.

3. Рощевский Ю. К. Правила непрофессиональной экологии. Листовка. – Тольятти, 1997.

4. Трошина Т. М. Интерактивный музей в современном медиапространстве. Т. 2. // Медиакультура новой России: материалы междунар. науч. конф. / под ред. Н. Б. Кирилловой и др. – Екатеринбург; – М. 2007. – С. 306–318.

И. О. МАРШАЛОВА

**ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ
В ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МУЗЕЯ И. А. ГОНЧАРОВА
(на примере выставки «Памяти фрегата "Паллада":
путешествие к новым берегам»)¹**

Одним из наиболее ярких событий в научно-исследовательской и экспозиционной деятельности Дома Гончарова с момента открытия обновлённого музейного центра писателя (18 июня 2012 г.) стала презентация в мае 2013 г. временной экспозиции **«Памяти фрегата "Паллада": путешествие к новым берегам»**, приуроченной к 155-летию выхода в свет книги очерков И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"», создававшейся в ходе путешествия писателя в составе русской дипломатической миссии в Японию в 1852–1855 гг.

Цель данного выставочного проекта заключалась в приобщении определённой аудитории (в основном, школьников младшего и среднего возраста, а также семейных групп) к знаковым событиям культурно-исторического прошлого страны и динамике настоящего времени через раскрытие новых для посетителей сторон деятельности И. А. Гончарова как дипломата и путешественника посредством знакомства с отдельными аспектами книги очерков «Фрегат "Паллада"», традициями увековечения памяти писателя на родине.

Подобная воспитательно-образовательная миссия, возложенная наряду со школой и вузом на музей, по мнению специалиста в области музейной педагогики В. М. Полонского, на сегодняшний день включает в себя «просветительскую деятельность, удовлетворение образовательных

¹ Доклад был представлен на конференции «История и современность Симбирского – Ульяновского края. Итоги краеведческого года» 28.03.2014 г.

и творческих интересов учащихся, приобщение подрастающего поколения к культуре с помощью изучения истории, специально организованной предметно-пространственной среды, произведений искусства и памятников природы»¹. В данном ключе избранная сотрудниками музея И. А. Гончарова форма интегрированной экскурсии с путеводителем по выставке, объединившая в себе традиционную лекционную манеру подачи материала с различными видами интерактивного действия (отгадывание ребусов, собирание пазлов, мини-бродилки, предполагающие решение умственных задач для продвижения по выставочному пространству), оказалась весьма плодотворной и как нельзя лучше отвечающей духу времени, требованиям, предъявляемым к музею как центру культурно-образовательного досуга населения.

Безусловно, структурно-семантическое наполнение выставки «Памяти фрегата "Паллада": путешествие к новым берегам» оказалось чрезвычайно насыщенным и разнообразным. Все выставочное пространство было разделено на два больших блока. Идеино-тематически их скрепляли собранные в открывающей экспозицию витрине материалы, посвящённые «японскому походу» И. А. Гончарова. Так, мир, представший перед писателем во время мореплавания, оказался запечатлённым самим романистом в книге очерков «Фрегат "Паллада"», раритетное издание которой заняло главенствующее место среди других публикаций произведения на разных языках (в том числе на японском). В этой же витрине разместились иллюстрации к очеркам, созданные художниками Б. К. Винокуровым и В. Д. Цельмером в 1849 г. Примечательно, что именно с фактами культурно-исторического бытования очерков и связаны первые два задания в путеводителе.

Сам путеводитель – это своего рода документ активности и отчетности, представляющий собой сложенный втрое лист бумаги формата А3, лицевая сторона которого помимо названия выставки и изображения парусника, бороздящего страницы раскрытой книги, включает обращение к посетителю, взявшему в руки данный «документ» и включившемуся тем самым в занимательную мыслительную игру. На внутренней стороне путеводителя раз-

Б. К. Винокуров. «Фрегат в открытом океане ночью». Бумага, акварель. 1949 г. УКМ.

¹ Полонский В. М. Словарь по образованию и педагогике. – М., 2004. – С. 21.

мешены правила прохождения квеста, вопросы, загадки и головоломки; два свободных загиба внешней стороны содержат ребусы, инструкцию по составлению парусника-пазла, графическое изображение фрагмента звёздного неба с подробным описанием поиска и нахождения Полярной звезды, а также отметку о завершении бродилки и приглашение подняться, предварительно облачившись в форму моряка, на капитанский мостик, представленный на выставке подиумом с привинченным к перилам штурвалом и подвешенной рядом рындой.

Итак, для разминки и погружения в тему посетителю предлагается подсчитать, в каком году впервые была опубликована книга о путешествии. Сделать это нетрудно, учитывая упоминание экскурсовода о юбилейной дате – 155 лет со дня её выхода – и принимая во внимание год открытия самой выставки – 2013. Получившаяся в результате вычислений дата – 1858 г. – аккуратно заносится в специально отведенное для этого поле в путеводителе.

Второе задание предполагает от участника квеста умение соотносить визуальный ряд с понятийно-вербальным, т. к. обращено одновременно к очеркам И. А. Гончарова и к иллюстрациям Б. К. Винокурова и В. Д. Цельмера, претворившим экзотический мир путешествия из живого слова писателя в живописные изображения морских и иноземных чудес. Например, необходимо определить, к какой из представленных иллюстраций можно отнести строки из книги «Фрегат "Паллада"»: «Наступает, за знойным днем, душно-сладкая, долгая ночь, с мерцаньем в небесах, с огненным потоком под ногами, с трепетом неги в воздухе. <...> фрегат напряженно движется <...> все торжественно и прекрасно тихо!». Авторскому описанию соответствует иллюстрация Б. К. Винокурова к главе «Плавание в атлантических тропиках», изображающая фрегат в открытом океане ночью. Номер рисунка, указанный на этикетке, заносится в путеводитель напротив подходящего текста. Таких описаний в листе активности три.

Затем экскурсанту предлагается выполнить ряд разнообразных заданий, связанных с деятельностью наших современников, продолжающих традиции отважных русских моряков.

Значительная часть выставки посвящена команде и курсантам учебного парусного судна «Паллада», названного в честь того самого фрегата, который в 1852–1855 гг. под командованием капитана И. С. Унковского и вице-адмирала Е. В. Путятин совершил плавание из Кронштадта через Атлантический, Индийский, Тихий океаны к берегам Японии. Новое парусное судно «Паллада» приписано к порту Владивосток. «Именно

на этом корабле, не раз ходившем в кругосветки, курсанты и студенты морских учебных заведений России познают основы профессионального мастерства и морского братства»¹. Фотографии, повествующие о быте и учебных буднях курсантов, помимо информативной нагрузки, стимулируют творческое начало и апеллируют к эмоционально-нравственному восприятию фактов, предлагаемых экскурсоводом или почерпнутых самостоятельно в процессе осмотра выставки и работы с путеводителем. Фото, изображающие расхождение курсантов по мачтам и по реям, дают возможность ответить посетителю на вопрос, помещённый в листе активности: «...где у фрегата мачты, а где реи?». А ответив на вопрос, что такое «мачта», подсчитать, сколько их у нарисованного в путеводителе парусника.

Экскурсовод обращает особое внимание на две выставочные фотографии, отражающие пребывание учебного парусного судна «Паллада» в Японии. Посетителю предлагается отыскать их.

На одном из фото красуется парусник, стоящий в токийской гавани. В связи с этим экскурсовод замечает, что Токио – самый впечатляющий мегаполис в Азии, основанный в середине XV столетия, в котором уникальным образом сочетаются традиции прошлых веков с элементами современной городской культуры. Рассказ о бытовых подробностях и культурных особенностях жизни другой страны несёт в себе образовательно-нравственный заряд и отвечает познавательным потребностям посетителя. Подобные культурологические экскурсии представляются весьма продуктивными и занимательными при использовании формы интегрированной экскурсии. Это, в частности, подтверждает и социологическое исследование музеоведа, продюсера программ компании «Радио России» С. В. Миловинова, предполагающего, что «интересная коллекция» – это только надводная часть айсберга услуг, которые музейная организация обязана предоставить личности для ознакомления, подводная же часть этого айсберга хоть и невидима, но чрезвычайно насыщена и информативна. Поэтому «музеи должны идти навстречу рядовому зрителю, уделяя особое вни-

Учебное парусное судно «Паллада»

¹ Маршалова И. Фрегат «Паллада»: новые берега // Мир музея. – 2013. – № 311. – С. 14.

мание пробуждению в нем интереса к практическим сторонам жизни людей в прошедшие эпохи и в других культурах»¹.

Кульминацией повествования о японских традициях становится представление одного из важнейших символов Японии – журавля. До сих пор живёт одна из японских легенд, получившая широкое распространение в XX столетии и хорошо известная в наши дни. Путеводитель содержит адаптированное переложение древнего сказания о 1000 бумажных журавликах, которое зачитывается либо самим посетителем, либо экскурсоводом: «...если сложить из бумаги тысячу журавликов, исполнится заветное желание. Секрет в том, чтобы складывать фигурки не себе, а подарить их окружающим и получить в ответ тысячу улыбок. Тогда появятся новые друзья, а с их помощью и желания исполнятся. Вторая мировая война придала древней фигурке ещё одно значение. После атомной бомбардировки Хиросимы больная лейкемией девочка по имени Садако молилась о мире на земле. В больнице она складывала журавликов. Врач сказал девочке: сделав тысячного – поправишься. Но Садако успела сделать только 644 журавлика. И сегодня в день памяти этой отважной маленькой девочки дети и взрослые разных стран мира складывают журавликов и присылают к подножию её памятника в Японии».

Из вышеперечисленного логически вытекает следующее задание: на специально организованной интерактивной площадке предлагается проследить технологию изготовления птичьей фигурки из бумаги, а затем попробовать сложить журавлика самостоятельно.

Второй раздел выставки рассказывает о деятельности ульяновской организации – некоммерческого партнерства «Гончаровский меридиан». По инициативе земляков писателя ежегодно на его родине проходит фестиваль парусных судов, в котором принимают участие яхты из многих городов России. Экспонаты рассказывают и о том, как «Гончаровский меридиан» готовится к осуществлению своей главной мечты – пройти под парусами по маршруту гончаровской "Паллады"². Важно, что переход к повествованию о деятельности «Гончаровского меридиана» сглаживает именно путеводитель, который напоминает участнику квеста о «страсти Гончарова к путешествию, к воде», зародившейся в родном Симбирске, на волжских берегах.

¹ Миловидов С. В. Принципы «дополненной реальности» и интерактивная реконструкция в музеях. [Электронный ресурс]. URL: <http://sias.ru/magazine/vypusk-6-2013/sotsialnaya-filosofiya-i-sotsiologiya/848.html>

² Маршалова И. Фрегат «Паллада»: новые берега.

Примечательна завершающая интерактивную экскурсию череда заданий, позволяющих участникам выставочной бродилки в ходе их выполнения потренироваться в разгадывании шифров и ребусов, складывании пазлов и даже познакомиться с картой звёздного неба и отыскать на ней Полярную звезду, которая с давних пор являлась главным ориентиром для путешественников. Лист активности содержит подробнейшую инструкцию определения местонахождения ярчайшей звезды на небосклоне. Полярную красавицу предлагается не только найти, но и подписать на предложенном фрагменте звёздного неба.

«Конечная цель "игры в квест", – напоминают авторы интерактивного проекта «Марс и Фобос», сотрудники Музея естественной истории Татарстана Ф. Батырова и А. Сафина, – ответить на все вопросы и получить ключевое слово»¹. В нашем случае не предполагается моментального решения всех задач для успешного прохождения «бродилки». Кроме того, некоторые задания рассчитаны на спокойное, созерцательное выполнение. Например, раскрашивание бабочки-парусника, наименование которой омонимично названию морского судна, из выставочного пространства музея можно перенести в домашние условия.

Таким образом, включившись однажды в предложенную музеем выставочную интерактивную программу «Памяти фрегата "Паллада": путешествие к новым берегам», каждый желающий имел возможность пройти по залу с путеводителем, знакомясь с передвижной экспозицией, отвечая на возникающие вопросы, решая занимательные задачи и участвуя в познавательных играх.

«Современный посетитель музея, – напоминает С. В. Миловидов, – человек с активной жизненной позицией, ориентированный на приобретение знаний в самых разных областях науки, культуры, искусства; человек, для которого интернет, телевидение и средства массовой информации стали частью жизненного пространства. Это вызвало изменение требований к музею и к самим принципам формирования экспозиции и выставочного пространства, которое, в реалиях сегодняшнего дня, должно было предложить нечто сверх того, что посетитель мог узнать, не выходя из дома»². Учитывая это, всегда можно превратить посещение музея из перегруженного сложной для понимания информацией действия в подлинный творческий акт, вызывающий глубокое эмоциональное восприятие увиденного и стимулирующий креативные возможности личности.

¹ Батырова Ф., Сафина А. Марс и Фобос // Мир музея. – 2014. – № 317. – С. 30.

² Миловидов С. В. Принципы «дополненной реальности» и интерактивная реконструкция в музеях.

ФОРМИРОВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЙ НА ПРИМЕРЕ МБУ «КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ГОРОДСКОГО ОКРУГА СЫЗРАНЬ»

Несмотря на развитие технологий, музеи не потеряли свое значение в сфере не только культурного, но и общего развития человека как полноценной личности. Ведь согласитесь, даже если вы увидите известную на весь мир «Джоконду» на экране монитора – это не может оказать на вас такое же впечатление, как если бы вы повстречались с картиной великого художника вживую. А такое возможно только в музее. Огромную радость, подлинно эстетическое наслаждение, чувство сопричастности к великому и вечному испытывают люди, посещая музеи и выставки, где хранятся памятники истории и культуры, олицетворяющие величие труда и таланта народа.

Для тех, кто родился и живет в Сызрани, самым главным является НАШ краеведческий музей – единственный музей в городе!

Как же все начиналось? История формирования нашего музея связана с выпускником юридического факультета Петербургского университета Николаем Викторовичем Гурьевым. Именно он, видевший лучшие музеи Петербурга, мечтал о сызранском «Эрмитаже».

Попытки организовать музей местного края предпринимались еще в 1919 г. Но «они носили ведомственный характер», и, судя по всему, там каждое ведомство стремилось присвоить себе что-то старинное, барское. В 1920 г. в городе открывается педагогический техникум, а при нем сельскохозяйственный музей, созданный по инициативе местного агронома Ивана Федоровича Владимировича. Именно этот музей послужил в дальнейшем базой для создания сызранского краеведческого музея.

В 1922 г. к XI Съезду Советов Уездное статистическое бюро устраивает выставку. Но выставкой ее можно назвать с большой натяжкой, ибо «...она состояла из диаграмм, выполненных заведующим Устатбюро Н. В. Гурьевым, и школьных работ, выставленных Сызранским УОНО (уездный отдел народного образования)...»¹.

Активную помощь и поддержку в организации выставки оказывал заведующий сельскохозяйственным музеем Иван Федорович Владимирович.

Летом 1923 г. Устатбюро предлагает воспользоваться дубликатами

Всесоюзной сельскохозяйственной выставки для создания собственного музея.

Сам Гурьев остается завустатбюро, а вот музеем заведует агроном Владимиров, который вместе с Николаем Викторовичем готовил сельскохозяйственную выставку¹.

11 января 1924 г. Комитет Сызранского уездно-городского музея местного края обращается к волисполкомам с просьбой делиться всем, что есть в волостях (деревнях). А именно: приносить утварь, одежду, находки из древних могил, модели крестьянских построек, чучела и шкуры, образцы почв, документы, книги и т. д.

Пропаганда и агитация «за спасение обломков культурно-исторических ценностей края» велась через уездно-городскую статистическую агентуру по заданию Гурьева. Конечно, одними призывами дело не обходилось. Вот, например, письмо в Старо-Рачейский ВИК: «*Правление Общества Краеведения просит распоряжения о доставлении в Музей местного края иконы-картины под названием "Почи Бог от дел творения", находящейся в притворе с. Самайкино и представляющей археологическую редкость. В случае сокрытия будет возбуждено судебное преследование против виновных лиц по статье 102 УК*». Вот такие «просьбы»².

Или такой факт. В с. Муранка жил крестьянин, имевший у себя зуб мамонта и оценивавший его в 2 млн руб. Может быть, находка стоила и меньше, однако платить не хотелось, «несознательного» пришлось «убеждать». Один из членов Общества краеведения, проводивший все лето экскурсии, попросил у председателя Н. В. Гурьева в виде вознаграждения... пару лаптей¹.

Бывали и безвозмездные подарки. Учитель из с. Заборовка Мокеев передал музею зуб мамонта, несколько окаменелостей и старинный светильник для лучины.

Всеми правдами и неправдами добывались вещи для будущих экспозиций. Вот еще одно обращение в Президиум УИК – от 2 декабря 1925 г.: «*Ввиду того, что по сообщению заведующего Госземимуществом 1-го района тов. Промозглова, имущество бывшего Заборовского совхоза (бывшего имения князей Гагариных) предназначено к продаже с торгов, Правление Общества краеведов просит распоряжения:*

1. *Об оставлении в музее без торгов двух ваз – одной мраморной и другой фарфоровой.*

2. *О передаче в музей и недопущении к торгам других художественных и исторических ценностей этого имения*»².

Часть вещей из замечательной коллекции графов Орловых-Давыдовых в 1919 г. передали в реквизит театру. Но 23 апреля 1926 г. они были изъяты и оказались достойными музейными экспонатами. Существовал еще и обмен экспонатами. Например, Ульяновское Общество Краеведения, получившее из музея 26 фотографий с видами Симбирска 1864 г., в свою очередь подарило сызранцам бивень мамонта, рог тура и фрагменты вещей из Муранского могильника².

Музейный комитет смог наладить связи с сельским учительством. Педагоги уезда старались заинтересовать крестьян историей края, организовывали краеведческие экспедиции, помогали собирать археологический и этнографический материал.

К концу 1924 г. в музее сформировались коллекции: археологическая, нумизматическая, фотографий революционного периода, иконописи и редких книг.

1 марта 1925 г. по инициативе Н. В. Гурьева и инспектора школ Н. И. Рыжкова в Сызрани создается краеведческое общество. Оно играло в дальнейшем главную роль в жизни музея. Председателем общества избран Гурьев.

В 1927 г. в Москве, в методкомитете Главнауки НК Просвещения, выступал с докладом Н. В. Гурьев. Результатом его речи явилось постановление об организации при Сызранском музее художественного отдела. Было получено около 40 картин и скульптур, в том числе из Усоля. Поступило немало работ знаменитых русских художников: И. И. Шишкина, Л. К. Саврасова, Ю. Ю. Клевера, И. К. Айвазовского, К. А. Маковского.

В том же году была заложена коллекция предметов религиозного культа, которая пополнялась из мужского Свято-Вознесенского и женского Сретенского монастырей.

В 1927 г. в фонды музея поступили предметы коллекции «Керамика» из фонда Главнауки. Основу составили предметы производства российских и зарубежных мастеров, таких как: «Товарищество М. С. Кузнецова», фарфоровая фабрика «Мануфактуры Гарднер», Императорский фарфоровый завод, фарфор мануфактуры Мейсен, Веджвуд и других фабрик конца XVIII – нач. XX вв.. Позже коллекция дополнялась предметами советского периода производства Дулево, Вербилко, Ленинградского фарфорового завода, продукцией из Белорусской ССР, Украинской ССР и др., а также единичными предметами и столовыми сервизами.

Очень разнообразна коллекция глиняных изделий – крынки, балакири,

кувшины, горшки и другая утварь, поступившие в фонд музея в 1974 г. из артели «Строитель» (г. Сызрань), в 1981 г. переданные сотрудником кирпичного завода г. Сызрань, а также полученные в дар от граждан. В ХХI в. большой вклад в пополнение музейной коллекции глиняных изделий внес горшечных дел мастер из с. Кошелевка Виктор Учаев.

В 1927 г. в дар от Ульяновского музея были переданы чучела стаи волков, которые до сих пор поражают посетителей музея своими большими размерами.

Коллекция «Ботаника» музея начала формироваться в 1927 г. Основу коллекции составляют общие систематические гербарии (гербарии растений разных семейств, гербарий для курса географии), а также гербарии с образцами редких растений, произрастающих только в нашем крае. Интересны муляжи грибов, овощей, фруктов. Самый ранний фондовый предмет коллекции – «Гербарий полезных и вредных растений в с/х отношении», собранный в 1903 г.

Естественно, фонды музея пополняются регулярно. Интересна коллекция «Палеонтология», которая в основном представлена предметами юрского и мелового периодов, палеогена и ледникового периода. В основном, все находки были подарены музею жителями города. Например, некий Федор Васильевич Плаксин принес ребро мамонта, которое он нашел на Кашпире. Много находок ледникового периода обнаружены на территории строящегося завода «Тяжмаш».

На 1941 г. были новые планы, проведение тематических выставок. Музейные работники занимались пополнением фондов, но... 17 июля 1941 г., то есть, когда уже шла война, постановлением Горсовета музей закрывается, ему выделяется сарай и комната на 1-м этаже этого же здания. Сокращены штаты. Однако музей продолжает работать, была устроена передвижная выставка «2-я Отечественная война», она демонстрировалась в Доме пропаганды, театре, госпитале³.

Все военные годы музей работает, хотя и не в полную силу. Устраиваются выставки, но в других зданиях. Конечно, гибнут, пропадают экспонаты. Но война есть война, требовались помещения для более насущных нужд. Сызрань стала городом-госпиталем, городом-тружеником тыла.

В это время в музее появляется новый сотрудник с очень сложной судьбой. Это Борис Александрович Латынин – советский археолог и этнограф, в дальнейшем доктор исторических наук. Им были приняты и изучены археологические экспонаты из раскопок А. В. Башкирова (1921), М. А. Миллера (1908), К. П. Головкина (1916, 1918, 1919). Основу коллекции составляют предметы, найденные в ходе археологических

раскопок, проводимых на территории Сызрани, Самары и Самарской области учеными-археологами³.

Интересна коллекция находок из Муранского могильника. В 2007 г. на территории Сызранского кремля велись научно-исследовательские охранно-спасательные работы по данному объекту. Обнаруженные находки заняли достойное место в археологической коллекции. Интересны предметы, найденные в с. Кошки Кошкинского района Самарской области в 2005 г., во время проведения охранных археологических исследований на курганном могильнике в с. Заборовка в Сызранском районе Самарской области в 2005 г., в сёлах Новый Ризадей, Уваровка. Основная часть коллекции «Археология» представлена в экспозиции музея.

Послевоенная экспозиция состояла из двух отделов: природы и исторического (с древнейших времен до начала XX в.). Был еще зал с выставками основных сызранских предприятий: локомобильного завода («Тяжмаш»), комбайнового, кашпирского шахтоуправления, мукомольного и пищекомбинатов. Отдельные стенды были посвящены образованию и здравоохранению. Главной задачей в этот период было постановление министерства культуры о создании полноценных композиций истории советского периода. Институт музееведения разработал методику оформления отделов советского периода на основе подлинных материалов. В нашем музее начался ремонт и перестройка всей экспозиции, сбор материалов у населения и на предприятиях, проводилась закупка чучел птиц опять же в Ульяновском областном музее³.

Особой гордостью музея является Усольская коллекция графов Орловых-Давыдовых. Ценные предметы, более века собираемые членами графской семьи, были переданы в фонд нашего музея в 1925–1926 гг.: это картинная галерея парадных портретов (в том числе породнившейся с ними семьи Бяратинских), мебель, коллекция редких книг из графской библиотеки, предметы быта и этнографии.

Заслуживает внимания коллекция «Оружие». Она представлена, в основном, предметами из Усольской коллекции графов Орловых-Давыдовых (холодное и огнестрельное оружие XVII–XIX вв., предметы оборонительного оружия, пушки). Интересными экспонатами, связанными с историей Сызрани, являются пушки Сызранского кремля, по легенде, присланные самой императрицей Екатериной Великой для обороны крепости Сызран.

Интересный экспонат поступил от учеников 8 класса школы № 14 в 1955 г. – они принесли «древнерусский меч XI–XII вв.». Меч был найден на глубине 1,5 м при рытье канавы около Госбанка. Естественно,

что сотрудникам музея захотелось узнать о мече поподробнее, а вдруг это меч времени основания Сызрани? Государственный исторический музей на запрос ответил: «Найденная в вашем городе полоса меча <...> относится к XIII–XIV вв. и представляет собой <...> норманский тип <...> данная полоска меча не имеет никакого отношения к основанию г. Сызрани в XVII в. Возможно, меч был когда-то обронен или захоронен <...> случайно»³.

Разнообразна коллекция «Наградные знаки». В ней хранятся экспонаты как имперской России, так и советского, и современного периодов. Пожалуй, самым трепетным и патриотически важным является та часть фондов, которая посвящена периоду Великой Отечественной войны. Первая награда участника этой войны была передана в 1956 г. учеником 6 класса школы № 10 А. Самсоновым – медаль «За Победу над Японией». Годом позже был передан орден Отечественной войны II-й степени самим награжденным – А. Г. Ширяевым. С особым трепетом хранится высшая награда страны. Так, в 1962 г. жена Героя Советского Союза Василия Фёдоровича Кравченко Анастасия Николаевна подарила в музей этот бесценный подарок. Хочется отметить, что подобный экспонат хранится в наших фондах в единственном экземпляре!

В 1960 г. Матрена Яковлевна Теплова передает музею награды своего мужа, Героя Советского Союза Сергея Тимофеевича Теплова, в том числе и орден Ленина. Эти экспонаты особо чтятся в музее.

В 1971 г. в музее появилась ставка главного хранителя. Им стала Полина Александровна Жигалова (Скрябнева), грамотный специалист, окончившая Московский государственный историко-архивный институт. Исключительно добросовестный, вдумчивый работник. Она первая в музее проделала большую работу по классификации фондов музея по видам материалов, оформляя по каждому инвентарные книги. Занималась размещением фондов на хранение. С этого времени все сотрудники музея приступили к оформлению научных паспортов каждого музейного предмета.

Всё это время сотрудники музея активно занимались сбором материалов по краеведению. Ездили в Усолье, Рачейку, Троицкое, Репьевку, беседовали с местными жителями, приобретали у них старинную утварь.

К 1990 г. встал вопрос о капитальном ремонте здания музея. 11 февраля 1992 г. постановлением администрации г. Сызрани в связи с ужасающей ветхостью здания музей окончательно закрыли. Экспонаты было решено перевезти в Выставочный зал, который стал пристанищем для

музейных ценностей на долгие 17 лет! Состояние дел оказалось просто удручающим. Бесконечные наводнения в старом здании музея грозили «смертью» огромному количеству экспонатов. Первым делом любой ценой надо было сохранить фонды. Но помещений для фондохранилищ катастрофически не хватало. Музейщикам предстоял тяжелый труд по упаковке и транспортировке экспонатов. Параллельно необходимо было провести инвентаризацию фондов, чтобы они не потерялись при перевозке.

Как происходил переезд? Сколько здоровья, нервов осталось там, в далеком прошлом? Об этом можно говорить часами. «Выбивались» машины для перевозки, были обращения за помощью в воинские части. При подготовке экспонатов к транспортировке возникали проблемы. Однажды такую проблему пытались разрешить очень примитивным способом – просто применением лома... В музее стоял старинный камин. Директор долго искала специалистов, чтобы аккуратно его разобрать и собрать на новом месте. Наконец ей прислали молодых парней, которые недолго думая, собрались разбирать камин... ломом! Оказалось, что эти «специалисты» из Сызранского военного авиационного училища. К счастью, в музее оказалась книжка как раз по разборке каминов. После чего курсанты скрупулезно, ежеминутно сверяясь с книжкой, разбирали кирпичики, тщательно их помечая.³

Впервые в истории Сызранского музея с 1992 г. в Московском центре Грабаря начала проводиться реставрация особо ценных музейных экспонатов. Приводили в порядок оружие, церковную утварь, картины, иконы и многое другое. К сожалению, не все предметы до сих пор отреставрированы. Как всегда, все упирается в финансирование.

Надо сказать, что с переездом в Выставочный зал происходит небольшой «крен» в сторону изобразительного искусства. Наверно, само предназначение этого здания накладывало обязательства на работников музея постоянно организовывать персональные выставки местных художников. После проведения подобных выставок фонды музея пополнялись картинами местных художников. Например, в музейные собрания была передана коллекция работ Ивана Прохоровича Тимошенко. Он был первым директором художественной школы Сызрани. Окончив в свое время Академию художеств в Ленинграде, работал в мастерской художника Исаака Израилевича Бродского. Бережно хранятся картины сызранских художников Константина Казачкина, Бориса Ивановича и Сергея Борисовича Шишкиных, Александра Ивановича Гурюшкина, Вячеслава Федоровича Рябова и других.

Все долгие 17 лет основная масса экспонатов была законсервирована. Но, тем не менее, сотрудники музея по максимуму экспонировали предметы на имеющихся выставочных площадях и временных выездных выставках. Шло постоянное пополнение фондовых коллекций. Закупались интересные предметы, многие из них дарились жителями города. Так, например, в музей были переданы вещи, принадлежащие сызранской купчихе Рыбалкиной. Доцент Казанского госуниверситета Г. В. Сонин передал палеонтологическую коллекцию, Е. И. Легкова принесла в дар награды мужа, участника Великой Отечественной войны. Был приобретен старообрядческий иконостас XVI в.

И вот наступил 2008 г., который стал знаковым для сызранцев. Широко отмечался 325-летний юбилей со дня основания города. В рамках празднеств жителям был преподнесен долгожданный подарок. После длительной реконструкции свои двери распахнул краеведческий музей. Штат фондового отдела был расширен до 8 человек (до этого всю работу вел один главный хранитель!).

В доперестроечный период из-за нехватки научно-справочной литературы, методических и понятийных толковых словарей, интернет-ресурсов, необходимых при системном унифицированном подходе к атрибуции музейного памятника, зачастую были даны неверные определения и некорректные описания предметов. В связи с тем, что ситуация кардинально менялась, в настоящее время сотрудники фондового отдела проводят научное исследование предметов, при необходимости – их переатрибуцию. Большую помощь в данной работе оказывают нам узкие специалисты: так, для переатрибуции предметов коллекции «Археология» помощь оказывают сотрудники отдела «Археология» СОИКМ им. П. Алабина А. Ф. Кочкина и Д. А. Стащенко; много «открытий» при атрибуции предметов коллекции «Иконы» были сделаны Л. А. Пархоменко, искусствоведом; при атрибуции предметов религиозного культа нас консультируют священнослужители города, в том числе старообрядческой общины. Большой вклад в обработку естественно-научных музейных коллекций внесла Е. М. Смольянинова, старший научный сотрудник музея, геолог с многолетним стажем.

В 2008 г. для приема и обработки поступающих предметов стала использоваться комплексная автоматизированная музейная информационная система (КАМИС).

В настоящее время в музее хранятся более 54000 экспонатов основного и научно-вспомогательного фондов. Все музейные экспонаты разложены в новое специализированное оборудование – в сейфы, шкафы, на

стеллажи. Острой проблемой для большинства музеев России является дорогостоящая система климат-контроля как для экспозиции, так и для фондохранилища. Например, общая площадь экспозиции и фондохранилищ нашего музея составляет 1493,3 м². Сумма затрат составляет свыше 15 млн руб. Но мы работаем в этом направлении.

В течение двух лет после открытия создавалась экспозиция на первом этаже музея. Она условно разделена на 2 раздела: естественнонаучный с отделами «Палеонтология», «Геология», «Флора и фауна нашего края»; историко-этнографический с отделами «Археология», «История заселения края и основание Сызрани», «Этнография». При создании экспозиции для грамотного экспонирования было приобретено специальное оборудование: профессиональные влаго- и пыленепроницаемые витрины, приборы для измерения температурно-влажностного режима. В каждом зале установили мониторы для демонстрации фильмов, сенсорные киоски. Для оформления части экспозиции, посвященной шахте «Кашпирская», сотрудникам музея пришлось даже спускаться в штольню, чтобы сделать снимки. А вагонетку, один из самых тяжелых экспонатов, заносили в зал практически на руках. Не так давно фонды музея пополнились интересными и необычными экспонатами: перчатка и вымпел г. Сызрань, которые побывали в космосе. Эти предметы были переданы в фонд музея Героем РФ Корниенко М. Б., летчиком-космонавтом, уроженцем Сызрани. Плодотворным оказалось сотрудничество музея с ученым астрофизиком, академиком, уроженцем Сызрани Черепашуком А. М. – был создан личный фонд ученого. Уже на протяжении десятилетия ведется активное сотрудничество с заслуженным деятелем науки РФ, доктором биологических наук Н. К. Железновым. Он передал в фонд музея книги из личной библиотеки.

С 2010 г. сотрудники музея участвуют в мемориальном проекте «Наши земляки – ветераны Великой Отечественной войны». В рамках проекта подготовлены выставки и снимается документальная хроника, которая пополняет фонд музея бесценными крупными воспоминаниями военных лет. В 2012 г. накануне Дня Победы прошла презентация первой части фильма «Долг. Подвиг. Слава».

Сотрудники музея занимаются популяризацией интересных музейных экспонатов через издания книг, публикации статей и тематических телевизионных сюжетов.

Музей ведет активное сотрудничество с различными партнерами – организациями, частными лицами. Мы вместе создаем проекты, проводим выставки. Результатом такого сотрудничества, как правило, становится

передача в фонды новых предметов. Так, например, совсем недавно во время презентации проекта «Национальный костюм – культурное наследие России» был передан татарский женский головной убор. Подобных предметов коллекции «Этнография» в фондах нашего музея немного.

Сегодня Краеведческий музей Сызрани – динамично развивающийся организм города, один из его культурных центров. Он востребован, а значит, бессмертен! Планов у музея много. Главная мечта сотрудников фондового отдела – полноценно обработать все фонды и дополнить коллекцию новыми уникальными экспонатами. Перспективная задача музея – завершить создание экспозиции, посвященной XVII–XX вв., на основе богатейших материалов, хранящихся в запасниках и пока что скрытых от глаз обывателей.

Литература

1. Сборник документов по истории Сызранского уезда 1919–1925 гг. и Музея местного края. ОФ 9912/14 ПИ 4351.
2. Там же. ОФ 9924/4 ПИ 4352.
3. Питьева М. В., Толкачев В. М. «Я поведу тебя в музей...» – Сызрань: Издательство «Ваш Взгляд», 2013. ОФ 13435 РК 908.

Н. В. СИЛЬВЕСТРОВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ КАФЕ «БРОДЯЧИЙ ЩЕНОК» КАК ФОРМА МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сотрудники МУ «Козьмодемьянский музейный комплекс» проводят культурно-просветительские мероприятия для молодежной и взрослой аудитории. Одним из таких мероприятий является «Бродячий щенок», который воссоздает обстановку литературного кафе начала XX в.

Целевая аудитория музейного мероприятия – учащиеся старших классов школ г. Козьмодемьянска, студенты Козьмодемьянского колледжа индустрии и предпринимательства, взрослые жители города. Литературное кафе проводится в гостиной Музея купеческого быта, где воссоздана обстановка дома конца XIX – начала XX вв., и «Ситцевом зале» Художественно-исторического музея им. А. В. Григорьева – подвальном помещении со сводчатыми потолками, старинной мебелью и утварью. Отметим, что «Ситцевый зал» идеально подходит для проведения литературного кафе «Бродячий щенок», т. к. настоящий литературно-артистический клуб Петербурга «Бродячая собака» на-

ходил в подвале дома № 5 по Михайловской площади. Поэт Георгий Иванов писал: «Комнат в "Бродячей собаке" было всего три. Буфетная и три залы. Это в прошлом обыкновенный подвал. Теперь стены ярко раскрашены, вместо люстры – золотой обруч. Комнаты сводчатые, волшебные от бликов».

В фондах МУ «Козьмодемьянский музейный комплекс» хранятся более 67867 предметов, в том числе коллекция книги и редкой книги. Для воссоздания образа литературного кафе начала XX в. сотрудники формируют выставки журналов «Нива», «Русское богатство», где печатались произведения поэтов Серебряного века.

Целью литературного кафе является знакомство аудитории с поэзией Серебряного века. Это было время расцвета поэзии, интереса к метафизическому, вечному, поисков новых поэтических средств для того, чтобы сказать о внутреннем состоянии человека рубежа веков. Отметим, что повышение общего культурного уровня учащихся является важным в современном мире.

Мы погружаемся в атмосферу Серебряного века – удивительное время культурного взлёта, творческого накала, созвучия блестящих имён.

Название мероприятия «Бродячий щенок» напоминает нам о Петербурге рубежа веков, где 31 декабря 1911 г. был открыт один из самых известных литературно-артистических клубов того времени под названием «Бродячая собака» (работал три раза в неделю: в понедельник, среду и субботу) [5, с. 47]. Здесь собирались поэты, художники, актёры, музыканты и случайные посетители – «фармацевты». Устраивались поэтические вечера, капустники, маскарады, пантомимы, лекции и диспуты. У «Бродячей собаки» было правительство «собачьей страны», эмблема с собакой, орден Собаки, а к открытию подвала был сочинён даже «собачий гимн»:

Во втором дворе подвал,
В нём – приют собачий.
Каждый, кто сюда попал –
Просто пёс бродячий.
Но в том гордость, но в том честь,
Чтобы в тот подвал залезть.
Гав! [1].

«Бродячая собака» стала излюбленным местом встреч представителей богемы. Несомненно, на название «Бродячая собака» мы претендовать не можем, поэтому у нас «Бродячий щенок».

Какое же литературное кафе без написания стихов? Мы «играем» в

богему начала XX в.: всем участникам раздаются рифмы (загадка – лихорадка – случайной – тайной, речи – встречи – скорее – аллее, огни – дни – краски – сказки и т. д.), кто-то пишет целые «поэмы», а кто-то белый стих или рифмованную прозу. Всё написанное заносится и, надеемся, будет продолжать заноситься в «Собачью книгу».

Для участников «Бродячего щенка» проводится викторина на лучшего знатока произведений о собаках:

– У кого из героев Н. В. Гоголя собачья фамилия?

– Как звали собаку, принадлежащую охотнику по имени Пулька?

– Назовите кличку собаки, которой С. А. Есенин рассказывал о своей несчастной любви.

– Какая собака стала жертвой помещичьего произвола? и т.д.

Посетители литературного мероприятия разыгрывают сценки из жизни начала XX в., пьют чай в нашем уютном кафе и слушают музыкальные произведения на стихи поэтов Серебряного века: «Глядя на огонь...» (стихи Г. Иванова), «Среди миров, в мерцании светил...» (стихи И. Анненского), «Под лаской плюшевого пледа...» (стихи М. И. Цветаевой) и др. Надеемся, что литературное кафе «Бродячий щенок» позволяет прикоснуться к поэзии рубежа веков – это был «век Серебряный, век из света, век поэзии, век мечты».

А закончить статью хочется словами из гимна «Бродячей собаки», написанного Михаилом Кузминым:

Чья душа печаль узнала,
Опускайтесь в глубь подвала,
Отдыхайте, отдыхайте, отдыхайте от невзгод.

Итак, литературное кафе «Бродячий щенок» как форма музейной деятельности служит делу вовлечения в музей молодёжной и взрослой аудитории.

Литература и источники

1. Арт-кафе «Бродячая собака» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsobaka.ru/content/articles/361/>
2. История арт-кафе «Бродячая собака» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.peterburg.biz/istoriya-art-kafe-brodyachaya-sobaka.html#ixzz4ZDF3ztil>
3. Бродячая собака (кафе) // [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Бродячая_собака_\(кафе\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Бродячая_собака_(кафе))
4. Тэффи Н. А. Бальмонт // Воспоминания о Серебряном веке. – М.: Республика, 1993.
5. Хромова С. Ю. Литературное кафе «Бродячий щенок» // Литература в школе. – 2003. – № 4. – С. 47–48.
6. Литературно-артистическое кафе «Бродячая собака» // [Электронный ресурс]. URL: <http://literatura5.narod.ru/sobaka.html>

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

А. В. ДЕНИСОВ

ДРЕВНИЕ МЕЧИ ИЗ ФОНДОВ УЛЬЯНОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ им. И. А. ГОНЧАРОВА (УОКМ)

В фондах УОКМ хранятся два депаспортизированных меча. Цель данной публикации – ввести эти находки в научный оборот. Необходимо отметить, что фотографии мечей были опубликованы в 2000 г. в каталоге выставки «Оружие всех эпох и народов» [8].

Оба предмета являются случайными находками. К сожалению, в инвентарной книге данные о месте обнаружения публикуемых мечей отсутствуют. По моей просьбе старший научный сотрудник отдела истории УОКМ Гисматулин Марат Рашитович¹ провел архивные изыскания с целью установления места их обнаружения.

Однако архивные изыскания мало что смогли прояснить. В Книге поступлений (или инвентарной книге) о мечах (№ УКМ 12578, О-64; № УКМ 12579, О-65) лаконично сказано: «Из старых поступлений» (так записаны все депаспортизированные находки). В музей они поступили не позднее начала 1950-х гг., когда началось восстановление научной документации (взамен ранее утраченной).

Можно высказать несколько предположений о происхождении мечей: 1) они могли храниться в музее Симбирской губернской учёной архивной комиссии (СГУАК), основным наследником коллекции которого является Краеведческий музей; 2) они могли поступить в музей уже после революции в составе одной из национализированных дворянских коллекций (В. Н. Поливанова, Е. М. Перси-Френч, князя Баратаева и некоторые др.), но, к сожалению, подробных описей данных коллекций нет; 3) мечи являются случайными находками, сделанными на территории края в 1920-х – 1940-х гг. (этот период в музейной документации представлен очень плохо).

В Каталоге музея СГУАК 1905 г. имеются сведения о происхождении трёх мечей, которые были найдены близ с. Тазина Ардаговского уезда,

¹ Пользуясь случаем, выражаю благодарность за помощь в написании данной статьи Марату Рашитовичу, а также хранителю коллекции «Оружие» УОКМ Феликсу Александровичу Долгову за возможность осмотреть находки лично.

с. Ермакова Сызранского уезда и д. Старые Атаи Курмышского уезда Симбирской губернии [9, с. 6]. Связать их с какими-либо конкретными мечами из нашей коллекции сейчас не представляется возможным, т. к. никакого описания обнаруженных мечей не приводится. В Отчёте о деятельности СГУАК за 1899 г. сообщается, что Ф. Ф. Микулин передал в музей СГУАК старинный железный меч, найденный в 1860 г. близ с. Кичуя Бугульминского уезда Самарской губернии [13, с. 8]. В Отчёте за 1900 г. в числе пожертвований, поступивших в музей, вновь упоминается старинный железный меч, переданный Ф. Ф. Микулиным [14, с. 15]. Однако непонятно, идёт ли речь о втором мече, полученном от Ф. Ф. Микулина, или же в Отчёте 1900 г. вновь упоминается о мече, поступившем годом ранее.

Таким образом, достоверно установить место обнаружения данных мечей не представляется возможным. Обратимся к самим находкам.

1. Железный меч (№ УКМ 12578, О-64) имеет навершие и перекрестие в виде изогнутого бруска. Рукоять слегка сужается от середины к навершию. Она разделена на три зоны двумя неглубокими вертикальными бороздками. Центр рукояти украшен орнаментом в виде вертикальных волнистых линий. Профиль рукояти покрыт горизонтальными насечками. Верхняя часть клинка (примерно 30 см) характеризуется практически параллельными краями, далее клинок имеет форму вытянутого треугольника. Сечение клинка уплощенноромбическое. Общая длина меча – 86,5 см. Длина клинка – 75 см, ширина (здесь и далее ширина клинка дается в районе перекрестия) – 5,1 см, толщина – 0,9 см у основания

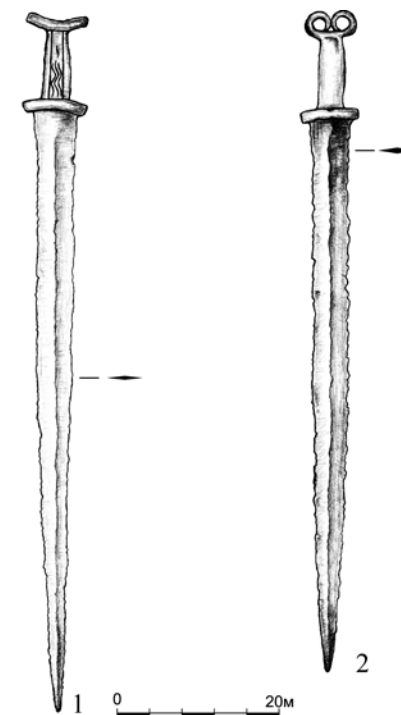

Рис. 1

и 0,5 см в середине. Длина рукояти (здесь и далее длина дается от на-
вершия до перекрестия) – 8,5 см, ширина в середине – 2,9 см, толщина –
1,7 см. Размеры перекрестия – 7,3 x 1,3 см (рис. 1).

Публикуемая находка относится к клинковому оружию так назы-
ваемого «переходного» типа. Оформление рукоятей данных находок
характеризуется сочетанием прямого или слегка изогнутого брусковид-
ного навершия и перекрестия в виде сломанного под прямым углом или
дуговидно изогнутого бруска. Традиционно мечи «переходного» типа
датируются в пределах конца V–IV вв. до н.э. [2, с. 39–43; 10, с. 27; 11,
с. 51–54; 12, с. 24; 19, с. 24–27]. Основной ареал распространения по-
добных мечей и кинжалов приходится на степные и лесостепные районы
Южного Приуралья и Поволжья, реже они встречаются в Подонье.

Список погребений, в которых были найдены мечи и кинжалы с на-
вершием и перекрестием дуговидной формы, был дан в статье А. В. Бе-
лицкого. Всего автор насчитал 18 погребений с подобными мечами [1,
с. 232]. В данной статье хотелось бы обратить внимание лишь на два
комплекса с территории Южного Приуралья. Первый из них – погреб-
ение 1 кургана 4 курганной группы Три Мара. По сопутствующему
инвентарю погребение датируется не позднее V в. до н.э. [20, с. 84, рис.
7, 7]. Это наиболее ранняя находка подобного кинжала на территории
Урало-Поволжья. Второй – это комплекс из кургана 3 могильника Ново-
Мурино. В погребении помимо меча была найдена гераклейская амфора,
датирующаяся последними годами IV – первыми двумя десятилетиями
III вв. до н.э. [3, с. 179–180]. В связи с этим время существования данного
типа мечей и кинжалов можно продлить до первой четверти III в. до н.э.
[4, с. 107; 10, с. 41; 21, с. 285].

Если говорить о наиболее близких аналогиях публикуемому мечу,
можно назвать две случайные находки – кинжал из Александровки [7,
табл. III, 28] и меч с территории городища Курман-Тау [19, рис. 5, 4].
Обе находки имеют навершие и перекрестие в виде изогнутого бруска.
Рукояти разделены на три части по вертикали, боковины украшены го-
ризонтальной нарезкой, а центр – вертикальной волнистой линией.

Орнамент в виде вертикальной волнистой линии также присутствует
на рукоятях двух кинжалов, найденных на территории Башкортостана.
Один из них хранился в фондах Уфимского ИИЯЛ БФАН СССР. Его
рукоять также разделена на три зоны по вертикали, боковины украшены
горизонтальной нарезкой, навершие выполнено в виде когтей хищной
птицы [6, рис. 1, 4]. Подобные находки, происходящие с территорий
Урало-Поволжья, датируются в пределах второй половины V–IV вв. до

н.э. [2, с. 39; 18, с. 47–48]. Второй кинжал хранится в Доме быта в г. Стер-
литамак. Он имеет бабочковидное перекрестие и грифовое навершие
[7, табл. I, 7]. Стоит упомянуть и о кинжале, найденном на территории
г. Самара (116 км). Он также имеет грифовое навершие, перекрестие
изготовлено в виде сломанного под прямым углом бруска, рукоять раз-
делена на три вертикальные зоны. В центральной части рукояти имеется
орнамент в виде нескольких вертикальных волнистых линий [5, рис.
4, 11]. Мечи и кинжалы с грифовым навершием на территории Урало-
Поволжья традиционно датируются в пределах конца VI–V вв. до н.э.
[2, с. 37; 6, с. 222; 22, с. 26].

Таким образом, публикуемый меч может быть датирован 2-й поло-
виной V – 1-й четвертью III вв. до н.э.

2. Железный меч (№ УКМ 12579, О-65) имеет простое антенное на-
вершие. Перекрестие, несмотря на еле заметный изгиб, можно считать
прямым. Рукоять слегка расширяется в центре и имеет сечение прямоу-
гольника со скругленными углами. Клинок имеет практически парал-
лельные края, сужающиеся в последней трети и уплощенно-ромбическое
сечение. Общая длина меча составляет 81,8 см. Длина клинка – 68,2 см,
ширина – 5,3 см, толщина – 0,7 см. Длина рукояти – 9,2 см, ширина в
середине – 3,1 см, толщина – 1,7 см. Размеры перекрестия – 7 x 1,3 см
(рис. 1, 2).

Данный экземпляр относится к достаточно редкому типу мечей. С тер-
ритории Южного Приуралья известно 6 подобных находок. 2 кинжала
являются случайными находками, они были обнаружены у д. Талалаевка
(Башкирия) и в местности Каиндийские пески. Еще 4 кинжала проис-
ходят из комплексов – погребение 6 кургана 7 могильника Барбастау
III, погребение 3 кургана 12 могильника Старые Кишки, погребение 3
кургана 6 могильника Покровка I и погребение 1 кургана 1 могильника
Покровка VII [23, с. 34–35]. Погребения из могильников у с. Покровка
датируются II–I вв. до н.э. Комплекс из курганного могильника у с. Ста-
рые Кишки, по мнению В. К. Федорова, должен датироваться рубежом
IV–III вв. до н.э. – серединой II в. до н.э. [23, с. 40–43].

На территории Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья по-
добные находки известны в погребениях, относящихся не только к
раннесарматской культуре (погребение 6 кургана 22 могильника у
с. Красноселец), но и к более позднему времени. Среднесарматским
временем датируются погребение 5 кургана 8 могильника Криволиман-
ский, погребение 4 кургана 85 и погребение 7 кургана 106 могильника
Новый, погребение 1 кургана 2 могильника Ханата, погребение 1 кур-

гана 43 могильника Жутово. Кроме того, известно о двух кинжалах, обнаруженных в памятниках позднесарматской культуры (находки в могильниках Сидоры и Барановка). [15, с. 61; 17, с. 125–126]. По мнению И. В. Сергацкова, на территории Нижнего Поволжья клинковое оружие с подобным оформлением рукояти бытовало во II в. до н.э. – начале III в. н.э. [15, с. 62]. Необходимо отметить, что напершия обоих кинжалов позднесарматского времени, в отличие от более ранних, были изготовлены из бронзы.

Мечи и кинжалы с антенным напершием и прямым перекрестием встречаются также в погребениях кочевников Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Все они датируются в пределах II в. до н.э. – II в. н.э. Этим же временем датируются и немногочисленные находки подобного оружия, найденные к востоку от Южного Приуралья [16, с. 26–31, рис. 10; 13].

Исходя из датировок мечей и кинжалов с антенным напершием и прямым перекрестием с территории Урало-Поволжья, можно предположить, что публикуемый меч относится к древностям раннесарматской или среднесарматской культур и может датироваться II в. до н.э. – серединой II в. н.э.

Таким образом, оба меча из фондов УОКМ относятся к эпохе раннего железного века. Можно предположить, что они принадлежат к древностям ранних кочевников Урало-Поволжья, получивших собирательное название сарматы.

Литература

1. Белицкий А. В. О происхождении и распространении мечей с догвидными напершием и перекрестием // Археология Восточно-Европейской степи: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. – Саратов, 2013. – 596 с.
2. Васильев В. Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н.э. – Уфа: Гилем, 2001. – 150 с.
3. Васильев В. Н., Сиротин С. В. Ново-Мусинский 3 курган // Уфимский археол. вестник. Вып. 5. – Уфа: Гилем, 2004. – 292 с.
4. Глебов В. П., Житников В. Г. Раннесарматские погребения с мечами переходного типа в Нижнем Подонье // Труды археол. науч.-иссл. бюро. Т. III. – Ростов-на-Дону, 2008. – 207 с.
5. Денисов А. В., Мышкин В. Н. Клинковое оружие кочевого населения бассейна р. Самары в VII–IV вв. до н.э. // Нижневолжский археол. вестник. Вып. 9. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – 328 с.
6. Исмагилов Р. Б. Приуральские акинаки с напершием в виде ушастого грифона и хищного животного // Советская археология. – 1980. – № 1.
7. Исмагилов Р. Б. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // Уфимский археол. вестник. Вып. 3. – Уфа: НМ РБ, 2001. – 198 с.
8. Каталог выставки «Оружие всех эпох и народов». – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2000. – 14 с.

9. Каталог музея Симбирской Губернской Учёной Архивной Комиссии. – Симбирск, 1905.

10. Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – 216 с.

11. Клепиков В. М. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 210 с.

12. Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – САИ. Вып. Д1-10. – М.: Наука, 1974. – 52 с.

13. Отчёт о деятельности Симбирской губернской учёной архивной комиссии за 1899 год. – Симбирск, 1900.

14. Отчёт о деятельности Симбирской Губернской Учёной Архивной Комиссии за 1900 год. – Симбирск, 1901.

15. Сергацков И. В. Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 210 с.

16. Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. – СПб: Факультет филологии и искусства СПбГУ; Нестор-история, 2010. – 328 с.

17. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. – 300 с.

18. Скрипкин А. С. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н.э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 210 с.

19. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Наука 1961. – № 101. – 162 с.

20. Смирнов К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа: БФАН СССР, 1981. – 137 с.

21. Соколов П. М. К проблеме типологии и хронологии савроматского клинкового оружия // Археология Восточно-Европейской степи: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. – Саратов, 2013. – 596 с.

22. Таиров А. Д. Некоторые образцы клинкового оружия раннего железного века из Южного Зауралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 210 с.

23. Федоров В. К. Кинжал из Талалаевки и «савроматские» элементы в оформлении рукоятей прохоровских клинков // Нижневолжский археол. вестник. Вып. 13. – Волгоград: Издатель, 2013. – 160 с.

КОМПЛЕКС НАХОДОК АЗЕЛИНСКОГО ТИПА С ГОЛОВКИНСКИХ ОСТРОВОВ

В октябре 2014 г. на Головкинских островах в 1,5 км к юго-западу от пгт. Старая Майна Старомайнского района Ульяновской области при проведении ихтиологических исследований в акватории Куйбышевского водохранилища был обнаружен комплекс археологических предметов. Находки лежали на береговой полосе Куйбышевского водохранилища на расстоянии 2–3 м друг от друга. Рядом на глинистой поверхности были заметны очертания нескольких хозяйственных ям округлой в плане формы. В 20–30 м от вещей были найдены фрагменты лепной керамики, фрагменты лошадиных костей и часть свода черепа человека.

В 2015 г. находки были переданы в фонды Ульяновского областного краеведческого музея. В состав коллекции входят следующие предметы: фрагмент бляхи-застёжки (УКМ 68178) и игла-фиксатор (УКМ 68177) от неё, изготовленные из медного сплава; биметаллические удила (УКМ 68179); 5 фрагментов венчиков лепных сосудов (УКМ 68180–68184).

Бляха-застёжка (рис. 1, 1) представлена фрагментом размером $4,4 \times 4,6 \times 0,1$ см. Сохранилось менее 1/4 первоначального размера. Реконструируемый диаметр – более 9,2 см.

Игла бляхи-застёжки (рис. 1, 2). Общая длина – 7,72 см, максимальная ширина – 1,16 см, толщина – 0,09 см, длина острия 2,1 см. С внешней стороны игла украшена гравированным орнаментом в виде ромбов и треугольников, а также заштрихованных треугольников, обращенных вершинами друг к другу.

Игла-фиксатор и фрагмент бляхи-застёжки, вероятно, являются двумя частями одного экземпляра бляхи-застёжки с радиальной прорезью, двумя зонами гравированного орнамента в виде плотно расположенных концентрических кругов и иглой с широкой прямоугольной орнаментированной пластиной.

Аналогичные бляхи-застёжки широко представлены в азелинских могильниках; несколько реже – в раннемордовских; ещё реже – в рязано-окских. Бляхи-застёжки именно с таким сочетанием признаков (радиальная прорезь, две зоны гравированного концентрического орнамента, игла с широкой прямоугольной пластиной, орнаментированной заштрихованными треугольниками и ромбами) в азелино, по Н. А. Лещинской, – «застёжки-бляхи типа 1в» [1, с. 66; табл. 29: 1] – относятся к «смежной» хронологиче-

ской группе III–IV вв. н.э. [1, табл. 100: 6]; у мордвы, по В. В. Гришакову, – к хронологическим группам 2 и (единственный раз) 3 [2, с. 94, 98; рис. 10: 2; 14: 3], из которых он первую относит ко второй половине III в. н.э., вторую – к первой половине IV в. н.э. [2, с. 95–96, 106]; в рязано-окских могильниках, по И. В. Белоцерковской, – к периоду 1 и началу периода 2а развития женского костюма [3, с. 190; рис. 1: 2, 4; 7: 1], датируемым в пределах III в. н.э. [3, с. 198]*.

Рассматриваемые бляхи являлись элементом женского костюма. Они использовались как нагрудные украшения, так и в составе головных уборов.

Удила (рис. 2), являющиеся частью конской узды, состоят из железного двухзвеньевого грызла и бронзовых трензельных колец малого диаметра. Длина звеньев – 7,46 и 7,78 см, толщина – 0,92 и 0,97 см. Размеры колец – $3,17 \times 3,06$ см (толщина – 0,69 см) и $3,18 \times 3,17$ см (толщина – 0,76 см).

Территориально ближайшая аналогия – удила из погребения 203 Рождественского V могильника азелинской культуры [4, с. 22; рис. 34: 2]. Удила из погребения 203 отнесены П. Н. Старостиным к группе 1 (без датировки) [4, с. 51]. Общая датировка могильника и достаточно

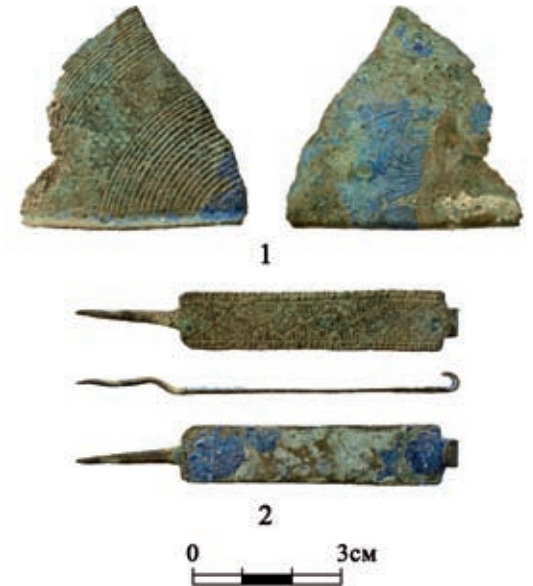

Рис. 1. 1 – фрагмент бляхи-застёжки, 2 – игла-фиксатор бляхи-застёжки

Рис. 2. Биметаллические удила

ранняя костяная подпружная пряжка с неподвижной иглой из этого же погребения позволяют предполагать дату рождественских удил в пределах III в. н.э., скорее, первой его половины.

Таким образом, комплекс металлических изделий, выявленный в 2014 г. на Головкинских островах, находит аналогии, прежде всего, в материалах азелинской культуры и может быть датирован в пределах III–IV вв. н.э.

Азелинская археологическая культура была выделена в середине XX в. известным археологом В. Ф. Генингом [5]. Азелинская культура занимает в основном территорию Волго-Вятского междуречья. Наибольшая концентрация азелинских памятников наблюдается в нижнем течении р. Вятки. Необходимо отметить, что в настоящее время не всеми исследователями признаётся правомерность выделения самостоятельной азелинской культуры. Р. Д. Голдина и Н. А. Лещинская выделяют азелинский этап (вторая половина III–V вв. н.э.) худяковской культуры, памятники которой расположены в бассейне р. Вятки.

На территории Татарстана памятники азелинской культуры известны в основном в Предкамье, а также на правом берегу р. Волги. Отдельные местонахождения и памятники выявлены по левому берегу р. Волги ниже устья р. Камы и по левому берегу р. Камы. В Нижнем Прикамье основной массив памятников функционировал в III–IV вв. н.э.

Азелинская культура представлена городищами, селищами, могильниками, кладками и находками отдельных вещей. Наиболее изученными являются могильники азелинской культуры. Могильники, как правило, располагаются по краям надлуговых террас на возвышенных местах и являются грунтовыми. Обычно встречаются могильные ямы простых форм глубиной в среднем 50–60 см. Основная часть захоронений произведена по обряду трупоположения. Ряд находок свидетельствует о наличии скотоводства, в котором ведущую роль играло разведение лошадей. Об этом свидетельствуют остатки костей этих животных, найденные в засыпях могил. Во многих погребениях (мужских и женских) зафиксированы остатки конских уздечек с удилами и бронзовые привески в виде коньков [6, с. 92–95].

Керамика азелинской культуры представлена двумя группами. Основную часть находок составляют лепные круглодонные сосуды с примесью толчёной раковины, иногда покрытые по шейкам ямочными вдавлениями. Техника изготовления, примеси и орнамент их близки керамике пьяноборской культуры. Вторую группу посуды составляют лепные плоскодонные горшки с примесью шамота [6, с. 96–97].

Венчики лепных сосудов, найденные в непосредственной близости от комплекса металлических изделий, содержат в глиняном тесте примеси шамота и песка. Цвет поверхности фрагментов – коричневый и тёмно-коричневый, в изломе – серый. Два венчика (УКМ 68180, 68181) имеют вдавления по внешнему краю.

В V в. н.э. азелинские племена отошли с Нижней Камы в более северные лесные районы верховьев р. Вятки и Волго-Вятского междуречья. По мнению П. Н. Старостина, их вытеснили новые пришельцы – племена именьковской археологической культуры. Позднеазелинские племена приняли участие в формировании древних марийцев и удмуртов [6, с. 97].

Находки, обнаруженные на Головкинских островах, фиксируют наиболее южный пункт ареала древностей азелинского типа. Азелинский комплекс известен и в материалах Старомайнского II могильника, изученного в 1984 г. Раннеболгарской экспедицией под руководством Е. П. Казакова. Могильник располагался близ южной окраины пгт. Старая Майна. Здесь было исследовано 23 сильно разрушенных Куйбышевским водохранилищем захоронения. Особенности погребального обряда и керамический материал Старомайнского II могильника позволяют связать его с культурой степных восточноевропейских сармат. В то же время на памятнике встречены материалы, характерные для комплексов азелинской и мазунинской культур. Вероятная датировка памятника – вторая половина IV в. н.э. По мнению Е. П. Казакова, Старомайнский II могильник оставлен мигрировавшими к северу сарматами, находившимися в тесных контактах с азелинским и мазунинским населением [7, с. 8–9].

В 1,5 км к юго-востоку от пгт. Старая Майна Раннеболгарской экспедицией было выявлено Старомайское II селище именьковской культуры, датированное по находкам V–VI вв. н.э. [8, с. 118–119]. Старомайский II могильник занимал северо-западную часть этого селища и, судя по всему, хронологически предшествовал ему.

Публикуемый азелинский вещевой комплекс происходит, вероятно, из размытого водами Куйбышевского водохранилища погребения. Комплекс был обнаружен примерно в 250–300 м к юго-западу от места расположения Старомайнского II могильника. Данное обстоятельство не позволяет связать вновь выявленное местонахождение непосредственно со Старомайским II могильником. Вместе с тем, имеющиеся в нашем распоряжении материалы, дают основания предполагать их хронологическую близость.

**Авторы статьи выражают искреннюю признательность старшему научному сотруднику Института археологии АН РТ Дмитрию Геннадьевичу Бугрову за помощь в атрибуции выявленных материалов.*

Литература

1. Белоцерковская И. В. Культура рязано-окских могильников: Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Выпуск 9. М., 2007. С.186–213.
2. Гришаков В. В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Приокшанья // Пензенский археологический сборник. Выпуск 2. Пенза, 2008. С. 82–137.
3. Лещинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) // Материалы и исследования КВАЭ. Т. 27. Ижевск, 2014. 472 с.
4. Старостин П. Н. Рождественский V могильник // Археология Евразийских степей. Выпуск 9. Казань, 2009. 144 с.
5. Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв. // Вопросы археологии Урала. Выпуск 5. Свердловск, 1963. С. 7–144.
6. Старостин П. Н. Азелинская культура // Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие. Казань, 2001. С. 92–97.
7. Казаков Е. П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. 2011. №№ 12–13. С. 8–23.
8. Казаков Е. П. Новые материалы II–III четверти I тысячелетия новой эры в Закамье // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Межвузовский сборник статей. Куйбышев, 1986. С. 118–130.

М. Р. ГИСМАТУЛИН, Ю. В. КРЫЛОВ

НОВЫЕ НАХОДКИ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ СЕНГИЛЕЕВСКОГО РАЙОНА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Монетные клады являются важным источником для реконструкции денежного обращения. В Ульяновском Предволжье возобновление монетного обращения после так называемого «безмонетного» периода, охватывающего XI–XII вв., произошло не позднее 60-х гг. XIII в. К числу наиболее ранних относится клад, найденный в 1850 г. у с. Никитино Карсунского уезда (ныне с. Никитино Сурского района). Наряду с четырьмя серебряными слитками клад содержал монеты с именами каанов Менгу и Ариг Буги [1, с.131, № 2].

До конца XX в. исследователям был известен лишь один клад джучидских монет, происходящий с территории Сенгилеевского района. Весной 1956 г. в 15 км от г. Сенгилея на размытой лесной дороге лесником кордона № 73 Сенгилеевского леспромхоза А. А. Чекалиным был найден клад монет.

В 1957 г. А. А. Чекалин передал в Ульяновский областной краеведческий музей на постоянное хранение 177 монет (Акт № 11 от 8 июня 1957 г.): 1) «Клад монгольских монет в количестве 171 монеты» (УКМ 12335); 2) «6 русских и иностранных монет» (УКМ 12336). Монеты были атрибутированы следующим образом: 5 копеек, Россия, 1778 г.; 3 копейки, Россия, 1913 г.; полкопейки, СССР, 1925 г. (2 экз.); 10 бани, Румыния, 1906 г.; 10 феней, Хэбей, 1937 г.

Ещё в 1957 г. А. Б. Булатовым были определены следующие монеты: Кильдибек – 1 шт.; Токтамыш: Крым – 6 шт.; Тимур-Кутлуг – 1 шт.; Шадибек: Кафа ал-Джадид, Сарай, Азак – 20 шт.; Пулад: Хаджи-Тархан, Сарай, Хорезм – 35 шт.; Тимур – 5 шт.; Джелал эд-Дин: Хаджи-Тархан – 3 шт.; Керим-Бирди – 1 шт.; Чекры: Хаджи-Тархан – 1 шт. [2].

Сенгилеевский клад (клад из Сенгилеевского леспромхоза) издан в своде находок джучидских монет Г. А. Фёдорова-Давыдова [3, с. 217, № 188а]. Определение монет, вероятно, выполнено А. Б. Булатовым, но отличается от более ранней атрибуции (табл. 1).

Таблица 1

№	Эмитент	Монетный двор	Год чекана по хиджре	Количество
1	Токтамыш	Крым	796	1
			?	3
2	Кутлуг-Тимур	?	?	1
3	Шадибек	Сарай	805	1
		Сарай ал-Джадид	781	1
			791	1
			806	1
		Азак ал-Джадид	807(?)	1
			808	1
			80(?)	4
			?	6
		Азак	808	1
			?	4
		Крым	809	2
			807	1
		Каффа	806	3
			807	6
807(?)	1			
80(?)	4			
?	6			

		Хаджи-Тархан	?	2
		Хорезм	806	1
			808	1
			810	1
4	Пулад	Сарай	?	3
		Сарай ал-Джадид	810	1
		Азак	?	2
		Хорезм	810	1
			?	3
		Орда	?	2
		Хаджи-Тархан	?	14
5	Джелаль ад-Дин	Хаджи-Тархан	?	4
		?	?	11
6	Тимур-Хан	Хаджи-Тархан	?	6
		Сарай	?	1
		Орда ал-Джадид	?	1
		?	?	2
7	Кибяк	Хаджи-Тархан	?	4
8	Чокре	Хаджи-Тархан	?	1
9	Керим-Берди	?	?	1
		Азак	?	3
		Орда ал-Джадид	?	1
		Орда	?	1
		Хаджи-Тархан	?	3
		Стёртые монеты XV в.		29
		Количество монет		148

В Сенгилеевском кладе отсутствуют болгарские монеты XV в., но значительный процент составляют монеты Каффы ал-Джадид, Сарая, Хаджи-Тархана, Азака и Орды. Клад по своему составу был отнесён Г. А. Фёдоровым-Давыдовым к комплексам, характерным для территории Нижнего Поволжья [4, с. 55].

При изучении Сенгилеевского клада в фондах музея (УКМ 12335; А-461) выяснилось, что в настоящее время вместе с монетами XV в. хранятся и джучидские данги XIV в. В составе клада оказались даже три османские монеты XVIII в. Можно предположить, что подобная ситуация сложилась из-за некомпетентности сотрудников фондов, смешавших монеты из разновременных комплексов. В связи с этим, на наш взгляд,

необходима новая публикация Сенгилеевского клада с атрибуцией всех его монет.

С появлением в свободной продаже металлоискателей массовым явлением в России стало разграбление «чёрными копателями» археологических памятников. Ужесточение наказаний за незаконную деятельность в области археологии не принесло ожидаемых результатов. Напротив, по нашим наблюдениям, масштаб деятельности «чёрных копателей» на территории Ульяновской области за последние годы только вырос. Всё это происходит при полном попустительстве со стороны правоохранительных органов и чиновников, ответственных за сохранение культурного наследия. Добытые «чёрными копателями» археологические и нумизматические материалы сбываются на чёрном рынке, оседают в частных коллекциях. Только небольшая часть находок в итоге попадает в руки специалистов и становится достоянием общественности.

В 2013 г. был опубликован монетный комплекс, происходящий с Шиловского селища [5]. Памятник расположен к югу от с. Шиловка Сенгилеевского района. Опубликованный комплекс включал 171 монету XIII–XV вв., в том числе клад из 73 дангов XV в. Младшие монеты Шиловского клада датируются серединой 20-х годов XV в. Подавляющее число монет клада относится к болгарскому чекану и лишь единичные экземпляры относятся к южным центрам чеканки (Сарай, Орда).

Небольшой комплекс монет, собранных жителями г. Сенгилея на размытой водами Куйбышевского водохранилища прибрежной части Сенгилеевского поселения, был опубликован авторами статьи [6, с. 301–302]. Комплекс состоит из трёх серебряных (Ариг Буга каан, Булгар, б.г.; Джанибек, Сарай ал-Джадид, 747 г.х.; Токтамыш, Крым, б.г., серебро: Джанибек, Сарай ал-Джадид, 747 г.х.) и двух медных (Джанибек, Сарай ал-Джадид, 743(?) г.х.; Токтамыш, Сарай ал-Джадид, 795 г.х.) монет, датируемых периодом с 60-х гг. XIII в. до 90-х гг. XIV в.

Целью данной статьи является введение в научный оборот сведений о джучидских монетах, найденных в ближайшей округе г. Сенгилея в 2015–2017 гг. Основным источником информации стали сообщения местных жителей.

В 2015 г. двумя жителями г. Сенгилея на селище, расположенном к северо-западу от Буеракского I городища, с помощью металлоискателей был найден клад серебряных монет. По имеющейся информации, клад насчитывал 46 джучидских дангов XIV в. Монеты были разделены между находчиками, а затем проданы частным лицам. Мы получили сканы 21 монеты из рассматриваемого клада (рис 1, 2). Зафиксировать весовые дан-

ные монет, к сожалению, не удалось. В табл. 2 даны определения монет Буеракского клада 2015 г. Монета № 10 отчеканена двумя штемпелями с обозначением разных монетных дворов – «Гюлистан» и «Сарай».

Таблица 2

№	Эмитент	Монетный двор	Год чекана по хиджре
1	Узбек	Мохши	718 (?)
2	Узбек	Сарай ал-Махруса	722
3	Узбек	Сарай	734
4	Узбек	Сарай	734 или 737
5	Джанибек	Сарай ал-Джадид	746 (?)
6	Джанибек	Сарай ал-Джадид	750 (?)
7	Джанибек	Сарай ал-Джадид	год ?
8	Джанибек	Гюлистан	753
9	Бердибек	Белед Гюлистан	759
10	–	«Сарай», «Гюлистан»	–
11	Кульна	Сарай ал-Джадид	760
12	Кульна	Азак	760
13	Науруз	Азак	761
14	Хызр	Азак	760
15	Хызр	Сарай ал-Джадид	761
16	Хызр	Сарай ал-Джадид	76[?]
17	Мюрид	Белед Гюлистан	763
18	Азиз-шейх	Гюлистан ал-Махруса	767
19	Токтамыш	Белед Сарай	782
20	Токтамыш	Сарай ал-Джадид	788
21	Токтамыш (?)	Сарай ал-Джадид	?

Вторая часть Буеракского клада 2015 г., включающая 25 монет, нам известна лишь по фотографии плохого качества. Удалось определить следующие монеты:

1. Узбек, Сарай, 734 г.х.;
2. Джанибек, Сарай ал-Джадид, 747 г.х.;
3. Джанибек, Гюлистан, 756 г.х.;
4. Бердибек, Гюлистан, 759 г.х.;
5. Токтамыш, Белед Сарай, 782 г.х.

Среди монет, оставшихся неопределёнными, имеются данги Узбека, Джанибека, Хызра, Токтамыша. Монеты отчеканены в Сарае, Сарае ал-Джадид и Азаке.

Рис. 1. Монеты Буеракского клада. 2015 г.

На территории селища, на котором в 2015 г. был обнаружен клад, известны и единичные находки серебряных монет:

1. Джанибек, Гюлистан, 752 г.х., диам. – 11–13 мм, вес – 0,79 г;
2. Джанибек, Сарай ал-Джадид, 753 г.х., диам. – 12–13 мм, вес – 1,01 г;
3. Бердибек, Азак, 75[9] г.х., диам. – 11 мм, вес – 0,54 г;
4. Данг Токтамыша (?);
5. Данг с именем Джанибека, ас-Сарай (ал-Джадид?). Надпись сильно искажена. Монета, возможно, является подражанием (определение А. И. Бугарчёва).

Из медных монет, происходящих с территории селища, атрибутирован пул Сарая времени Токтамыша с надчеканом Булгара (определение А. И. Бугарчёва).

Рис. 2. Монеты Буеракского клада. 2015 г.

К юго-востоку от Буеракского I городища располагается обширное селище, площадь которого остаётся к настоящему времени не выясненной. В 2014 г. на территории селища была зафиксирована дугообразная линия укреплений протяжённостью около 750 м. Оборонительные укрепления почти не заметны с земли, но отчётливо различимы на спутниковой карте. На территории, ограниченной данной оборонительной линией, найден данг Джанибека, Гюлистан, 75[?] г.х., диам. – 12 мм, вес – 0,76 г (обрезан).

В 2016 г. к северу от с. Каранино Сенгилеевского района местным жителем был найден комплекс, состоящий из четырёх серебряных монет. На трёх из них имеется «трёхногая» тамга. Монеты, предположительно,

относятся к болгарскому чекану Гийас ад-Дина. Датируются подобные монеты временем не позднее конца 20-х гг. XV в. Вес монет – 0,42 г, 0,43 г (пробита), 0,51 г, 0,60 г.

Небольшой клад, состоящий преимущественно из монет Токтамыша, был найден на территории Сенгилеевского района в 2017 г. По словам находчика, клад был обнаружен на территории с. Каранино при вспашке участка под картофель. Монеты были проданы владельцем частному лицу, но до этого нам представилась возможность их отсканировать и взвесить. Определения монет даны в табл. 3.

Таблица 3

№	Эмитент	Монетный двор	Год чекана по хиджре	Вес, г
1	Джанибек	Гюлистан	752	1,36
2	Джанибек	Сарай ал-Джадид	747	1,41
3	Азиз-шейх	Гюлистан	76 [6 или 7]	1,50
4	Токтамыш	Белед Азак	«287», т. е. 782	1,36
5	Токтамыш (уйгурск.)	Сарай ал-Джадид	782	1,39
6	Токтамыш	?	?	1,35
7	Токтамыш	Сарай ал-Джадид	782	1,35
8	Токтамыш	Сарай ал-Джадид	782	1,36
9	Токтамыш	ал-Орда ал-Джадид	«77»	1,43
10	Токтамыш	Орда	789	1,40
11	Токтамыш	Орда	789	1,36
12	Токтамыш	Орда	?	1,50
13	Токтамыш	Орда	?	1,43
14	Токтамыш	Орда(?)	?	1,36
15	Токтамыш	Орда (?)	?	1,41
16	Токтамыш	Крым	78[2]	1,36
17	Токтамыш	Сарай ал-Джадид	?	1,40
18	Токтамыш	Белед Сарай	782	1,52
19	Токтамыш	Белед Сарай	?	1,39
20	Токтамыш	Символ веры	?	1,41

Известно, что из с. Каранино происходит и единичная находка – акче Кебека чекана Сарая.

В 2017 г. на селище, расположенном к западу от Новослободского городища, жителем с. Каранино был найден комплекс из 11 серебряных монет. В состав комплекса (клада?) входят акче Кичи-Мухаммеда:

1. Кичи-Мухаммед, Хаджи-Тархан, 831 г.х., вес – 0,70 г;

2. Кичи-Мухаммед, Хаджи-Тархан, год(?), вес – 0,74 г.

Надписи на остальных монетах почти не читаются. По сохранившимся изображениям «трёхногий» тамги их можно отнести, предположительно, к чекану Гийас ад-Дина или Улу-Мухаммеда. Вес монет – 0,30 г, 0,31 г (отверстие), 0,32 г, 0,35 г, 0,39 г, 0,45 г, 0,46 г, 0,49 г, 0,51 г.

Имеются сведения, что весной 2017 г. на правом берегу р. Сенгилейки к западу от п. Лесной Сенгилеевского района «чёрными копателями» был найден клад, в котором насчитывалось около 80 серебряных джучидских монет. Позднее местными жителями на этом месте было собрано ещё несколько монет. Получить более подробную информацию об этих находках, к сожалению, не удалось.

Литература

1. Фёдоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет (основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых норм в Золотой Орде) // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. – М., 1960. – С. 94–192.

2. Булатов А. Клады древних монет // Ульяновская правда. – 1957. – № 247 (10045). – 15 дек.

3. Фёдоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. – М., 1963. – С. 165–221.

4. Фёдоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003. – 352 с.

5. Лебедев В. П. Монетный комплекс XI–XV вв. со средневекового поселения у села Шиловка Ульяновской области // Нумизматика Золотой Орды. – Казань, 2013. – № 3. – С. 16–26.

6. Гисматулин М. Р., Крылов Ю. В. Материальная культура средневекового Сенгилеевского поселения // Краеведческие записки. Вып. 15. – Ульяновск, 2012. – С. 285–304.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беспалова Елена Константиновна, зав. научно-исследовательским отделом Музея-заповедника «Родина В. И. Ленина».

Бурмакин Дмитрий Юрьевич, научный сотрудник МКУК «Карсунский художественно-краеведческий музей».

Будкевич Виктор Иосифович, краевед (г. Ульяновск).

Вильданова Римма Камильевна, кандидат исторических наук, помощник президента УлГУ.

Гисматулин Марат Рашитович, старший научный сотрудник отдела истории УОКМ.

Громова Татьяна Алексеевна, старший научный сотрудник отдела природы УОКМ.

Гуркин Владимир Александрович, кандидат биологических наук, доктор культурологии, профессор кафедры истории и культуры УлГТУ.

Давыдова Татьяна Анатольевна, учёный секретарь, Чувашский национальный музей (г. Чебоксары).

Дегтярёва Наталья Анатольевна, главный хранитель фондов МБУ «Краеведческий музей городского округа Сызрань».

Денисов Алексей Владимирович, научный сотрудник археологической лаборатории, Самарская Поволжская социально-гуманитарная академия.

Иванова Вера Викторовна, старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан (г. Казань).

Иванова Зинаида Петровна, зав. методическим отделом Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева.

Ивлиева Марина Владимировна, директор МБУК «Димитровградский краеведческий музей».

Ионова Екатерина Александровна, студентка историко-филологического факультета УлГПУ.

Ильин Вячеслав Николаевич, краевед, ведущий инженер УКБП.

Ильязова Рената Витальевна, архивист I категории отдела использования и публикации документов «Государственный архив новейшей истории Ульяновской области»; аспирантка УлГПУ.

Каравашкина Елена Александровна, аспирантка УлГПУ.

Клевогина Елена Борисовна, зав. научно-экспозиционным отделом ИМЦМ И. А. Гончарова.

Козлов Юрий Васильевич, краевед (г. Ульяновск).

Кондратьева Мария Владимировна, студентка факультета социальных технологий Поволжского государственного технологического университета (г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл).

Копылова Наталья Геннадьевна, зав. научно-исследовательским отделом МБУ «Краеведческий музей городского округа Сызрань».

Кораблева Оксана Валерьевна, зав. отделом хранения МУК «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс» (г. Козьмодемьянск, Республика Марий Эл).

Кройтор Елена Александровна, студентка К(П)ФУ (г. Казань).

СОКРАЩЕНИЯ

Крылов Юрий Владимирович, хранитель фондов МУК «Сенгилеевский районный краеведческий музей им. А. И. Солуянова».

Кузина Людмила Сергеевна, хранитель музейных предметов МБУ «Краеведческий музей городского округа Сызрань».

Кузнецов Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории УлГПУ.

Лаврентьева Надежда Викторовна, хранитель музейных предметов МБУ «Краеведческий музей городского округа Сызрань».

Лобкарёва Антонина Васильевна, старший научный сотрудник ИМЦМ И. А. Гончарова.

Лукьянова Елена Викторовна, старший научный сотрудник отдела истории, культуры и искусства МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс» (г. Козьмодемьянск, Республика Марий Эл).

Любославова Лидия Николаевна, старший научный сотрудник МБУК «Тольяттинский краеведческий музей».

Лямин Аркадий Сергеевич, научный сотрудник отдела экспозиционно-выставочной деятельности МБУК «Тольяттинский краеведческий музей».

Маршалова Ирина Олеговна, зав. сектором научно-исследовательской работы ИМЦМ И. А. Гончарова.

Наумов Евгений Олегович, научный сотрудник отдела современной истории ГБУК «Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И. Д. Воронина».

Паршуков Владимир Александрович, сотрудник УМКУП противооползневых работ (г. Ульяновск).

Патуткина Валентина Михайловна, гл. библиотекарь ОГБУК «Дворец книги – УОНБ».

Петров Сергей Борисович, кандидат философских наук, доцент УлГУ.

Питьёва Марина Валентиновна, директор МБУ «Краеведческий музей городского округа Сызрань».

Погодин Иван Валентинович, зам. начальника отдела в аппарате Законодательного Собрания Ульяновской области.

Ралдугин Степан Вячеславович, научный сотрудник отдела экспозиционно-выставочной деятельности МБУК «Тольяттинский Краеведческий Музей».

Розов Олег Олегович, ведущий методист ОГАУК «УльяновскКинофонд».

Семенов Дмитрий Юрьевич, кандидат биологических наук, доцент УлГУ.

Сивопляс Иван Эдуардович, научный сотрудник научно-исследовательского отдела ГИММЗ «Родина В. И. Ленина».

Сильвестрова Надежда Владимировна, зав. структурным подразделением Музей купеческого быта, МУК «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс» (г. Козьмодемьянск, Республика Марий Эл).

Суханов Александр Валерьевич, методист научно-экспозиционного отдела Национального музея Удмуртской Республики имени Кузубая Герда (г. Ижевск).

Фролов Дмитрий Викторович, кандидат филологических наук, доцент Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева; научный сотрудник исторического отдела МРОКМ имени И. Д. Воронина (г. Саранск).

Шамигулова Ирина Андреевна, учёный секретарь МБУК «Димитровградский краеведческий музей».

ГАНИ УО – Государственный архив новейшей истории Ульяновской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ИМЦМ И. А. Гончарова – Историко-мемориальный центр-музей И. А. Гончарова

К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
МРОКМ – Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей имени И. Д. Воронина

УлГПУ – Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

УлГТУ – Ульяновский государственный технический университет

УлГУ – Ульяновский государственный университет

УОКМ – Ульяновский областной краеведческий музей имени И. А. Гончарова

УОНБ – Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В. И. Ленина

ЦГА УР – Центральный государственный Архив Удмуртской Республики

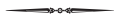
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии Наук

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ	5
<i>Д. Ю. Бурмакин.</i> События Великой русской революции в Карсуне на основе материалов «Карсунского художественно-краеведческого музея».....	5
<i>В. В. Иванова.</i> Революционные события 1917 г. и их отражение в фондах и экспозициях Национального музея Республики Татарстан.....	12
<i>Н. Г. Копылова.</i> События Гражданской войны на территории нашего края.....	19
<i>Е. А. Кройтор.</i> Переворот 1917 г. в документах из провинции (по материалам Алатырского краеведческого музея).....	30
<i>Л. С. Кузина.</i> К истории организации бронепоезда железнодорожниками станции Сызрань Московско-казанской железной дороги.....	47
<i>В. Н. Кузнецов.</i> Симбирская городская дума в марте–декабре 1917 г. (партийный аспект).....	55
<i>Н. В. Лаврентьева.</i> Роль А. И. Ерамасова в ходе революционных событий.....	63
<i>Е. В. Лукьянова.</i> Творческие судьбы художника Александра Владимировича Григорьева (Мари) и скульптора Дмитрия Степановича Жилова в контексте с событиями 1917 г. в России.....	71
<i>Е. О. Наумов.</i> «Все время приходится вести войну»: обратная сторона сотрудничества армейских и территориальных органов власти Среднего Поволжья летом – осенью 1918 г. в области снабжения (на примере 1-й армии Восточного фронта).....	83
<i>С. В. Ралдугин.</i> Ставрополь в период революций и гражданской войны. Провинциальный городок в контексте общероссийских событий.....	93
<i>И. Э. Сивопляс.</i> Князь Михаил Алексеевич Черкасский, последний Симбирский губернатор.....	106
<i>А. В. Суханов.</i> Язык документов периода Гражданской войны в Удмуртии как исторический источник.....	113
<i>Д. В. Фролов.</i> Государственный кризис. Газета «Русские ведомости» периода Временного правительства.....	121
ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ	135
<i>Е. К. Беспалова.</i> Реалии очерка И. А. Гончарова «На родине» по материалам жандармских донесений.....	135
<i>Е. К. Беспалова.</i> Новые источники по истории Симбирской масонской ложи «Златой Венец» и участия в ней Н. М. Карамзина.....	152
<i>В. И. Будкевич.</i> О некоторых эпизодах из жизни выпускников Ульяновской военной авиационной школы пилотов.....	162
<i>Р. К. Вильданова.</i> Симбирский татарин Халим Сабитов.....	175
<i>Т. А. Громова.</i> Личные печати священнослужителей в фондах Ульяновского областного краеведческого музея. Опыт атрибуции.....	180
<i>В. А. Гуркин.</i> Иллюстративный материал из экспедиции А. И. Свечина по Симбирской провинции.....	188
<i>М. В. Ивлиева.</i> «Список лишённых прав».....	196
<i>В. Н. Ильин.</i> Ульяновская топонимия как отражение идеологической конъюнктуры.....	202

<i>Р. В. Ильязова.</i> Формирование народного ополчения и истребительных батальонов на территории Ульяновского округа Куйбышевской области в 1941 г.	222
<i>Е. А. Каравашкина, Е. А. Ионова.</i> Гончарство села Сухой Карсун.....	230
<i>Е. Б. Клевогина.</i> Беседка-памятник И. А. Гончарову. 100 лет спустя.....	233
<i>Ю. В. Козлов.</i> Библиотека Дениса Давыдова.....	243
<i>В. Н. Кузнецов.</i> Еще раз об убийстве губернатора К. С. Старынкевича.....	259
<i>А. В. Лобкарёва.</i> Новые ветви рода Гончаровых.....	264
<i>А. С. Лямин.</i> Становление и развитие автоспорта на Волжском автомобильном заводе: 1966–2016 гг.....	269
<i>В. А. Паршуков.</i> Усилия симбирских властей по размещению военнопленных в годы Первой мировой войны.....	276
<i>В. М. Патуткина.</i> История открытия в Симбирске народной библиотеки в память А. С. Пушкина.....	286
<i>С. Б. Петров.</i> «Третий Рим» в Ульяновске.....	290
<i>И. В. Погудин.</i> О судьбе польского дворянина в России в XIX веке.....	297
<i>О. О. Розов.</i> Красные пятна истории.....	302
<i>И. А. Шамигулова.</i> Александр Сергеевич Неверов-Скобелев и Симбирское – Самарское Заволжье.....	312
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МУЗЕЙНОГО ДЕЛА	327
<i>Т. А. Давыдова.</i> Музейные проекты в социальных сетях.....	327
<i>З. П. Иванова, М. В. Кондратьева.</i> Роль музеев в развитии культурно-познавательного туризма в Марийском крае.....	333
<i>О. В. Кораблева.</i> Связующая нить поколений. Судьба художников отца и сына Сурьяниновых, формирование коллекции их работ.....	343
<i>Л. Н. Любославова.</i> Система интерактивных приемов в работе с посетителями экспозиции «Природа. Город. Человек» в Тольяттинском краеведческом музее.....	347
<i>И. О. Маршалова.</i> Интерактивные формы работы в выставочной деятельности музея И. А. Гончарова (на примере выставки «Памяти фрегата "Паллада": путешествие к новым берегам»).....	358
<i>М. В. Питьёва, Н. А. Дектярёва.</i> Формирование и изучение музейных собраний на примере МБУ «Краеведческий музей городского округа Сызрань».....	364
<i>Н. В. Сильвестрова.</i> Литературное кафе «Бродячий щенок» как форма музейной деятельности.....	373
АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	376
<i>А. В. Денисов.</i> Древние мечи из фондов Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова (УОКМ).....	376
<i>Д. Ю. Семенов, М. Р. Гисматулин.</i> Комплекс находок азелинского типа с Головкинских островов.....	382
<i>М. Р. Гисматулин, Ю. В. Крылов.</i> Новые находки джучидских монет на территории Сенгилеевского района Ульяновской области.....	386
Сведения об авторах.....	395
Сокращения.....	397

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 16

Издательство
«Корпорация технологий продвижения».
432012, Россия, г. Ульяновск, ул. Державина, д. 9а, оф. 1.
Тел./факс: (8422) 38-79-08. E-mail: ktpbook@yandex.ru.

Ответственная за выпуск Винник О. К.
Редактор-корректор Егоров К. В.
Художественный редактор Василькин Н. А.
Компьютерное обеспечение издания Долговой Т. Е.

Тираж 120 экз.